

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK511

.C7K5756

t.1

Sidney Rheinstein

Class of 1907

**Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding**

V. Kh. Kondaraki
"

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
КРЫМА.

ЭТНОГРАФІЯ ТАВРИДЫ.

В. Х. КОНДАРАКИ,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ: РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО
ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА, ОДЕССКАГО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ И ДР.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

Типографія В. В. Чичерина, Моховая, домъ Барятинника, № 26.

1883

DK511

.C7K5756

±.1

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Народы Крыма.

Едва ли на земномъ шарѣ существуетъ страна на столько интересная въ этнографическомъ отношеніи, какъ Таврический полуостровъ, но на-сколько справедливы всѣ завѣщанные намъ древними греками историческіе рассказы о вступавшихъ въ Тавриду народахъ,—трудно выяснитъ истину; а вѣря имъ, приходится думать, что эти безпрестанныя смѣны различныхъ племенъ происходили какъ бы вслѣдствіе ея счастливаго географическаго положенія въ центрѣ плодородныхъ и легко-доступныхъ отъ Азіи странъ. Къ этому можно прибавить, что Таврида въ тѣ времена, когда мало было извѣстно искусство мореплаванія, когда Черное море считалось недоступнымъ и неизвѣстны были огнестрѣльные снаряды, должна была обращать на себя вниманіе и въ стратегическомъ значеніи, такъ какъ достаточно было для защиты ея сдѣлать недоступнымъ Перекопскій перешеекъ и кое-какіе переходы черезъ Сивашъ, если только они были открытыми въ давно-прошедшія времена.

Говоря о народахъ, населявшихъ нѣкогда Тавриду, и слѣдя за указанными намъ путями слѣдованія ихъ въ Европу, насъ невольно станавливаетъ вопросъ о движеніи народовъ до первой трети 13 столѣтія. Причины этого неестественнаго явленія въ судьбахъ народовъ никѣмъ еще неизслѣдованы съ надлежащею точностію и вѣроятно, надолго еще останутся поводомъ многоразличныхъ предположеній. Для насъ понятно только то, что передвиженіе это не могло быть охотное, свойственное народу, кочевавшему въ извѣстныхъ предѣлахъ и также дорожившему родною почвою, какъ дорожатъ ею и въ наше время многія кочующія на бесплодныхъ земляхъ

1133 (188) 100 1-2

племена, какъ дорожимъ и мы, не смотря нерѣдко на сотни климатическихъ и другаго рода неудобствъ. Слѣдовательно, чтобы выдвинуть массу народонаселенія изъ отечественной земли, необходимы такія причины, которыхъ не въ состояннн пересилить человѣчество и волею-неволею заставляютъ покориться обстоятельствамъ. Посмотримъ, какого рода могли быть эти непобѣдимыя причины въ давно-минувшіе вѣка. Всего вѣрнѣе допустить окончательное истощеніе силъ почвы или какой-либо климатическій переворотъ. Первое явленіе очень возможно въ странѣ, густо-населенной такимъ человѣкомъ, который не имѣлъ понятія объ удобреніи почвы, а между тѣмъ она послѣ вѣковыхъ услугъ должна была лишиться воспроизводительности и заставить скотовода искать болѣе выгодныхъ для него мѣстъ *).

Нѣтъ сомнѣнн, что Азія, какъ первобытная кормилица человѣческаго рода, прежде другихъ странъ свѣта испытала истощеніе почвы и заставила народонаселеніе свое искать непочатыхъ мѣстъ. А такъ какъ міръ существуетъ очень давно, то надо полагать, что и Европа уже доходила до этого положенія и отсюда, быть можетъ, совершались выходы племенъ въ Африку или обратно въ Азію. Въ этомъ предположеннн будетъ довольно справедливости, если мы добавимъ, что истощеніе почвы въ Европѣ и нынѣ заставило бы первобытныхъ людей выбраться изъ нея или прибѣгнуть къ искусственнымъ удобреннямъ; но какъ бы искусство ии было велико, размноженіе рода человѣческаго все-таки заставляетъ многихъ покидать мѣсторожденіе и кто знаетъ, можетъ быть, на основаннн этихъ законовъ когда-нибудь величіе Европы перенесется въ Америку, потомъ въ Африку, затѣмъ обратно въ Европу, Азію и т. п.

Первое передвиженіе народовъ началось съ громаднѣйшей Сибири, нѣкогда пользовавшейся прекрасными климатическими и почвенными условнями для растительнаго и животнаго царствъ. Причина, возбудившая это движеніе, надо полагать, произошла вслѣдствіе измѣне-

---

*) Массы овецъ также легко доводятъ почву до того, что она перестаетъ давать кормовыя травы въ достаточномъ количествѣ.

ніа этихъ условій. Народъ, привыкшій къ теплотѣ, спѣшилъ къ югу и не находилъ достаточнаго простора для своихъ стадъ. Дикія животныя, рожденныя для жизни въ тепломъ краю, гибли отъ внезапной переменъ, сохранивъ намъ какъ бы въ доказательство ужаснаго перелома свои остовы. Что это было такъ, мы убѣждаемся, во-первыхъ, громадною цифрою народонаселенія въ Китаѣ и наконецъ тою изумительною стѣною этого государства, которая воздвигнута была со стороны Сибири, ясно съ цѣлью остановить непрерывное переселеніе кочующихъ племенъ. Успѣвъ въ этомъ временно, китайцы не предвидѣли, что возбудятъ насиліе со стороны тѣхъ, кто считалъ землю общимъ достояніемъ, а силу правителемъ всего. Такимъ образомъ знаменитая стѣна создала Чингизъ-хана, которому удалось не только прорвать ее, но даже въ озлобленіи пройти огнемъ и мечемъ всю Азію и заповѣдать потомкамъ своимъ заманчивую идею господства надъ цѣлымъ міромъ. Подобные Чингизъ-ханы, безъ сомнѣнія, и раньше являлись въ Азіи и, пользуясь силою своею, вытѣсняли цѣлыя племена съ ихъ родины, а эти послѣднія въ свою очередь вынуждаемы были дѣлать тоже самое съ слабѣйшими противъ себя. Явленія эти безспорно были поводомъ и безпрестанныхъ войнъ, и господствъ различныхъ народовъ въ счастливой Тавридѣ.

Исторія, сохранившая намъ полумифическія свѣдѣнія о древнихъ обитателяхъ Крыма, подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько различныхъ наименованій, какъ бы съ цѣлью увѣрить, что они составляли различныя народности. Намъ трудно оспаривать эту сознательную несправедливость по отсутствію основаній, хотя неоспоримо, что названія эти прямо зависѣли отъ взгляда или умозаключенія повѣтствователя. Такъ, наприимѣръ, древне греки именовали всѣ племена грубыя, малоизвѣстныя и вообще чуждающіяся ихъ образа жизни—Скиѳами; Гомеръ называлъ жителей Тавриды лестригонами или просто разбойниками, а Геродотъ уже подраздѣлялъ Скиѳовъ на нѣсколько племенъ, сосѣдамъ-же ихъ, о которыхъ дѣлалъ замѣтки по-наслышкѣ, приписывалъ не только

странныя, но даже не соответственныя для человѣка названія. Что же касается монгольскихъ племенъ, занимавшихъ въ его время глубину Кавказскихъ горъ, онъ ограничился признать ихъ породою людей лысыхъ отъ рожденія (*chauves de naissance* *).

Очень натурально, что руководимые подобными свѣдѣнiями, мы не думаемъ оказать особенную услугу этнографiи, но во всякомъ случаѣ познакомимъ читателя нашего съ народами, обитавшими въ Тавридѣ съ того времени, какъ становится полуостровъ этотъ извѣстенъ.

Мы сказали уже, что первыя свѣдѣнiя о народонаселенiи Тавриды намъ сообщили греческiе географы и поэты. По ихъ рассказамъ, первые обитатели Тавры основались въ гористой половинѣ ея. Предположенiе это, пожалуй и не подвергается сомнѣнiю на томъ основанiи, что первобытные люди предпочитали избирать для жительства возвышенныя лѣсныя мѣста, свойственныя жизни всякаго рода хищныхъ животныхъ, такъ какъ здѣсь эти люди могли находить естественныя гроты, прикрывающiе ихъ отъ бурь и непогодъ, и потребныя для питанiя продукты.

Впослѣдствiи, когда греки ближе ознакомились съ этою страной, добавили, что въ сосѣдствѣ Тавровъ и именно въ степной части Тавриды обитали кочующiя племена скиѣскаго происхожденiя; затѣмъ открыли амазонокъ и т. д., о которыхъ мы расскажемъ возможно подробнѣе.

Тавры.

Народъ этотъ вступаетъ въ историческую извѣстность со времени мiѣскаго похода аргонавтовъ въ Колхиду т. е. за 35 лѣтъ до Троянской войны или за 1254 г. до Р. Х., когда греки, предводительствуемые Язономъ, вышедъ на берегъ Таврiи, едва всѣ не подверглись жертвоприношенiю въ честь Дианы Таврической. Обстоятельство это совершилось въ то время, когда въ странѣ этой существовалъ уже знаменитый храмъ и введенъ былъ обычай жертвоприношенiя иностранцевъ, а Тавры

---

*) Ужъ не потому ли, что они брили головы?

служили въ качествѣ воиновъ въ Колхидѣ, охраняя храмъ съ золотымъ руномъ. Слѣдовательно, тогда, когда они были достаточно образованы и хорошо извѣстны на Кавказѣ.

По разсказу Геродота, первымъ царемъ Тавровъ за 1250 лѣтъ до нашей эры былъ **Θоась**, бѣжавшій изъ Лемноса, гдѣ женщины побили всѣхъ мужчинъ, а онъ спасся содѣйствіемъ дочери своей Гипсипилы и, занесенный бурей въ Тавриду, сумѣлъ не только завладѣть священнымъ храмомъ **Діаны**, но и воцариться въ ней. Государь этотъ, по свидѣтельству многихъ греческихъ расказчиковъ, примѣняясь къ народнымъ обрядамъ и, весьма вѣроятно, необходимостямъ для предупрежденія пиратства, плѣненія и грабительства прибрежныхъ жителей *), мало того что призналъ необходимымъ удержать обычай жертвоприношенія иностранцевъ, дерзнувшихъ вступать въ его владѣнія, но даже придалъ ему нѣкоторую торжественность. Такъ напримѣръ, до него, Тавры осужденныхъ на жертву ударяли палицами по головѣ, затѣмъ отрѣзывали ее и привязывали къ кресту, предъ которымъ сожигали благоуханія; туловище же сбрасывали въ море съ вершины скалы, на которой находился храмъ. **Діодоръ сицилійскій** добавляетъ къ этому, что впослѣдствіи головы эти переносились на кровли обитателей и служили чѣмъ-то въ родѣ домохранителей. По требованію же **Θоаса** плѣннику предварительно осыпали голову мукою и солью, затѣмъ связывали руки назадъ, окропляли водою, надѣвали на него митру, подъ которою скрывали волоса, а въ заключеніе, воспѣвъ гимны и завязавъ глаза, передавали дѣвъ-жрицѣ, которая отсѣкала несчастному голову на алтарѣ. Царствованіе **Θоаса** ознаменовалось въ греческой исторіи тѣмъ еще, что онъ участвовалъ въ **Троянской войнѣ** и что въ его дни сослана была въ Тавриду **Ифигенія**, дочь царя **Агамемнона**, которая, по требованію **Халкаса** одного

---

*) Мы не сомнѣваемся, что Эллы нерѣдко являлись на берегахъ Чернаго моря съ цѣлю добыть рабовъ, сколько-нибудь понимавшихъ ихъ языкъ. Страсть ихъ къ рабамъ легко доказывается тѣмъ, что въ **Аттикѣ** напримѣръ, на 21 тысячу гражданъ приходилось 400 т. рабовъ. **Платонъ** и **Діогенъ** также попали въ рабство, не смотря на единоплеменность съ порабителами.

изъ жрецовъ во храмъ Діаны Авлидской, должна была умереть для умиловивленія боговъ. Вотъ какими словами выразилъ Расинъ это требованіе, придерживаясь знаменитой трагедіи Еврипида:

„Vous armez contre Troye une puissance vaine,
Si dans un sacrifice auguste et solennel,
Une fille du sang d'Hélène,
De Diane en ces lieux n'ensanglante l'autel.
Pour obtenir les vents, que le ciel vous denie,
Sacrifiez Iphigenie“.....

По всѣмъ греческимъ записямъ, Ифигенія была жрицею въ храмъ Діаны Таврической до тѣхъ поръ, пока братъ ея Орестъ съ другомъ своимъ Пиладомъ не увезли ея изъ Таврополя и въ отчаянной борьбѣ не поразили Ѳоаса, процарствовавшего 70 лѣтъ. Приводя эти подробности, мы имѣемъ въ виду вывести заключеніе, что Тавры были греческаго происхожденія и впервые явились сюда, вѣроятно, изъ Малой Азіи. Эта мысль подтверждается во-первыхъ тѣмъ, что они поклонялись божеству, извѣстному Грекамъ, что подчинились Ѳоасу какъ греку, что вступили въ союзъ греческихъ царей противъ Трои и что наконецъ сама Ифигенія не нашла ничего противнаго своимъ вѣрованіямъ служить въ ихъ храмъ.

Что первобытными жителями Тавриды были люди, говорящіе греческимъ языкомъ и что они никакимъ другимъ образомъ не могли попасть въ центръ теперешняго южнаго берега, какъ изъ сосѣдней Азіи, это свидѣтельствуется названіемъ ихъ города греческимъ именемъ, сооруженіемъ Орестеона въ честь дружбы Ореста и Пилада, для обученія въ немъ подвигамъ этихъ героевъ и, наконецъ, ближайшимъ сосѣдствомъ этой мѣстности къ Азіи или той части ея, гдѣ возвышается гора Тавръ. Для болѣе дѣйствительныхъ убѣжденій намъ приходится добавить, что и внослѣдствіи переселеніе съ той-же части Азіи грековъ не прекращалось до Турецкаго господства въ первой и до татарскаго въ послѣдней. Послѣ смерти Ѳоаса, о Таврахъ очень долго не упоминается, вѣроятно, потому, что они не представляли ничего замѣчательнаго или съ большимъ вниманіемъ оберегали свои владѣнія отъ чужестранцевъ.

За 380 лѣтъ до Р. Х. Тавры подверглись нападенію Сарматовъ, но, надо полагать, недолго оставались въ ихъ зависимости. Свѣдѣніе это Овидій подтверждаетъ тѣмъ, что одинъ Сармать сказалъ ему: „я родился въ Тавросѣ, въ Скифіи, который любилъ болѣе, нежели отечество предковъ моихъ и гдѣ мы поклоняемся сестрѣ Аполлона“. Затѣмъ они подпали подъ власть Митридата Понтійскаго и Римской имперіи, но вслѣдъ затѣмъ окрѣпли и пользовались независимостью. О дальнѣйшей судьбѣ Тавровъ мы скажемъ при описаніи Дорійскаго княжества въ томъ убѣжденіи, что народъ этотъ до послѣднихъ дней населялъ Тавриду и что самостоятельность его поправа была окончательно съ нашествіемъ турковъ. Въ это только время Тавры переименовываются въ Татовъ и не только дѣлаются извѣстными подъ этимъ именемъ народонаселенію, но даже при ханскомъ диванѣ существовалъ отдѣльный чиновникъ, именующійся *Татъ-агасы* т. е. начальникомъ татскаго племени.

Долговременность пребыванія этого народа на южномъ берегу можно отнести во-первыхъ къ естественному прикрытію или трудному переходу чрезъ Яйлыньскій хребетъ, во-вторыхъ неудобности края этого для жительства номадовъ и наконецъ мастерской системѣ укрыательства ихъ въ укрѣпленіяхъ при случайномъ нашествіи алчныхъ полчищъ съ степной половины полуострова.

Амазонки.

По разсказу Діодора Сицилійскаго Амазонки или воинственныя женщины появились въ Тавриду изъ Азіи гораздо раньше скивовъ и Кимеріанъ и проникли до Тавроса, гдѣ одна изъ царицъ ихъ установила жертвоприношенія въ честь Марса и Діаны. Изъ сказанія этого слѣдуетъ вывести, что знаменитый храмъ Діаны Таврической, въ которомъ была жрицею Ифигенія, впервые основанъ этими грозными женщинами, успѣвшими завоевать обширную часть Азіи.

По свидѣтельству всѣхъ почти древнихъ исторіографовъ, Амазонки или Аорпаты (истребительницы мужей) были жены истребленныхъ скифовъ, которыя не только рѣ-

пились жить самостоятельно, охраняя свои владѣнія, но даже мстить врагамъ и воевать подобно мужчинамъ. Избравъ себѣ парицу и достигнувъ упражненіями задуманной мысли, они за 1700 лѣтъ до Р. Х. побѣдоносно прошли юго-восточную окраину Европы и затѣмъ возвратились въ Азію, гдѣ до того прославили себя храбростью и непобѣдимостію, что царь Евристей считалъ почти невозможнымъ для Геркулеса добыть для себя перевязь амазонки Ипполиты. Военственное счастье благопріятствовало имъ до 1234 года, но затѣмъ побѣжденные и плѣненные съ царицами своими греками, часть ихъ отправлена на судахъ въ Грецію. Между тѣмъ этимъ послѣднимъ удалось на морѣ перебить сопровождающую ихъ стражу, овладѣть судами и прибыть къ берегамъ Керченскаго полуострова, нѣкогда составлявшимъ ихъ владѣнія, но занятымъ уже Скиѣами. Не узнавая ни земли, ни соотечественниковъ своихъ, эти мужественныя женщины вооружаются и снова начинаютъ непріязненныя дѣйствія въ Тавридѣ, но такъ какъ послѣ нѣсколькихъ битвъ, скиѣамъ пришлось убѣдиться, что они имѣютъ дѣло съ слабыми, но ловкими женщинами, люди эти употребляли всевозможныя мѣры сблизиться съ ними и покончили тѣмъ, что, соединивъ сыновей своихъ брачными союзами, дозволили послѣднимъ, по желанію ихъ женъ, переселиться на противоположную сторону Босфорскаго пролива, нынѣшній Кавказъ.

Вопросъ о существованіи и господствѣ амазонокъ въ Азій и Тавридѣ могъ бы подвергаться большому сомнѣнію, еслибъ о нихъ не свидѣтельствовали Гомеръ, Овидій, Гезіодъ, Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій, Страбонъ и другіе греческіе писатели. Кромѣ этого, имя амазонокъ намъ приходится встрѣчать въ историческихъ завоеваніяхъ Александра Македонскаго и именно за 325 лѣтъ до Р. Хр., когда одна изъ царицъ ихъ, Минивія, провела нѣсколько дней въ лагерь этого славнаго завоевателя.

О пребываніи амазонокъ въ сосѣдствѣ Тавриды Гиппократъ сообщаетъ слѣдующее: на берегахъ Палюса обитаетъ народъ скиѣскаго племени, названный савроматами (східные глаза). Ихъ женщины ѣздятъ верхомъ,

стрѣляютъ изъ лука, сидя на лошади, и только дѣвами отправляются на войну. Онѣ не иначе выходятъ замужъ какъ послѣ пораженія трехъ непріятелей.

Скилаксъ и Плиній, подтверждая сказанное, называютъ мужей ихъ *генекратумени* или людьми, охраняемыми женщинами.

По поводу амазонокъ г. Ламбери въ своемъ *Resueil de voyager au Nord* (стр. 180—181) рассказываетъ, что царь Дадіанъ, воюя съ горцами къ востоку отъ Эльборуса, между убитыми непріятелями находилъ много вооруженныхъ женщинъ и предлагалъ большую награду тому, кто предоставитъ ему одну изъ нихъ живою.

Кабардинцы и теперь сохраняютъ преданіе, что, когда предки ихъ жили у береговъ Чернаго моря, часто вели войны съ сосѣдственными имъ эметшами, народомъ женскаго пола; что война ихъ была упорна, но кончилась тѣмъ, что начальница ихъ во время переговоровъ съ Тулмомъ, объявила своимъ женщинамъ, что она побѣждена и выходитъ за него замужъ, что позволяетъ и имъ сдѣлать по личному выбору.

И что такимъ образомъ, слившись съ туземцами Кавказскихъ горъ, онѣ не проявляли болѣе самостоятельности и сдѣлались, вѣроятно, родоначальницами того, быть можетъ, воинственнаго племени горцевъ, которые до нашихъ временъ представляли вдвойнѣ наслѣдственную страсть къ упорной войнѣ.

К и м е р і а н е.

О времени появленія Кимеріанъ въ Тавриду мы не имѣемъ никакихъ почти достовѣрныхъ свѣдѣній, но, судя по рассказамъ древнихъ греческихъ исторіаграфовъ, они находились уже въ этой странѣ за 1514 лѣтъ до Р. Х. при нашествіи Скиѳовъ. Народу этому приписываютъ занятія торговлею и земледѣіемъ, постройку городовъ и укрѣпленій, названіе Тавриды Крымомъ по городу, основанному ими будто на мѣстѣ нынѣшняго Стараго Крыма, и т. п.; но всѣ эти гипотезы не подтверждаются ничѣмъ. Мы охотнѣе доверяемъ тому, что народъ этотъ, вытерпѣвъ въ Тавридѣ 800-лѣтнее господство скиѳовъ, наконецъ возсталъ противъ поработите-

лей своихъ и разошелся въ разныя страны: одна часть по Европѣ, а остальные вступили въ Азію и покорили Лидійское царство.

Такимъ образомъ послѣ Кимеріанъ степная половина Тавриды принадлежала Скиѣамъ, которыхъ могущество было сокрушено въ Азіи Ниномъ, царемъ Ассирійскимъ, жившимъ за 2 т. лѣтъ до Р. Х. и которые окончательно изгнаны были изъ этой части свѣта Массагетами. Такъ какъ народъ этотъ обиталъ въ описываемой нами странѣ во времена Геродота, писавшаго о немъ довольно подробно, то мы и обратимся къ его повѣствованіямъ, хотя и не рѣдко основаннымъ по-наслышкѣ отъ одно-племенниковъ своихъ.

С к и ѣ ы.

Прежде чѣмъ мы станемъ описывать отличительныя свойства и характеристическія качества этого народа, намъ слѣдуетъ замѣтить, что Скиѣы во все время пребыванія въ Тавридѣ ознаменовали себя только однажды варварскимъ поступкомъ при нашествіи на Мидію съ цѣлью возвратитъ обратно къ себѣ ушедшихъ Кимеріанъ, которые, повидимому, были имъ хорошими воздѣльвателями полей; но побѣда Мидіи, гдѣ не оказалось этого народа и гдѣ они пробыли 28 лѣтъ, окончилась для нихъ не безъ печальныхъ послѣдствій: лишенные коварнымъ образомъ своихъ военачальниковъ, они должны были постыднымъ образомъ бѣжать въ отечество свое, гдѣ оставались ихъ жены съ рабами, которыя въ предположеніи, что мужья покинули ихъ навсегда, сдѣлались женами послѣднихъ и пріобрѣли отъ нихъ дѣтей. Между тѣмъ рабы, сдѣлавшись въ промежуткѣ этого времени полными хозяевами, задумали предупредить возможность возвращенія бывшихъ господъ своихъ на родину и, судя по словамъ Геродота, прорыли ровъ отъ Таврическихъ горъ до Палюса Меотическаго, извѣстный подъ именемъ Ориксы *) и выступили противъ нихъ въ

---

*) Такъ-ли это или нѣтъ, но слѣды ова существуютъ по настоящее время. Они начинаются при вѣздѣ на Керченскій полуостровъ и протягиваются, дѣйствительно, до Азовскаго моря.

бой. Послѣдствія этой борьбы были ужасны для рабовъ и прижитыхъ отъ нихъ дѣтей. Скифы, вновь воцарившись въ Таврии, не долго наслаждались спокойною жизнію: поступки ихъ въ Мидіи не были забыты Даріемъ, персидскимъ царемъ, который послѣ взятія Вавилона рѣшился отмстить имъ тѣмъ-же въ ихъ отечествѣ, но не могъ ничего сдѣлать, за исключеніемъ только того, что лишилъ ихъ обычныхъ занятій и долгое время преслѣдовалъ. Нашествіе этого могущественнаго царя съ громадною цифрою войскъ важно для Тавриды въ томъ отношеніи, что послѣ этого похода, въ страну эту начали переселяться тѣ греки, которые, участвуя съ нимъ въ походѣ, успѣли обозрѣть выгодныя для жизни приморскія пространства юго-восточной окраины полуострова и впослѣдствіи основали отдѣльныя княжества и Босфорское царство. Намъ кажется, что нашествіе это, направленное чрезъ Босфоръ Кимерійскій, заставило скивовъ навсегда удалиться съ Керченскаго полуострова и отдать его въ распоряженіе основателямъ Пантикапеи и другихъ сосѣдственныхъ городковъ. О дальнѣйшей судьбѣ Скивовъ въ Тавридѣ мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній. По разсказу однихъ, они были побѣждены Митридатомъ, царемъ Понтійскимъ, затѣмъ подчинились Римскому господству, но, не желая служить послѣднимъ въ качествѣ воиновъ, выступили изъ Тавриды подъ предводительствомъ Одина; по разсказамъ-же другихъ, они долго еще господствовали въ степной половинѣ Крыма и затѣмъ слились съ новыми порабощателями. Однако послѣдуемъ разсказу о нихъ древнихъ писателей.

По свидѣтельству Геродота, перваго основательнаго писателя о Тавридѣ, полуостровъ этотъ дѣлается известнымъ подъ именемъ Скифіи. Что послужило поводомъ къ такому названію — толкуютъ различно. Однако нѣтъ сомнѣнія, что оно произошло отъ слова *скитосъ* или *скивоосъ* т. е. отшельникъ, примѣняемое греками къ людямъ, чуждающимся сообщенія и ведущимъ полудикую, грубую жизнь. Названіе это, судя по словамъ Гомера, писавшаго гораздо раньше и называвшаго обитателей

Скиѳи Галоктофагами *) т. е. питающимися молокомъ, присвоено имъ позднѣе, при болѣе обстоятельномъ знакомствѣ съ ихъ образомъ жизни. Скиѳы же сами именовали себя Сколотами **) и по привычкѣ тѣхъ временъ, производя начало свое отъ божественныхъ силъ Геркулеса и дочери Борисоена, сохранили преданіе, что съ неба спустился въ ихъ страну, въ числѣ эмблемъ хлѣбпашества, и золотой сосудъ—знакъ необходимости народнаго правителя. Сосудъ этотъ имѣлъ свойство воспламеняться предъ всѣми, кому не суждено было сдѣлаться обладателемъ его или царствовать и достался впервые въ удѣлъ Колаксаю, признанному скиѳскимъ царемъ. Съ этого времени правители ихъ постоянно носили за поясомъ сосудъ этотъ, считавшійся на столько священнымъ, что его ежегодно возили ко всѣмъ племенамъ ихъ, обитавшимъ на пространствѣ отъ Дуная до Дона, которыя приносили ему не только жертвы, но и за неусынное храненіе его, дарили стерегущему столько земли, сколько онъ въ состояніи былъ объѣхать на лошади въ теченіи дня. Къ этому присоединилось и убѣжденіе, что стражъ, уснувшій во время охраненія его, неминуемо долженъ умереть въ теченіи года. Постоянное же храненіе священнаго сосуда оставалось на попеченіи самаго обширнаго племени, именуемаго царственнымъ, хотя всѣ три раздѣленія ихъ имѣли отдѣльныхъ царей—и надо думать, что царственнымъ оно признавалось, какъ наследственное на право сосуда.

Геродотъ приводитъ еще нѣсколько разсказовъ о происхожденіи Скиѳовъ, но такъ какъ они принадлежать не имъ самимъ, а другимъ народамъ и по смыслу тождественны съ приведенными нами выше, то мы прибавимъ къ сказанному о золотомъ сосудѣ убѣжденія древнихъ грековъ, обитателей береговъ Понта Евксинскаго, сохранившихъ преданіе, что священный сосудъ этотъ не сходилъ съ неба, а былъ оставленъ Геркулесомъ чудовищу, отъ котораго онъ прижилъ трехъ сыновей, въ знакъ господства тому изъ нихъ, который въ силахъ

*) См. Иліаду XIII в. ст. 5 и 6.

**) Именемъ одного изъ первыхъ предводителей своихъ.

будетъ выстрѣлить изъ его лука; въ подтвержденіе же того, что былъ въ Скиѣи Геркулесъ, указывали на скалу около Тираса, гдѣ онъ оставилъ слѣдъ ноги, величиною въ два локтя. Правдоподобнѣйшимъ-же изъ всѣхъ сказаній признается только то, что Сколоты явились изъ Азіи и, изгнавъ Кимеріянъ съ Керченскаго полуострова, поселились на мѣстѣ ихъ жительствова, откуда разошлись по окрестнымъ степямъ отъ Дуная до Дона.

Кочующіе Скиѣны, составлявшіе 3 царства, по числу сыновей Колокса, боготворили, подобно грекамъ, нѣсколько божественныхъ силъ, но храмы воздвигали только въ честь бога войны, которому въ жертву приносили лучшихъ домашнихъ животныхъ своихъ. Этимъ выражалось ихъ высокое понятіе о войнѣ и вѣра въ содѣйствіе таинственной силы при браняхъ. Но существовало-ли у нихъ названіе этого божества и какое—къ сожалѣнію, никто изъ древнихъ писателей не упоминаетъ. Все основано на томъ, что въ поклоненіяхъ этихъ необходимымъ предметомъ былъ мечъ—символь, что послужило грекамъ къ предположенію о служеніи ихъ Марсу. Намъ неизвѣстно даже, сознательное-ли было со стороны Скиѣовъ представленіе могущества чтиваго ими божества, или въ поклоненіяхъ этихъ выражался праздничный обычай, неимѣющій отношенія къ чествованію божественныхъ силъ. Геродотъ чтиваое ими божество называетъ Марсомъ, но изъ подробностей его описанія мы замѣчаемъ, что они презирали въ особенности религіозныя идеи грековъ и что жертвоприношенія ихъ происходили на открытомъ воздухѣ, у подножія вѣтвистаго трона, по угламъ котораго, въ видѣ эмблемъ войны, выставлялись старыя мечи скиѣскихъ родоначальниковъ и на нихъ брызгалась кровь сотаго плѣнника. Ужъ не слѣдуетъ-ли думать, что Скиѣны, незнакомыя съ греческимъ названіемъ Марса, чтили просто мечъ, подобно Гуннамъ и другимъ народамъ, создавшимъ идею божества по образу любимаго занятія. Если Египтяне поклонялись быку, развѣ слѣдуетъ изъ этого, что они вѣрили въ божественную власть животнаго, которое служило имъ? Безъ сомнѣнія они, воздавали только честь въ его образѣ силѣ, содѣйствующей ихъ благу.

Придерживаясь такого взгляда, пришлось бы предполагать, что важнѣйшею промышленностію скиѳовъ были набѣги и грабежи. Древніе писатели не оставили намъ описанія, какъ часто они выступали въ походъ и въ какомъ составѣ; но вотъ что передано было о характерѣ скиѳскихъ воиновъ Геродотомъ: скиѳъ пилъ кровь перваго, убитаго имъ врага, затѣмъ снималъ головную кожу съ волосами, которая употреблялась на одежду посредствомъ сшиванія многихъ, другіе же сдирали для той-же надобности кожу со всего тѣла. Съ череповъ не только непріятелей, но даже одноплеменниковъ, побѣжденныхъ на поединкахъ въ присутствіи царя, приготовлялись чаши, иногда отдѣланныя золотомъ для питья изъ нихъ. Сосуды эти имѣли важное значеніе для обладателей и въ особенности военачальниковъ, которые угощали изъ нихъ только тѣхъ, которые славились храбростію. Воины же, не убившіе своеручно никого, никогда не имѣли права на военную добычу и въ пирушкахъ занимали униженное мѣсто. Порядокъ этотъ дѣлалъ ихъ отважными и постоянно жаждущими случая освободиться отъ презрѣнія.

Скиѳы такъ высоко почитали своихъ царей, что клялись ихъ именами, а на случай смерти ихъ не только ранили себя, но даже прокалывали насквозь стрѣлами руки. Погребали съ ними наложницъ, поваровъ, слугъ, лошадей съ лучшими вещами, употреблявшимися умершими при жизни, и надъ могилами ихъ дѣлали высокія насыпи; но болѣе усердную тризну отправляли по окончаніи года. Одинаковое почти уваженіе оказывалось и къ прочимъ умершимъ, которыхъ они, бальзамируя, развозили по домамъ родственниковъ и друзей и только на 40-й день, предавая землѣ, очищались мазаніемъ головы и окуркою коноплянымъ сѣменемъ.

Какъ всѣ древніе народы Азіи любили узнавать будущность свою и причины всякаго несчастнаго событія, такъ и Скиѳы для этого предмета имѣли своего рода сивиллѣ. Эти знахарки дѣйствовали помощію прутьиковъ ивы и липовой коры, раскладывая которыя на землѣ и обвивая около пальцевъ рукъ, дѣлали предсказанья. Колдуньи эти вмѣстѣ съ тѣмъ были и медики. Значеніе ихъ особенно было важно при больномъ царѣ. Здѣсь,

по обыкновенію, онѣ прежде всего объявляли виновниками страданій государя лицъ, которыхъ сами ненавидѣли, свидѣтельствуя, что они ложно клялись именемъ властителя и доводили до того, что ихъ связанными клали на повозку съ подожженнымъ хворостомъ и пускали воловъ на произволь. Несчастныя животныя нерѣдко погибали въ пламени вмѣстѣ съ преступниками. Но наказаніе не ограничивалось этимъ: всѣ дѣти мужескаго пола осужденной личности также предавались смерти.

Лучшею чертою въ характерѣ скиѳовъ является вѣрность въ дружбѣ, которая скрѣплялась не иначе, какъ чашею вина, въ которое подружившіеся впускали по нѣскольку капель своей крови и, омочивъ въ ней оружіе, при заклятіяхъ пили не только сами, но и угощали присутствующихъ, пользующихся народнымъ уваженіемъ.

Геродотъ сообщаетъ намъ, что Скиѳы дѣлились на три царства и, кочуя въ своихъ предѣлахъ, одни занимались хлѣбопашествомъ, торгуя хлѣбнымъ зерномъ, а другіе скотоводствомъ. Всѣ они постоянно были вооружены луками. Относительно набѣговъ или войнъ съ сосѣдними народами, онъ ничего не упоминаетъ, кромѣ единственнаго нашествія ихъ на Мидію. Обстоятельство это даетъ намъ поводъ предполагать, что они были мирнаго характера, а если и прозваны скиѳами, то это произошло вслѣдствіе ненависти, питаемой ими къ грекамъ, и поступка одного изъ царей ихъ, убившаго роднаго брата своего, просвѣщеннаго въ Греціи Анахарсиса, за жертвоприношеніе на манеръ грековъ, около ристалища Ахиллесова въ Гилиі, покрытой лѣсами *). Что народъ этотъ не имѣлъ особенной страсти къ войнѣ и не начиналъ ея безъ основательныхъ причинъ, это видно изъ того, что когда Дарій, персидскій царь, вторгнувшійся въ ихъ владѣнія съ 700 т. воиновъ, съ цѣлью мщенія за нашествіе ихъ на Мидію, хотѣлъ заставить ихъ воевать съ собою, то получалъ въ отвѣтъ, что они не воюютъ безъ причинъ; если же ему угодно принудить ихъ къ этому, то пусть попробуетъ разорить могилы ихъ отцовъ.

*) Въ нынѣшнемъ Дизировскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь нѣтъ болѣе лѣсовъ.

Нѣтъ основанія также допустить особенной дикости въ нравахъ этого народа, за исключеніемъ взгляда его на иновѣрцевъ и жертвоприношенія людей въ знакъ уваженія къ государямъ. По крайней мѣрѣ никто изъ сосѣдственныхъ имъ грековъ не жаловался на ихъ поведеніе, а напротивъ Геродотъ утверждаетъ, что они вели торговлю съ лысымъ племенемъ (*chauves de naissance* *), а женщины имѣли понятіе объ очищеніи тѣла составомъ изъ кипариснаго, кедроваго и вѣроятно, терпентиннаго дерева **), названнаго имъ *qui porte l'encense* и имѣющаго, по его убѣжденію, свойство не только очищать, но и украшать тѣло. Лучшимъ выраженіемъ врожденной этому племени сострадательности служить сообщаемое Геродотомъ же событіе о благородномъ поступкѣ ихъ съ отважными Амазонками, занесенными къ берегамъ Босфора киммерійскаго и вздумавшими воевать съ ними, но вмѣсто пораженія обвороченными ихъ ласками и содѣлавшимися ихъ женами.

Относительно того, какъ велика была численность Скиеовъ, любознательный Геродотъ не могъ узнать достоверно: одни говорили ему, что ихъ очень много, а другіе, что настоящихъ Скиеовъ мало. „Но вотъ что я видѣлъ самъ, прибавляетъ онъ, между Борисѣеномъ (Днѣпромъ) и Гиптанисомъ (Бугомъ) есть мѣстность, именуемая Эксампе, гдѣ у горькихъ водъ первой изъ этихъ рѣкъ стоитъ громадной величины металлическій сосудъ (*vase d'airaine*) въ 6-ть разъ больше чаши поставленной Павзаніемъ у конца Понта Эвксинскаго. Сосудъ этотъ вмѣстимостію можетъ равняться 600 амфора́мъ и сдѣланъ изъ наконечниковъ стрѣлъ, доставленныхъ всѣми скиеами по требованію царя ихъ Ариатаса, желавшаго такимъ образомъ опредѣлить число подданныхъ своихъ и потомъ въ память этого событія приказавшаго соорудить изъ нихъ этотъ сосудъ“. Очень жаль, что Геродотъ не упоминаетъ при этомъ, были ли это наконечники стрѣлъ скиеовъ одного царства, или всѣхъ трехъ, независимо управляемыхъ своими госуда-

*) Племя это, по его словамъ, обитало въ глубинѣ Кавказа.

***) На южномъ берегу Крыма оно во множествѣ растетъ.

рями. Предполагать же можно первое. Пространство земли, занимаемой Скиеами, Геродотъ опредѣляетъ къ полудню до города Каркинита *), за которымъ, по направленію къ морю, страна гориста и обитаема націею Тавриды; къ востоку Палюсомъ-Меотійскимъ (Азовскимъ моремъ) до рѣки Танаиса (Дона), вливающейся въ это море и отъ рѣкъ Истера (Дуная) до Борисѳена (Днѣпра). Между этими рѣками разстояніе пути пяти-дневное. Всего же Скиеія имѣетъ протяженія по берегамъ морей 4000 стадій и столько же сухимъ путемъ.

Тавро-Скиеы.

Большинство исторіографовъ именовали этимъ именемъ какой-то отдѣльный народъ, поселившійся въ Тавридѣ, на сѣверо-западныхъ пригорныхъ долинахъ. Но сколько намъ извѣстно нынѣ изъ надписей, открытыхъ въ окрестностяхъ Симферополя Бларембергомъ и названій ихъ укрѣпленій по Страбону, Тавро-скиеами именовались въ отличіе отъ Тавровъ люди греческаго происхожденія, Боги вѣсть, когда и откуда прибывшіе сюда и до послѣднихъ дней своей самостоятельности обнаруживающіе негодованіе противъ Иракліотовъ, основавшихъ по сосѣдству съ ними Херсонесъ и во многомъ, судя по оставленнымъ памятникамъ, схожіе въ занятіяхъ и постройкахъ съ Таврами, безъ сомнѣнія, единоплеменными имъ. Сходственность ихъ отчасти выражается тѣмъ еще, что и о нихъ также умалчивали греческіе писатели, какъ и о Таврахъ послѣ смерти царя Фоаса.

Первымъ царемъ Тавро-Скиеовъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ, былъ Скилуръ. Извѣстность его надо приписать только тому, что онъ построилъ противъ Херсонесцевъ три недоступныя крѣпости: Хавонъ, Палакюнъ и Неаполисъ и стѣснилъ ихъ до такой степени, что они вынуждены были обратиться за помощію къ Митридату, Царю Понтійскому, жаждавшему присоединить Тавриду къ числу своихъ владѣній. Отважный властитель этотъ не замедлилъ отправить противъ него одного изъ лучшихъ военачальниковъ своихъ Діофана, которому не

*) По предположенію нашему, теперешняя Евпаторія.

стоило особенныхъ усилийъ заставитьъ сдаться престарѣлаго царя, не бывшаго въ силахъ перенести этого несчастія и послѣ смерти котораго Тавро-скионы не составляли болѣе одного самостоятельнаго народа, а распались на отдѣльныя княжества, изъ которыхъ только одно Мангупское просуществовало по день вступленія въ Тавриду Турковъ. Имя Скилура было греческое и греческими же буквами оно начертано на берельефахъ, найденныхъ около Симферополя. Что царь этотъ обладалъ просвѣщеннымъ умомъ, тому свидѣтельствуесть его знаменитое завѣщаніе дѣтямъ, переданное намъ Плу-тархомъ и Страбономъ и которое вошло у Голландцевъ въ государственный гербъ въ изображеніи пачки стрѣль съ надписью: *Vis unita fortior*.

По словамъ этихъ писателей, Скилуръ, собравъ всѣхъ сыновей своихъ, которыхъ было 80, вручилъ имъ связку съ такимъ-же числомъ стрѣль, приказывая каждому въ одиночку переломать ее. Естественно, что никто не былъ въ состояніи сдѣлать этого. Тогда умирающій царь велѣлъ развязать пачку и раздать всѣмъ по одной стрѣль, поручая испытать вновь силы свои. На этотъ разъ порученіе выполнено было безъ малѣйшаго затрудненія.

— „Такъ легко и вы будете сокрушены врагами, когда перестанете быть въ единодушіи и согласіи“ — сказалъ мудрый отецъ и испустилъ послѣднее дыханіе.

Раньше мы говорили о тождественности Тавро-скиоовъ съ Таврами. Это выясняется во первыхъ тѣмъ, что они вели одинаково осѣдлую жизнь и какъ первые при каждомъ почти поселеніи своемъ имѣли хорошіе замки, въ которыхъ скрывались ихъ жены и дѣти при нашествіи непріятели. Развалины этихъ замковъ свидѣтельствуютъ намъ и теперь даже, что народъ этотъ понималъ архитектуру также хорошо, какъ и ближайшіе сосѣди его Тавры. Кромѣ этого онъ прославилъ себя великолѣпными искусственными пещерами въ горахъ, которыя останавливаютъ вниманіе всѣхъ проѣзжающихъ юговосточную часть пригорнаго пространства между Севастопольскою бухтою и Бахчисараемъ.

Что-же касается могущества и храбрости ихъ, то

это доказывается тѣмъ, что, покоривъ своей власти всю Тавриду *), они до того угнетали податями, налогами и различнаго рода притѣсненіями основателей Босфорскаго царства и Херсонеса, что эти послѣдніе, не смѣя воевать съ ними, рѣшились утратить свою самостоятельность въ пользу Митридата Эвпатора, (разбившаго ихъ суда на морѣ, а войска на сушѣ), лишь-бы не служить удовлетвореніемъ ихъ властолюбивыхъ притхотей.

Г о т ы .

Мы рѣшительно не имѣемъ свѣдѣній, вслѣдствіе какихъ причинъ туземцы Тавриды получили названіе готѣвъ у греческихъ писателей. Не мнѣе того странно, что вся страна, занимаемая таврами, именовалась Готѣіею до послѣднихъ дней пребыванія въ Тавридѣ генуэзцевъ. Стараясь разъяснить это, мы приходимъ къ различнаго рода предположеніямъ и именно: по словамъ Исидора (chron Goth), въ началѣ III вѣка къ берегамъ Чернаго моря подступили готы, частица которыхъ могла вступить въ Таврію и съ позволенія мѣстныхъ жителей поселиться съ ними.

Прокопій, бывшій въ 562 году константинопольскимъ префектомъ, въ своихъ повѣствованіяхъ объ императорѣ Юстиніанѣ, между прочимъ рассказываетъ, что государь его оградилъ обитаемую готѣами приморскую страну, именуемую Дори, которая находилась тамъ-же, гдѣ Воспоръ, Херсонесъ, Алустонъ и Гурзовита и гдѣ искони обитаютъ готы, непожелавшіе слѣдовать за Θεодорикомъ въ Италію. Они остались тамъ добровольно и нынѣ союзники римлянъ и содѣйствуютъ имъ въ военныхъ дѣлахъ по требованію императоровъ. Числомъ они доходятъ до трехъ тысячъ и

---

*) Strab. I—VII p. 303—304. Вотъ что еще онъ говоритъ объ этомъ народѣ въ своей географіи:

„Въ Таврику обитали Скѣон земледѣльцы, питающіеся мясомъ животныхъ, сыромъ и молокомъ кобыльимъ, какъ свѣжимъ, такъ равно и кислымъ. У нихъ существуетъ обычай холостить лошадей, чтобы сдѣлать ихъ послушными. Лошади ихъ хоть и маленькія ростомъ, но быстрыя и непослушныя. Охотою на оленей и дикихъ кабановъ они занимаются въ болотистыхъ мѣстахъ, а на дикихъ ослѣвъ и козъ на равнинахъ. Орлы въ этихъ мѣстахъ не плодятся.

всѣ превосходные воины и земледѣльцы. Страна, въ которой они гроживають, не слишкомъ дика и сурова, но пріятна и приноситъ отличные плоды. Тамъ-же, гдѣ безъ труда можно было къ нимъ подойти, императоръ большими стѣнами преградилъ къ нимъ входъ *).

По разсказу этому надо полагать, что народъ этотъ обиталъ на юго-восточномъ берегу Тавриды и именно на прибрежномъ пространствѣ, отъ Алушты къ Судаку, потому что въ этой мѣстности только существуютъ слѣды гигантской стѣны, повидимому, воздвигнутой съ подобною цѣлью.

По другимъ историческимъ замѣткамъ **), готы эти ежегодно 2 января присылали въ Константинополь депутацию для поздравленія восточнаго императора съ днемъ рожденія. Поздравленіе это они сопровождали обрядомъ, называемымъ *готиконъ*.

Послѣднее свѣдѣніе о крымскихъ готѣяхъ намъ сообщаетъ Бузбекъ, бывшій въ 1562 году въ Константинополь, къ качествѣ посланника отъ нѣмецкаго императора. „Въ дознаніяхъ отъ двухъ депутатовъ изъ Крыма отъ готѣевъ, говорилъ онъ, —одинъ изъ нихъ показался мнѣ похожимъ на фландрійца или на батавца, а другой по манерамъ и рѣчи чистый грекъ. На дальнѣйшіе разспросы одинъ изъ нихъ сообщилъ: что народъ ихъ воинственный, населяющій и до сего дня много деревень, изъ которыхъ татарскій царекъ берегъ 800 пѣшихъ воиновъ для подкрѣпленія своихъ войскъ. Главнѣйшіе же изъ городовъ Мангунъ и Сциваринъ (Sciuarin). Къ сожалѣнію, Бузбекъ не могъ рѣшить—были-ль это саксонцы или готы, и ограничился только записью нѣсколькихъ словъ изъ нарѣчія ихъ и именно:

broe	—	хлѣбъ	alt	—	старикъ
tag	—	день	goltz	—	золото
plut	—	кровь	mine	—	луна
oeghene	—	глаза	Iel	—	жизнь, здоровье
stul	—	стулъ	Ieltch	—	живой, здоровый
hus	—	домъ	marrus	—	свадьба

*) См. Corpus scriptorum historiae Byzantinae Parisiio 1663 t. 2 p. 63.

**) Constant. de Cerem, Aulæ Byzantinae. t. I c. 89 p. 222.

handa	—	рука	baar	—	мальчикъ
bruder	—	братъ	ael	—	камень
schwester	—	сестра			

При всемъ нашемъ желаніи повѣрить барону Бузбеку, мы находимъ его не заслуживающимъ вниманія вопервыиъ потому, что въ указанное имъ время Мангупъ находился въ развалинахъ и, наконецъ, потому, что ни въ немъ, ни въ окрестностяхъ его не обитало никого, кто-бы говорилъ подобнымъ нарѣчіемъ или слылъ подъ именемъ готѣевъ. Въ подтвержденіе сошлемся на Броневскаго, жившаго въ 1578 году въ Крыму болѣе 9 мѣсяцевъ, въ качествѣ посланника отъ польскаго короля Стефана Баторія и лично видѣвшаго Мангупъ въ руинахъ, на которомъ обитало нѣсколько грековъ, турокъ и караимовъ—іудейскаго закона. Всѣ-же развалины были переполнены греческими надписями.

Соображаясь съ совершенно справедливымъ повѣствованіемъ Броневскаго и не имѣя повода допустить умысленный обманъ со стороны посла императора Фердинанда, мы приходимъ къ убѣжденію, что депутаты, съ которыми онъ велъ бесѣду, были изъ области, пользующейся названіемъ Готѣи, но что они были караимы, исповѣдывающіе еврейскую религію и сохранившіе кое-какія слова изъ нарѣчій тѣхъ іудеевъ, которые навязали имъ свою религію. Предположеніе наше можетъ подтверждаться тѣмъ еще, что прозелиты эти, не имѣя права назваться евреями, не хотѣли назвать себя *караиманами* (т. е. исповѣдывающими черную вѣру) и присваивали себѣ имя Готѣевъ *) и мѣстности, которую занимали искони.

Что Броневскій утверждалъ о принадлежности Мангупа греческимъ князьямъ до появленія въ Крымъ Турковъ, это доказыаается и нашими даже лѣтописями:

Такъ напр. князь Исайко въ 1474 году т. е. за годъ до вступленія Оттоманъ въ Тавриду, принимая въ Мангупѣ русскаго посла боярина Никиту Беклемишева, предлагалъ дочь свою въ невѣсты сыну великаго князя,

---

*) Ужь не отъ слова-ли Готъ (Gott) т. е. названіе Бога, которому поклонялись.

Иоанну Иоанновичу *), чѣмъ не побрезгалъ русскій государь, какъ надо полагать изъ уваженія къ царственному происхожденію.

Въ томъ, что Готѣы, по разсказу Прокофія, обитали въ сосѣдствѣ Судака, насъ старается удостовѣрить и Рубрикисъ, бывшій въ этомъ городѣ въ 1253 году по Р. Х., но намъ кажется, что они въ это время, слившись съ природными жителями южнаго берега, ничѣмъ не проявляли своей самостоятельности, а что подъ ихъ названіемъ снова являлись Караимы или остатки какого-нибудь другаго племени, обитавшіе въ Судака, Херсонесѣ и другихъ выгодныхъ мѣстностяхъ Таврическаго полуострова.

О Готѣахъ, какъ извѣстно, мы до настоящаго времени не составили себѣ точнаго понятія, потому что разсказы дреннихъ писателей очень сбивчивы. Такъ напр. Прокошій (въ 1 кн. 2 гл. Ванд. войны) говоритъ слѣдующее: „много было какъ прежде, такъ и теперь есть готѣскихъ племенъ: но въ числѣ ихъ Готѣы, поселившіеся въ Мизіи (Сербія и Боснія); Вандалы въ Африкѣ, Визиготѣы и жители Краины прочихъ превосходятъ какъ благородствомъ (мужествомъ и славою), такъ и многочисленностію. Нѣкогда назывались они савроматами т. е. Ящероглазыми и чернорижцами; нѣкоторые ихъ даже называли Гетами. Конечно, наименованіями, какъ мы уже видѣли, разнятся между собою, но ничѣмъ во всемъ другомъ: тѣло у нихъ бѣлое, волосы бѣлокурые, ростъ великій, лицо пріятное, тѣ-же у всѣхъ законы, богослуженіе и одинъ у всѣхъ языкъ, который называемъ готѣскимъ.“ Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи своемъ этотъ-же Прокошій въ качествѣ очевидца, считая Готѣовъ весьма близкими соплеменниками жителями Краины (γραικες) даетъ намъ живо чувствовать, что Gotthi и Keruli нѣкто другой, какъ теперешніе Сербы и Кроаты, потому что у нихъ почти тотъ-же языкъ, какъ у Краино-Словенцевъ.

Амміанъ Марцелинъ этихъ Gotthi называетъ Сервинами или Thervingi (Сербами).

---

*) Карамз. VI, 87 и 89 стр.

Ханколдиль (XV вѣка), говоря объ отнятыхъ Турками владѣніяхъ у Венеціанъ и Генуэзцевъ (кн. III), объявляетъ, что у первыхъ отняли Готѳовъ (т. е. Далмацію, Кроацію и Славонію), а у послѣднихъ городъ Кафу.

Такого рода свѣдѣнія очень не достаточны прійти къ заключенію, почему часть Тавриды именовались Готѳією даже въ XV столѣтіи.

Г у н н ы.

Исторія сохранила намъ свѣдѣніе, что въ 376 году по Р. Х. Гунны сдѣлали нашествіе на Тавриду и сокрушили до основанія Босфорское царство. Но какъ долго они господствовали и до какихъ мѣстъ распространили свои владѣнія, трудно опредѣлить. Намъ извѣстно только, что царь ихъ Горда (Гордас), проживавшій около Пантикапеи, въ 529 г. крестился въ Константинополѣ.

Гунны проникли въ Тавриду или чрезъ Таманскій полуостровъ, или съ восточныхъ береговъ Азовскаго моря. Нѣтъ сомнѣнія, что они были славянскаго происхожденія и названы греками этимъ именемъ потому, что явились одѣтыми въ шубы *). Самыя достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ оставилъ намъ въ своихъ путевыхъ запискахъ риторъ Прискъ, находившійся въ греческомъ посольствѣ къ Аттілѣ около 450 г.

„Мало того, говоритъ онъ, что эти скиѳы стригли себѣ волосы въ кружокъ, носили рубашки, обшитыя узорами (крашениною), парились въ баняхъ, освѣщали свои жилища лучиною, встрѣчали своего государя хлѣбомъ-солью, но у нихъ пѣли пѣсенники, дѣйствовали шуты и т. п. славянскіе обычаи. Далѣе Прискъ говоритъ: намъ отпускали вмѣсто вина напитокъ, извѣстный у нихъ подъ названіемъ медъ (медос), а служителямъ нашимъ питье, именуемое квасъ (касос) **). Къ сказанному стоитъ только прибавить, что цари ихъ носили славянскія имена какъ напр. Баламиръ, выступившій изъ за Дона въ 374 г.,

*) *Гунами* греки называютъ шубы.

***) См. *Ex historia Cothica Prisci Rhetoris et Sophistae*, помѣщен. въ I томѣ *Corp. Hist. Ryz. pag. 32—51 Venet. 1729.*

Борисъ, Владъ, Боянъ, Скотанъ и т. д. Изъ хронографіи Theophanis-a (pag. 119) мы узнаемъ, что одна изъ женъ ихъ, управляя ими, пользовалась именемъ боярыни (Βοαρος), которое не выходило изъ употребленія у Славянъ до позднѣйшихъ временъ.

Что Гунны происходили отъ славянъ, это доказывали слѣдующіе историографы: Филосторгій (V вѣка), современный Гуннамъ; Беда достопочтенный (673—735 г.), Теофанъ (748 г.), Эгингардъ (839 г.), Кедринъ (1057 г.), и многіе другіе.

Такъ какъ мы не обладаемъ точными свѣдѣніями объ этомъ народѣ, то по необходимости должны представить мнѣнія и другихъ писателей: „Гунны, говорятъ они, вѣроятно, происходятъ изъ племени Гирмугинъ, калмыцкаго происхожденія или изъ татарскаго Пу-ге, извѣстнаго персамъ подъ общимъ названіемъ Моголовъ. Они владѣли Крымомъ почти три столѣтія, который открытъ былъ ихъ охотниками при преслѣдованіи лани. По другимъ рассказамъ, они извѣстны были подъ названіемъ Кимвровъ или Кимеріянъ, обладавшихъ пространствомъ земли по ту сторону Босфора, городомъ Кимеріономъ и Керченскимъ проливомъ, именовавшимся Кимерійскимъ, положеніе котораго, не смотря на ясность указанія Геродота у Азовскаго моря, многіе археологи опредѣляютъ у Стараго Крыма. Гунны, лишеныя въ послѣдствіи Керченскаго пролива, остались господствующими въ степяхъ Тавриды, не исповѣдовали никакой религіи. Гутри увѣряетъ, что царь ихъ Аттила былъ женатъ на родной дочери своей. Остатки гунновъ въ концѣ 7-го вѣка поработены другимъ монгольскимъ племенемъ, явившимся въ Тавриду съ береговъ Каспійскаго моря подъ названіемъ Казаръ, сдѣлавшихся извѣстными въ Россіи подъ именемъ Хивинцевъ, Бисирменовъ и Бусурмановъ.

Отъ господства этого народа въ Тавридѣ не сохранилось никакихъ памятниковъ, такъ равно мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, въ какихъ именно мѣстахъ они обитали, чѣмъ занимались и въ какихъ отношеніяхъ находились къ остальнымъ племенамъ, населяющимъ Крымскій полуостровъ. Неизвѣстность эту всего вѣрнѣе

приписать къ тому, что они не имѣли сношеній съ греками и что резиденціею ихъ царей былъ Таманскій полуостровъ, куда впослѣдствіи они скрылись.

Х а з а р ы .

Полагаютъ, что движеніе этого народа къ границѣ Европы послѣдовало въ слѣдствіе убійства ихъ ханомъ Магометомъ пословъ Чингисъ-хана, за что послѣдній, опустошивъ ихъ владѣнія заставилъ ихъ бѣжать изъ отечества. Народъ этотъ вступаетъ въ Тавриду съ 679 года и остается въ ней господствующимъ въ продолженіи 215 лѣтъ. Судя потому, что греческіе императоры заискивали не только ихъ дружбы, но и родственнаго сближенія, надо полагать, что они принадлежали къ числу сильнѣйшихъ и воинственныхъ племенъ, обладавшихъ со 2-го вѣка до Р. Х. почти всѣмъ пространствомъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Такими они извѣстны были по крайней мѣрѣ греческимъ писателямъ Теофану (+817), патриарху Никону (+828), Кедрину и другимъ. О происхожденіи этого народа до настоящаго времени толкуютъ различно; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ тюркскаго племени и предварительно водворенія въ Тавридѣ не однократно дѣлалъ набѣги на Херсонесъ и Пантикапею. Первое доказывается именами построенныхъ ими въ Крыму городовъ и наконецъ присвоеннымъ имъ названіемъ, безспорно происходящимъ отъ тюркскаго слова *хаза* (бѣда) въ смыслѣ *бѣдовый* или *наносящій бѣду*.

Хазарскіе хаганы, жившіе около Босфора, повидимому, не чуждались сообщенія съ иностранцами, потому что изъ исторіи мы видимъ, какой пріемъ оказанъ былъ однимъ изъ нихъ и именно Бузиромъ сверженному съ престола и бѣжавшему изъ заточенія Іустиніану II, за котораго онъ выдалъ замужъ сестру свою, впослѣдствіи извѣстную на Византійскомъ престолѣ подъ именемъ Феодоры *). По другимъ греческимъ же источникамъ, народъ этотъ не охотно занимался земледѣліемъ и въ

*) Изъ исторіи намъ также извѣстно, что греческій императоръ Леонъ искалъ руки дочери хазарскаго хана для сына своего Константина.

мирное время искалъ службы въ войскахъ греческихъ императоровъ.

Хазары по внимательному настоянію папъ: Иннокентія IV, Николая IV и Іоанна XXII большинствомъ приняли христіанство, а могущество свое утратили въ столкновеніи съ сосѣдственными славянами.

Нѣкоторые изъ современныхъ намъ писателей полагаютъ, что они исчезли въ нынѣшней Австріи, а Константинъ Порфирородный считалъ ихъ однимъ народомъ съ Венграми. Последнее послужило поводомъ профессору Юргевичу написать статью *) о сходственности словъ чисто турецкаго нарѣчія съ венгерскимъ. Не отвергая того, что Хазары частью переобразились въ венгерцевъ и караимовъ, мы однако допускаемъ, что нѣкоторая часть ихъ навсегда осталась въ южной Россіи и сохранила за собою названіе *хазаровъ* или *казаровъ*, имѣющее одинаковое значеніе на татарскомъ языкѣ и до настоящаго времени присвоенное обитателямъ береговъ Кубани, Дона и Днѣпра. О хазарахъ намъ придется не разъ еще говорить въ послѣдующихъ главахъ настоящаго труда, поэтому ограничимся теперь добавленіемъ къ сказанному, что они были первыми завоевателями, при которыхъ Таврида утратила свое вѣковое названіе и переименовалась въ Хазарію.

Печенѣги.

Послѣ Хазаръ обладателями степной части Таврическаго полуострова являются Печенѣги, имѣвшіе столицу свою на Дунаѣ (какъ полагаютъ, въ нынѣшнемъ Рушукѣ). Они снискали уваженіе и боязнь со стороны властителей Херсонесскаго полуострова и заставили Константина Порфиророднаго совѣтовать сыну своему держаться ихъ союза. Печенѣги, обитавшіе въ Крыму, жили тихо и спокойно, посылали пословъ въ Византію, занимались сельскимъ хозяйствомъ и торговлею съ отдаленными мѣстами. Греческіе писатели о нихъ сохра-

*) Въ запискахъ Одесск. Общ. Исторіи и древностей.

нили намъ такія-же ничтожныя свѣдѣнія, какъ и русскіе лѣтописцы *).

Половцы или Комань.

Въ половинѣ XI вѣка Печенѣги, населявшіе степи Крыма, были поработены третьимъ сродственнымъ имъ племенемъ Комановъ, получившимъ названіе это, безъ сомнѣнія, отъ слова *Хама* ножъ или ятаганъ, которымъ они всегда опоясывались, какъ это принято и до настоящаго времени всѣми почти монгольскими и татарскими племенами. Народъ этотъ, судя по словамъ св. Меодія, отличался варварскими наклонностями. Вотъ какъ относится о нихъ этотъ славный отецъ церкви, говоря о Монголахъ... „Монголы въ числѣ прочихъ избили и множество безбожныхъ Половцевъ, ибо много зла сотворили окаянные Половцы землѣ Русской и сего ради всемилостивый Богъ хотѣлъ наказатъ безбожныхъ сыновъ Израилевыхъ Комановъ, чтобы отмститъ за кровь христіанскую“. Есть люди, которые полагаютъ, что Половцы раньше кочевали на землѣ Даште-Кипчакъ, по р. Кумъ, (*) а Анна Комнена (см. Изв. Визант. Истор. IV с. 132) увѣряетъ, что они говорили однимъ языкомъ съ Печенѣгами. Посоль ПIANO Карпини (въ 17 гл.) также причисляетъ ихъ къ татарскому племени, чего не отвергаетъ и самъ Абулгази Баядуръ-ханъ. Господство комановъ въ Тавридѣ прекратилось въ 1227 г. послѣ 177 лѣтъ, кажется, въ царствованіе свирѣпаго Кончака, (зятѣмъ котораго былъ Мстиславъ Галицкій), пораженнаго вмѣстѣ съ русскими при р. Калѣѣ.

Половцы, повидимому, утратили въ Крыму свою національность, смѣшавшись съ Монголами, потому что о нихъ не упоминаютъ болѣе сосѣдственные Русскіе и Византійскіе бытописатели, имѣвшіе свѣдѣнія о происшедшемъ въ окрестностяхъ Херсонеса Таврійскаго.

Царство Комановъ въ Тавридѣ разрушилось съ вступленіемъ Монголо-татаръ подъ предводительствомъ Батяя.

---

*) Нѣкоторые допускаютъ, что они кочевали по низовьямъ рѣкъ Сыръ и Аму-дарья, откуда и явились въ Европу.

До настоящаго времени мы говорили о народахъ малоизвѣстныхъ въ исторіи Тавриды, вслѣдствіе чего воздерживались отъ такого рода свидѣтельствъ и разсказовъ древнихъ, которые затемняютъ истину и вводятъ читателя въ заблужденіе. Съ настоящаго-же времени намъ предстоитъ говорить о Греческомъ, Татарскомъ, Генуэзскомъ, Турецкомъ и Русскомъ господствахъ: объ Іудеяхъ, Караимахъ, Армянахъ, Цыганахъ и всѣхъ вообще народахъ и націяхъ, посѣтившихъ Крымскій полуостровъ. Разсказъ нашъ будетъ длиннѣе, потому что мы задались мыслію познакомить читателя нашего съ малѣйшими подробностями, относящимися къ этимъ народамъ.

Г р е к и.

По мнѣнію нашему, высказанному раньше, первыми обитателями Тавриды были малоазіатскіе греки, которые весьма вѣроятно, занимаясь мореплаваніемъ, случайно открыли южную оконечность противоположной имъ страны. Открытіе это и вмѣстѣ съ тѣмъ переселеніе, надо полагать, воспослѣдовало за много вѣковъ до Троянской войны, потому что, судя по Гомеру, во время этой ожесточенной битвы въ Тавріи существовало уже царство, управляемое Фоасомъ. Что обитатели Тавріи не были дикаго нрава, это доказывается во первыхъ тѣмъ, что они приняли къ себѣ и подчинились изгнанному изъ Лемноса греческому царю, что поклонялись Діанѣ, приглашены были къ участию въ союзъ грековъ противъ троянъ и кромѣ этого, какъ вѣрные и храбрые воины, служили въ Колхидѣ, оберегая капище съ золотымъ руномъ. Всего-же лучше доказывается ихъ греческое происхожденіе тѣмъ, что Агамемнонъ отправилъ къ нимъ дочь свою Ифигенію, которая служила въ капищѣ ихъ жрицею. Капище это, если вѣрить Діодору Сицилійскому, Овидію и другимъ древнимъ писателямъ, построено амазонками въ городѣ Тавросѣ за много лѣтъ до похода Аргонавтовъ въ Колхиду. По этому поводу мы вправѣ полагать, что обитатели Тавріи жили въ странѣ этой раньше даже всякихъ мифологическихъ разсказовъ, дошедшихъ до слуха жителей Эллады и по-

степенно распространялись до Трахейскаго полуострова и Феодосійской бухты.

Очень жаль, что мы не наслѣдовали никакихъ почти свѣдѣній о положеніи этого перваго царствованія грековъ въ Тавріи послѣ смерти Феоаса. Равнодушіе любопытныхъ эллиновъ къ этой мѣстности и обитателямъ ея, безъ сомнѣнія, происходило отъ того, что они отчасти занимались пиратствомъ и, повидимому, чуждались всякаго рода сношеній даже съ ближайшими сосѣдями. Мракъ этотъ не прояснялся до того времени, пока они не окрѣпли на столько, что сообща съ Митридатомъ III разбили войска императора Клавдія *) и начали тѣснить свободу обитателей Херсонескаго и Керченскаго полуострова. Въ это время, по словамъ Страбона и другихъ бытописателей, у нихъ является царемъ Скилуръ, имѣвшій резиденцію уже не въ самой Тавріи, а по эту сторону горъ какъ-бы съ цѣлью предупредить поползновенія херсонесцевъ расширять свои владѣнія въ этой части полуострова. Мудрый государь этотъ кромѣ того, что воздвигъ три недоступныя крѣпости въ виду Херсонеса, о которыхъ намъ сообщилъ Страбонъ, повидимому, содержалъ на-готовѣ массу войскъ, расположенныхъ невдали отъ него, въ нарочно прорубленныхъ пищерахъ, на Эски-керменскихъ, Качи-кальенскихъ и Тепе-керменскихъ скалахъ.

Послѣ сокрушенія Скилура Митридатомъ Понтійскимъ намъ повѣствуютъ, что Тавро-Скиѳія присоединена была побѣдителемъ къ Босфорскому царству и Херсонеской республикѣ: но присоединеніе это, кажется, было номинальное, ограниченное переселеніемъ сюда нѣсколькихъ сотенъ преданныхъ сарматовъ, язиговъ и василійцевъ, которые впоследствии слились съ туземцами и до того полюбили эту страну, что одинъ изъ нихъ, говоря съ Овидіемъ, тщеславился тѣмъ, что родился въ Тавросѣ и любилъ его болѣе нежели отечество предковъ своихъ.

Вслѣдъ за кратковременнымъ господствомъ Митридата, Тавро-Скиѳія переходитъ во власть Римской импе-

---

*) Tacit Annales lib. XII.

рін, представителями которой явились Босфорскіе цари; но съ этого времени страна эта, повидимому, всецѣло отложилаь отъ номинальныхъ порабитителей своихъ и образовала самостоятельныя княжества:

Мангупское у сѣверныхъ отклоновъ горъ съ резиденціею на Мангупѣ, Судгайское со столицею въ Судгаи и Дорійское съ резиденціею въ г. Теодоро, на теперешнемъ Айтодорскомъ маякѣ.

О существованіи перваго намъ дѣлается извѣстно изъ исторіи церкви и изъ дѣлъ Крымскаго ханства тѣмъ ничтожнымъ обстоятельствомъ, что въ мартѣ 1474 г. посоль великаго князя Іоанна, бояринъ Никита Беклемишевъ въ бытность свою въ Крыму былъ дружелюбно принимаемъ въ Мангупѣ княземъ Исайко, который, какъ было сказано раньше, предлагалъ дочь свою въ невѣсты сыну русскаго государя, на что, повидимому, согласился великій князь, потому что поручалъ развѣдать о качествахъ имѣющагося у невѣсты этой приданого. Предложеніе это и послѣдующее согласіе свидѣтельствуютъ, что Мангупскіе князья и въ это еще время пользовались значеніемъ, если не по величинѣ княжества и числу подданныхъ, то по происхожденію отъ мѣстныхъ царей или фамилии Восточныхъ императоровъ, съ которою охотно вступали въ родство русскіе цари.

О Мангупскомъ княжествѣ, которое не переставало существовать въ Крыму до 1475 года, т. е. до времени вступленія въ страну эту турковъ, положившихъ конецъ христіанскому господству въ Тавридѣ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній, за исключеніемъ того, что въ Константинополѣ проживали до половины XVI вѣка люди, пользовавшіеся титуломъ князей Мангупскихъ *), и замѣтокъ Броневскаго, посѣтившаго Мангупъ въ 1578 году. Вотъ что онъ говоритъ: „городъ Монкопъ лежитъ между горами и лѣсами далеко отъ моря. Здѣсь были два замка, построенные на обширной и высокой скалѣ, великолѣпныя

---

*) Одинъ изъ этихъ князей и именно Константинъ, сопровождалъ невѣсту В. К. Московскаго Іоанна Васильевича III Софію въ 1473 г., остался въ Россіи и принявъ иноческій санъ, чтимъ нашею церковью святымъ благовѣрнымъ княземъ Константиномъ Мангупа.

греческія церкви, дома и много ручейковъ свѣжихъ и чистыхъ, вытекавшихъ изъ скалы. Но потомъ онъ былъ взятъ турками; а еще позже, спустя 18 лѣтъ, по сказанію христіанскихъ грековъ, совершенно былъ уничтоженъ внезапнымъ страшнымъ пожаромъ. Поэтому въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго верхняго замка, въ которомъ есть ворота, испещренныя греческими надписями и высокой каменный домъ... Теперь остались тамъ только греческая церковь св. Константина и другая св. Георгія, совершенно ничтожныя. Тамъ живетъ только одинъ грекъ да нѣсколько евреевъ и турокъ; прочее все приведено въ ужасное раззореніе и забвеніе... Но я узналъ отъ одного священника, грека, старика честнаго и умнаго, что незадолго до осады этого города турками, жили здѣсь какіе-то два греческихъ князя, дѣдъ и внукъ, которые вѣрно происходили отъ крови Константинопольскихъ или Трапезундскихъ государей. Греки-христіане довольно долго въ этомъ городѣ обитали; но вскорѣ потомъ невѣрный и варварскій народъ турки, нарушивъ данное слово, захватили его. Тѣ Константинопольскіе князья уведены оттуда живые и жестокимъ образомъ были умерщвлены турецкимъ султаномъ Селимомъ за 110 лѣтъ предъ симъ. На стѣнахъ греческихъ храмовъ видны изображенія, представляющія родословную государей и государынь, отъ которыхъ, кажется, они происходили“.

Этихъ немногихъ свѣдѣній достаточно для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности существованія Готѣйскаго княжества въ Крыму, но какъ долго оно проявляло свою самостоятельность и въ какомъ отношеніи находилось къ Херсонеской республикѣ и татарамъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній для изясненія своихъ предположеній.

Современное положеніе Мангуна съ его развалинами, памятниками и легендами нами сообщено отчасти въ предварительномъ знакомствѣ съ Крымомъ. Болѣе же подробныя свѣдѣнія читатели найдутъ въ археологическомъ отдѣлѣ.

Сугдайское княжество.

Исторія не сохранила намъ никакихъ свѣдѣній о самостоятельномъ существованіи въ Тавридѣ этого княжества; но если мы обратимъ серьезное вниманіе на событія, касающіяся Сугдаи, то невольно придемъ къ убѣжденію, что княжество это существовало независимо до 18 іюля 1365 года т. е. до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось добычею Генуэзцевъ, поселившихся въ сосѣдственной Кафѣ.

Княжество это, надо полагать, заключало въ себѣ тѣ 18 селеній, которыя отобраны были отъ грековъ Генуэзцами, а потомъ отъ этихъ послѣднихъ Мамаемъ. Что оно принадлежало христіанамъ до 1323 г., мы знаемъ изъ того еще, что въ этомъ году папа Іоаннъ XXII просилъ Кипчакскаго хана Узбека, вытѣснившаго изъ Сугдаи грековъ, дозволить имъ возвратиться обратно въ нее и не возбранять употребленіе колоколовъ *).

По словамъ Рубруквиса, посѣтившаго этотъ городъ въ 1253 году, Солдая платила только дань Батыю.

Затѣмъ намъ сообщаетъ Броневскій слѣдующее:

„Сидагіосъ, городъ съ крѣпостью, такъ называемый греками, имѣетъ три крѣпости или замка: верхнюю, среднюю и нижнюю, окруженныя стѣною и башнями. Въ немъ множество греческихъ церквей, нѣсколько часовень, еще уцѣлѣвшихъ, но по большей части лежавшихъ обломками среди развалинъ. Гордые и несогласные между собою греки, побѣжденные генуэзцами, лишились этого города. Что этотъ городъ былъ весьма значителенъ, какъ видно изъ развалинъ, объ этомъ говорятъ сами греки, которыхъ тамъ осталось немного. Они утверждаютъ, что единоплеменники ихъ дошли наконецъ до такой междоусобной вражды, что семейства, наиболѣе страдавшія отъ этихъ смуть, не хотѣли даже присутствовать и участвовать въ публичныхъ богослуженіяхъ. Отсюда произошло такое множество церквей, что число ихъ доходило до нѣсколькихъ сотъ“. О множествѣ церквей упоминаетъ и Рубруквисъ.

*) Oderico, lettre Ligustiche p. 132.

Все это доказываетъ, что Судгагія принадлежала къ числу поселеній, одновременно основанныхъ греческими выходцами на побережьи Юго-восточной оконечности Таврическаго полуострова и подобно другимъ существовала самостоятельно, но какъ она управлялась и кѣмъ именно, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, не смотря на то, что въ VIII вѣкѣ здѣсь существовала епископія, управляемая св. Стефаномъ, присутствовавшимъ на VII вселенскомъ соборѣ и что съ XI столѣтія Солдая посѣщалась русскими купцами. Однако нѣтъ сомнѣній, что такой обширный городъ съ окружными поселеніями составлялъ болѣе обширное княжество, чѣмъ Херсонеское, и слѣдовательно, безъ содѣйствія полновластныхъ управителей, не могъ бы достигнуть такого цвѣтущаго состоянія, какимъ представляютъ его наши лѣтописцы.

Мы положительно убѣждены, что епископіи и митрополии въ Тавридѣ учреждались только въ самостоятельныхъ княжествахъ, такъ какъ каждое желало полной независимости. Въ противномъ случаѣ для такого пространства и населенія, какъ юго-восточная окраина Тавриды, могла быть достаточна одна епископія. Судгайское княжество, сколько мы можемъ судить по сохранившимся памятникамъ въ Судакѣ, защищалось тѣми укрѣпленіями, которыя нѣкоторыми археологами признаны за генуэзскія, а по границамъ княжества—крѣпостями, до настоящаго времени сохранившими свои слѣды. Убѣжденія наши о самостоятельности Судгайскаго княжества основаны во-первыхъ на порядкахъ, введенныхъ малоазіатскими факторіями въ Крыму; во-вторыхъ на народныхъ преданіяхъ, смутно сохранившихся въ баснословныхъ легендахъ, и на жизнеописаніи Св. Стефана Сурожскаго, приведенномъ исторіографомъ нашимъ Погодинымъ въ I томѣ Зап. Одес. Общ. Исторіи и Древностей на 192 стр., гдѣ говорится, что при возвращеніи святителя въ Сурожъ въ то время въ немъ „бѣ князь Юрій Тарханъ и любяще его святыи по закону Вожию правяше власть свою“. Подобныя свидѣтельства мы находимъ и по древнему синаксарю *).

*) Который приведемъ своевременно.

вмѣстѣ должно свидѣтельствовать, что Судгайское княжество управлялось или лицами, происходящими отъ царской крови или архонтами, выбираемыми народомъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени нами не отысканы никакіе надписи или памятники, могущіе разъяснить наши догадки. Отсутствіе ихъ даетъ намъ поводъ заключать только, что факторія эта представляла людей исключительно преданныхъ торговлѣ, мореплаванію, садоводству и земледѣлію и нисколько не интересующихся событіями и распрями, совершающимися въ сосѣднихъ царствахъ и княжествахъ. Единственными свидѣтельствами о царствовавшихъ или просто управлявшихъ могли быть надписи въ храмахъ и на крѣпостяхъ, но такъ какъ первыя не открыты пока, а послѣднія реставрированы генуэзцами, имѣвшими привычку въ приобретенныхъ крѣпостяхъ вставлять свои надписи, то мы лишены возможности дѣлать болѣе основательныя заключенія.

Такъ точно мы не знаемъ хорошо о самоуправленіи Судгайскаго округа во время нашествія Монголо-татаръ, какъ извѣстно, основавшихъ первую резиденцію свою въ Старомъ Крыму, находящемся въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Судгаи; ясно только, что порабитители эти взирали подать съ Судгайцевъ и распоряжались ими по праву сильнаго. Можетъ быть, въ это время у нихъ не было уже наслѣдственнаго князя или вообще лица, облеченнаго властью и имѣвшаго возможность сопротивляться, но какъ-бы тамъ ни было, намъ извѣстно, что Судгайцы пользовались самостоятельнымъ управленіемъ и при нихъ около 150 лѣтъ, а это говоритъ въ пользу предположенія нашего, основаннаго также на туземныхъ легендахъ, что княжество это должно было имѣть какого-либо управителя. Исторія свидѣтельствуетъ, что Судакъ 18-го іюля 1365 года былъ взятъ Генуэзцами и что вслѣдствіе этого недовольный поведеніемъ новопришельцевъ крымскій ханъ прервалъ съ френками миръ и началъ войну, которая прекратилась въ 1382 году трактатомъ, подтвердившимъ за Генуэзцами право владѣнія не только Судакомъ съ 18-ю, принадлежащими къ нему

деревнями *), но и Балаклавою съ Готейскимъ округомъ. Послѣдній, вѣроятно, заключалъ въ себѣ и эти 18 деревень и простирался къ сѣверо-востоку до нынѣшней Козской долины, а къ Юго-западу до Кастель горы, гранича съ одной стороны Яйлынымъ хребтомъ, а съ другой моремъ. Изъ этого мы можемъ заключать, что Судгайское княжество имѣло въ длину около 60 верстъ и находилось между моремъ и высокою цѣпью горъ. Однако есть люди, которые полагаютъ, что подъ именемъ Готеи разумѣлось все прибрежное пространство земли, начиная отъ Θεодосіи до Балаклавы. Недѣйствительность этого предположенія мы докажемъ во-первыхъ существованіемъ Дорійскаго княжества, начинавшагося за Кастель-гороу и продолжавшагося до Форесскаго богаза, властителемъ котораго по генуэзскимъ-же записямъ въ 1433 году былъ dominus de Letedoro и наконецъ тѣмъ еще, что Турки, какъ извѣстно, завладѣвшіе Генуэзскими и отчасти татарскими владѣніями, подраздѣляя ихъ на округа или кадълыки, включили въ Судакскій тоже число деревень, которое искони принадлежало этому городу.

Въ сказанномъ нами мы имѣли въ виду объяснить только то, что въ Крыму существовало самостоятельное Судгайское княжество прекрасное по климату, богатѣйшее по почвѣ, мѣстоположенію и красотѣ долинъ и что оно, присоединясь къ Генуэзскимъ владѣніямъ, получило названіе Готеи не по произволу, а потому, быть можетъ, что занималось поколѣніемъ тѣхъ импровизованныхъ Готеовъ, о которыхъ мы раньше упоминали и которые, послѣ приѣма христіанства, слились съ греками, господствовавшими въ сосѣднихъ городахъ и управлялись ихъ архонтами и епископами, вслѣдствіе

---

*) Эти 18 деревень простирались на пространствѣ: a Cosio usque ad Osdaffum inclusivamente da levante a ponente. Онѣ извѣстны были генуэзцамъ подъ слѣдующими именами: Tarataxio (Таракташъ), Casale de Coxù (Козы), Loulli, Canecha, Scuti (Искуть), Casale santi Iohanis (Кургузень), lo Sdaffo, Sotera, Paradixi de lo cheder, Saragaihi, Bezalega, Buzult, Santi Erigni, de lo Diavollo. Приводя этотъ списокъ названій, мы одновременно скажемъ, что Генуэзцы очень хорошо знали о мѣстностяхъ, извѣстныхъ нынѣ подъ названіями Алупки, Кикенеза и Фороса, подъ именами: Lurico, chinicheo и Fori.

чего впоследствии Судгаія является съ округомъ, населеннымъ 18-ю деревнями.

О Судгаіи мы будемъ еще говорить въ отдѣлѣ исторической судьбы Крымскихъ городовъ, въ исторіи христіанства въ этой странѣ и при описаніи остатковъ древнихъ укрѣпленій. Теперь-же скажемъ нѣсколько словъ о Дорійскомъ или Θεодорійскомъ княжествѣ, о существованіи котораго въ Тавридѣ мы кромѣ историческихъ намековъ имѣемъ отлично сохранившіяся надписи на греческомъ языкѣ. Жаль только, что эти драгоценные памятники до настоящаго времени не поступили въ собственность Новороссійскаго музеума, а находятся въ распоряженіи лицъ, незнающихъ будущаго значенія ихъ.

Θеодорійское княжество.

О существованіи Дорійскаго княжества въ Таврическомъ полуостровѣ мы имѣемъ хотя не положительныя, но довольно ясныя свѣдѣнія. Такъ напр. Никифоръ, патріархъ Константинопольскій († 828 г.), рассказывая о Юстиніанѣ II, лишенномъ престола и сосланномъ въ Тавриду, утверждаетъ, что тиранъ этотъ бѣжалъ изъ Херсонеса въ укрѣпленіе, именуемое Доросъ, лежащее противъ Готскаго города, (вѣроятно, у подножія Кастель-горы), откуда, подружившись съ Казарскимъ каганомъ въ 702 г., женился на дочери его Θεодорѣ.

Присутствовавшій на Константинопольскомъ соборѣ въ 692 году изъ Тавриды епископъ Георгій подписался слѣдующимъ образомъ: „Георгій, недостойный епископъ Херсонесскаго Доранта“ *). Прокопій, бывшій въ 562 г. Константинопольскимъ префектомъ, повѣствуя объ императорѣ Юстиніанѣ первомъ, между прочимъ говоритъ, что государь его сдѣлалъ стѣну въ приморской странѣ, именуемой Дори, которая находилась тамъ же, гдѣ Воспоръ, Херсонесъ, Алустонъ и Гурзовита **).

*) Oriens Cristianus Mich. le Quien.

***) Прокопій Кесарійскій въ своей исторіи Готевъ и описаніи укрѣпленія императора Юстиніана I по Дунаю и Донскому Босфору смѣшиваетъ мѣстности напр. область Дорасъ и Даросъ называетъ областью, гдѣ издавна обитаютъ Готы, непослѣдовавшіе за Θεодорикомъ въ Италію, тогда какъ Готы Θεодорика (т. е. Визиготы), пришедшіе въ Европу въ 376 г. изъ за Дуная, были поселены въ Пан-

По рассказамъ итальянскихъ писателей, Стелла и Джустиниани мы видимъ, что въ 1433 г. Балаклавскіе греки, вслѣдствіе заговора противъ поработившихъ ихъ генуэзцевъ, передались какому-то Dominis'у de le Tedoro.

И наконецъ, мы имѣемъ двѣ каменные плиты съ надписями на первой: *„во дни Кира Алексія повелителя города Теодоро и прибрежнаго пространства“*.... съ изображеніемъ двуглаваго орла съ короною, а на другой, относящейся къ возобновленію храма, сказано: *„построенъ изъ древнихъ многихъ лѣтъ чрезъ пресвятаго преподобнаго архіепископа города Теодоро и всей Готѣи, Іоанна исповѣдника. Возобновленъ нынѣ, какъ видите, преосвященнымъ митрополитомъ города Теодора и всей Готѣи господиномъ Даміаномъ“*. Обѣ надписи относятся къ 1427 г. по Р. Х. *).

Всѣ эти данныя, до открытія послѣдней плиты въ дер. Партенитѣ, заставили археологовъ и исторіографовъ вывести заключеніе, что княжество это находилось у конца Севастопольской бухты, а городъ Теодоро на Инкерманской долинѣ. Выводъ этотъ основанъ былъ главнѣйшимъ образомъ на томъ, что Балаклавцы въ 1433 г. передались Доминусу города Теодоро, который, по ихъ мнѣнію долженъ былъ господствовать въ ближайшей окрестности. Вслѣдствіе чего Тунманъ, написавшій для Бишинговой географіи всю главу о Крымѣ въ отношеніи къ Инкерману, говоритъ слѣдующее: „Инкерманъ, называемый греками Теодори, былъ нѣкогда богатымъ, цвѣтущимъ и извѣстнымъ городомъ. Городъ, которому Инкерманъ обязанъ бытіемъ своимъ, назывался Евпаторіею, потомъ дори, Дорось или Дорась. Диофанъ, полководецъ Митридатъ, заложилъ его. Въ 679 году Казары отняли этотъ городъ у Готѣевъ, ко-

---

нонъ и отсюда уже отправились въ Италію въ 488 г. Слѣдовательно, рѣчь идетъ объ области на Дравѣ, которая, по Птоломею, называлась Дѣросъ. Готѣею нѣкоторыя мѣстности Крыма начали называться только со времени перехода во власть Казаръ и именно въ 740 году, когда Хазаре, завладѣвъ Босфоранією, взяли въ плѣнъ епископа ея Іоанна. Въ прологѣ говорится: „Бѣ при Константѣ царѣ и при Львѣ Исаврянинѣ отъ Тавро-скіескія страны подъ властію скіескою сынъ Льва и Фотинья“.. Слѣдовательно, Тавро-скіеская область съ этой поры сдѣлалась Готѣскою.

*). Надписи эти цѣликомъ будутъ приведены въ отдѣлѣ „древностей“.

торые хотя и завладѣли имъ опять подь конецъ VIII вѣка, но вновь лишились его. Съ 1204 г. онъ имѣлъ собственныхъ своихъ владѣльцевъ, къ коимъ принадлежалъ и послѣдній византійскій императоръ Константинъ до своего воцаренія“....

Разсказъ этотъ, при обсужденіи сказаннаго нами раньше, всецѣло относится къ резиденціи Θεодорійскаго княжества, за исключеніемъ грубой ошибки, что онъ основанъ былъ Діофаномъ, полководцемъ Митридата. Военачальникъ этотъ, дѣйствительно, соорудилъ крѣпость въ Тавридѣ, но только внутри владѣній Херсонеса, что свидѣтельствуется Страбонъ и великолѣпно сохранившаяся анаграмма на каменной плитѣ, которую мы своевременно представимъ читателю. Правдивый Тунманъ, безъ сомнѣнія, довѣрился предположенію Броневскаго, а ему уже послѣдовали Сестренцевичъ и всѣ другіе археологи. Одинъ только Карамзинъ ограничился намекомъ, что Дорійская страна находилась въ юго-западной части Крымскаго полуострова. Чтобы вѣрнѣе опредѣлить въ глазахъ читателя нашего мѣстоположеніе Дорійскаго или Θεодорійскаго княжества, намъ приходится остановиться на приведенныхъ въ отрывкѣ надписяхъ. Первая изъ нихъ разъясняетъ намъ, что въ 1427 г. въ г. Θεодоро былъ повелитель Алексѣй, которому принадлежало и прибрежное пространство, а послѣдняя кромѣ того, что открыта въ большомъ храмѣ въ Партенитѣ, повѣствуетъ о томъ, что онъ былъ основанъ Св. Іоанномъ Готескимъ, какъ извѣстно изъ исторіи христіанства, имѣвшимъ резиденцію свою въ Партенитѣ. Изъ этого ясно можно заключить, что храмъ этотъ находился въ Θεодорійскомъ княжествѣ, а то прибрежное пространство, владѣтелемъ котораго именуется въ надписи Алексѣй, начиналось или отъ мѣста, гдѣ находилась эта церковь, или отъ Кастель-горы или отъ Кучукъ-Ламбата и доходило до Фороса или подножія высокой скалы, въ сосѣдствѣ которой находятся такъ называемыя Байдарскія ворота и Балаклава.

Высказавъ наше убѣжденіе относительно мѣстоположенія Θεодорійскаго княжества, о столицѣ котораго намъ придется еще не разъ говорить, мы имѣемъ желаніе

познакомить читателя съ его исторією, на сколько это возможно, по имѣющимся фактамъ и историческимъ дан-
даннымъ.

Въ разсказѣ нашемъ о Тавро-Скиѣахъ мы замѣтили, что резиденція царя Ѳоаса должна была быть въ Тав-
рїи, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ Діаны, въ
которомъ служила жрицею Ифигенія, дочь царя Ага-
мемнона, и гдѣ въ битвѣ за нее погибъ этотъ Тавро-
скиѣскій государь. Очень ясно, что послѣ него люди,
привыкшіе къ монархическому образу управленія, не оста-
вались безъ распорядителя. Это доказывается отчасти
тѣмъ еще, что они, находясь въ центрѣ Босфорскаго
царства и Херсонеской республики, сумѣли сохранить
свою самостоятельность до временъ послѣдняго госуда-
ря своего Скилура. Что государь этотъ владѣлъ обоими
отклонами горъ и былъ послѣдній представитель всего
этого народа, мы можемъ заключать изъ того, что по-
слѣ побѣды надъ нимъ, Митридатъ сочелъ себя власти-
телемъ всѣхъ земель, принадлежащихъ Тавро-Скиѣамъ
и поселилъ, какъ сказано было, между ними нѣсколько
поселеній Сарматовъ, Язиговъ и Василійцевъ. Надо по-
лагать, что съ этого времени Тавры управлялись не царя-
ми уже, а князьями изъ крови Скилуровой, которые,
образовавъ отдѣльные округа, платили поработителю
своему дань, но управляли народомъ самостоятельно.
Такое положеніе продолжалось вѣроятно до основанія
восточной Римской имперіи или до тѣхъ поръ, пока всѣ
эти княжества, озарившись христіанскою вѣрою, подпа-
ли въ зависимость Константинопольскихъ патріарховъ,
а вмѣстѣ съ тѣмъ и императоровъ. Весьма вѣроятно,
что зависимость эта была номинальная и болѣе прино-
сила пользы этимъ княжествамъ, чѣмъ Восточной импе-
ріи. Разсказъ Прокосія объ устройствѣ его государемъ
крѣпостей въ Гурзовитѣ, Алустонѣ и другихъ мѣстахъ
Таврїи, вполне доказываетъ, что Византійскіе импера-
торы болѣе содѣйствовали имъ матеріально, нежели дѣй-
ствовали самодержавно до конца XIV столѣтія. Съ это-
го-же времени мы узнаемъ, что императоръ Мануиль
Палеологъ, царствовавшій съ 1391 по 1425 г., отдалъ
въ удѣлъ четвертому сыну своему Константину Понтій-

скія владѣнія, сосѣдственныя съ Казаріею *) или ὁ τέταρτος Κωνσταντῖνος ὃς καὶ τὰ ποντικά μέρη τὰ πρὸς Χαζαρίαν ἐκλήρωσато, что означаетъ въ переводѣ: четвертый Константинъ завладѣлъ до Понтійскихъ мѣстъ, находящихся въ виду Хазаріи.

На этихъ словахъ основанъ разсказъ Тунмана, что Константинъ, послѣдній Константинопольскій государь, имѣлъ резиденцію въ г. Θεοodoro. Мы не отвергаемъ возможности этого событія, но только имѣя надпись 1427 г. съ именемъ властителя Алексѣя, полагаемъ, что если ему и приходилось лично господствовать въ этой странѣ, то гораздо позднѣе смерти отца своего и послѣ Кира Алексѣя.

О дальнѣйшей судьбѣ Θεοδορίевогo княжества, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но полагаемъ, что оно продолжало быть самостоятельнымъ до начала Турецкаго владычества въ Крыму т. е. до 1475 г.

Херсонесская республика.

Всѣ почти писатели наши составили себѣ убѣжденіе, что Трахейскій полуостровъ занятъ Иракліотскими выходцами за 480 лѣтъ до Р. Х. т. е. гораздо позднѣе похода въ Скиѣю Персидскаго царя Дарія Испаста, между тѣмъ Геродотъ увѣряетъ насъ, что при этомъ походѣ (515 г. до Р. Х.), въ числѣ союзниковъ Дарія находился съ войскомъ и афтокефаль Херсонеса и что Даріевы войска на обратномъ пути отчасти возвращались домой чрезъ Херсонесъ. Это доказываетъ намъ, что Херсонесъ во время похода Испаста былъ уже настолько населенъ и богатъ, что могъ содѣйствовать такому государю, который велъ 700 т. армію. А сколько намъ извѣстно, коммерческія эмпоріи не такъ скоро доживаютъ до такого состоянія, чтобы служить своими войсками другимъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что основаніе Ираклійскаго поселенія на крошечномъ Трахейскомъ полуостровѣ, заключавшемся между Балаклавскою и Севастопольскою бухтами, относится къ болѣе

*) См. *Historia Bysantica*, Ducas.

отдаленнымъ вѣкамъ въ сравненіи съ предположеніями современныхъ археологовъ.

Мѣсто, избранное Ираклійскими греками подѣ поселеніе свое на этомъ полуостровѣ, судя по каменистой почвѣ и ничтожному размѣру своему, не могло представлять никакихъ существенныхъ выгодъ народу, преданному хлѣбопашеству и скотоводству. Изъ этого мы можемъ безошибочно заключить, что полуостровъ этотъ избранъ людьми, исключительно преданными морской торговлѣ и искавшими хорошихъ бухтъ на выгодномъ пунктѣ по географическому мѣстоположенію.

Нѣтъ сомнѣнія, что Херсонескіе колонисты первоначально управлялись, подобно всѣмъ другимъ вновь основаннымъ эмпоріямъ, совѣтомъ общины или старѣйшими членами своей семьи, но впослѣдствіи, по мѣрѣ обогащенія и увеличенія опасности отъ внутреннихъ беспорядковъ и внѣшнихъ враговъ, они, укрѣпившись крѣпостными стѣнами и башнями *), вынуждены были избрать изъ среды своей автокефала или градоправителя и возложить на него обязанность охраненія ихъ имущества и семействъ. Подобное управленіе могло даже составить необходимость для людей, исключительно преданныхъ морской торговлѣ и весьма вѣроятно, обезпечивало ихъ спокойствіе до тѣхъ поръ, пока ихъ богатства начали все болѣе и болѣе обращать жадные взоры сосѣдственныхъ Тавро-Скивовъ, считавшихъ себя полновластными хозяевами въ этой части Тавриды. Надо полагать, что изнеможенные налогами и безконечною борьбою съ ними, Херсонесцы въ концѣ концовъ, не придумавъ ничего лучшаго, рѣшились отправить депутацію къ славному и могущественному въ то время Понтійскому царю Митридату-эвпатору съ изъявленіемъ желанія признать его своимъ автократомъ, лишь бы избавиться отъ тѣснившихъ ихъ Тавровъ. Властолюбивый монархъ этотъ, мечтавшій завоевать всѣ почти извѣстныя въ его время государства, не замедлилъ отправитъ въ Тавриду 60,000 войновъ подѣ предводительствомъ Діофана, которому удалось безъ особенныхъ

*) Объ укрѣпленіяхъ его будетъ сказано своевременно.

затрудненій дважды разбить на голову Скиѣскія полчища и плѣнить ихъ царя Скилура. Послѣ этой обязательной услуги, Діофанъ вступилъ въ Трахейскій полуостровъ и построилъ въ немъ укрѣпленіе „Евпаторіонъ“, гдѣ поселилъ войско свое съ цѣлью задержать за государемъ своимъ право господства въ этой странѣ. Съ этой минуты (т. е. съ 1-го вѣка до Р. Х.) свободная Херсонесская республика утратила свою самостоятельность, не въ отношеніи внутренняго самоуправленія а въ отношеніи свободныхъ распоряженій въ стратегическомъ образѣ дѣйствій. Заручившись охраною Митридатовскихъ войскъ отъ внѣшнихъ враговъ и новыми градоправителями, получившими титулъ протевтоновъ, счастливые Херсонесцы безпрепятственно торговали по берегамъ Чернаго моря и съ каждымъ днемъ улучшали свой домашній бытъ. Присоединеніе Херсонеса къ владѣніямъ Митридата благодѣтельно было и въ томъ отношеніи, что первый пересталъ враждебно относиться къ народонаселенію страны и завелъ съ нимъ коммерческія дѣла. Одно только могло казаться труднымъ для Херсонесцевъ, что государь этотъ, постоянно враждовавшій противъ усиливавшагося господства Римской имперіи, не переставалъ требовать отъ нихъ матеріальныхъ вспомоствованій до тѣхъ поръ, пока, разбитый римскими войсками, вынужденъ былъ умереть насильственною смертю. Послѣ этого событія (въ 65 г. до Р. Х.) Херсонесская республика считалась достояніемъ Рима и находилась подъ надзоромъ Воспорскихъ царей, имѣвшихъ пребываніе въ Пантикапеѣ. Зависимость эта, повидимому, была номинальная и всего сильнѣе высказывалась тѣмъ, что римскіе императоры ссылали въ Херсонесъ и ближайшія окрестности его (Инкерманъ) въ заточеніе различнаго рода преступниковъ. Ссылкѣ этой обязана Таврида раннимъ распространеніемъ въ ней Евангелической истины.

При раздѣлѣ Римской имперіи, Херсонесъ приписанъ былъ къ Анатоли и состоялъ подъ покровительствомъ Византіи. Въ какой степени выражалось это покровительство, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно основаній судить, но остаемся при убѣжденіи, что Хер-

сонесцы продолжали платить дань и по прежнему жить и дѣйствовать самостоятельно въ то время, когда Византія не имѣла надобности въ ихъ услугѣхъ.

О. дальнѣйшей судьбѣ Херсонесской республики съ 304 г., вотъ что повѣствуетъ императоръ Константинъ Парфирородный: въ царствованіе Діоклитіана въ Римѣ, Сарматы сдѣлали набѣгъ на римскія земли. Не будучи въ силахъ отогнать ихъ, Діоклитіанъ, по наставленію полководца своего Констанса, послалъ къ Херсонесцамъ пословъ съ просьбою напасть на Сарматовъ въ Восторскомъ царствѣ и полонить ихъ семействъ и такимъ образомъ заставить ихъ отказаться отъ продолженія похода на римскую землю.

Въ Херсонесѣ въ это время былъ правителемъ Христъ, сынъ Папія. Онъ, быстро собравъ изъ сосѣднихъ укрѣпленій войско, приготовилъ военныя колесницы и, устроивъ въ нихъ хироболстры, двинулся къ городу Воспорянъ и, безъ особенныхъ усилій разбивъ выступившихъ къ нему Сарматовъ, овладѣлъ имъ. Нѣсколько дней спустя Христъ объяснилъ женамъ Сарматовъ, вслѣдствіе какихъ причинъ онъ сдѣлалъ нападеніе на ихъ столицу, и требовалъ, чтобы они послали отъ себя пословъ къ мужьямъ съ требованіемъ помириться съ римлянами, „вслѣдъ затѣмъ и мы удалимся, предоставивъ вамъ полную свободу“—сказалъ онъ.

Естественно, что плѣнницы успѣли исполнить это требованіе, а мужья вынуждены были во что-бы ни стало, покончить съ Діоклитіаномъ и возвратиться во свояси. За эту услугу императоръ призналъ Херсонесцевъ независимыми и свободными отъ податей.

При восшествіи на престолъ Константина, когда взбунтовались Скионы и сдѣлали нападеніе на его области, государь этотъ, вспомнивъ Херсонесцевъ, въ свою очередь обратился къ нимъ за помощью. Правящій ими въ то время Діогенъ, сынъ Діогеновъ, немедленно двинулся въ походъ и, перешедъ за Дунай, разбилъ и разсѣялъ враговъ. За эту важную услугу императоръ объявилъ ихъ военачальникамъ: „Жалуемъ васъ золотую статуею въ императорской хламидѣ съ фибулатурою и въ золотомъ вѣнцѣ для украшенія Херсонеса, свободу

и изытіе отъ платежа подати, вамъ собственно дарованныя, простираемъ на ваши купеческія суда; жалуюемъ васъ, въ знакъ нашего особеннаго расположенія, золотыми кольцами съ изображеніемъ нашего величества, дабы мы со временемъ могли узнавать по печати мѣсто, изъ котораго присланы отношеніе или просьба, съ которыми вы можете къ намъ обращаться; наконецъ мы обязуемся снабжать васъ ежегодно тетивами, пенькою, желѣзомъ и масломъ для приготовления балистръ. Все вышесказанное и хлѣбъ ежегодно мы будемъ отправлять къ вамъ въ Херсонъ.“

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Савромать, внукъ того Савромата, котораго Херсонесцы заставили помириться съ римлянами, желая отмстить имъ за эту обиду, собралъ войско и двинулся на республиканскую столицу, которою правилъ въ это время Виску, сынъ Суполиха. Узнавъ объ этомъ, этотъ послѣдній выступилъ навстрѣчу къ неприятелю и разбилъ его въ мѣстахъ, называемыхъ Кафа. Послѣ чего Херсониты назначили границы своимъ владѣніямъ, а Савромать и воины его дали клятвенное обѣщаніе никогда не переходить за оныя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ условій другой Савромать, собравъ войско, объявилъ войну Херсонитамъ, которыми управлялъ тогда Фарнакъ, сынъ Фарнаковъ, не замедлившій выступить противъ него къ границамъ своего владѣнія. Оба противника порѣшили покончить дѣло поединкомъ между собою и на этотъ разъ снова восторжествовали Херсонесцы. Фарнакъ, оставшись побѣдителемъ, обратилъ Воспорянъ въ рабовъ, завладѣлъ ихъ землею, назначилъ границы въ Киверникѣ, выше Херсонскихъ, оставивъ имъ земли около сорока миль. Границы эти существуютъ доселѣ; другія-же, упомянутыя мною выше, находятся близъ Кафы.

Однако-же Фарнакъ изъ состраданія немногихъ изъ Воспорцевъ оставилъ для воздѣлыванія земли; всѣмъ-же другимъ онъ позволилъ возвратиться на родину и тѣ изъ благодарности воздвигли ему въ Воспорѣ статую. Съ тѣхъ поръ Савроматы потеряли власть надъ Воспоромъ.

При сихъ обстоятельствахъ, во время управленія Херсонитами Ламаха, а Воспорянами Асандра, послѣдніе, стараясь какими-бы то ни было путями отмстить первымъ, узнавъ, что у Ламаха есть единственная дочь Гикія, а у царя ихъ были сыновья, придумали породниться съ Херсонитами, чтобы, вступя въ ихъ предѣлы, отмстить имъ за порабощеніе. Въ такихъ видахъ они отправили къ Ламаху пословъ. Херсонесцы изъявили желаніе породниться, но съ тѣмъ, что прибывшій къ нимъ Асандра сынъ никогда послѣ бракосочетанія не выѣдетъ для свиданія съ отцемъ; въ случаѣ-же попытки, будетъ казненъ. Босфорцы согласились на все и сынъ Асандровъ, пріѣхавши въ Херсонесъ, женился на Гикіи. Два года спустя умеръ Ламахъ и его замѣнилъ Зиѳъ. По прошествіи года, Гикія пожелала почтить память отца и, испросивъ на это позволеніе у начальниковъ, приступила къ устройству народнаго праздника. Между тѣмъ мужъ Гикіи, въ душѣ котораго таились злые замыслы, но не представлялось случая для приведенія ихъ въ дѣйствіе, узнавъ объ обѣтѣ жены, одобрилъ ея чувства, а самъ между прочимъ послалъ къ Воспорянамъ одного изъ рабовъ своихъ съ извѣстіемъ, что нашелъ средство завладѣть Херсономъ слѣдующимъ образомъ: чтобы въ разное время они присылали ему изъ Воспора 10 или 12 отважныхъ воиновъ, сверхъ гребцовъ, какъ бы для доставленія подарковъ. Прибывъ въ Херсонъ, они должны оставаться въ лодкахъ, а самъ онъ вышлетъ лошадей для принятія какъ ихъ, такъ и подарковъ.

Такимъ образомъ два года Воспоряне пріѣзжали въ Херсонъ съ подарками. Чтобы скрыть предательство, сынъ Асандра вводилъ ихъ пѣшкомъ въ городъ, а по прошествіи нѣсколькихъ дней подъ вечеръ выводилъ изъ него. Воспоряне, удалившись отъ Херсона на три мили, когда уже было совершенно темно, сворачивали съ дороги и, достигнувъ такъ называемаго Лимна, оттуда на лодкахъ переправились въ Сузы, а изъ Сузъ чрезъ малыя ворота входили въ домъ Ламаха. Дѣло это было извѣстно только тремъ изъ домашнихъ Воспорянъ, преданныхъ сыну Асандра, изъ коихъ одинъ отправлялся въ наз-

наченное мѣсто и возвѣщаль объ отплытіи лодокъ, другой провожалъ Воспорянъ въ Лимнъ, а третій перевозилъ изъ Лимна въ Сузы и вводилъ въ домъ Ламаха. Сверхъ того эти рабы приносили пищу заговорщикамъ и такъ искусно, что сама Гикія ничего не подозрѣвала.

Сынъ Асандра, какъ мы сказали выше, назначилъ день торжества въ память Ламаха, съ тѣмъ, что, когда весь городъ будетъ веселиться, онъ съ домашними своими Воспорянами сдѣлаетъ ночное нападеніе, зажжетъ городъ и побьетъ жителей. Въ два года, въ домѣ Гикіи, собралось около 200 Воспорскихъ воиновъ, и уже наступалъ день торжества въ память Ламаха, когда случилось слѣдующее происшествіе: одна изъ служанокъ Гикіи, которую она очень любила, провинилась въ чемъ-то и за это была прогнана съ глазъ госпожи и заперта въ отдѣльномъ покоѣ, подъ которымъ скрывались Воспоряне. Служанка пряла ленъ и нечаянно уронила веретено, которое, покотившись до стѣны, упало въ глубокую щель. Не будучи въ состояніи достать его оттуда, она приподняла одинъ изъ кирпичей и неожиданно увидѣла въ нижней части дома толпу людей. Тогда, искусно положивъ кирпичъ на свое мѣсто, она послала одну изъ служанокъ къ госпожѣ, прося ее прійти къ ней, ибо она имѣетъ передать и показать ей нѣчто важное. Гикія, вразумленная Богомъ, пошла, не взявъ никого съ собою; та заперла двери, пала къ ногамъ госпожи и сказала, въ чемъ дѣло. Убѣдившись въ дѣйствительности и понявъ значеніе сбора чужестранной толпы, Гикія поручила двумъ изъ родственниковъ своихъ собрать къ ней лучшихъ представителей города и когда они явились, она, пообѣщавъ имъ открыть важную тайну, потребовала, чтобы они предварительно поклялись, что за это она будетъ похоронена въ городѣ. Представители исполнили ея требованіе. Успокоенная ихъ клятвою, Гикія продолжала: „теперь я открою вамъ мою тайну. Мужъ мой, по врожденной ненависти къ нашему городу, тайно провель въ домъ мой около 200 вооруженныхъ Воспорянъ. Заговорщики намѣреваются въ день похороннаго пира въ память отца моего, когда

граждане ночью разойдутся по домамъ, сдѣлать нападеніе, зажечь дома и васъ всѣхъ побить. На дняхъ я буду праздновать поминовеніе, вы получите все, что я общала выдавать вамъ ежегодно. Приходите съ весельемъ въ домъ мой, требуйте и получайте, что вамъ слѣдуетъ, чтобы заговорщики не подозрѣвали, что тайна ихъ открыта, иначе можетъ произойти междоусобное кровопролитіе. По обыкновенію, но съ умѣренностію празднуйте торжество поминовенія, пляшите на улицахъ, а между тѣмъ, чтобы у каждаго изъ васъ дома были приготовлены сухое дерево, хворостъ и факела. И когда, какъ-бы по моему желанію, вы окончите пиръ и пляски и разойдетесь по домамъ, а я ранѣе обыкновеннаго велю запирать ворота, вы тайно высылаете рабовъ и рабынь съ хворостомъ и факелами, и велите имъ обкладывать главный входъ моего дома, вокругъ него и вообще всѣ выходы; а сверхъ того, чтобы дерево легче загоралось, велите его поливать масломъ. Тогда я выйду и велю вамъ зажечь хворостъ, а вы, сдѣлавъ это, окружите весь домъ и если заговорщики будутъ спасаться въ окна, убивайте ихъ. Теперь идите, откройте мою тайну и приготовьте все, что я приказала.

Граждане тотчасъ исполнили приказаніе Гикія.

Когда-же насталъ день поминовенія, Гикія созвала херсонитовъ и по объѣту приказала раздать имъ все, что нужно было для похороннаго пира; мужъ ея съ своей стороны велѣлъ отпустить вина болѣе обыкновеннаго.

Граждане, какъ это имъ было приказано, веселились цѣлый день и плясали на улицахъ; подъ вечеръ, какъ-бы утомясь, разошлись по домамъ. Гикія щедро раздавала вино своимъ домашнимъ, чтобы скорѣе напоить ихъ и уложить спать, а сама воздерживалась также какъ и ея комнатныя рабыни: она приказывала наливать себѣ воды въ стаканъ пурпурнаго цвѣта и такимъ образомъ успѣла обмануть мужа.

Когда наступилъ вечеръ и граждане разошлись по домамъ Гикія ранѣе обыкновеннаго стала звать мужа спать и онъ согласился, чтобы не возбудить въ ней подозрѣній. Тогда она велѣла запереть ворота и всѣ выхо-

ды дома и по обыкновенію принести къ себѣ ключи, давъ тайное приказаніе одной изъ комнатныхъ рабынь, которой были извѣстны ея намѣренія, чтобы она вмѣстѣ съ другими рабынями выносила ея одежду, золото и прочія драгоценныя вещи и была готова слѣдовать за нею по приказанію. И рабыни исполнили приказаніе госпожи. Мужъ ея между тѣмъ заснулъ, чтобы скорѣе встать и сдѣлать ночное нападеніе на городъ. Гикія, дождавшись, пока въ домѣ все успокоилось и видя, что мужъ ея, упоенный виномъ, также спитъ, вышла изъ опочивальни и заперла его въ ней, потомъ позвала слуганокъ, вышла изъ дому, заперла всѣ двери и велѣла гражданамъ зажигать домъ со всѣхъ концовъ. Когда огонь обхватилъ все зданіе, заговорщики хотѣли было спастись, но тутъ-же были убиваемы. Такимъ образомъ они всѣ погибли съ домомъ и Богъ избавилъ Херсонъ отъ козней Воспорянъ. Граждане хотѣли на свой счетъ выстроить домъ Гикіи, но она отказалась, приказавъ напротивъ того свозить на пепелище всѣ нечистоты города какъ на мѣсто, гдѣ совершалъ гибельный для Херсона замыселъ и мѣсто сіе до сихъ поръ называется сторожевою башнею Ламаха.

Херсониты, видя, что Гикія предпочитаетъ общественныя выгоды своимъ собственнымъ, изъ благодарности воздвигли въ честь ея двѣ мѣдныя статуи. Одна изображаетъ ее въ великолѣпной одеждѣ, открывающею Херсонитамъ козни мужа; другая, вооруженною, мстящею предателямъ. На подножи изсѣчена была надпись, гласившая объ ея благодѣяніяхъ. Такъ какъ въ юности своей она оказала столько благодѣяній своимъ гражданамъ и явила столько благоразумія, что спасла свое отечество.

Къ сказанному Константинъ Порфирородный добавляетъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, Гикія, желая убѣдиться, насколько Херсонесцы способны сдержать обѣщаніе, сговорила съ рабынями своими, которыя распустили слухъ о смерти ея. Граждане, приступая къ похоронамъ, распорядились похоронить ее за городскими стѣнами, но въ это время, когда поднесли ее къ могилѣ она поднялась изъ гроба и начала упрекать ихъ въ

неблагодарности. Обстоятельство это послужило поводомъ, что еще при жизни ея избрано было мѣсто для могилы въ городѣ и поставлена была на немъ мѣдная позолоченная статуя.

Должно знать, заключаетъ исторіографъ, — что въ случаѣ возмущенія херсонесцевъ или неповиновенія ихъ власти императорской, всѣ корабли ихъ, сколько успѣютъ захватить, вмѣстѣ съ грузомъ, возвращаются въ городъ. Матросы и пассажиры изъ херсонитянъ сажаются въ тюрьму. Послѣ сего посылаются три императорскіе чиновника, одинъ на побережье округа Арменіи, другой на побережье округа Вукелларійцевъ, чтобы завладѣть кораблями херсонитянъ и съ грузомъ возвратитъ въ городъ. Людей сковываютъ и сажаютъ въ общественныя тюрьмы и потомъ обо всемъ доносятъ. Сверхъ того ни понтійскіе, ни пафлагонскіе, ни Вукелларійскіе корабли съ грузомъ хлѣба, масла или другихъ жизненныхъ припасовъ, не имѣютъ права заходить тогда въ Херсонесъ.

Сверхъ того преторъ долженъ уменьшить десятью литрами содержаніе, отпускаемое Херсонесу изъ государственныхъ доходовъ и двумя — сумму, получаемую городомъ по условію, потомъ выѣхать изъ Херсонеса и жить въ другомъ мѣстѣ. Херсонцы, еслибы не служили въ Романи и не производили торгова воскомъ и кожами, которые получаютъ отъ пацинакитовъ, и еслибы не получали произведеній изъ Аминса, Пафлагоніи, отъ вукелларійцевъ и мѣстъ, сосѣднихъ Арменіи, то не могли бы существовать *)“. На этомъ прекращается повѣствованіе византійскаго государя о Херсонесѣ. Надо полагать, что послѣ послѣдняго столкновенія Босфорцы не обнаруживали болѣе непріязненныхъ отношеній къ Херсонесу, препятствующему имъ вполне господствовать на Черномъ или Азовекомъ моряхъ, и занялись собственными своими раздорами за престолонаслѣдіе. Тѣмъ же временемъ республиканцы въ тишинѣ и спокойствіи заботились о роскошной жизни и увеличеніи средствъ своихъ, которыя, повидимому, достигли такого блиста-

*) См. I т. Записокъ Одесск. Общ. Истории и древностей.

тельнаго состоянія, что безпрестанно возбуждали алчность мѣстныхъ обитателей и другихъ кочующихъ въ сосѣдствѣ народовъ. Неотступныя осады эти обезсилили херсонцевъ до такой степени, что, по свидѣтельству Прокопія, бывшаго константинопольскимъ префектомъ въ 526 году, государь его Юстиніанъ I долженъ былъ на свои средства возстановить въ числѣ прочихъ и херсонскія укрѣпленія. Благодарственная заботливость эта, весьма вѣроятно, спасла Трахейскій полуостровъ отъ турковъ, осадившихъ его въ 579 году. Избавившись и отъ нихъ, херсонцы въ то время, когда мечтали о счастливомъ бытіи, подверглись ужасной мести со стороны императора Юстиніана II. Вотъ какъ передаетъ намъ это событіе Никифоръ, патріархъ константинопольскій, умершій въ 828 году: „Юстиніанъ-ринотмитъ послѣ перваго своего 10-лѣтняго царствованія былъ (въ 695 г.) лишенъ оконечностей носа и языка и въ такомъ видѣ сосланъ въ Херсонесъ, гдѣ часто онъ поговаривалъ о возвращеніи своемъ на царство. Херсонесцы, опасаясь отъ этого печальныхъ послѣдствій, согласились умертвить его или же связаннаго отправить къ императору Тиверію Апсимару. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ бѣжалъ въ укрѣпленіе, именуемое Дори и пригласилъ къ себѣ начальника хазаровъ, который подружился съ нимъ и отдалъ за него сестру свою Θεодору *). Впослѣдствіи, когда этому варвару пришлось вторично вступитъ на константинопольскій престолъ, онъ, полный мести къ херсонесцамъ и прочимъ обитателямъ Крыма, въ 708 году вооружилъ, сколько могъ, большихъ и малыхъ судовъ и послалъ на нихъ до 100 т. воиновъ съ приказаніемъ истребить всѣхъ жителей Херсонеса, Воспора и сосѣдственныхъ округовъ. Завладѣвъ Херсонесомъ безъ сопротивленія, войска юстиніановы безошадно убивали всѣхъ за исключеніемъ немногихъ только юношей, которые, какъ рабы, розданы были воинамъ. Такимъ образомъ, предавъ смерти первенствующихъ гражданъ, они съ остальными отплыли въ Константинополь, но такъ какъ это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, то ихъ на пути настигла буря, которая погу-

*) По Карамзину (1 пр. 88) не сестру, а дочь.

била до 73 т. человекъ. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ не только выразилъ сожалѣніе, но очень обрадовался и вновь приготовился послать въ Херсонесъ войско съ тѣмъ, чтобы до основанія разорить городъ и вспахать самое пепелище его. Распространившійся объ этомъ слухъ побудилъ всѣхъ таврійскихъ владѣльцевъ или начальниковъ укрѣпленій привести ихъ въ надлежащее состояніе и просить защиты у Казарь. Узнавъ объ этомъ и предположивъ отказаться отъ дальнѣйшей мести, Юстиніанъ послалъ въ Херсонесъ нѣсколько знатныхъ людей съ тремястами вооруженныхъ воиновъ, подъ предлогомъ возстановить въ немъ прежній порядокъ, но, повидимому, извиниться предъ казарскимъ каганомъ. Однако херсонесцы на этотъ разъ, впустивъ къ себѣ только начальниковъ, заперли городскія ворота и, умертвивъ однихъ изъ нихъ, остальныхъ отправили къ кагану. Недовольствуясь этимъ, они съ жителями прочихъ мѣстъ Тавріи въ справедливомъ негодованіи отреклись отъ Юстиніана и провозгласили императоромъ, подъ именемъ Филиппика, какого-то армянина Вардана. Поступокъ этотъ привелъ въ ужасную ярость Юстиніана и онъ вторично послалъ къ Херсонесу флотилію съ войскомъ, чтобы истребить всѣхъ до единого въ немъ и разорить городъ до основанія. Отданное приказаніе должно было исполниться буквально, но въ то время, когда Юстиніаново войско завладѣло одною херсонесскою башнею и разбивало другую, подступили казары, явившіеся на призывъ осажденныхъ. Случайность эта не только остановила борьбу, но даже заставила всю флотилію передаться херсонесцамъ и съ ними вмѣстѣ признать императоромъ Филиппика. Вскорѣ послѣ того Юстиніанъ былъ казненъ смертію.

Нѣтъ сомнѣнія, что варварская месть Юстиніана была поводомъ гибели Херсонеса и расхищенія изъ него всего, пріобрѣтеннаго народонаселеніемъ въ теченіи вѣковъ. Мы смѣло можемъ предполагать, что первая флотилія этого государя увезла изъ славной этой республики всѣ историческіе и лучшіе памятники, которые вмѣстѣ съ собою погребла въ волнахъ Чернаго моря.

Очень натурально, что послѣ этого событія остатки

жителей Херсонеса должны были долго трудиться, что-возвратиться къ первобытному благосостоянію, но такъ какъ торговля не можетъ выждать возстановленія разоренныхъ городовъ, то тѣмъ временемъ она перенеслась въ Судгаію и Партенигъ, а это послѣднее обстоятельство вѣрно пророчило, что Херсонесу не достигнуть болѣе минувшаго счастливаго состоянія. Однако, не смотря на всѣ эти неудачи, славный по географическому мѣстоположенію и бухтамъ своимъ Трахейскій полуостровъ снова началъ населяться и достигъ до того, что въ царствованіе императора Θεοφιλα (съ 829 по 842 г.) причисленъ былъ къ областнымъ городамъ Восточной римской имперіи съ правомъ первенства надъ всѣми прочими греческими поселеніями въ Тавридѣ и Цихіи. Съ этого времени Херсонесъ утратилъ свое самостоятельное управленіе и протевтоны его должны были повиноваться стратегамъ (военачальникамъ), присылаемымъ изъ Константинополя. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, первымъ стратегомъ, назначеннымъ изъ Византіи въ 835, г. прибылъ Петронъ.

Въ 988 году въ то время, когда Херсонесъ оправился и готовъ былъ забыть всѣ прошлыя несчастья, къ стѣнамъ его подступилъ Великій князь Владиміръ съ дружинами своими, рѣшившійся во что-бы ни стало завладѣть имъ. Судя потому, какъ долго трудился этотъ князь и какъ разумно не допускали херсонесцы проникнуть ему въ городъ свой, мы вправѣ заключать, что Херсонесъ остался-бы неприкосновеннымъ, еслибъ одинъ изъ горожанъ не научилъ русскаго князя способу заставить обитателей сдаться безъ сопротивленія. Способъ этотъ, какъ сообщаетъ намъ исторія, заключался въ указаніи водопроводныхъ трубъ, снабжавшихъ городъ водою; *) переданъ-же былъ на запискѣ, вложенной и пущенной въ стрѣлѣ какимъ-то священникомъ Анастасомъ, безъ сомнѣнія, угадавшимъ, съ какою цѣлью домогался Владиміръ завоевать нисколько неинтересный для него Трахейскій полуостровъ.

Завоеваніе Херсонеса русскими, составляя важную

---

*) Водопроводъ этотъ въ настоящее время открытъ.

эпоху для Россіи и вообще въ исторіи христіанства, не могло остаться безъ дурныхъ послѣдствій на только что окрѣпшій и возобновившій свою торговлю городъ. Весьма вѣроятно, что во время непріязненныхъ дѣйствій большинство зажиточныхъ обитателей выселились изъ Херсонеса въ Судгагію, чтобы избѣгнуть предполагаемой потери имущества и смерти, и оттуда начали вести свои коммерческія дѣла. Предположеніе это мы основываемъ на томъ, что послѣ отхода Владиміра съ дружинами, городъ этотъ съ каждымъ годомъ клонился къ упадку и чтобы воскресить свою торговую дѣятельность, началъ требовать у императора Михаила Дуки привилегіи, но, не получивъ ея, Херсонесцы взбунтовались. Обстоятельство это вмѣсто того, чтобы принести имъ какую-либо, выгоду послужило поводомъ къ тому, что императоръ обратился за помощію къ русскимъ, но, не доживъ самъ, возбудилъ въ Херсонесахъ жажду завладѣть частью русской флотиліи, чего не могли имъ простить славяне и за что князь Владиміръ *) въ 1095 г. ворвался въ Крымъ и разбилъ ихъ невдали отъ Феодосіи.

Битва эта также не дешево обошлась Херсонесцамъ, потому что они возвратили суда и заплатили военныя издержки, однако они не падали духомъ и, повидимому, старались насильственно добиться утраченной монополіи на Черномъ морѣ. Это доказывается тѣмъ, что годъ спустя они снова взбунтовались противъ императора Алексѣя и признали государемъ бродягу Діогена; но это, кажется, была послѣдняя вспышка подготовленнаго къ смерти тѣла и, вѣроятно, послѣдовала-бы ему смерть, еслибъ вскорѣ затѣмъ не былъ занятъ Константинополь крестоносцами (въ 1204 г.), а Таврическія владѣнія Восточной имперіи предоставлены были собсвенной участи. Что было съ Херсонескою республикою въ это время и какъ она управлялась — мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но полагаемъ, что она на этотъ разъ подпала подъ власть какого-нибудь князя изъ императорской фамиліи, вынужденнаго бѣжать изъ Визан-

*) Мономахъ.

ти. Предпослѣднимъ бѣдствіемъ Херсонесцевъ было внезапное нашествіе на нихъ Литовскаго князя Ольгерда въ 1390 году. Князь этотъ, задумавшій однажды невсегда сокрушить всѣ соеѣдніе народы, безпокоившіе Литву, взявъ приступомъ Херсонесь, разрушилъ его укрѣпленія, перебилъ жителей и ограбилъ не только народное, но и церковное имущество. Надо полагать, что послѣ этого времени въ немъ оставалось немного жителей и что каждый, желавшій поселиться здѣсь, былъ принимаемъ охотно. Предположеніе наше имѣетъ видъ правдоподобія при обсужденіи повода присылки сюда папою епископа въ 1333 г., которому поручено было воздвигнуть католическій храмъ во имя Св. Климента.

Горькая судьба нѣкогда славнаго Херсонеса, готоваго снова возродиться, довершена генуэзцами, основавшими свою факторію на развалинахъ Θεодосіи. Отважные и рѣшительные люди эти, оказавъ содѣйствіе императору Палеологу къ освобожденію Константинополя изъ Венеціанскихъ рукъ, заставили его торжественно признать себя друзьями съ предоставленіемъ безошпиннаго права торговать не только внутри имперіи, но и по берегамъ всего Чернаго моря и кромѣ этого не посылать болѣе кораблей въ Херсонесь.

Послѣ этого несокрушенный никакими ужасами войны и алчностью поработителей, Херсонесь долженъ былъ прекратить свое существованіе и превратиться въ тѣ развалины, на которыя мы смотримъ теперь съ изумленіемъ.

Нѣкоторые изъ бытописателей свидѣтельствуютъ, что жители Херсонеса переселились въ Судгаію, а лучшіе памятники его перевезены на Константинопольскіе рынки; но едва ли это такъ: скорѣе Херсонесцы переселились въ Византію и Анатолю, а мы сами при постройкѣ Севастополя довершили разрушеніе его стѣнъ, укрѣпленій и другихъ памятниковъ, могущихъ много лѣтъ еще свидѣтельствовать о красотѣ и величіи этого ничтожнаго по народонаселенію, но важнаго въ исторіи народовъ, по живучести своей, греческаго города.

Босфорское царство.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по берегамъ Керченскаго пролива, богатаго рыбными ловлями и расположеннаго въ центрѣ двухъ морей, примыкавшихъ къ плодороднымъ и счастливымъ странамъ свѣта, съ глубочайшей древности обитали люди, занимавшіеся торговлею; но мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ этомъ до основанія греческихъ эмпорій. Впрочемъ, древніе писатели сообщаютъ намъ кое-что о Кимеріанахъ, будто-бы основавшихъ гдѣсь городъ Кимеріонъ и присвоившихъ проливу свое имя. Однако, судя потому, что *кимеріонъ* (складочное мѣсто) есть слово греческое, справедливѣе было бы думать, что городъ этотъ первоначально основанъ какими-нибудь выходцами изъ знаменитаго Милета, суда котораго издревле посѣщали Черное и Азовское моря, которые впоследствии уступили его кимеріанамъ, народу несомнѣнно имѣвшему свое собственное названіе, но окрещенному греками по своему. При отсутствіи положительныхъ данныхъ о судьбѣ береговъ Керченскаго пролива даже во времена Скиѣскаго владычества мы поневолѣ должны начать исторію Босфорскаго царства съ греческаго періода и руководствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя завѣщаны намъ писателями греческаго происхожденія *).

По разсказу Геродота, появленіе греческихъ эмпорій у береговъ Воспора Кимерійскаго, слѣдуетъ отнести къ временамъ возмущенія Персидскихъ сатраповъ греческаго происхожденія противъ Дарія, такъ какъ имъ при походѣ на Скиѣовъ удалось осмотрѣть эти берега.

По мнѣнію же Діодора Сицилійскаго (I. IV с. II), первое поселеніе основано Милетянами подъ предводительствомъ сына Аэта, царя Колхидскаго, отца Медеи, которому Агаеть, царь Скиѣскій, отдалъ страну, лежащую при устьи рѣки, Пантикапеи.

Страбонъ также приписываетъ основаніе греческихъ

---

*) Переселеніе изъ древней Греціи было необходимо, потому что, по закону Созона, въ Аѣйнахъ не допускалось болѣе 20 т. гражданъ. Тѣмъ же правиламъ подчинялись и другіе города.

колоній выходцамъ изъ Милета, получившимъ на это право отъ Скивовъ.

Константинъ Порфирородный и Кедринъ остаются при убѣжденіи, что переселеніе грековъ на Керченскій полуостровъ послѣдовало не раньше, какъ за 480 лѣтъ до Р. X.

По словамъ же другимъ историографъ, основанныхъ на предложеніи Пантикапейцевъ, первыя колоніи грековъ на этомъ полуостровѣ относятся къ временамъ похода грековъ въ Колхиду.

По заключеніямъ же современныхъ писателей, Пантикапея основана не раньше 515 года до Р. X. и не позже 494-го, когда послѣдовало паденіе того знаменитаго Милета, который долго именовался матерью ста дочерей.

Намъ не предстоитъ пока особенной надобности сосредоточивать вниманіе на времени основанія греческихъ колоній въ Тавридѣ, такъ какъ мы не разъ уже заявляли, что поселенія эти начали образовываться съ того времени, когда Малоазійскіе греки научились строить суда и плавать по Черному морю. Въ переселеніи этомъ мы также не подозрѣваемъ особенныхъ насильственныхъ причинъ, а просто видимъ естественное желаніе чело-вѣка занять или поселиться на такой мѣстности, которая предоставляетъ болѣе выгодныхъ условій для жизни. Очень натурально, что походъ въ Колхиду открылъ нѣкоторымъ изъ древнихъ грековъ удобства жизни въ Тавріи, но мы вправѣ думать, что походъ этотъ не могъ быть предпринятъ, еслибъ эти отважные путешественники не имѣли точнаго свѣдѣнія о мѣстоположеніи этой страны. Узнать-же они могли или посредствомъ сосѣднихъ обитателей Колхиды, съ которыми сообщались или потому, что раньше еще проникали къ Кавказскимъ берегамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что греческія поселенія искони были по юго-восточному берегу Тавриды, но нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи заманили людей болѣе предприимчивыхъ и образованныхъ и положили основаніе новыхъ самостоятельныхъ республикъ, княжествъ и наконецъ царствъ. Послѣ этого времени имъ давали мѣсто въ исторической дѣятельности народовъ и опредѣляли лѣтосчисленіе.

По свидѣтельству Амміана Марцелина (жившаго въ 4 вѣкѣ по Р. Х.), Милетское поселеніе на Керченскомъ берегу, вѣкъ спустя послѣ основанія своего, достигло такого цвѣтущаго положенія, что величалось „*матерью всѣхъ Милезійскихъ городовъ Воспора*“ или иначе, оно расширилось на столько, что образовало въ ближайшихъ окрестностяхъ нѣсколько другихъ поселеній, развалины которыхъ по настоящее время свидѣлствуютъ справедливость этого сказанія. Однако Марцелинъ, повидимому, ошибся на нѣсколько вѣковъ, потому что во время путешествія Геродота (въ 444 и 450 г. до Р. Х.) на берегахъ Керченскаго полуострова существовали два города: Кимеріонъ и Поремея Кимерійская, ничѣмъ особеннымъ не заинтересовавшіе этого любознательнаго историографа. Мы очень хорошо понимаемъ, что въ это время поселенія эти не могли обратить ни чьего вниманія, потому что народное управленіе никогда не заботилось объ исторической славѣ, а напротивъ жертвовало всѣмъ въ пользу личныхъ интересовъ и, безъ сомнѣнія, возбуждало раздоры и другаго рода неурядицы, свойственныя анархіи и недопускающіе развитія общаго благосостоянія. Только, вѣроятно, потомъ, когда сознаны были гибельныя послѣдствія такого рода управленія и появились династы или архонты въ Поремеѣ, судьба Воспорскихъ поселеній настолько упрочилась, что легко было ожидать огромной массы искателей счастья при блистательной будущности только что основаннаго на монархическихъ началахъ ничтожнаго по пространству участка земли. Великая будущность столицы, расположенной на территоріи, которая по географическому положенію господствовала на проливѣ, соединяющемъ два моря, и соприкасалась съ баснословнымъ по богатству почвы Кавказомъ, тѣмъ еще обезпечивалась, что достаточно образованные колонисты не чуждались общаго отечества своего и единоплемянниковъ, отъ которыхъ продолжали пользоваться всякаго рода искусствами и нововведеніями, имѣющими цѣль развитія нравственнаго и эстетическаго чувства. Духовная связь эта, по удостовѣренію древнихъ писателей, такъ, была значительна, что напр. священный огонь, который не-

угасимо горѣль на очагѣ общественнаго пританея (храма) въ колоніи, непременно доставлялся изъ храма метрополіи; такъ равно, чтобы и жрецы, служащіе принятымъ божествамъ, происходили оттуда-же. При такой привязанности къ національности, слѣдовало то, что метрополія никогда не заискивала устанавливать къ отдаленныхъ колоніяхъ правителей отъ себя и не считала удобнымъ для своихъ интересовъ обязывать ихъ какими-либо условіями. Свобода эта впрочемъ не всегда служила къ благу колонистовъ, которые, дѣйствуя во всѣхъ случаяхъ самостоятельно, не пользовались общимъ содѣйствіемъ при нашествіи непріятеля и очень легко въ одиночку дѣлались жертвами его. Такъ погибъ и Милеть, краса Іоніи, основавшій до 80 обширныхъ колоній, такъ погибли въ одиночку и всѣ дщери его только потому, что не хотѣли охранять цѣлость и самостоятельность другъ друга.

Вліяніе Милета всего болѣе выразалось въ обычаяхъ и постановленіяхъ Воспорскихъ колоній даже и въ то время, когда установилась у нихъ монархическая власть, отъ которой зависѣли нововведенія. Подражая во всемъ почти прадѣдовскимъ устарѣвшимъ приемахъ они не думали выработать ничего новаго и какъ бы чуждались достигать его жертвами.

По разсказу Діодора, первые представители Воспорскихъ колоній именовались Археанактидами. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что названіе это происходитъ отъ собственнаго имени, впервые возведенной въ это достоинство личности, но намъ кажется, что слово это нарицательное и означаетъ въ переводѣ *начало-основателя* власти, династіи или порядка управленія. Весьма правдоподобно предположеніе Рауль-Рошета, что Археанактиды, пользуясь богатствомъ и народнымъ уваженіемъ, самовольно присвоили себѣ власть и такимъ образомъ положили начало династіи, господствующей въ продолженіи 42 лѣтъ т. е. съ 480 до 438 года до Р. Х. Надо полагать, что со времени сосредоточія власти въ ихъ рукахъ на Воспоръ начали стекаться изъ различныхъ мѣстностей древняго міра предприимчивые эллины, отлично понимающіе выгоды жительства на этомъ

проливъ и увѣренные въ своемъ будущемъ спокойствіи. Напльвъ этотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое обогащеніе народонаселенія, заимствовавшаго уже приемы правленія и образъ жизни изъ Аѳинъ, сдѣлали въ какихъ-нибудь 5 и 6 лѣтъ то, что ничтожная при Геродотѣ Пармея, превратилась въ обширный городъ Пантикапею и не пожелала болѣе управляться Археанактидами, уподобляемыми существующимъ въ то время тиранамъ или деспотамъ, а потребовала архонта или полноправнаго блюстителя народнаго достоянія и священнхъ постановленій. Я полагаю, что слово архонтъ или господинъ сначала имѣло значеніе распорядителя или первенствующаго въ совѣтахъ, но въ послѣдствіи, снискавъ уваженіе къ услугамъ, усвоило себѣ значеніе монархической власти, неограниченной никакими постановленіями. Естественно, что это зависѣло отъ умѣнія постановить себя въ отношеніи къ управленію народнымъ интересомъ, а какъ извѣстно намъ, первая династія архонтовъ Воспора отличалась дѣятельною предприимчивостію, твердостію характера и терпимостію иностранцевъ. Щадя демократическую щекотливость и его притязанія на основную силу государства, они защищали и поощряли благосостояніе вольныхъ общинъ и въ тоже время заботились о популярности своей посредствомъ распространія предѣловъ государства. Послѣднее имъ всего болѣе удалось на Кавказѣ, который представлялъ громадную естественную сокровища. Воздвигнувъ въ резиденціи своей акрополь и предохранительный ровъ, охраняемый укрѣпленіями отъ внезапнаго нашествія Тавро-скиѳовъ и другаго рода кочующихъ номадовъ, архонты эти начали мечтать о томъ, чтобы пользоваться извѣстностію въ Аѳинахъ и повидимому, чрезвычайно много дѣлали для того, чтобы создать постоянныя торговыя сношенія между своею столицею и столицею славной въ то время Аттики. Сношенія эти не запоздали явиться, потому что въ Пантикапею свозились такіе продукты, въ которыхъ крайне нуждались Эллада и Ионическіе острова, насколько они укрѣпились между этими отдаленными мѣстами, мы можемъ судить изъ того, что Воспоръ именовался житницею Аѳинъ и кромѣ того слылъ за городъ,

полный солиной (ὄταρχο πλεψ Βόσπορος). По свидетельству нѣкоторыхъ древнихъ писателей и ораторовъ, Аѳиняне за 400 лѣтъ до Р. Х. производили здѣсь такую огромную торговлю, что царь Левконъ принужденъ былъ учредить въ Θεοδοσίи портъ, въ которомъ могли-бы помѣститься по крайней мѣрѣ 100 кораблей. Этимъ доказывается, что Пантикапейскій прикрытый отъ бури заливъ не могъ вмѣщать всего числа иностранныхъ судовъ и царь позаботился соорудить для нихъ добавочное пристанище. Такая значительная торговля, безъ сомнѣнія, происходила не только отъ выгодныхъ сдѣлокъ, но и оттого, что купцы были освобождены отъ всякаго рода привозной и вывозной пошлины, что объявлялось во всеобщее свѣдѣніе на трехъ колоннахъ, воздвигнутыхъ: въ Аѳинскомъ портѣ въ Пиреѣ, на Босфорѣ фракійскомъ (Константинопольскомъ проливѣ) и на Босфорѣ Кимерійскомъ (Керченскомъ).

Естественно, что подобныя льготы заманивали каждого свозить во владѣнія Левкона цѣнныя мануфактурныя произведенія запада и, сбывая ихъ выгодно, приобретать въ замѣнъ несравненно выше цѣнившіяся у нихъ: пшеницу, кожи, мѣха, воскъ, золото и невольниковъ; но всего выгоднѣе было приобретение золота, которое въ большомъ количествѣ доставлялось на Воспоръ съ Алтая и Урала и гораздо дешевле цѣнилось въ сравненіи съ серебромъ, которымъ изобиловала тогда Греція. Всѣ эти удобства и выгоды породили въ Пантикапейцахъ стремленіе къ роскоши и искусствамъ и сдѣлали ихъ царство извѣстнымъ и славнымъ въ исторіи Тавриды. Что-же касается до ихъ архонтовъ-царей, мы, судя по воздаваемымъ имъ похваламъ такими ораторами, какъ Исократъ и Демосфенъ и даже статуямъ, воздвигаемымъ въ аѳинскомъ акрополѣ, должны думать, что эти влѣстители управляли народомъ своимъ безупречно для того времени, вслѣдствіе чего легко добились права престолонаслѣдія. По словамъ Страбона, большая часть архонтовъ-царей Воспора, начиная отъ Перисада и Левкона были очень добрые государи, а по Діодору, (к. XX § 55) они пользовались величайшими хвалами отъ подданныхъ.

Намъ хотѣлось-бы познакомить читателя съ властью этихъ государей, но за неимѣніемъ достаточныхъ оснований ограничимся сужденіемъ объ этомъ дѣянiями ихъ. Такъ напр. Эвмель, вступивши на престоль, велѣлъ убить женъ, дѣтей и даже друзей своихъ, кратковременныхъ предшественниковъ (братъевъ), но, замѣтя, что пантикапейцы возмущались отъ этихъ убійствъ, онъ собралъ народныхъ представителей и утѣшилъ ихъ обѣщаніемъ возстановить въ отцовскихъ правахъ гражданства и льготахъ, которыми пользовались ихъ предки. Далѣе Діодоръ сообщаетъ, что государь этотъ такимъ способомъ возвратилъ къ себѣ любовь и продолжалъ управлять подданными по *установленнымъ законамъ*. Изъ этого мы заключаемъ, что архонты-цари хотя и пользовались неограниченною властью, но у народа были свои права, льготы и законы, на основаніи которыхъ дѣйствовалъ Воспорскій народный совѣтъ въ формулѣ: *постановлено совѣтомъ и народомъ*.

Намъ не извѣстно, кто именно засѣдалъ въ этомъ совѣтѣ, но несомнѣнно, что въ экстренныхъ случаяхъ онъ сзывался архонтомъ; членами-же его, вѣроятно, были представители различныхъ обязанностей въ столицѣ какъ напримѣръ: *эпимелиты* или блюстители священныхъ обрядовъ, *агорономъ*, или блюститель торговыхъ постановленій, *Гимназіархъ* или начальникъ гимназій, префектъ, главный бухгалтеръ, старый начальникъ гражданъ, старый почетный чиновникъ, хилиархисъ (тысячникъ), лохось или начальникъ дружины, министры и другіе чины, извѣстные намъ по надписямъ, открытымъ въ Керчи.

О находчивости и вліяніи на Пантикапейцевъ ихъ архонтовъ, мы можемъ сообщить изъ Полиена (кн VI гл. IX) два примѣра ихъ безцеремоннаго обращенія съ вліятельными даже подданными. Левконъ III, узнавъ, что противъ него составляется заговоръ, призвалъ къ себѣ всѣхъ торговцевъ и занялъ у нихъ всѣ деньги, какими они располагали, подъ предлогомъ необходимости подкупить враговъ, которые должны ему покориться. Отобравъ отъ нихъ все достояніе, онъ открылъ имъ тайну заговора, требуя, чтобы они изъ за интереса своего

истребили заговорщиковъ. Купцы охотно исполнили это приказаніе и получили обратно деньги свои только по утвержденіи имъ своей власти.

Въ другой разъ этому же Левкону захотѣлось увеличить казну свою легкимъ способомъ и онъ отдалъ приказаніе немедленно представить къ нему всю прежнюю монету для однообразной перечековки. Этимъ способомъ, захвативъ все почти золото, онъ, передѣлавъ характеръ монеты, удвоилъ ея цѣну и безъ всякихъ затратъ приобрѣлъ столько же, сколько было у народа.

Всѣ приведенные нами цари, происходящіе отъ первой династіи архонтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Спартокидовъ, господствовавшихъ на Воспорѣ (по Страбону) до 115 г. до Р. Х., если и сдѣлали очень многое сначала для благосостоянія своего царства, то впоследствии довели его до такого безнадежнаго состоянія, что народъ, не будучи въ состояніи противостать стѣсненіямъ со стороны Тавро-скиевъ, вынужденъ былъ предаться прославившемуся въ это время Митридату, царю Понтійскому. Государь этотъ, пощадивъ автононію общинъ Воспора, дозволилъ ему продолжать чеканить монету отъ своего имени; но, подъ видомъ покровителя, обложилъ данью въ 180 т. медимновъ пшеницы (20 т. четвертей) и 200 талантовъ серебра. Уплачивая охотно эту дань, Воспорцы вскорѣ раскаялись невниманіемъ къ себѣ этого властелина и открыто начали возмущаться. Возмущеніе дошло до того, что (по Аппіану) Митридатъ только при второмъ нашествіи поработилъ Воспорянъ, оставивъ имъ архонтомъ того сына, который послалъ Лукулу золотой вѣнецъ за побѣду, одержанную надъ отцомъ. Впоследствии Митридатъ, потерявъ Понтійскія владѣнія свои, самъ возвратился на Воспорѣ въ надеждѣ здѣсь образовать новые легіоны противъ Римлянъ, но, предавъ смерти и втораго сына своего Ксифареса, брошеннаго въ волны пролива, онъ возмутилъ противъ себя послѣдняго и въ тоже время заставилъ отложиться отъ себя Херсонесъ, Θεодосію и другіе города и мѣстности Тавриды, обремененные налогами. Изъ краткаго списка Босфорскихъ царей, представляемаго нами вслѣдъ за симъ, читатель замѣтитъ, что жестокой, но отважный

государь этотъ долженъ былъ умереть ради того, чтобы не сдѣлаться добычею разъяренной черни, предводительствуемой роднымъ сыномъ его Фарнакомъ. Смерть Митридата, по свидѣтельству всѣхъ почти писателей, послѣдовала въ Пантикапейскомъ акрополѣ, а тѣло отправлено сыномъ въ Синопъ къ римлянамъ, какъ-бы въ удостовѣреніе въ смерти страшнаго и неумоимаго ихъ врага.

Со смертію Митридата начинается Римское господство въ странѣ этой, выражаемое утвержденіемъ Воспорскихъ царей, присылкою имъ въ даръ курульнаго кресла (*sella curulis*), почетнаго плаща, жезла, щита, копья, вѣнка и другихъ знаковъ почести, которыми пользовались римскіе проконсулы и тѣмъ еще, что на стѣнахъ Пантикапейскаго акрополя явились новыя знамена побѣдоноснаго Рима: орлы-громовержцы (сидящіе на перунѣ), перешедшіе даже и на монеты этого царства.

Съ этихъ поръ Пантикапея утратила свое торговое значеніе и съ каждымъ днемъ клонилась къ упадку: мятежи и неудовольствія, возбуждаемые назначеніемъ изъ Рима царей, все это пробудило наконецъ упавшій духъ въ Пантикапейцахъ и они рѣшились возстать противъ поработителей своихъ; но разбитые Маркомъ Агриппою, (по свидѣтельству современника Плинія), при самомъ входѣ въ Воспоръ, остались рабами Римской имперіи. Послѣднее усиліе, сдѣланное Митридатомъ III, съ цѣлью расширить свои владѣнія безъ соизволенія Рима и поддержать хотя этимъ средства царства, кончились тѣмъ, что его отвезли плѣнникомъ въ вѣчный городъ, предали публичному осмѣянію народа и затѣмъ предали казни въ удовлетвореніе каприза императора Гальбы.

Этотъ послѣдній актъ послужилъ такимъ грознымъ урокомъ для послѣдующихъ Воспорскихъ государей, что они при всякомъ удобномъ случаѣ старались убѣдить Римскихъ императоровъ въ своей безпредѣльной дружбѣ. Въ сказанномъ нами читатель увѣрится изъ различныхъ надписей, которыя мы приведемъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи нашемъ и смыслъ которыхъ свидѣтельствуешь, что цари эти, величаясь именами Римскихъ

императоровъ, имѣли въ виду этижъ доказать, какъ высоко цѣнили ихъ могущество или проще, что они видѣли въ нихъ своихъ отцовъ-благодетелей. Зависимость эта выражалась чаще всего въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Филоксаръ (или другъ кесаря).

Тавертъ Юлій (имя Римскаго императора)

и *Архиперевъ тонъ севастонъ* (первосвященникъ Августовъ. Римляне же обыкновенно называли ихъ *Regulus* или царьками и едвали придавали имъ какое-либо значеніе въ силѣ и власти.

Босфорскіе цари.

(По историческимъ записямъ, монетамъ и надписямъ).

Диодоръ Сицилійскій оказалъ намъ услугу тѣмъ, что сохранилъ въ порядкѣ имена нѣсколькихъ правителей Босфорскаго царства. Послѣ Археанактидовъ мы находимъ слѣдующихъ государей:

Спартокъ I воцарился въ 438 г., наименовавъ себя династомъ. Онъ царствовалъ по 86—4-ю олімпіаду и основалъ вторую династію Босфорскихъ царей. Селевкъ царствовалъ послѣ него 4 года. Спартокъ II, извѣстный, подъ именемъ дѣда, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, царствовалъ 22 года. Сатиръ I владѣлъ Воспоромъ около 14 лѣтъ. Левконъ I царствовалъ до 353 года до Р. X. Онъ усилилъ и распространилъ царство свое завоеваніемъ Θεодосіи, гдѣ учредилъ, по словамъ Демосфена, свободное торжище. Государь этотъ спасъ Грецію отъ голода, за что республика включила его съ дѣтьми въ число своихъ гражданъ. Ему приписываютъ также блистательную побѣду надъ сильнымъ флотомъ Ираклійцевъ, задумавшихъ высадиться въ его владѣніяхъ (Диодоръ сицилійск. I, III, XVI, Сократъ и Плутархъ). Отъ времени царствованія его мы имѣемъ три памятника или надписи на мраморныхъ обломкахъ слѣдующаго содержанія: ΕΥΘΕΝ ΤΟΙΣ ΑΡΚΑΣΙΝ ΛΕΥΚΩΝΑ
 . . . . . ΡΟΝΤΙΚΑΠΑΙΤΑΝ.

Вторая приведена нами съ изображеніемъ статуи въ отдѣлѣ древностей. Третья; „Стратокъ посвятилъ (вѣ-

роятно памятникъ) для отца своего Денострата жреца, Аполлону врачу, во время управленія Левкона Воспоромъ и Θεодосіею и во время царствованія его надъ Синдами, Торетами, Дандарами и Пессіями“.

Левконъ этотъ, по рассказамъ Плутарха, Діодора и Діона хрисостома, былъ образцомъ славнѣйшихъ государей и процарствовалъ 40 лѣтъ.

Спартокъ III, старшій сынъ Левкона, царствовалъ 5 лѣтъ. Перисадъ I. второй сынъ Левкона, царствовалъ на Воспорѣ съ 349 по 311 г. до Р. X. Онъ былъ современникомъ Филиппа Македонскаго и Александра великаго. Государь этотъ расширилъ свои владѣнія и за храбрость причисленъ къ сонму боговъ.

Отъ времени царствованія его существуютъ слѣдующія надписи: „Комосарія, дочь Горгиція и супруга Перисада, воздвигла по обѣту этотъ памятникъ могущественнѣйшимъ божествамъ Санергу и Астартѣ при архонтѣ Воспора и Θεодосіи, Перисадѣ, царѣ Синдовъ, всѣхъ Мэотовъ и Оатеевъ“.

Вторая надпись состоитъ въ томъ, что Месторипшъ посвящаетъ статую эту Аполлону надъ могилою отца въ то время, когда Перисадъ былъ архонтомъ Воспора и проч.

Третья, что Ксеноклидъ посвятилъ храмъ Діанѣ охотницѣ, когда Перисадъ, сынъ Левкона, былъ архонтомъ Воспора.

Четвертая, что Антистъ воздвигаетъ вѣчный памятникъ въ то время, когда Перисадъ управлялъ всею страпою, простиравшеюся до вершинъ Тавра и граничившею Кавказскими горами, и

пятая, что Коир... воздвигъ эту статую на могилѣ дочери своей Итіи въ честь Діаны Эфесской во время Перисада, архонта Воспора и т. п.

Послѣ Перисада занялъ Воспорскій тронъ старшій изъ сыновей его Сатиръ. Онъ царствовалъ 9 мѣсяцевъ и умеръ отъ раны, полученной въ руку.

Ему наследовалъ Пританисъ, но вскорѣ и онъ былъ свергнутъ братомъ Эвмеломъ и убитъ въ Киносѣ.

Эвмель присоединилъ къ своимъ владѣніямъ большую часть сосѣднихъ земель азіатскаго берега и прекратилъ

морскіе разбои Тавровъ и другихъ народовъ. Уничтоживъ семейства братьевъ своихъ, онъ погибъ, упавши съ колесницы.

Эвмела заступилъ сынъ его Спартокъ IV, который царствовалъ отъ 304 до 384 года. Отъ времени этого государя, пользовавшагося дружбою Аеннянъ, сохранились слѣдующія надписи, найденныя въ Крыму:

1).... Молпагоръ посвятилъ эту статую сыну своему Миродору во время царствованія Спартока, сына Эвмела.

2).... жена Демосфена соорудила этотъ памятникъ Деметръ Θεσμοφορѣ (Церерѣ законод.) въ архонствѣ Спартока...

и 3) Дочь Димоса воздвигнула эту статую по обѣту, Венерѣ, когда Спартокъ, сынъ Эвмела, былъ архонтомъ Воспора и Θεодосіа, царемъ Синдовъ....

Спартокомъ заканчивается рукопись Діодора и затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о послѣдующихъ Воспорскихъ царяхъ до Перисада, уступившаго царство свое Митридату Великому около 94 года до Р. X.

Отъ времени Перисада II найдены пять надписей на памятникахъ, воздвигнутыхъ:

1) Леостратомъ Церерѣ въ честь брата своего Кратеса,

2) Гестією матери Фригійской (Церерѣ),

3) Тимогеномъ въ честь Иракла или Геркулеса,

4) Родосцами Гупшоклесомъ и другими всѣмъ богамъ и

5) Левкономъ Аполлону врачу. Послѣдняя надпись принадлежитъ къ статуѣ, воздвигнутой сыномъ Перисада.

По надписи, найденной въ Керчи въ 1833 г., послѣдовавшимъ государемъ былъ Спартокъ V. Надпись состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: Въ царствованіе Спартока, сына Перисадова, Аглай, сынъ Ираклида, Вахху.

Кромѣ этого, въ Крыму найденъ графомъ Румянцевымъ серебряный медальонъ съ слѣдующимъ изображеніемъ: на лицевой сторонѣ голова Спартока, а на оборотѣ лукъ, колчанъ, монограмма и надпись:

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ

Послѣ Спартока, на основаніи разсказа Овидія, царствовалъ въ Воспорѣ Левконъ II, умертвившій брата своего Спартока въ угожденіе женѣ послѣдняго, но когда хотѣлъ склонить ее къ преступной связи, то самъ былъ умерщвленъ ею.

Затѣмъ слѣдуютъ намеки о царствованіи въ Пантикапеевѣ какого-то Левканора и Эвбіота.

Исторія Воспорскихъ царей становится ясною послѣ 115 года до Р. Х. т. е. со времени воцаренія Митридата Понтійскаго, основавшаго третью династію Воспорскихъ царей. Первый царствовалъ отъ него сынъ его Махаресь. Государь этотъ впервые присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Херсонесъ, но за то, что заключилъ мирный договоръ съ Римлянами противъ желанія отца, осажденнаго въ Синопѣ, долженъ былъ прекратить жизнь свою, по разсказу однихъ, самоубійствомъ, а по другимъ местию отца.

Послѣ отчаянной битвы съ Римлянами, Митридатъ снова явился въ Пантикапею и отсюда началъ обдумывать планъ сокрушенія Рима; но въ это время послѣдовалъ мятежъ, прекратившійся тѣмъ, что отъ него отложился даже родной сынъ Фарнакъ. Обстоятельство это заставило славнаго царя-воина отравить себя ядомъ и умереть отъ руки оруженосца своего, а всѣ свои владѣнія подчинить Римской власти. Это случилось въ 63 году до Р. Х. Измѣна Фарнака отцу послужила поводомъ императору Клавдію-Нерону признать его Воспорскимъ царемъ—вассаломъ Рима. Однако отцеубійцѣ недолго пришлось наслаждаться жизнью. Задумавъ сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ, онъ, ввѣривъ Босфорское царство военачальнику своему Асандру, самъ пошелъ въ Понтъ, но пораженный Цесаремъ возвратился въ Пантикапею, гдѣ былъ умерщвленъ Асандромъ въ 50 году до Р. Х.

Отъ царствованія Фарнака сохранилось у насъ нѣсколько золотыхъ монетъ съ громкою надписью: Великій царь царей.

Асандръ, женившись на дочери Фарнака, Динамисѣ,

царствовалъ въ Воспорѣ 33 года. По свидѣтельству Лукіана, государь этотъ считался великимъ героемъ. Онъ усмирилъ сосѣднихъ враговъ и воздвигъ различныя укрѣпленія. Нѣкоторые изъ нумизматиковъ полагаютъ, что крылатая побѣда, изображенная на оборотѣ Асандровыхъ монетъ, относится къ военнымъ доблестямъ его. Асандръ уморилъ себя голодомъ въ 14 году до Р. Х., обидѣвшись, что Августъ прислалъ къ нему для предводительствованія войскъ Скрибонія.

Асандра замѣнилъ Скрибоній, но онъ послѣ кратковременнаго царствованія былъ убитъ Воспорянами. Послѣ Скрибонія возведенъ на Воспорскій престолъ Полемонъ I. Пантикапейцы взбунтовались противъ такого распоряженія Римлянъ, но разбитые Маркомъ Агриппою, должны были вновь смириться.

Полемонъ, желая присоединить къ владѣніямъ своимъ земли Аспурговъ, вторгнулся въ ихъ предѣлы, но взятый въ плѣнъ былъ лишенъ жизни. Въ Малой Азіи, въ развалинахъ города Кумы найденъ камень съ греческою надписью, свидѣтельствующею, что государь этотъ былъ жрецомъ храма, посвященнаго Риму и императору Цесарю Юлію, безжественному Августу, верховному владыкѣ и отцу отечества....

Послѣ Полемона на Воспорскомъ престолѣ являются два князя Кспурговъ или Савроматовъ подъ именами Тиверія Юлія Савромата и Тиверія Юлія Рискупорида, по добровольному соглашенію на это Римскаго императора Тиверія Юлія. О царствованіи перваго мы имѣемъ нижеслѣдующія надписи:

1) Жрецъ Нептуна, Макарь, желая почтить великаго царя царей всего Воспора, Тиверія Юлія Савромата и прочее, воздвигнулъ ему эту статую подъ наблюдениемъ Діофана Пантикапейскаго.

2) Царь царей, царствующій по праву наслѣдства отъ своихъ предковъ, Тиверій Юлій Савроматъ, другъ Цесаря и Римлянъ, воздвигъ эту статую и т. п.

3) Во время правленія царя Тиверія Юлія Савромата, я, Тимофей и сестра моя Элиса, отпустили на волю нашего воспитанника и т. д.

4) Во время царствованія Т. Ю. Савромата благоче-

стиваго, преданнаго императору и Римлянамъ... По-еусъ... Поеусъ, сынъ Хрестіона *) и т. п.

и 5) Латинская: въ царствованіе Тиверія Юлія Савромата, друга императора и народа римскаго, Кай Силанъ и пр.

О царствованіи Тиверія Юлія Рискунорида I мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но, судя по предположеніямъ разныхъ археологовъ и исторіографовъ, господство его продолжалось на Воспорѣ до 37 или 38 года по Р. X.

По смерти Пиадорисы, владѣвшей Понтомъ и Колхидою, сынъ ея Полемонъ II, по волѣ Калигулы, присоединилъ къ владѣніямъ своимъ царство Воспорское. Онъ царствовалъ около трехъ лѣтъ.

Послѣ Полемона, по волѣ императора Клавдія, на Воспорскій престолъ взошелъ Митридатъ III. Подобно пращу своему, онъ питалъ непримиримую ненависть къ Римлянамъ и задумалъ свергнуть съ себя иго, но по случаю измѣны брата, былъ схваченъ и отправленъ въ Римъ. На монетахъ этого государя встрѣчается ликъ жены его Гепепиры, а на оборотѣ бюстъ Астры, а иногда они изображены вмѣстѣ съ женою. Атрибуты Геркулеса, видимые на монетахъ Митридата, указываютъ на его высокое происхожденіе отъ Митридата Эвнатора.

Послѣ него возведенъ былъ Римлянами на Воспорскій престолъ братъ его Котисъ I, который царствовалъ, судя по монетамъ, съ 46 по 69 г. по Р. X. Отъ времени царствованія этого царя найдены близъ Керчи слѣдующія надписи на мраморныхъ осколкахъ: 1) Мирмисъ открылъ великую силу источника въ то время, какъ Котисъ благочестивый властвовалъ и т. д. и 2) Этотъ намятникъ, посвященный царемъ Котисомъ, сыномъ Аспурга, другомъ Римлянамъ, благочестивымъ первосвященникомъ въ честь императора и т. д.

Послѣдующимъ извѣстнымъ царемъ Воспора является Тиверій Юлій Рискуноридъ. Царствованіе его дѣлается извѣстнымъ по двумъ золотымъ монетамъ съ

---

*) Надписи эти мы заимствуемъ изъ собранія палеограф. и надгробныхъ памятниковъ Воспорскаго царства, собранныхъ А. Ашикомъ.

годами 83 и 84 по Р. Х. и по мраморной плитѣ съ греческою надписью слѣдующаго содержанія:

Въ правленіе Тиверія Юлія Рископориды, преданнаго императору и Римлянамъ 337 года 23 числа мѣсяца Перитія, я Христа.... отпускаю на волю въ синагогѣ воспитанника моего Геракла навсегда и т. д.

Послѣ Рискупориды, судя по золотымъ монетамъ съ годоми и рисунками, царствовалъ въ Пантикапѣ Савромать II.

За нимъ слѣдоваль Савромать III, о которомъ упоминаетъ Плиній младшій, какъ о современникѣ своемъ. Судя по монетамъ съ годами, государь этотъ царствовалъ около 20 лѣтъ. Кромѣ этого по надписи, найденной въ Тамани, на мраморномъ пьедесталѣ, можно заключить, что она относится къ храму Венеры Апатурійской, сооруженному Савроматомъ въ 105 году по Р. Х.

За Савроматомъ, по существующимъ монетамъ, слѣдуетъ царствованіе Котиса, который, по разсказу Константина Вагрянороднаго, получилъ Воспорское царство отъ Кесаря. О смерти этаго царя упоминаетъ въ своемъ Перилѣ Понта Эвсинаскаго Арріанъ, какъ извѣстно, путешествующій въ царствованіе Адриана. Кромѣ этого въ Одесскомъ музеумѣ хранится надпись, найденная въ Керчи, повидимому, относящаяся къ временамъ царствованія Котиса, такъ какъ на ней показанъ 424, годъ соотвѣтствующій нашему 128-му.

Котису наслѣдовалъ Тиверій Юлій Рометалсесъ, который царствовалъ, судя по надписи, найденной въ Керчи-же, съ 131 года по Р. Х. Надпись эта принадлежала памятнику, воздвигнутому этимъ царемъ императору Кесарю Траяну-Адриану Августу въ знакъ благодарности за утвержденіе царемъ Воспорскимъ. Государь этотъ прослылъ великимъ и царствовалъ около 23 лѣтъ.

Тиверій Юлій Эвпаторъ вступилъ на Воспорскій престолъ въ 134 году и царствовалъ 16 лѣтъ. Отъ царствованія его сохранилась надпись слѣдующаго содержанія:

„Съ благимъ счастьемъ въ царствованіе Тиверія Юлія

Эвпатора, друга Кесарей и Римлянъ, благочестиваго, Антимахъ, сынъ Харитона по объѣту богу Апполону“.

На монетахъ этого государя нерѣдко изображался пятистолпный храмъ и надпись КАПЕ.

Послѣдующимъ царемъ является Савроматъ IV, который вступилъ на престолъ въ 170 году и пробылъ на немъ до 210 по Р. X. Отъ царствования этого государя открыто нѣсколько надписей, изъ которыхъ одна въ особенности замѣчательна названіями сановниковъ и именно:

„Въ правленіе царя Савромата, сына великаго Рометалсеса и во время посольства Юлія менестрата, архиевтонита (оберъ-камергера) Эллины и Танаиты, снова воздвигнувъ башню, разрушенную временемъ, соорудили ее для торговаго мѣста стараніемъ Родона, сына Фазиномава, бывшаго предъ симъ эллинархомъ и т. д.“

Во второй опредѣляется взятіе Таврики, содѣланіе безопаснымъ для пловцовъ моря и названіе полководцевъ, которые были предъ симъ царскими министрами.

Въ третьей сохранился годъ и мѣсяць, соответствующій нашему 193: а въ послѣдней на пьедесталѣ къ статуѣ 209 годъ по Р. X.

Савромата IV, заступилъ Тиверій Юлій Рискупоридъ III. Государь этотъ сдѣлался извѣстнымъ по монетамъ и низеслѣдующей подписи, найденной въ Керчи въ 1843 году на мраморномъ пьедесталѣ: „Съ благимъ счастіемъ городъ Пруссіанъ на Гиппосѣ (почилъ) происходящаго отъ царей царя Тиверія Юлія Рискупорида, сына великаго царя Савромата, друга Кесарей и Римлянъ, благочестиваго своего благодѣтеля и т. д.“

Послѣ Тиверія Рискупорида III, Воспорскія монеты представляютъ трудность въ отношеніи хронологическаго распредѣленія ихъ. Изъ нихъ мы открываемъ, что послѣ послѣдняго царя одновременно въ Воспорѣ царствовали Котисъ III и Савроматъ V. Такъ какъ монеты послѣдняго доходятъ до 233 г., то, надо полагать, что онъ умеръ раньше перваго.

Послѣдующая монета съ 235 годомъ принадлежитъ Рискупориду IV, который, повидимому, очень недолго царствовалъ въ Пантикапее.

По монетѣ съ 253 годомъ послѣдующимъ царемъ можно считать Рискупорида V.

Слѣдующимъ за нимъ признають Фареанзеса.

Рискупоридъ VI, судя по найденнымъ до настоящаго времени монетамъ, царствовалъ съ 256 по 268 годъ.

Савроматъ VI съ 275 по 276 годъ.

Тиверій Юлій Тейранесъ извѣстенъ по монетамъ съ 276 по 279 годъ и по греческой надписи, найденной въ Керчи на мраморномъ столбѣ въ 1843 году слѣдующаго содержания: „Съ благимъ счастьемъ. Въ царствованіе Тиверія Юлія Тейранеса, друга Кесарей и Римлянъ, благочестиваго, Аристокполитяне соорудили этотъ памятникъ небеснымъ богамъ, Юпитеру Сотиру и Юнонѣ Сотирѣ во славу и долготѣіе царя Тейранеса и царицы Аели и т. д.“

Изъ монетъ отъ 279 по 304 годъ видно, что въ Воспорѣ царствовалъ Феоорсесъ и Савроматъ VII. Судя по разсказу Константина Багрянороднаго, Савроматъ VII былъ тотъ самый, который вторгнулся въ римскія владѣнія, но былъ вызванъ изъ нихъ Херсонесцами, сдѣлавшими внезапное нападеніе на Пантикапею.

Послѣдующимъ царемъ, по свидѣтельству того-же Константина Багрянороднаго, является Савроматъ VIII тотъ, который желая отомстить Херсонесцамъ за поступокъ ихъ съ Савроматомъ VII, былъ разбитъ послѣдними близъ Кафы. Однако имени этого государя до настоящаго времени не открыто ни на какихъ памятникахъ.

Въ 1820 году открыты были въ Керчи монеты съ именемъ Радамсацидуса, а 9 лѣтъ спустя мраморный пьедесталъ съ надписью, указывающею, что царь этотъ управлялъ Азіатскою и Европейскою частями Воепора, отъ 308 до 320 г. и былъ современникъ Константина великаго.

Послѣдующимъ или одновременнымъ царемъ Воепора, судя по найденнымъ монетамъ, доходящимъ до 328 года, является Рискупоридъ VII.

Савроматъ IX, по словамъ Константина Багрянороднаго, должно быть, царствовалъ въ Пантикапесѣ въ 330

году. Государь этотъ, столкнувшись съ Херсонесцами, былъ убитъ на поединкѣ Фарнакомъ, протевтономъ послѣднихъ.

Съ этого времени Воспорское царство переходитъ въ зависимость Херсонесцевъ, но, судя по разсказу того-же Константина Багрянороднаго, управлялось какимъ-то Асандромъ изъ племени Савроматовъ, который женилъ сына своего на Гикии, дочери Херсонескаго протевтона. Затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Воспорскаго престола, но полагаемъ, что ожесточенные враждою царей его Херсонесцы сдѣлали все, что могли, чтобы сокрушить самостоятельность этого властолюбиваго царства.

Закончивъ списокъ Босфорскихъ царей, мы невольно останавливаемся надъ историческою судьбою этого царства, которому навѣрно суждено было подчинить себѣ громадное пространство земли и все народы, обитавшіе въ Тавридѣ и по ту сторону Таманскаго полуострова. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ первые цари Пантикапеи пожелали-бы этого, то при средствахъ ихъ Босфорское царство навѣрное распространилось на все пространство Таврическаго полуострова, но такъ какъ они увлечены были роскошью и мало заботились о будущности своей, то, естественно, самостоятельность ихъ зависѣла отъ перваго дикаго племени, которое могло превозмочь ихъ численностию. Мы видимъ, что еслибъ они не предали Митридату, имѣвшему возможность выслать 60 т. армію для сокрушенія Скиеовъ, Скиены эти сдѣлались-бы обладателями не только Херсонеса, но и всего Керченскаго полуострова, охраняемаго ничтожнымъ числомъ или наемныхъ людей, или болѣе преданныхъ коммерціи, чѣмъ воинскимъ обязанностямъ. Блистательная будущность Босфорскаго царства могла-бы возродиться со времени присоединенія его къ владѣніямъ Митридата, у котораго было войско, безъ того сокрушившее самостоятельность всехъ народовъ, считавшихъ себя господствующими въ Таврии, но, къ сожалѣнію, государь этотъ, предавшійся идеѣ сокрушенія Римской имперіи, не мечталъ создать предварительно прочный престолъ для

себя въ Тавридѣ, которая по естественному очерку границъ, легко могла-бы предохраняться отъ враждебныхъ нашествій и въ тоже время господствовать надъ береговыми пространствами Чернаго и Азовскаго морей. Полный дикой мести, онъ, можетъ быть, замышлялъ въ послѣдствіи создать въ Тавридѣ свой обширной акрополь и основать такой-же великій городъ, какимъ былъ въ то время властительный Римъ; но непобѣдимому государю пришлось лишиться вѣнца славы и умереть насильственною смертью въ тотъ моментъ, когда у него созрѣлъ великій планъ господства надъ міромъ. Все, сдѣланное Митридатомъ въ Тавридѣ, ограничилось тѣмъ, что онъ какъ-бы для упроченія за собою власти, поселилъ между болѣе отважными туземцами два преданныхъ ему селенія Савроматовъ, Язиговъ и Василийцевъ.

Изъ послѣдующихъ Босфорскихъ царей, Асандру первому удалось кое-какъ оградить подданныхъ своихъ отъ набѣговъ степныхъ обитателей и возвратитъ кое-что изъ потеряннаго величія Пантикапея, но Воспорцы измѣнили ему. Послѣ Асандра воцарился Скрибоній, котораго, какъ чужестранца, Пантикапейцы не пожелали имѣть своимъ властелиномъ и предали смерти; но вмѣсто того, чтобы этимъ освободиться отъ Римскаго господства, они окончательно поддались ему послѣ побѣды, одержанной надъ ними Агриппою. О дальнѣйшей судьбѣ Воспорскаго царства мы достаточно уже сказали; прибавимъ только, что, лишившись въ заключеніе царей, оно начало подвергаться различнаго рода притѣсненіямъ со стороны степныхъ народовъ; въ заключеніе же подверглось нападенію Гунновъ — этому чудовищу людей, которыхъ Скиѣны считали дѣтьми злаго духа, — и Пантикапея, эта роскошная столица, пережившая и ужасы и униженія въ теченіи тысячелѣтія, богатая роскошными постройками и славными памятниками искусства въ самое непродолжительное время обращена была въ груды развалинъ.

Въ отдѣлѣ исторической судьбы Крымскихъ городовъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ этой славной и несчастной столицѣ, которой при другихъ условіяхъ управленія суждено-бы было сдѣлаться второю Ви-

зантією и сосредоточить въ себѣ торговлю всѣхъ произведеній юго-восточной Россіи, Кавказа и Тавриды.

Взглядъ на Римское и Греческое господство.

Указавъ на событія, послужившія поводомъ присоединенія Тавриды къ Римскимъ областямъ и затѣмъ Византійскому престолу, мы поставлены въ необходимость рассмотретьъ, въ какой степени зависимость эта была выгодна для поработателей и порабощенныхъ. Ясно, что отдаленный Римъ очень мало интересовался Тавридою и никогда-бы не распространялъ своего владычества сюда, еслибъ страна эта не сдѣлалась послѣднимъ притономъ страшнаго и неумолимаго врага его Митридата, который и отсюда могъ образовать громадную армію и завладѣть Римомъ, явившись подъ стѣнами его внезапно. Римляне отлично понимали, что легіоны ихъ были непобѣдимы внѣ дома и вотъ почему они при малѣйшей опасности, грозящей даже отдаленнымъ областямъ своимъ, высылали лучшія войска съ тѣмъ, чтобы сокрушать въ зародышѣ проявленія всякаго рода воинственныхъ предпріятій и такимъ образомъ предотвращать образованіе силы, могущей рано или поздно сдѣлаться опасною. Митридатъ, повидимому, сознавалъ эту политику, но несчастный въ столкновеніяхъ своихъ, долженъ былъ кончить жизнь свою, такъ какъ желали того Римляне и мало того, что сдѣлать ихъ наслѣдниками послѣдняго уголка своего, но и владѣльцами собственнаго тѣла, которое принято было отъ роднаго сына не безъ удовольствія и роскошно погребено не счетъ имперіи. Вотъ этотъ послѣдній актъ грозной жизни одного человѣка послужилъ началомъ владычества Римлянъ въ свободной Тавридѣ. Такимъ образомъ имъ подготовилъ смертью своею власть въ отдаленной странѣ, по словамъ Цицерона, величайшій изъ государей послѣ Александра Македонскаго, великій жаждою завоеваній, мстительный, честолюбивѣйшій, отважный, не падавшій духомъ во всѣхъ неудачахъ и не пощадившій, ради удовлетворенія ненависти, предать смерти 80,000 римлянъ. Спрашивается: какая у Римлянъ была цѣль оставить за собою владѣнія этого человѣка? Неужели ими руководило одно

тщеславіе назначать отъ имени кесарей царьковъ, которые, не признавая себя наслѣдственными властителями чужой семьи, заботились скорѣе удовлетворять собственнымъ, чѣмъ народнымъ надобностямъ? И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ на Воспорскомъ престолѣ послѣ Фарнака такихъ людей, которые не имѣли ничего общаго съ Пантикапейцами, которые не могли ручаться за свое завтра и боялись дѣйствовать рѣшительно самостоятельно, чтобы не оскорбить съ одной стороны Римскаго императора, а съ другой—народъ, готовый ежеминутно взбунтоваться противу чужестранца, добившагося власти безъ всякаго содѣйствія и желанія ихъ.

Очень натурально, что при такихъ условіяхъ архонты-цари Воспорскіе, чуждые патриотизма, должны были оставаться пассивными зрителями и заботиться только о личномъ благосостояніи своемъ. Не то мы видимъ, когда на престолѣ этотъ восходими потомки второй династии, уполномоченные правомъ наслѣдства и дорожившіе имъ въ пользу дѣтей своихъ. Самостоятельность ихъ возбуждала жажду къ славлѣ и заботливость о народномъ благосостояніи. Изъ сказаннаго можно заключать, что Римская имперія, занятая своимъ могуществомъ, блескомъ и всемірною славою, причислила Тавриду къ владѣніямъ своимъ съ единственною цѣлью не допустить образоваться въ окрестностяхъ Чернаго моря сильной монархіи, вслѣдствіе чего удерживала за собою одно лишь право назначенія царей-архонтовъ, которые въ сущности разыгрывали роль блюстителей порядка и сборщиковъ дани *). Пантикапея и Херсонесъ для Римлянъ были интересны какъ рыболовные пункты, удовлетворяющіе ихъ гастрономическимъ потребностямъ, какъ рынки, гдѣ выгодно было сбывать мануфактурныя издѣлія западной Европы и пріобрѣтать драгоцѣнный металлъ и мѣха, доставляемые сюда изъ Сибири и Кавказа. Кромѣ этого

---

*) Всѣмъ извѣстно, что Римляне съ покоренныхъ провинцій уносили лучшіе памятники искусства, взимали налоги за пользованіе землею, за торговлю рабами, солью, за наслѣдства и завѣщанія, за отпущенія на волю рабовъ, за ремесла, съ публичныхъ женщинъ, съ продавшихъ цѣломудріе, за бракъ, съ старыхъ холостяковъ, за процессы и даже отхожія мѣста. Кромѣ этого, на случай посѣщенія сенатора, предписывалось содержать его съ прислугою и доставлять средства къ обогащенію.

Таврида по отдаленности своей представляла Римской власти очень удобное мѣсто для ссылки различного рода преступниковъ, могущихъ повлѣять на народъ, которые рубили здѣсь скалы для построекъ въ горделивой столицѣ и отправляли ихъ на судахъ изъ Кленосской (Севастопольской) бухты. Вотъ тѣ выгоды, которыя извлекалъ Римъ отъ Митридатовскихъ владѣній въ Тавридѣ; а между тѣмъ влѣяніе его на эту страну сокрушило самостоятельность Воспорскаго царства, отвлекло торговныя сношенія, возбудило мятежи и убійства и вселило раздоры и войны съ единоплеменными даже сосѣдями. Все это, взятое вмѣстѣ, съ каждымъ днемъ подѣлкало народныя силы и клонило роскошную Пантикапею къ упадку. Въ такомъ печальномъ видѣ приморская Таврида досталась Византійской имперіи при раздѣленіи ея на Восточную и Западную части. Съ этой минуты легко было сознать, что Константинопольскія власти употребятъ всевозможныя усилія для окончательнаго сокрушенія самостоятельныхъ проявленій жизни въ Тавридѣ, въ виду полнаго господства на важномъ для Византіи Черномъ морѣ. Но убѣжденные въ важности существованія въ странѣ этой единоплеменныхъ колоній, могущихъ служить прикрытіемъ со стороны враждебныхъ племенъ отъ Востока, они признали за благо не вмѣшиваться въ ихъ образъ правленія и по возможности оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ. Разумный выводъ этотъ всего лучше поблагопріятствовалъ на Херсонесскую республику, которая, надѣясь на покровительство сильной монархіи, быстро начала оживать и окрѣпла настолько, что впоследствии, какъ мы сказали уже, оказывала великія услуги спасеніемъ метрополи отъ сильныхъ враговъ и дважды провозглашала новыхъ императоровъ на Византійскомъ престолѣ. Благополучіе это, къ несчастію, было нарушено Юстиніаномъ II и затѣмъ императоромъ Теофиломъ, подчинившимъ Херсонесскихъ протевтоновъ, посылаемымъ отъ себя стратегамъ, которые, безъ сомнѣнія, злоупотребляли правами своими и вселяли раздоры между людьми, привыкшими къ свободѣ, и императорскимъ правительствомъ кляузами и различнаго рода промсками.

Все это постепенно отвлекало воинственных греков Тавриды от единодушія и патриотизма и подготавливало страну ихъ къ порабощенію тѣмъ полудикимъ племенамъ, которыя не замедлили явиться и отдѣлить славный полуостровъ этотъ отъ клонящагося къ упадку Византійскаго престола.

Потомки древнихъ грековъ.

До настоящаго времени мы говорили о греческихъ колоніяхъ въ Тавридѣ, какъ о самостоятельныхъ княжествахъ, управляемыхъ отдѣльными царями-архонтами и протевтонами; теперь же намъ предстоитъ бросить взглядъ на эти колоніи въ тотъ періодъ, когда онѣ, покинутыя всѣми, остались въ полной зависимости отъ татарско-монгольскаго владычества, какъ извѣстно, поработившаго въ Тавридѣ, хотя и не вдругъ, но постепенно, всѣ христіанскія земли.

Мы замѣтили раньше, что гибель Херсонеса наступила со времени основанія въ Крыму Генуэзскихъ факторій или съ того момента, когда эти итальянцы заставили императора Михаила Палеолога не посылать болѣе въ Херсонесъ своихъ кораблей. Обстоятельство это послужило главнѣйшимъ поводомъ къ переселенію херсонесцевъ въ Константинополь, на Кавказскіе берега и разойтись по внутреннимъ городамъ Тавриды или основать новыя поселенія по юго-восточной береговой линіи. Естественно, что греки, лишившись такой сильной крѣпости, державшей въ страхѣ кочующія племена Крымскихъ степей, обязаны были по мѣрѣ возможности укрѣпиться за горами на протяженіи отъ Судака до Балаклавы и, примкнувшись къ существующимъ княжествамъ, стараться всѣми силами не возбуждать противъ себя татарскихъ полчищъ, которыя мало интересовались горными пространствами и еще меньше торговлею на морѣ. Народъ этотъ, повидимому, ограничивался кое-какою данью и, вполне довольный обладаемыми степями, нисколько не мечталъ о порабощеніи грековъ, ничѣмъ не препятствующихъ ихъ господству. Первая мысль о присоединеніи южнаго берега явилась у Генуэзцевъ въ 1365 году, которымъ и удалось завладѣть Судгагіею и, вѣроятно,

вѣтъ прибрежнымъ пространствомъ до этого города. Возбужденная по этому поводу война Татаръ съ итальянскими выходцами окончилась въ 1383 году такъ несчастливо для первыхъ, что послѣдніе потребовали признать за ними право присоединенія всей Готѣи или береговой полосы до Балаклавы. Мы сказали права, только потому что въ это время полоса эта не была еще завоевана, но готова была пасть предъ такими людьми, которые, кромѣ силы, обладали и громадными матеріальными средствами; но этого не случилось, надо полагать, только потому, что Генуэзцы не сумѣли удержать за собою Балаклавы, которую взяли было приступомъ въ 1433 году въ полномъ убѣжденіи начать дальнѣйшія завоеванія отсюда, такъ какъ этотъ портъ былъ единственнымъ, гдѣ могли зимовать суда южно-бережскихъ обитателей. Но то, что не удалось Генуэзцамъ, того достигли безъ особенныхъ усилій Турки, сдѣлавшіеся полными властителями тѣхъ мѣстъ, которыми не могли или не хотѣли завладѣть Монголо-татары. Подпавъ подъ иго Оттоманской имперіи, греческія колоніи окончательно утратили свою самостоятельность и начали управляться пашами, кадіями и агами. Съ этого времени начинаются различнаго рода угнетенія, которыя заставили послѣдующія поколѣнія этихъ несчастныхъ людей утратить духъ національности, измѣнить отчасти религію отцовъ, сродниться съ поработителями, а въ заключеніе бѣжать изъ Тавриды въ Маріупольскія степи. Этимъ мы могли бы закончить наше повѣствованіе о греческихъ эмпоріяхъ Таврическаго полуострова, еслибъ въ странѣ этой не остались потомки этихъ грековъ, а впоследствии, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, къ нимъ не возвратились бы частью соплеменники ихъ и не основали цѣлое поселеніе въ окрестностяхъ Ялты, извѣстное подъ именемъ Аутки. Изучивъ семью эту въ возможной подробности въ то еще время, когда она оставалась въ первообразѣ своемъ, мы намѣрены познакомить читателя нашего съ нею въ полномъ убѣжденіи, что сообщаемыя нами свѣдѣнія никѣмъ другимъ не замѣнены; въ будущемъ же изученіе ихъ сдѣлается невозможнымъ, потому что люди эти начали забывать не только наслѣд-

ственные обычаи и привычки, но даже и національный языкъ, вступая въ брачные союзы съ русскими и нѣмцами и другими націями.

Потомокъ первобытнаго грека.

Въ началѣ нашего повѣствованія о жителяхъ южной Таврии, мы доказывали, что они были выходцы Малой Азій. Предположеніе это главнымъ образомъ основано было во первыхъ на ближайшемъ сосѣдствѣ южнаго берега съ Анатоліей; во вторыхъ на томъ, что въ этомъ краю могли бы жить только люди, занимающіеся морскою торговлею и наконецъ на одинаковыхъ обычаяхъ и образѣ жизни поселенцевъ Аутки съ Анатольцами. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ еще, что они до настоящаго времени питаютъ другъ къ другу не только дружественныя отношенія, но даже вступаютъ въ брачныя связи, чего не допускаютъ обыкновенно Эллины изъ наслѣдственной антипатіи къ нимъ за склонность ихъ къ обманамъ, на столько унизившимъ греческую націю послѣ крестовыхъ походовъ, что при имени грека Европеецъ подразумѣвалъ самаго безчестнаго человѣка. Въ сказанномъ нами читатель найдетъ еще больше истины, если вспомнить, что первобытные греки, занимавшіе приморское пространство юго-восточной окраины Тавриды, никогда не имѣли ничего общаго съ Босфорскимъ царствомъ и до того были грубы въ обращеніи съ сосѣдами, что не пользовались даже названіемъ, свидѣтельствовавшимъ о происхожденіи ихъ отъ грековъ.

Первобытная гречанна.

Дружелюбіе Анатольцевъ къ потомкамъ первобытныхъ грековъ Тавриды поддерживалось, какъ мы видимъ изъ нѣкоторыхъ надписей на церквахъ, и во все время Турецкаго и Татарскаго господствъ въ Крыму. Тоже самое мы встрѣчаемъ и теперь, но только въ Ауткѣ, куда безпрестанно прибываютъ толпы Анатольцевъ и многіе изъ нихъ обзаводятся семействами и навсегда остаются съ ними въ этомъ селѣ.

Вотъ краткій очеркъ наружности, обычаевъ, религиозныхъ обрядовъ и т. п. отличительностей аутинскихъ обитателей, подмѣченныхъ нами предварительно сближенія ихъ съ другими національностями. Люди эти большинствомъ имѣли ростъ выше средняго, русые волосы, длинные остроконечные носы, свѣтлосѣрые глаза, руки и ноги кривыя и не пропорціонально длинныя; неповоротливыя, сухощавыя; словоохотливы, трудолюбивы и вообще гостеприимны. При тихомъ и спокойномъ характерѣ они обнаруживали чрезмѣрную вспыльчивость и сластолюбіе до глубокой старости. Не смотря на то, что они въ то время свободно добывали фруктовую водку и въ достаточномъ количествѣ имѣли виноградное вино, я ни въ комъ почти не замѣчалъ особенной страсти къ пьянству. Попойка принята была въ годовые праздники, но и то не иначе, какъ вечеромъ, на плоской кровлѣ зданія подъ музыку съ участіемъ всѣхъ, проходящихъ мимо только мужчинъ. Женщинъ я никогда не

встрѣчалъ съ подобными наклонностями. Такіе пиры всегда начинались и оканчивались Анатолійскимъ танцемъ, который представляетъ обширный кругъ людей, сцѣпившихся руками и подпрыгивающихъ подъ звуки музыки. Въ центрѣ круга ставился табуретъ съ свѣчею и напитками и около него музыкантъ съ волынкою или скрипкою.

Народъ этотъ, не смотря на то, что послѣ 45-ти лѣтняго возраста нѣсколько сгибался станомъ, вообще долго жилъ; до глубокой старости не слабѣлъ зрѣніемъ и слухомъ и не представлялъ никакихъ наслѣдственныхъ болѣзней. Жилища свои онъ строилъ на возвышенныхъ мѣстахъ, противъ солнца, съ величайшею заботливостію предохранялъ отъ сильныхъ вѣтровъ и землетрясеній. Постройка ихъ не отличалась аккуратностію, но настолько была солидною, что могла простоять, при ничтожныхъ ремонтахъ, около 200 лѣтъ; что же касалось церквей, то, судя по двумъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени, онѣ строились съ сознаниемъ главныхъ архитектурныхъ правилъ и акустическихъ условий.

Образъ жизни и занятій ихъ также не отличался ничѣмъ отъ Малоазіатскихъ грековъ. Предоставляя женамъ полное господство въ домѣ и надъ дѣтьми, мужья считали обязанностію выполнять всѣ тѣ работы, которыя не по силамъ были первымъ. Всего рѣзче бросалось сродство ихъ съ анатолійскими греками въ чрезвычайной любви употреблять въ нищу рыбку, извѣстную подъ однимъ и тѣмъ-же названіемъ *гамсы*, и тыквы, считающіяся и до настоящаго времени роскошными повседневными блюдами, какъ въ Анатоли, такъ и между аутинцами. Для подтвержденія сказаннаго, мы могли бы перевести народную пѣснь, принятую и здѣсь, въ которой каждый куплетъ заканчивается словами:

„Что было-бы съ нами, еслибъ не было гамсы?“

Относительно-же любви ихъ къ тыквѣмъ достаточно привести слѣдующій народный анекдотъ:

„Только-что перевѣнчавшемуся анатолицу во время ужина не подали тыквы. Это такъ оскорбило его, что когда настало время идти ему съ невѣстою на ноч-

легъ, то онъ отвѣчалъ: пусть идутъ съ нею тѣ, которые ѣли тыкву“.

Теперь обратимъ вниманіе на степень развитія ихъ, религіозность и отправленіе священныхъ обрядовъ. Значеніе богослуженія, мало понятнаго имъ при тогдашней безграмотности, не имѣло того значенія, которое они придавали догматамъ и всѣмъ вообще принятымъ религіознымъ обычаямъ. Въ указываемое нами время самымъ богоугоднымъ дѣломъ для потомковъ первобытныхъ грековъ этой страны считалась постройка храма, въ которомъ славилось-бы имя Божіе *). Вотъ потому-то въ южной части Тавриды на мѣстахъ, нѣкогда занимаемыхъ этими греками, встрѣчаются безпрестанно развалины крошечныхъ церквей, а въ Аутинскомъ округѣ существуетъ холмъ, по настоящее время носящій названіе *многочервоія*. Въ церквахъ этихъ, бѣдныхъ внутреннимъ убранствомъ, престолы были каменные, а принадлежности богослуженія желѣзныя и мѣдныя. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ и теперь сохраняются при аутинскихъ храмахъ. Діаконовъ при богослуженіи не было. Только одинъ *псалти* (пѣвецъ) содѣйствовалъ священнику. Псалтїемъ бывалъ всякій, знающій грамоту и способный пѣть тѣмъ заунывнымъ голосомъ, которымъ выражаютъ свое религіозное настроеніе души и теперь Анатолицы.

Изъ священныхъ ликовъ, нарисованныхъ большинствомъ на кипарисномъ деревѣ, я встрѣчалъ Спасителя, сидящаго въ креслѣ, мать Божію, св. Николая и Георгія побѣдоносца. Образа эти постоянно были увѣшаны слѣдующими пожертвованіями: если, на примѣръ, въ домѣ кто-либо заболѣвалъ продолжительною болѣзнію всего организма, то вырѣзывалъ изъ серебряной пластинки миниатюрное изображеніе человѣка и привѣшивалъ его къ лику святаго, на милость котораго надѣялся; если

*) Крымскіе греки и теперь отличаются усердіемъ оказывать вспоможеніе ближнимъ серьезными жертвами и сооруженіями церквей. Послѣднія недавно еще построены въ Симферополѣ дѣвцами Дафнити, Христофоровымъ и еще однимъ, на имущественные доходы котораго содержится при греческой церкви русско-греческое народное училище, хоръ пѣвчихъ и выдается пособіе бѣднымъ. Въ Феодосіи греки Грамматиковъ и Мулукаки оставили все почти громадное состояніе свое minimumъ въ полмилліона на воспитаніе круглыхъ сиротъ и образованіе дѣтей бѣдныхъ жителей своей страны.

заболѣвали глаза, носъ, рука или ноги, то—подобныя имъ изображенія. Такимъ образомъ, впоследствии со всѣхъ этихъ даровъ настоятель церква заказывалъ ореолы, руки и ноги для святыхъ изображеній, а если было достаточно дорогаго металла, то и цѣлыя ризы. Предъ иконами горѣли лампы и не принято было ставить свѣчей. Послѣдніе исключительно предназначались за души усопшихъ родственниковъ и изготовлялись женщинами въ каждомъ семействѣ. Для постановки ихъ въ храмѣ имѣлся большой четырехугольный камень съ гладкою или просверленою площадью. У камня этого при всякомъ почти богослуженіи совершалась краткая панихида. Свѣчи ставились и надъ могилами умершихъ, въ незатѣливыхъ нишахъ, образуемыхъ изъ камней.

Мнѣ рассказывали старики, со словъ своихъ отцовъ, что въ прежнія времена еженедѣльное поминовеніе, посредствомъ возжиганія свѣчей, лежало на обязанности дѣтей въ теченіи только трехъ лѣтъ, по исходѣ которыхъ вскрывалась могила и если въ ней обрѣталось тѣло истлѣвшимъ, тогда смотрѣли на покойника, какъ на существо, не лишившееся милостей Бога, въ противномъ-же случаѣ надъ тѣломъ совершался вновь обрядъ похоронъ и снова до трехъ лѣтъ продолжали родные молиться и ставить заупокойныя свѣчи. Существованіе этого обычая до настоящаго времени отражается въ наслѣдственныхъ преданіяхъ этихъ грековъ о нетлѣніи останковъ тѣхъ людей, которые будто преданы были проклятію со стороны духовенства и родителей.

Праздники. Самымъ торжественнымъ изъ всѣхъ праздниковъ у поколѣній древнихъ крымскихъ грековъ, есть Свѣтлое Воскресеніе. Весь постъ они соблюдаютъ съ такою строгостію, что только въ день Благовѣщенія разрѣшаютъ употребленіе рыбы. Наканунѣ праздника принято всю ночь проводить въ церкви. По отпѣніи Воскресенія Господня весь народъ, находившійся въ храмѣ, обязанъ былъ трижды поцѣловаться предварительно съ священникомъ и затѣмъ между собою. При цѣлованіи каждый обязанъ былъ класть монету на выставленный для этого предмета *дискосъ* (подносъ). Женщинамъ этого не позволялось. Разговлялись хлѣбомъ,

перепоясаннымъ крестомъ, въ центрѣ котораго находилось красное яйцо, и рисовымъ супомъ съ курицею или бараниною. Затѣмъ послѣ отдыха, одѣвшись въ лучшія платья, отправлялись съ поздравленіями другъ къ другу и пили водку и вино; къ вечеру-же собирались на деревейскую площадь, гдѣ играли въ забытую нынѣ игру *куня*, а въ заключеніе предавались пляскамъ. Пированіе продолжалось до слѣдующаго воскреснаго дня. На 9-й день, все общество, запасшись всякаго рода печеніями, фруктами и напитками, отправлялось на кладбище для поминовенія усопшихъ братій. Вся провизія эта разставлялась на могилахъ и послѣ панихиды уничтожалась самими-же приносителями.

Троицынъ день праздновался безъ всякихъ затѣй въ продолженіи трехъ дней.

Вечеръ подъ Іоанна Купала считался у этихъ-же грековъ чрезвычайно веселымъ праздникомъ для молодежи. Во первыхъ, всѣ считали необходимою выкупаться въ морѣ, затѣмъ перепрыгивать чрезъ огненные кучи подоженной соломы, какъ-бы во избавленіе отъ чаръ и колдовства. Затѣмъ одна изъ дѣвицъ идетъ къ мельницѣ и, молча, набравъ изъ подъ колеса кувшинъ воды, приноситъ его въ свою компанію. Въ кувшинъ этотъ всѣ дѣвицы и молодые люди бросаютъ кольца и другаго рода металлическія вещи, затѣмъ сосудъ закрывается полотенцемъ, на которое клали ножицы, гребешокъ и замокъ. На утро, послѣ обѣдни, молодежь снова собирается къ кувшину и одна изъ обрученныхъ дѣвицъ приступаетъ къ выниманію вещицъ или фантовъ. Предварительно обнаруженія фанта, всѣ обязаны спѣть что-нибудь экспромptomъ. Спѣтое относится къ личности, которой принадлежитъ вынутая вещь. Вотъ почему у Аутинскихъ поколѣній первобытныхъ грековъ до настоящаго времени сохранилось множество импровизированныхъ куплетовъ, которые въ наше время, при несуществованіи этой игры, не имѣютъ достаточнаго смысла. Для примѣра приведемъ ихъ въ переводѣ:

1) Въ ласточку я превращусь и сяду на уста твои и до тѣхъ поръ не улечу, пока не утолю жажды сердца моего.

2) Гдѣ бы мнѣ достать серебряную лошадь и золотое сѣдло, чтобы узнала о богатствѣ моемъ алчная красавица.

3) Превращусь я въ черный корабль, покроюсь бѣлыми парусами и твердо вопрусь въ водѣ такъ, чтобы ничто не сдвинуло меня, пока не завладѣю красавицею.

4) Ты ѣдешь, мой другъ? Пусть-же востокъ тебя прохладждаетъ, пусть подъ ногами твоего скакуна пахучая манжурана вырастаетъ.

5) Неудачи житейскія обезсилили меня, тоска-же по тебѣ лишила меня ума.

6) Съ ногъ до головы я весь скованъ, какъ преступникъ ужасный. За что-же меня такъ сильно сковала любимица моя?

7) Что тысячи органовъ, что пѣніе ангеловъ въ сравненіи съ голосомъ той, которую я обожаю.

8) И я не вѣрилъ въ тоску и я смѣялся надъ любовью, между тѣмъ такъ запутался въ нихъ, что съума сойду.

9) Моя милая живетъ тамъ, гдѣ громы и молнія безпрестанны, гдѣ небо блещетъ яркими звѣздами. Она украшена всѣми благами земными.

10) Еслибъ море превратилось въ вино, я съ корабля сдѣлалъ-бы кружку. Съ какою-бы жадностію я почерпнулъ-бы имъ, чтобы до-сыта напиться и заснуть на колѣняхъ безподобной красавицы.

11) Кому-же какъ не мнѣ горевать, кому-же какъ не мнѣ тосковать: у всѣхъ подъ окнами поютъ соловьи, а моего сладкозвучнаго нѣтъ.

12) Освѣти ты комнату твою лампадою зеленою, но не забудь пріотворить двери, чтобы странникъ не остался безъ пріюта.

13) Сегодня до разсвѣта разцвѣтутъ цвѣты, я пойду ихъ собирать и, конечно, мы повстрѣчаемся въ роцѣ зеленой.

14) Фонтанъ шишучій, какъ ты выносишь холодъ воды, уже не такъ-ли, какъ я пламень любви?

15) Вокругъ жемчужнаго горшка пурпуровой гвоздички порхаютъ двѣ птички и ищутъ мѣста для гнѣзда.

16) Любовь безъ горя, любовь безъ слезъ — тоже море безъ сребристой волны.

17) Безъ любви жить и не быть любиму—сущее проклятіе неба, сущее наказаніе Бога.

18) Голубь небесный, спустись съ лазурной высоты и будь судьбою: моя милая покидаетъ меня только потому, что я бѣденъ.

19) Въ Евпаторіи я заболѣлъ, въ Кафѣ сошелъ съ ума, а здѣсь навѣрно умру.

20) Твои окна высоки, какъ верхушки корабельныхъ мачтъ. Опусти-же мнѣ косы твои, чтобы съ помощію ихъ я добрался до тебя.

21) Ты засватался? поздравляю тебя; пусть-же всѣ ждутъ твоего пира, а я подожду твоей кутьи.

22) Если ты желаешь видѣть меня всегда, посади яблоню у окна твоего и преврати меня въ прекрасный плодъ ея.

23) Люблю тебя, моя птичка золотая. Къ чему-же тебѣ знать, куда я иду? Я иду за безсмертною водою, чтобы напоить тебя.

24) Сколько звѣздъ на небѣ, сколько оконъ въ Стамбулѣ, столько разъ солжетъ всякій молодецъ съ цѣлью достигнуть твоей ласки.

25) Еслибъ этотъ вздохъ могъ бы выйти изъ груди моей съ тѣмъ пламенемъ, какимъ я чувствую, онъ сожегъ-бы цѣлый міръ безъ огня и дровъ.

26) И я когда-то былъ ангеломъ, теперь ангеломъ сдѣлался другой. Тамъ, гдѣ пировалъ я, теперь пируютъ другіе!

27) Напрасно ты трудишься, напрасно мучишься: рыбку, которую ты стережешь, не тебѣ суждено поймать.

28) Любовь—такая госпожа, что, если кто предастся ей, она беретъ его за волосы и ведетъ на рынокъ невольниковъ.

Кромѣ подобныхъ импровизацій существовали и такія, которыя начинались греческими строками и смѣшивались съ татарскими. Изъ такихъ я приведу одну:

У окна своего ты сидишь (по-гречески),
Придвинься-же ко мнѣ ближе (по-татарски),
И съ алой щеки твоей (по-гречески).
Позволь мнѣ сорвать персякъ (по-татарски).

Праздникъ во имя Успенія Пресв. Богородицы представлялъ то отличіе, что въ этотъ день греки эти совершали въ церковномъ дворѣ нѣчто въ родѣ жертвоприношенія животныхъ, которыхъ тутъ же варили и поѣдали. Обычай этотъ не прекращался до 30-хъ годовъ нашего вѣка, но съ этого времени, вслѣдствіе воспрещенія епархіальнымъ начальствомъ, былъ оставленъ.

Рождественскій вечеръ. Къ этому вечеру, такъ точно какъ и къ Свѣтлomu дню, приготовлялись куличи съ крестами и разныя масляныя и сладкія печенія, которыя выставались съ спиртуозными напитками на круглыхъ низенькихъ столахъ. Молодежь и пожилые люди, послѣ заката солнца, собирались въ извѣстномъ пунктѣ и толпою отправлялись изъ дома въ домъ для поздравленія. Вошедши въ комнату, они становились лицомъ къ образамъ и хоромъ пѣли слѣдующаго содержанія пѣснь, которую мы переводимъ буквально:

„Вдали, въ большой пещерѣ, въ пристанищѣ животныхъ, гдѣ ангелы поютъ, родами мучится Владычица *), мать Создателя вселенной Господа Христа и царя нашего. Радуйтесь святому Рождеству Христову отъ чистѣйшей Дѣвы!

Сегодня родился искупитель, обѣцанный намъ пророчествомъ великаго Исаи. Сегодня освятился свѣтъ и глава сатаны сокрушилась. Сегодня проходятъ чрезъ Вавилонъ маги и Царевичу несутъ золотую корону. На пути они заходятъ къ царю Ироду и на вопросы объясняютъ, что идутъ видѣть родившагося Христа и поклониться ему. Царь Иродъ сказалъ имъ: при возвращеніи зайдите ко мнѣ и скажите, гдѣ онъ родился, чтобы и я могъ поклониться ему. Но мудрецы, понявъ его цѣль, продолжали путь свой по движенію звѣзды, дошедъ до

---

*) У грековъ этихъ есть странное преданіе, что Богородица чрезвычайно страдала при родахъ и подтверждаютъ это тѣмъ, что она будто хваталась въ отчаяніи за землю и на томъ мѣстѣ выросла трава, имѣвшая подобіе человѣческой руки, которая получила названіе *рука Богоматери* и которая при отдѣленіи отъ корня имѣла свойство сжиматься въ подобіе кулака. Меня увѣрили, что мѣстныя акушерки или бабы нерѣдко выписываютъ изъ Палестины эту траву и при трудныхъ родахъ облегчаютъ страданицу, какъ только опустятъ ее въ воду и она разожметса.

нещеры, воздали поклоненіе и подали подобаемые дары. Да будетъ благословенъ завтрашній день, а васъ поздравляемъ съ праздникомъ Рождества Христова“!

Затѣмъ, обратившись къ хозяину дома, они продолжаютъ: „Сказали мы много о праздникѣ, теперь скажемъ и хозяину дома:

Афенди, афенди (отецъ), афендолафенди (отецъ отцовъ), ты пять разъ афенди. Пять слугъ подаютъ тебѣ уздечку, десять держатъ твою лошадь, а восемнадцать гравируютъ твое имя. Положи руку твою въ драгоценный карманъ и, если есть въ немъ монета, отдай намъ ее и золога не жалѣй; а если есть у тебя сладкое вино, угости имъ молодцовъ. Сказали мы достаточно хозяину, скажемъ теперь и госпожѣ дома:

„Госпожа солидная, госпожа добрая, когда придѣнешься ты и идешь въ храмъ Божій, лице твое уподобляется сіянію солнца, груди принимаютъ форму луны: на пальцахъ рукъ держится утренняя заря, брови вьются шнуркомъ, а съ улыбки падаютъ розы.

Имѣешь ты сына прекраснаго, онъ въ школѣ читаетъ псалтирь. Пусть же Господь и Владычица удостоятъ его облачиться въ патрахиль.

Имѣешь ты и дочь, красавицу изъ красавицъ, которую сватаетъ царекъ, онъ много проситъ приданнаго, проситъ виноградники, увѣшанные плодами, и поля, засеянные хлѣбами, проситъ моря съ кораблями и чтобы предъ этими кораблями впереди стоялъ крестъ, а позади свѣтилъ сіяющій фонарь, и чтобы матчы завѣшаны были жемчужинами“.

Вечеръ подъ новый годъ, хотя и не причисляется этими греками къ праздничнымъ, но по издревле принятому обычаю всѣ хозяева дома предаются приготовленію различнаго рода сладостей, но всего важнѣе—пирогъ въ честь св. Василя, именуемый *Васило-пита*, въ который кладется серебряная монета; начинается-же онъ пережаренною въ маслѣ мукою съ медомъ. Когда заканчиваются эти работы, являються дѣти съ деревяннымъ треножникомъ, убраннымъ орѣхами и другаго рода фруктами, и, ставя его среди комнаты, кричатъ: *каландра*,

каландра *). Вслѣдъ за ними вступаютъ другія, которыя поютъ хорошъ пѣснь, сложенную въ честь св. Василія Великаго, слѣдующаго еодержанія:

„Святой Василій идетъ изъ Кесаріи и держитъ образъ и бумагу, бумагу и чернильницу, такъ какъ чернильница пишетъ, а бумага проповѣдуетъ. Василій ты мой, Василій, откуда ты идешь и куда направляешься? Иду отъ матери моей въ училище учиться. Василій мой, Василій, садись лучше покушать съ нами и пѣть пѣсни. Меня добрые родители пѣснямъ не учили, а выучили азбуку читать. И склонившись на палочку, началъ онъ повторять заученное. Палочка его была сухая, а отростки показались на ней свѣжіе и на нихъ явились пѣвчія птички, а подъ палкою показались корни и изъ нихъ побѣжали струи воды“.

На утро, послѣ обѣдни, каждое семейство спѣшитъ возвратиться домой, чтобы отвѣдать свой пирогъ, который рѣжетъ обыкновенно хозяинъ. Первый кусокъ откладывается св. Василию, второй на счастье дома, третій ножу, четвертый хозяину, хозяйкѣ и не только остальнымъ членамъ семейства, но и работникамъ. Каждый, получившій свой кусокъ, предварительно смотритъ, нѣтъ ли въ немъ монеты, предвѣстника будущаго блага; но горе тому семейству, въ которомъ монета досталась ножу, рѣзавшему пирогъ. По общему убѣжденію, это предвѣщаетъ, что въ теченіи года жизнь кого-либо изъ членовъ этой семьи будетъ пересѣчена.

Подъ Крещенскій вечеръ принято было также, расхаживая по домамъ, пѣть:

Наступило крещеніе въ полнонь сіяніи,
Радость большая господину нашему!
Ходитъ госпожа наша Богородица,
Держитъ ризки и свѣчу
И святаго Іоанна просить:
Іоаннъ святой предтеча,
Предоставляю тебѣ окрестить сына Божія,
А завтра мы пойдемъ въ кашнице
Истребить всѣхъ идоловъ.

Другая пѣснь, менѣе популярная, слѣдующаго еодержанія:

*) Слово исковерканное, но, во всякомъ случаѣ, понимаемое въ родѣ хорошаго пожелательства.

„Если видите, то проснитесь скорѣе послушать святую пѣснь подь музыку. Этотъ праздникъ не походить на прошедшій: онъ есть великій и прославленный по случаю Божоявленія и начала спасенія людей. Въ этотъ день искупитель нашъ, желая спасти человѣческой родъ отъ грѣховъ по своей волѣ пришелъ изъ Галлилеи къ рѣкѣ Иордану получилъ крещеніе отъ предтечи Іоанна, сказавъ ему: спѣши ты, Іоаннъ, освятить главу мою водою. Іоаннъ же отвѣчалъ Христу: какъ осмѣлится рабъ твой поднять недостойную руку свою надъ твоєю головою: его за это подвергнуть вѣчному огню, но не имѣлъ власти отвергнуть требованіе Спасителя.

Вдругъ совершилось такого рода чудо, которому нѣтъ сравненія: моря затихли, Иорданъ раздѣлился на двѣ половины и небо раскрылось и оттуда показался голубь, но это былъ не голубь, а Святой Духъ. Онъ спустился для свидѣтельства міру, что Христосъ принялъ св. таинство.

И мореходцы съ той поры не плаваютъ по морямъ, пока не наступитъ день св. Крещенія. Поздравивъ васъ съ этимъ праздникомъ, желаемъ хозяевамъ многолѣтія; просимъ же предложить намъ золота или серебра, а если есть и сладкое вино, такъ какъ поздравляющіе юноши не откажутся и отъ него“.

Въ день Воздвиженія Креста принято было снова номинование усопшихъ, но исключительно плодами.

Въ день Преполовенія, извѣстнаго у древнихъ грековъ подъ названіемъ *пандикострія* (отъ слова *пандико* мышь) Аутинцы имѣли привычку выпекать изъ тѣста подобіе мышей и крысъ и сносили ихъ на ленныя посѣвы и, бросая ихъ, приговаривали: „вотъ вамъ мыши ваша доля, только не трогайте нашего поля“.

Въ день 40 мучениковъ принято было каждымъ семействомъ жарить 40 лепешекъ и посылать ихъ къ бѣднымъ.

На масляницу считали необходимымъ маскироваться не только на ночь, но и днемъ. Обычай этотъ вполнѣ сохранился и въ наше время и выражается слѣдующимъ образомъ: съ полудня выступаетъ на улицу толпа молодыхъ людей въ образѣ различнаго рода звѣрей, арабовъ

и т. п. чудовищъ и стараются потѣшать народъ безобразными фокусами и прыжками. Вечерній же маскарадъ разгуливаетъ по домамъ, гдѣ пируетъ на счетъ гостеприимныхъ хозяевъ. Въ послѣднемъ охотно принимаютъ участіе молодыя женщины и дѣвицы.

Въ заключеніе скажемъ, что послѣ всѣхъ церковныхъ праздниковъ у Аутинцевъ принято было послѣ выхода изъ церкви составлять нынѣ совершенно забытый танецъ *Макрія-цаура*. Онъ составлялся слѣдующимъ образомъ: мушны располагались парами *vis-à-vis*, держась за руки, тѣмъ же порядкомъ становились и женщины. Когда все было готово, заднія пары проскакивали изъ подъ рукъ вторыхъ, третьихъ и т. д. и оставались впереди; тоже дѣлали послѣдующія за ними. Взаключеніе все приходило въ движеніе.

Свадебный обрядъ. Потомки Крымскихъ грековъ до настоящаго времени женятъ сыновей своихъ очень рано по собственному выбору невѣстъ. Засватываніе или обрученіе у большинства совершается въ присутствіи всѣхъ родственниковъ и священника, который въ полномъ облаченіи читаетъ молитвы, приличныя обряду этому. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ обрученія и именно на зиму приступали къ совершенію брака. Наканунѣ этого дня совершался дѣвичникъ, на который собиралась вся деревенская молодежь и танцевала до разсвѣта. На слѣдующій день въ то время, когда слѣдовало приготовляться къ вѣнцу, въ комнату невѣсты вновь собирается публика и начинается подъ пѣсню одѣваніе ея. Пѣснь эта слѣдующаго содержанія:

Наша невѣста хороша, какъ голубь бѣлый,
Сегодня чисто небо и ясенъ день,
Сегодня сочетается оредь съ голубицею.
Или бѣлый виноградъ ризаки
Съ алою черешнею.
Да будетъ-же многолѣтная
Сочетающаяся чета!

Пѣснь эта поется такимъ печальнымъ напѣвомъ, что заставляетъ невѣсту и ближайшихъ родственниковъ ея рыдать. По окончаніи прически, отецъ невѣсты беретъ вѣнчальное платьѣ и своеручно надѣваетъ его на дочь, какъ-бы свидѣтельствуя предъ публикою, что бракъ со-

вершается съ его согласія. При возложеніи этомъ родители обыкновенно плачутъ о предстоящей разлукѣ съ дорогимъ существомъ. Затѣмъ раздаютъ присутствующимъ дѣвицамъ булавки и шпильки, какъ-бы на память событія, а остальныхъ брызгаютъ духами. Одѣвши невѣсту, выводятъ ее на дворъ, и когда является женихъ, ихъ сопровождаютъ съ музыкою въ церковь.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ каждая сочетающаяся пара обязана была нести за собою въ церковь свои вѣнцы, обыкновенно приготовляемые изъ виноградныхъ лозъ и украшаемые разноцвѣтными матеріями, потому что при храмахъ не было нарочно сдѣланныхъ. Вѣнчаніе совершалось безъ всякаго торга съ священнослужителями, но когда оно заканчивалось, священникъ начиналъ пѣть священный гимнъ:

Исай и ликуй...

впродолженіи котораго всѣ родственники и знакомые прикладывались къ Евангелію и каждый по состоянію жертвовалъ въ пользу церковнаго причта. Гимнъ заканчивается, когда не остается болѣе желавшихъ поздравлять. Такимъ безобиднымъ способомъ священнослужители вознаграждались гораздо болѣе въ сравненіи съ существующимъ нынѣ порядкомъ. Затѣмъ слѣдоваль выходъ изъ храма. Новобрачныхъ встрѣчали на улицѣ выстрѣлами изъ ружей, пистолетовъ и съ музыкою, но нелегко было счастливицамъ дойти домой, потому что ихъ на всякомъ поворотѣ останавливала молодежь, пересѣкая дорогу веревками съ цѣлью получить подарокъ. Пройти насильственно считалось дурнымъ предзнаменованіемъ и на основаніи этого убѣжденія дѣлались жертвы.

По рассказамъ стариковъ, новобрачный въ первый же вечеръ, оставшись наединѣ съ женою своею, обязанъ былъ возбудить въ ней къ себѣ страхъ. Для выраженія строгости и безопасности характера обыкновенно избиралось какое-нибудь мелкое домашнее животное, чаще всего кошка, которую мужъ въ притворномъ азартѣ раздражаетъ пополамъ. Если отъ подобнаго варварскаго подвига юная чета падала въ обморокъ, то мужъ оста-

вался навсегда въ убѣжденіи, что жена будетъ ему покорною и услужливою на всю жизнь.

Грекъ—метись.

Свадебный пиръ продолжался около 4-хъ дней. На второй день новобрачная обязана угощать всѣхъ присутствующихъ кофеемъ, за что получаетъ подарки деньгами, землею, извѣстнымъ числомъ фруктовыхъ деревьевъ и т. п. Свагаты-же отъ невѣсты получаютъ въ вознагражденіе рубахи, чулки, кисеты и т. д. Новобрачные въ теченіи цѣлой недѣли не смѣютъ выходить изъ дому. Затѣмъ уже идутъ въ церковь, гдѣ подносятъ имъ свѣчи, и послѣ этого уже дѣлаютъ визиты всѣмъ, бывшимъ на свадебномъ вечерѣ.

Новобрачные въ первый годъ считались недостойными принимать св. Причастіе; такъ точно они не имѣли права называться вполне родителями до тѣхъ поръ, пока не лишались одного изъ новорожденныхъ дѣтей. Последнее и теперь въ обычаяхъ грековъ и не даромъ они говорятъ, что тотъ только можетъ назваться настоящимъ отцомъ, цѣнителемъ дѣтей, который имѣлъ несчастіе похоронить одного изъ нихъ.

Родины и крестины. Сказавъ о свадебномъ обрядѣ, намъ слѣдуетъ упомянуть о родинахъ и крестинахъ этихъ грековъ, которые въ скоромъ будущемъ совершенно отстанутъ отъ прародительскихъ обычаевъ. Въ Аутѣ имѣется нѣсколько повивальныхъ бабокъ изъ числа пожилыхъ женщинъ. Наилучшею изъ нихъ въ мое время считалась только та, которая, имѣя своихъ дѣтей, была

знакома съ страданіями, свойственными родильницѣ. Бабки эти не обладаютъ никакими даже наслѣдственными познаніями, за исключеніемъ двухъ общепринятыхъ: подкуриванія лавровымъ листомъ и нитяными шариками, которые въ количествѣ до десятка направляются въ матку. Послѣднее средство, по ихъ увѣренію, считается радикальнымъ въ то время, когда у беременной женщины опускается ребенокъ и заставляетъ ее страдать. Не менѣе достопримѣчательно, что когда настанетъ время родовъ и если ребенокъ не идетъ естественнымъ образомъ, онѣ прибѣгаютъ къ болѣе варварскимъ средствамъ и именно поднимаютъ страдальцу за ноги вверхъ, треплютъ, подбрасываютъ и до тѣхъ поръ не оставляютъ въ покоѣ, пока не послѣдуетъ благополучнаго разрѣшенія. Новорожденный, какъ только появляется на свѣтъ, взбрызгивается водкою, а на другой день обмывается отъ нечистотъ соленою водою *). Въ день рожденія, а иногда и чрезъ два, приглашается на домъ священникъ для дачи новорожденному молитвы, что называется у нихъ благословеніемъ.

Бабка остается жить въ домѣ родильницы въ продолженіи недѣли и во все это время лично исполняетъ обязанности прачки, сидѣлки и т. п. На третій день она совершаетъ, такъ сказать, публичное омовеніе ребенка, за что всѣ присутствующіе бросаютъ ей въ лаханъ деньги, а мать даритъ для омовенія рукъ кусокъ мыла, полотенце, хлѣбъ и другаго рода мелочи. На девятый день бабка совершаетъ омовеніе тѣла родильницы и, дозволяя ей принимать всякаго рода пищу, сама удаляется домой, но настоятельно требуетъ, чтобы больная до 40 дней не оставлялась одна въ комнатѣ, въ томъ предположеніи, что будто вѣдьмы и вообще злые духи, враждующіе противу христіанъ, при нечистомъ положеніи женщины, имѣютъ возможность являться къ ней свободно и вводить во искушеніе.

При крестинахъ, которыя ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ, за исключеніемъ выбрасыванія мелкихъ монетъ дѣтямъ подъ названіемъ *мартарика* или сви-

*) Вотъ почему греки называютъ простонародіемъ „соленими“.

дѣтельства событія, бабка считается самымъ важнымъ членомъ, но она лишена права дѣлать какіе-либо поборы въ пользу свою, потому что считается достаточно вознагражденною отъ родителей, хотя нерѣдко вознагражденіе ограничивается только одною словесною благодарностію.

Пиршество при крещеніи чаще всего дѣлается на счетъ *кумбарей* или кумовей, которыми охотно бываютъ Аутинскіе греки въ томъ предположеніи, что человекъ, окрестившій 40 дѣтей, получаетъ полное прощеніе грѣховъ. Другіе же убѣждены, что умершіе крестники, при отшествіи ихъ въ другой міръ, выйдутъ къ нимъ на встрѣчу и будутъ сопровождать съ факелами до дверей рая. На этомъ основаніи эти греки имѣютъ обыкновеніе раздавать своимъ крестникамъ на Страстной недѣлѣ восковыя свѣчи для сожженія ихъ въ церквахъ при всенощныхъ служеніяхъ. На обязанности же крестниковъ лежитъ священный долгъ вѣчнаго почтенія и уваженія къ людямъ, окрестившимъ ихъ. Мнѣ не разъ приходилось убѣждаться въ послѣднемъ, искренними услугами ихъ.

Родители въ свою очередь считаютъ кумовей чѣмъ-то священнымъ и чрезвычайно боятся, чтобы они не произнесли хулы на крестника или въ ожесточеніи не сказали бы: „да сокрушится муръ, внесенный мною въ твой домъ“.

Лѣтъ 20 тому назадъ уваженіе аутинцевъ къ кумовьямъ было еще сильнѣе и выражалось сейчасъ послѣ окрещенія дитяти троекратнымъ земнымъ поклономъ и поцѣлуемъ руки. Уваженіе это всегда почти приводитъ къ тому, что человекъ, окрестившій въ семьѣ перваго ребенка, крестить всѣхъ остальныхъ и дѣлается другимъ, руководителемъ и миротворителемъ семейства.

Всѣмъ извѣстно, что новорожденныя дѣти въ первыя недѣли подвергаются страданіямъ желудка. Аутинцы, не сознавая причинъ, возбуждавшихъ эти страданія, въ предположеніи, что ребенокъ крикливаго характера, стараются кормить его *тирякомъ* (опіумомъ) для усыпленія. Затѣмъ начинается ежемѣсячное корбозаніе его съ цѣлю предупредить воспаленіе можжечка, извѣстна-

го имъ подъ названіемъ *пипуклади* (родимчикъ). Корбованіе или легкія насѣчки бритвою дѣлаются на спинѣ. Операція эта не прекращается въ теченіи года, если только дитя болѣетъ.

Имянины. Потомки древнихъ грековъ Тавриды, подобно анатольтцамъ, считаютъ день рожденія своего важнымъ событіемъ жизни и непременно празднуютъ его изысканнымъ образомъ. Имянинникъ съ ранняго утра одѣвается въ праздничную одежду и отправляется въ церковь, гдѣ ему подноситъ староста на подносѣ большую свѣчу и поздравляетъ со днемъ ангела. Послѣ обѣдни къ нему является священникъ и послѣ краткой молитвы за здравіе, подаетъ просфору и принимаетъ участіе въ ѣдѣ. На случай-же если духовникъ не исполнить этого, имянинникъ чрезвычайно оскорбляется и громогласно выражаетъ неудовольствіе свое, которое раздѣляетъ съ нимъ и все общество. При такомъ настроеніи понятно, что священникъ обязанъ помнить день имянинъ каждаго прихожанина своего и навѣщать его дома не только въ годовые праздники, дни имянинъ старшихъ членовъ семьи, но каждое первое число наступающаго мѣсяца для окропленія дома святою водою. Послѣднее обыкновеніе въ настоящее время сдѣлалось для нихъ-же тягостнымъ, вслѣдствіи чего духовникъ съ водоосвященіемъ совершаетъ обходъ только 1-го октября *).

Похороны. У поколѣнія древнихъ грековъ до 20-хъ годовъ нашего столѣтія соблюдались слѣдующія правила при погребеніи: если умиралъ священникъ, то спрашивали жену его: думаетъ-ли она выйти замужъ впослѣдствіи? если она отвѣчала отрицательно, то покойника хоронили въ полусидячемъ положеніи въ церковномъ облаченіи съ Евангеліемъ въ рукахъ; если-же она желала вновь выйти замужъ, то его погребали въ лежащемъ видѣ.

Родители, потерявшіе перваго ребенка, ни въ какомъ случаѣ не допускались сопровождать его до могилы. Этого обыкновенія держатся и до настоящаго времени

*) Съ 1870 года и это не исполняется.

аутинскіе греки; но на чемъ оно основано—мы не могли узнать. Полагаемъ, во избѣжаніе отчаянныхъ сценъ или суевѣрнаго заключенія, что у неисполнителей повторяются смертные случаи.

Поминовеніе усопшихъ обязательно было прежде чрезъ 3, 6, и 40 дней, а затѣмъ разъ въ годъ. Для этого обыкновенно приготавлилась въ огромномъ количествѣ кутья изъ пшеничнаго зерна, отвареннаго и смѣшаннаго съ поджаренною на маслѣ съ медомъ мукою, и кромѣ этого маленькія булочки въ родѣ церковныхъ просфоръ и въ отдѣльныхъ посудахъ разсылались по дворамъ. Послѣдній обычай этотъ и теперь существуетъ въ Анатолиі, но въ Крыму рѣдко исполняютъ его въ наше время.

Домашній бытъ. Древніе греки южнаго берега жили обыкновенно въ домикахъ съ плоскими крышами, прикрытыми сверхъ балокъ и дубовыхъ досокъ мергелевою землею, которая въ утрамбованномъ видѣ не пропускаетъ дождевой воды. Мы уже сказали, что кровли эти замѣняютъ хозяевамъ въ лѣтніе вечера и теперь наши террасы и другаго рода сборные пункты. Во внутренности хаты, у одной изъ стѣнъ выкладывалось изъ камней небольшое возвышеніе для постелей, подушекъ, одѣялъ и т. п. Въ противоположномъ углу всенепремѣнный оджакъ, съ вѣчно тлѣющимъ огнемъ, самое любимое мѣсто сидѣнія и бесѣды семейства въ зимнее время года. Все же остальное пространство занималось войлоками и разными сельско-хозяйственными принадлежностями, въ числѣ которыхъ двухстворонній топоръ и коса занимали самое видное мѣсто. Хлѣбное зерно и вино нерѣдко сохранялись въ громадныхъ кувшинахъ, вкопанныхъ въ комнатѣ и прикрытыхъ сверху плитами. Предъ домомъ подъ навѣсомъ устраивалась печь для выпеканія хлѣба, и тутъ-же висѣли пачки луку, чесноку и другихъ любимыхъ овощей. Мебели деревянной, за исключеніемъ табурета или низенькаго круглаго столика; никто изъ нихъ не употреблялъ.

Важнѣйшею принадлежностію хозяйства считалась посуда, выставленная на полкахъ вокругъ всей комнаты. Посуда эта исключительно была мѣдная, чрезвычайно

разнообразныхъ формъ. Мощеніе половъ деревомъ также не было принято, но для того, чтобы избѣгать пыли, хозяйка еженедѣльно смазывала ихъ красною глиною въ смѣси съ скотскимъ свѣжимъ пометомъ. Вотъ вслѣдствіе этого и въ наше время при входѣ въ одинъ изъ подобныхъ домовъ, не смотря на поразительную чистоту, слышится непріятный запахъ. Хозяинъ дома, по обыкновенію, съ ранняго утра отлучается изъ дома въ садъ, лѣсъ, къ овцамъ или на другія работы и возвращается только къ вечеру. Жена, управившись съ домомъ, собирала дѣтей своихъ и съ ними отправлялась на огородъ, любимое занятіе свое. При заходѣ солнца всѣ возвращались домой и, приготовивъ на-скоро поздній обѣдъ, располагались на отдыхъ въ комнатѣ или на кровлѣ дома, смотря по времени года и температурѣ воздуха.

Впрочемъ не всѣ проводили такимъ образомъ жизнь свою лѣтомъ: тѣ семейства, которыя имѣли свои сады и сѣнокосныя поляны въ горахъ, переселялись туда на все лѣто со всѣми домашними животными.

Всего пріятнѣе встрѣчать въ потомкахъ древнихъ грековъ хорошее обращеніе съ женами и дѣтьми, что и заставляетъ послѣднихъ питать къ нимъ полное уваженіе и любовь.

Въ наше время, къ сожалѣнію, вся эта обстановка измѣнилась и принята обще-европейская.

Одежда. Крымскіе греки при переходѣ въ наше подданство, преимущественно одѣвались въ бараньи нагольные полушубки, шерстяныя грубой ткани панталоны и въ сандали изъ воловьихъ кожъ. Лѣтнею одеждою были куртки съ узкими рукавами. Волосы стригли кругомъ коротко, на лицѣ не держали ничего, кромѣ маленькихъ усовъ. На голову надѣвали баранью шапку.

Женщины ихъ носили узкіе плотно обтягивающіе станъ кафтаны, которые на груди собирались серебряными большими бляхами въ три ряда. На поясницѣ имѣли кушаки, шитые шелками, золотомъ и серебромъ, которые застегивались на крючкѣ и петлѣ, придѣланныхъ къ большимъ, круглымъ серебрянымъ бляхамъ съ рельефными украшеніями. Штаны приняты были пре-

имущественно краснаго цвѣта; башмаки съ острыми загнутыми носиками. Голову убирали въ одну косу и прикрывали полотенцемъ, шитымъ у концовъ яркими шелками, которые стягивали на лбу и образовывали изъ нихъ нѣчто въ родѣ шишки какъ-бы для предохраненія глазъ отъ вліянія солнечныхъ лучей.

Бѣлье носили льняное и бумажное. Все это, за исключеніемъ крашенныхъ ситцевъ и шелковыхъ матерій, приготавлилось дома, но теперь положительно никто не имѣетъ желанія одѣваться на манеръ дѣдовъ, вслѣдствіе чего жены и дѣти ихъ совершенно забыли не только готовить полотна, но даже сѣять ленъ.

Гречаночка метиска.

Пища. По замѣчанію моему, потомки Крымскихъ грековъ не особенно любятъ вареную пищу и вообще какъ-то предпочитаютъ сухоѣденіе. Для нихъ кусокъ бѣлаго хлѣба, нѣсколько соленой рыбы или стручковаго перца совершенно достаточно для насыщенія себя. Впрочемъ, лакомыми блюдами ихъ считаются слѣдующіе: ушки съ сырою бараниною, подбѣленные окисленнымъ молокомъ;

лапша на молокѣ; супъ съ тарханою*); отваренные куски тѣста съ масломъ и толчеными орѣхами; *фава* или разваренная фасоль съ уксусомъ и деревяннымъ масломъ, соусъ съ соленнымъ перцемъ; кавурма или жареная маленькими кусочками баранина, шышлыкъ, соусъ съ капустою или тыквою, запеченная тыква и такъ называемая *стуфата* или баранина, отвариваемая съ головками лука и чеснока въ посудѣ, не только прикрытой крышкою, но и замазанною тѣстомъ.

Изъ печеній любимымъ считается *фулто* или листья тѣста, смоченные въ овечьемъ салтѣ и свернутые въ трубку. Кромѣ этого, они готовятъ изъ масла и муки нѣсколько родовъ пироженыхъ подъ названіемъ: ксиротигана, курабье, баклава и т. п.

Рыба употреблялась въ различныхъ видахъ: отварною въ морской водѣ, жаренною на салтѣ, оливковомъ маслѣ, въ родѣ соусовъ съ овощами, соленою, копченою и т. п.

Изъ овощей: кабачки, баклажаны, тыквенный цвѣтъ, огурцы, дикая спаржа, цикорія, крапива, листь свирѣпки и концы хмѣля, всего охотнѣе поѣдались отваренными съ уксусомъ и деревяннымъ масломъ. Не менѣе любимую пищею были: устрицы, миды, гребешки, улитки, морской салатъ (криоомъ), сыръ овечій и маслины. Изъ фруктовъ очень охотно вываривали бекмезъ или сушили ихъ для узвара.

Болѣзни и средства противъ нихъ. По разсказамъ стариковъ, у потомковъ древнихъ грековъ Тавриды никогда не существовало наслѣдственныхъ болѣзней, но по временамъ свирѣпствовали слѣдующаго рода эпидеміи: чума, безпрестанно завозимая изъ Азіи. Греки не принимали противъ нея никакихъ средствъ, въ предположеніи, что она выражала гнѣвъ Божій и поражала грѣшниковъ. На южномъ берегу и теперь еще вѣрятъ, что чума являлась на землю въ видѣ легіона красивыхъ воиновъ, вооруженныхъ длинными пиками, и эти войны не иначе являлись въ ихъ страну, какъ на мѣдныхъ ко-

---

*) Тарханою они называютъ крупу, приготовленную изъ муки, масла и молока и засушенную на солнцѣ.

рабляхъ и, проходя чрезъ деревни, съ шумомъ поражали копьями всѣхъ тѣхъ, которымъ надо было пострадать за грѣхи.

Оспа, корь и скорлотина, по замѣчаніямъ ихъ-же, посѣщали край въ три года разъ, но не отличались особаго рода свирѣпостію. Противъ нихъ употребляли настою *кырмыза* (кошинель) и отваръ кизяля.

Противъ лихорадки пользовали исключительно симпатическими средствами. Болѣзнь магула заговаривали*).

Горячка, какъ болѣзнь мало извѣстная, не имѣла опредѣленнаго средства; но при ней дозволялось выполнять всѣ прихоти больнаго въ предположеніи, что натура сама откроетъ себѣ способъ излеченія. Противъ головной боли лучшимъ средствомъ считали корбованіе ушей и вендузы посредствомъ рожка на верхушкѣ головной. Противъ желтиницы употребляли отваръ кизилевыхъ корней, противъ застоя мочи сушили голубиный или куриный желудокъ, толкли и пили съ водкой или же брали смѣсь: двухъ яичныхъ бѣлковъ, двухъ ложекъ деревяннаго масла, двухъ кусковъ сахару и, смѣшавъ все съ двумя ложками теплой воды, ѣли на-тощакъ. Противъ геммороя: садились на пары вскипеченнаго рису, а затѣмъ, когда шишки увеличивались, пересаживались на дегтяные пары. Противъ боли поясницы наклеивали пластырь на сахарной бумагѣ, которую предварительно размягчали, искалывали чѣмъ-нибудь острымъ, а затѣмъ, измочивъ хорошею водкою, смазывали яичнымъ бѣлкомъ въ смѣси съ толченою мастикою и ладаномъ.

Противъ простуды пили шалфей, настоенный на молокѣ. Противъ боли желудка—вареное съ перцемъ вино или отваръ отъ сливъ или сокъ отъ тыквы. Противъ сильнаго поноса—отваръ гранатовой корки. Противъ кашля глотали зерна чернаго перца. Въместо рвотнаго—настой водки съ полынемъ или проще медъ съ солью. Противъ ревматизма—втирали крѣпкій разсолъ. Противъ сдавленія членовъ тяжестью—деготь. Отъ замороженія—орлиный жиръ; отъ болѣзни горла—расти-

---

*) Болѣзнь эта, состоящая изъ опухоли щекъ и челюстей, въ былое время была сродна только южному берегу Крыма, но теперь она очень рѣдко появляется.

раніе деревяннымъ масломъ и саломъ, приподыманіе заднихъ оконечностей челюсти пальцами, засынаніе напатыремъ и т. п.

Отъ всякаго рода прыщей и язвъ—квасцы; отъ вередовъ—печеный лукъ, а отъ мозолей—печеный чеснокъ. Отъ нервныхъ болѣзней, умопомѣшательства и т. п. наводеній злаго духа, по мнѣнію ихъ, единственными исцѣлителями могли быть священныя молитвы.

Но чтобы не допустить или предупредить болѣзнь, пили на-тошакъ водку, сваренную съ медомъ.

Мы могли-бы представить множество и другихъ туземныхъ лекарствъ, но такъ какъ они позаимствованы греками у татаръ, то сообщимъ о нихъ въ отдѣлѣ монголо-татаръ. Для окончательнаго же знакомства читателя нашего съ остатками поколѣнія древнихъ грековъ Крыма намъ приходится сказать нѣсколько словъ о языкѣ ихъ и вообще положеніи, въ которомъ они очутились при турко-татарскомъ господствѣ.

Древніе греки, поселившіеся въ южной Тавридѣ, безъ сомнѣнія, говорили первоначально анатолійскимъ нарѣчіемъ, но въ послѣдствіи, сталкиваясь съ различными другими націями, позаимствовали у нихъ столько словъ, несвойственныхъ греческому языку, что затруднительно было вести съ ними разговоры настоящему греку. Кромѣ этого, ужъ Богъ вѣсть отъ кого, они усвоили манеру произношенія словъ на распѣвъ. Манера эта и чуждыя греческому языку слова употреблялись до 25 года т. е. до времени слитія ихъ съ архипелажскими греками, поселенными въ Балаклавѣ. Для примѣра представимъ нѣсколько записанныхъ нами словъ, внесенныхъ ими въ свой языкъ.

Тикаля	} — ложки	Дулуца	—глиняная чашка
Хуляръя			
Пинакъ	— чашки	Драна	—смотри
Баира	— столъ	Драми	—бѣги
Чапрази	—петли съ крючками	Прата	—ходи
		Цилиди	—уголья
Дуборно	} — головная повязка	Паца	—старш. сестра
Куркулеца			Канцимитра
Скутеля	— мѣдная чашка	Кулупица	—червякъ

Лаинь	— кувшинъ	Кинноія	— крапива
Цахаль	— вилы	Димадулъ	— фартукъ
Вардуки	— топоръ	Чабари	— платокъ
		Галкигалъ	— молоко *).

Несравненно больше встрѣчалось въ языкѣ ихъ турко-татарскихъ словъ. Манія къ языку послѣднихъ такъ была велика, что до времени присоединенія Крыма къ Россіи не было ни одного грека въ странѣ, который не владѣлъ-бы татарскимъ языкомъ въ совершенствѣ. Тоже самое замѣчалось и въ средѣ грековъ, переселившихся въ Мариупольскія степи. Увлечение это дошло до того, что они на половину забыли отечественный языкъ и поневолѣ начали сознать преимущество татарскаго, богатаго пѣснями, сказками, пословицами и анекдотами. Кромѣ всего этого, татаре увлекали ихъ честнымъ образомъ жизни, справедливымъ судомъ, гостепріимствомъ и умѣніемъ жить между собою спокойно, безъ всякихъ раздоровъ. Все это казалось такъ естественно и разумно, что греки, привышіе къ ссорамъ между собою, начали уважать порабитителей своихъ и не только заинтересовались ихъ языкомъ, но даже и религіею, съумѣвшею образовать народъ съ такими качествами. Тоже самое мы видимъ и въ Анатолиі, гдѣ увлеченіе турками во многихъ мѣстахъ достигло такой степени, что греки положительно забыли свой отечественный языкъ и должны были перевести все богослуженіе на турецкій и до настоящаго времени продолжать на немъ литургію.

Къ сказанному не мѣшаетъ прибавить, что потомки Крымскихъ грековъ съ завоеваніемъ Константинополя и Крыма турками до такой степени были унижаемы порабитителями своими въ религіозномъ отношеніи, что должны были скрывать отъ нихъ не только священнодѣйствіе, но и все, что могло дать поводъ отважнымъ фанатикамъ именовать ихъ *ягурами* **). Вслѣдъ затѣмъ

*) Изъ древнихъ пословицъ я открылъ только двѣ и именно: сколько хочешь работай, а приобѣтешь, сколько угодно Богу. Волка крестили, а онъ въ это время спрашивалъ гдѣ запираются овцы священника.

***) Слово это имѣло смыслъ поганого, недостойнаго пользоваться установленными Богомъ законами.

честолюбивые греки эти начали одѣваться въ ихъ наряды и по возможности примѣняться къ образу жизни и привычкамъ порабителѣй своихъ съ единственною, по видимому, цѣлью расположить ихъ къ себѣ. Но когда и это оказалось плохимъ средствомъ, то тѣ, которые не были проникнуты значеніемъ своей религіи, начали поддаваться убѣжденіямъ муллъ и измѣнять наслѣдственнымъ заповѣдямъ. Переходъ въ мусульманство впервые начался съ женскаго пола, которыхъ безцеремонно похищали и женились на нихъ молодые татары. Этимъ подражали сестры, затѣмъ влюблялись въ татарокъ греки, но, чтобы сдѣлаться обладателями ихъ, необходимо было принять исламъ. Ко всему этому добавлялись со стороны правительства различнаго рода притѣсненія, дань и т. п. прижимки, цѣль которыхъ была очевидна. Все это привело къ тому, что въ продолженіи 400 лѣтъ значительная часть поколѣнія первобытныхъ грековъ приняла мусульманство. Таже участь предстояла и остальнымъ, еслибъ не подоспѣло уничтоженіе турецкаго господства (въ 1774 г.) въ Крыму и вступленіе Россійскихъ войскъ въ Керчь, а вслѣдъ за тѣмъ выходъ грековъ въ Екатеринославскую губернію. Чтобы доказать, какая цифра христіанъ приняла исламъ подъ вліяніемъ турецкаго владычества, намъ достаточно будетъ сказать, что всѣ три кадылыка, состоящіе изъ 95 деревень, были ими населены. Это подтверждается тѣмъ еще, что жители этихъ деревень, разбросанныхъ на пространствѣ обѣихъ подошвъ Яйлынскаго хребта, начиная отъ Севастополя до Феодосіи и отъ Бахчисарая до Карасубазара и теперь еще въ очеркахъ лица представляютъ многое изъ греческаго типа.

Читатель нашъ, безъ сомнѣнія, пришелъ къ убѣжденію, что греческое населеніе въ Крыму при переходѣ этой страны во власть Оттоманской порты мало-мальски простиралось до 50 тысячъ. При такой цифрѣ казалось бы возможнымъ сопротивленіе и поддержаніе по крайней мѣрѣ религіи; но греки оказались неспособными къ этому во-первыхъ потому, что не имѣли возможности добывать огнестрѣльнаго оружія и потребныхъ для него снарядовъ и наконецъ потому, что допустили

въ среду свою турецкія и татарскія семьи, которыя препятствовали имъ свободно выполнять религіозныя постановленія. Надо полагать, что въ это время такъ точно, какъ и раньше у народа этого не существовало школъ и что духовенство ихъ нисколько не заботилось о развитіи ихъ въ религіозномъ даже отношеніи. Невѣжественность ихъ и притупленіе чувствъ дошли до того, что, позабывъ наслѣдственные преданія и пѣсни, одушевляющія въ трудныя минуты падшій духъ, они скитались подобно животнымъ безъ руководителя и готовы были подчиниться первому, кто вздумалъ-бы направить ихъ къ какой-либо цѣли; но никто не являлся на помощь кромѣ турковъ. Вотъ почему такая масса ихъ превратилась въ магометанъ, а остальные, воспользовавшись входомъ Русскихъ войскъ въ Керчь, задумали переселиться въ единовѣрную державу. О переселеніи этомъ у насъ существуютъ различнаго рода преданія. По словамъ однихъ, оно возбуждено было усиленнымъ притѣсненіемъ со стороны татаръ, которые, подмѣтивъ въ нихъ сильное сочувствіе къ русскимъ, старались всѣми силами оскорблять ихъ не только въ семейномъ быту, но даже и въ церквахъ. По другимъ же рассказамъ, оно предложено было Русскимъ правительствомъ въ видахъ обезсилить ханство, которому греки служили важною поддержкою въ финансовомъ отношеніи. Такъ-ли это или иначе, но, по официальнымъ даннымъ, намъ извѣстно, что 16-го іюня 1778 года Бахчисарайскіе греки подъ руководствомъ преосвященнаго митрополита своего Игнатія отправили просьбу къ императрицѣ Екатеринѣ, выражая искреннее желаніе вступить въ подданство Россіи. Государыня охотно приняла заявленіе ихъ и, указавъ на нынѣшній мариупольскій округъ, возложила на знаменитаго Суворова и Прозоровскаго заботливость о переселеніи этихъ людей; но такъ какъ оно не могло состояться безъ разрѣшенія хана, то правительство наше во-первыхъ изъявило согласіе заплатить ему впередъ подати и всѣ долги въ казну за уходившихъ съ правомъ оставить за ханскою казною все недвижимое имущество эмигрантовъ; переселенцамъ-же побѣщало перевезти ихъ съ семействами и кормить до

того времени, пока они обзаведутся своими средствами. Кромѣ этого, всѣмъ бѣднымъ оказано денежное вспомо- ществованіе. Затѣмъ изъ тѣхъ-же источниковъ намъ из- вѣстно, что переселеніе закончено въ 1779 году, что собственно грековъ вышло не болѣе 30 тысячъ чело- вѣкъ *), но многіе изъ нихъ поумирали на дорогѣ отъ повальной болѣзни, а остальные, добравшись благопо- лучно до назначенной мѣстности, основали городъ Ма- ріуполь и 20 селеній въ окрестности его, назвавъ ихъ тѣми-же именами, подъ которыми села ихъ извѣстны были въ Тавридѣ, такъ напр. Ялта, Урзуфъ, Эски- Крымъ, Камары, Керменчикъ, Салгиръ, Енисала, Ба- гатырь, Карань, Стиля, Ласпи, Мангушь и т. п. Ма- ріуполемъ-же названъ городъ во-первыхъ въ честь чу- дотворнаго образа Богородицы, взятаго греками съ со- бою изъ Бахчисарайскаго Успенскаго монастыря, и на- конецъ въ память Мариина села, бывшаго за Бахчиса- раемъ.

Императрица Екатерина кромѣ того, что предоста- вила этимъ переселенцамъ различныя льготы и привиле- гіи, дозволила имъ управляться своимъ судомъ, а прео- священному Игнатію, предоставивъ званіе Митрополита Готейскаго и Кафскаго, повелѣла состоять не по- средствомъ подъ Святѣйшимъ Синодомъ. Переселеніе этихъ христіанъ стоило Русскому правительству 230 т. рублей.

Мы очертили выходъ этихъ несчастныхъ людей, при- держиваясь официальныхъ свѣдѣній, теперь обратимся къ существующимъ преданіямъ:

Когда сообщенъ былъ отвѣтъ императрицы Екате- рины преосвященному Игнатію, онъ вызвалъ къ себѣ всѣхъ деревенскихъ священниковъ и объявилъ имъ полное со- держаніе его для того, чтобы они передали его прихо- жанамъ своимъ. Духовенство съ радостію исполнило это приказаніе и прежде другихъ начало укладывать имущество, какъ личное, такъ и церковное. Лишь только разнесся объ этомъ слухъ между татарами, которые

*) Всѣхъ-же христіанъ въ Крыму считалось до 50 т. чело- вѣкъ. Нѣкоторыя деревни какъ напр. Ламбать, Капсикоръ, Варнутка и Мускомья, чтобы избѣ- жуть переселенія, приняли исламъ.

успѣли уже сродниться съ греками, первые начали не только упрашивать отказаться отъ разлуки съ ними, но даже грозили употребить насиліе. Ханское правительство въ свою очередь, сознавъ громадность предстоящей потери, медлило доставкою необходимыхъ для удовлетворенія себя счетовъ и нѣтъ сомнѣнія, что переселеніе остановилось бы, еслибы не настаивали на этомъ такіе рѣшительные люди, какъ Суворовъ, Прозоровскій, митрополитъ Игнатій и іерусалимскіе монахи, бывшіе въ это время въ Крыму. Наконецъ дѣло было улажено, но наступило зимнее время. Многіе изъ желавшихъ переселенія начали просить отсрочки до весны; но такъ какъ приготовлены были уже подводы и всѣ необходимыя для нихъ припасы, то этого нельзя было допустить. Приказъ о немедленномъ выѣздѣ въ Бахчисарай доставленъ былъ на третій день Рождества. Всѣ, желавшіе выѣхать, должны были прибыть во временную резиденцію митрополита на новый годъ т. е. въ тотъ день, когда у нихъ принято было разрѣзывать пирогъ въ честь св. Василия. И вотъ волею-неволею всѣ двинулись въ походъ, какъ говоритъ преданіе, подъ вечеръ новаго года.

Самое большое сборище грековъ было въ Бахчисараѣ. За ними слѣдовали массы татаръ, горько оплакивающихъ разлуку, конечно, не съ цѣлью уже остановить переселеніе, но по возможности облегчить движеніе ихъ и проводить до предѣловъ полуострова.

Въ Бахчисараѣ прибывшіе изъ окрестностей пересѣли на воловьи подводы, но предварительно выѣзда къ нимъ явился Шагинъ-гирей ханъ и будто прослезившись, громкимъ голосомъ запѣлъ извѣстный куплетъ изъ татарской сказки:

Вы ѣдете, да будетъ вашъ путь счастливымъ!

Сопровожденные такимъ сочувствіемъ хана, всѣ греки рыдали и братски обнимались съ тѣми мусульманами, которыхъ ненавидѣли въ душѣ и которымъ безропотно повиновались въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій.

Между тѣмъ зимнее время и степные холода, къ которымъ не привыкли въ особенности жившіе на южномъ

берегу, вскорѣ начали пагубно дѣйствовать на караваны пересенцевъ и многихъ изъ нихъ не стало предварительно выѣзда изъ любимой родины.

О дальнѣйшей участи ихъ въ Екатеринославской губерніи мы не будемъ говорить, такъ какъ это не входитъ въ программу нашего труда, но скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ вновь появилось въ Крыму два селенія этихъ самыхъ грековъ, извѣстныя подъ именами Верхней и Нижней Аутки.

Князь Потемкинъ, въ бытность свою въ Крыму, пожелалъ имѣть такихъ людей, которые занимались бы ловлею устрицъ; бывший въ то время губернаторъ Каховской обратился къ татарамъ, но они все отвѣчали, что дѣломъ этимъ никогда не занимались и что врядъ ли въ странѣ остались люди, знающіе этотъ промыселъ, которымъ занимались одни только южнобережскіе греки. Подобнаго рода отзывъ послужилъ поводомъ, что предложено было въ Маріуполѣ желавшимъ возвратиться рыболовамъ на первобытное жительство вознагражденіе и земля. Это ничтожное обстоятельство возбуждало въ нѣкоторыхъ пересенцахъ желаніе возвратиться на родину и они въ небольшомъ числѣ прибыли на южный берегъ и поселились въ окрестностяхъ Ялты, въ Ауткѣ, гдѣ продолжали жить татары. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились въ одиночку проживающіе по различнымъ деревнямъ единовѣрцы и такимъ образомъ, женившись на выкрещенныхъ уже татаркахъ, они образовали 18 семействъ. Мѣстное начальство, въ предположеніи необходимости заселенія снова южнаго берега христіанами, исходатайствовало имъ у императорскаго правительства въ неотъемлемую собственность ту землю, которая принята была въ казну хана отъ вышедшихъ изъ Аутки грековъ. Милость эта заставила ихъ завятыся снова садоводствомъ, земледѣліемъ и другими сельскохозяйственными промыслами. Нѣсколько лѣтъ спустя этимъ грекамъ пришлось сблизиться съ Архипелагскими выходцами, поселившимися въ Ялтѣ въ качествѣ войновъ, наблюдавшихъ за татарами. Знакомство это привело къ тому, что, сроднившись съ ними, и имъ захотѣлось быть приписанными къ Балаклавскому грече-

скому батальону, пользующемуся въ то время особеннымъ вниманіемъ Русскаго правительства за усердіе и военныя услуги. Достигнувъ желанія, Аутинцы начали утрачивать свою національную отличительность и въ заключеніе положительно переняли отъ нихъ всѣ привычки и образъ жизни. Перерожденіе это дѣлаетъ невозможнымъ продолжать повѣствованіе наше до тѣхъ поръ, пока мы не ознакомимъ читателя съ тѣми греками, которые извѣстны были подъ названіемъ Балаклавскаго греческаго батальона и съ которыми они, слившись, прожили въ одной семьѣ до времени разформирования этого войска.

Архипелагскіе греки.

Типъ архипелагскаго грека.

Разрывъ дружественныхъ отношеній съ нами Оттоманской Порты въ 1768 году послужилъ главнѣйшимъ поводомъ поселенія въ Крыму Архипелагскихъ грековъ, которые до 1680 г. извѣстны были подъ названіемъ Балаклавскаго греческаго батальона. Событіе это совершилось слѣдующимъ образомъ: какъ только начались военныя дѣйствія, президентъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графъ Панинъ, 22 января 1769 г. написалъ къ извѣстному ему начальнику легионовъ, капи-

тану Мавромихали, письмо въ смыслѣ, что въ настоящее время представляется удобный случай жителямъ Эллады оказать великія услуги церкви Христовой и приобрести защиту и покровительство императрицы Екатерины II. Тѣмъ временемъ, командовавшій Русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ,—графъ Орловъ обнаружилъ манифестъ, обещающій иностранцамъ, поступившимъ въ наши войска, награжденіе, а въ случаѣ совершеннаго переѣзда въ Россію, разныя выгоды и привилегіи.

Такого рода приглашеніе моментально возбудило движеніе въ Греціи и въ самое непродолжительное время греки составили на собственномъ иждивеніи отдѣльный отрядъ изъ восьми батальоновъ, подъ названіемъ греческаго войска и поступили на Русскій флотъ. Мужество и храбрость, при навыкѣ ихъ къ мореходству, оказали громадную услугу нашей экспедиціи. Всѣмъ извѣстны ихъ молодецкіе подвиги подъ Навариномъ, Чесмою, Лемномъ и другими мѣстностями, доставившими графу Орлову прозваніе „чесменскаго“. Но лучшими ихъ заслугами было то, что они не требовали жалованья, давали убѣжище и оказывали гостепримство Русскимъ войскамъ въ домахъ своихъ. Наконецъ, военныя дѣйствія начали обѣщать скорое перемиріе и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживать ту печальную будущность, которая предстояла всѣмъ этимъ молодцамъ отъ турецкаго правительства. Заявивъ объ этомъ графу Орлову, они возбудили въ послѣднемъ воззваніе ко всему Албанскому войску съ обѣщаніемъ „всѣмъ храбымъ и вѣрнослужащимъ маіорамъ, капитанамъ, офицерамъ и прочимъ чинамъ“, пожелавшимъ переселиться въ Россію, кромѣ убѣжища, чины, воинскія почести и жалованье. Въ воззваніи этомъ вычислены всѣ тѣ услуги и подвиги этой горсти людей, которые они оказали во все время войны.

Въ 1775 году, когда послѣдовалъ миръ съ Турціею, греки, вѣроятно, по предложенію славнаго начальника ихъ Орлова, отправили къ Императрицѣ Екатеринѣ депутацію во главѣ капитана Мавромихали, сражавшагося съ собственными его сартанскими легіонами безъ вся-

каго жалованія и получившаго за атаку и всякіе Наварина золотую медаль. Депутація эта была принята благосклонно и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя графа Орлова, которому мудрая государыня, оцѣнивая услуги, оказанныя греками, изъявляла полное согласіе на переселеніе ихъ съ семействами въ Россію на иждивеніи казны. Кромѣ этого имъ обѣщаны: постройка храмовъ и домовъ, недопущеніе иностранцевъ пріобрѣтать около нихъ землю, установить свой судъ и духовниковъ, никого противъ желанія не брать въ отдѣльныя войска, устроить училище для воспитанія юношества и приготовленія его къ службѣ, снабжать служившихъ всякаго рода аммуниціею и снарядами и многія другія преимущества.

Въ 1775 году совершилось переселеніе Албанцевъ въ только что доставшіеся намъ по Кучукъ-кайнарджинскому миру Керчь и Еникале.

Но не успѣли еще устроиться греки въ Крыму, какъ татары, возбужденные происками Турціи, взбунтовались и Албанцы обязаны были дѣйствовать противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ какой степени услуга ихъ была важна, мы можемъ судить изъ выданнаго имъ княземъ Потемкинымъ 1 апрѣля 1778 г. аттестата.

„Я нижеподписавшійся свидѣтельствую, что Албанское войско, находящееся съ начала учинившагося генеральнаго бунта въ Крымскомъ полуостровѣ противъ татаръ, очищая горы отъ самой Кефы, чрезъ Качу и Янисуля, поражало повсюду татаръ съ отличнымъ мужествомъ, ревнуя къ службѣ Ея И. В., потомъ подъ моимъ начальствомъ въ четыре атаки, а именно при дер. Бейсалѣ, въ дер. Илисулѣ при пораженіи Нурединъ-султана съ его толпою, на Качѣ, за Вахчисараемъ и наконецъ въ Черкезъ-Керменѣ при отличной неустрашимости, изъявило новые опыты усердія къ службѣ. Я сіе свидѣтельство даю сему храброму войску тѣмъ охотнѣе, что былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ мужества его и что оно достойнѣе одобренія и похвалъ, ибо невозможно имѣть болѣе мужества, отважности и усердія къ службѣ, колико оное войско изъявило“.

По возстановленіи спокойствія въ Крыму, князь По-

темкинъ задумалъ изъ Албанскаго войска сформировать греческій полкъ изъ 12 ротъ съ тѣмъ, чтобы каждой изъ нихъ присвоены были громкія названія изъ исторіи Греціи. Императрица Екатерина изъявила на это согласіе, но оно не было приведено въ исполненіе неизвѣстно по какимъ причинамъ.

Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, князь Потемкинъ довѣрилъ охраненіе береговъ греческому войску въ полномъ убѣжденіи, что только оно сѣумѣетъ оправдать его довѣріе въ гористой мѣстности, переполненной враждебными мусульманами. Съ такимъ назначеніемъ послѣдовало и переселеніе грековъ въ Балаклаву, гдѣ начальнику ихъ приказано было отвести 240 десятинъ земли, офицерамъ по 60, а нижнимъ чинамъ по 20. Въ 1787 г. они освобождены были навсегда съ потомствомъ отъ государственныхъ податей съ дарованной земли.

Въ 1787 году, при новомъ столкновеніи нашемъ съ Турціею, большая часть балаклавскихъ грековъ отправлена на Черноморскій флотъ подъ начальство контръ-адмирала Войновича. Участвуя въ пораженіи Турецкаго флота при Днѣпровскомъ лиманѣ 6 и 16-го іюля, они снова снискали вниманіе Потемкина, который просилъ Войновича особенно заботиться о сбереженіи и награжденіи ихъ по заслугамъ. Въ 1789 г. эти же греки отряжены были на Черноморскій флотъ подъ начальство контръ-адмирала Ушакова для десанта въ Кюстенджи. Съ наступленіемъ весны 1790 г. большая часть греческаго полка участвовала въ удачныхъ и быстрыхъ поискахъ экспедиціи Ушакова къ Анатольскимъ берегамъ, когда онъ подходилъ подъ самыя пушки Синопа, жегъ непріятельскія суда и привелъ въ трепетъ Анапу; въ пораженіи и прогнаніи Турецкаго флота у Еникальскаго пролива и въ совершенномъ разбитіи его между Гаджибеемъ и полуостровомъ Тендрою. Въ 1797 году греческій полкъ, по приказанію Императора Павла, принятъ въ вѣдомство военной коллегіи подъ названіемъ греческаго батальона на положеніи донскихъ казаковъ и въ зависимости гражданскаго суда. Императоръ повелѣлъ въ тоже время вооружить ихъ по національному обряду и обмундировать цвѣтомъ краснымъ и зеленымъ, по ихъ

обычаю. Наконецъ 13-го апрѣля высочайше подтверждено первое штатное положеніе греческаго пѣхотнаго батальона. Въ немъ учреждено три роты въ числѣ 396 человекъ, считая начальствующихъ и денщиковъ съ отпускомъ на жалованье и содержаніе его изъ казны 16,132 руб. въ годъ.

Типъ архипелагской гречанки.

Въ 1807 г. снова открылись военныя дѣйствія съ Турцею и по примѣру прежнихъ лѣтъ часть Балаклавскаго батальона отряжена была въ Черноморскій флотъ. Въ 1810 г. балаклавцы участвовали въ десантѣ флота подъ городомъ Платономъ. Въ 1812 году Балаклавскій батальонъ оказалъ крымскимъ христіанамъ важную услугу тѣмъ, что во-время остановилъ возмущеніе татаръ и разогналъ скопища ихъ, на различныхъ пунктахъ созданныя турецкими агентами; но важнѣйшая услуга, оказанная ими въ этой странѣ въ томъ же году, состояла въ томъ, что кромѣ охраненія береговой линіи, они оцѣпляли многія зараженныя чумою мѣста и неподушною строгостью сумѣли приостановить развитіе заразы. Съ 1814 года Балаклавскій батальонъ увеличенъ еще одною ротою. Въ 1818 г. Императоръ Александръ, лично осматривая батальонъ этотъ, опредѣлил: во вниманіе

къ заслугамъ, коими онъ издавна отличался, отвести для чиновъ его еще 14,152 десятины земли, увеличить жалованье, устроить военно-сиротское отдѣленіе, распространить право на полученіе военнаго ордена за 25-лѣтнюю службу, обезпечить судьбу вдовъ и сиротъ, больныхъ и т. п. Въ 1828 году, во время турецкой войны балаклавцамъ вновь довѣрена была карантинная цѣпь, учрежденная около порта и города Севастополя на разстояніи 18 верстъ, по случаю свободнаго прѣхода въ Севастополь и отхода оттуда судовъ, участвовавшихъ въ Турецкой войнѣ. Выполняя съ отличнымъ усердіемъ и эту обязанность, они не допустили открывшейся въ 1829 г. въ Севастополѣ чумы проникнуть въ Крымъ. Прославившись и на этомъ поприщѣ, имъ вскорѣ послѣ того довѣрено было охраненіе полуострова и отъ холеры, появившейся въ Симферополѣ, Карасубазарѣ и Бахчисараѣ. Въ 1837, году, при посѣщеніи южнаго берега Императорскою фамиліею, Балаклавскій батальонъ содержалъ какъ внутренніе, такъ и наружные караулы у дворца. Его величество неоднократно изъявлялъ ему свое благоволеніе и довольство и въ заключеніе пожаловалъ многимъ изъ офицеровъ чины и ордена, увеличилъ жалованье и приказалъ выдать 20,000 руб. на обмундированіе нижнихъ чиновъ.

Наконецъ въ 1842 году Государь Императоръ соизволилъ утвердить предположеніе графа Воронцова о посылкѣ балаклавцевъ на Кавказскій берегъ въ укрѣпленіе Новороссійскъ для участія, наравнѣ съ другими войсками, въ охраненіи крѣпостей нашихъ отъ черкесовъ. О дѣйствіяхъ ихъ на Кавказѣ мы не можемъ сказать ничего особеннаго, такъ какъ они большинствомъ участвовали въ отрядахъ, снабжающихъ укрѣпленія провизіею и другими надобностями; намъ извѣстно только, что отряды эти всегда почти подстерегались черкесами и дѣло не обходилось безъ перестрѣлокъ и смертныхъ случаевъ. Болѣе серіозными услугами ихъ можно считать во время нападенія непріятельскихъ скопищъ на наши крѣпости. Всегда любимые начальствомъ за быстрыя и разумныя дѣйствія, они никогда не утращались числительности враговъ, что и служило прекраснымъ урокомъ нашимъ

молодымъ солдатамъ. Замѣчательно однако, что больше всѣхъ ненавистные для черкесовъ, именовавшихъ ихъ Крымскими казаками, они, не смотря на то, что управляли орудіями, въ теченіи 12-лѣтней ежедневной почти службы, не потеряли убитыми болѣе 20 человекъ. Естественно, что правительство наше не оставляло ихъ за это безъ лестнаго вознагражденія и мнѣ самому приходилось встрѣчать ротныхъ командировъ, удостоенныхъ военнаго знака и золотой сабли съ надписью за храбрость. Въ послѣднюю Крымскую войну Балаклавскій греческій батальонъ частью находился на Кавказской береговой линіи, а частью въ районѣ военныхъ дѣйствій. Время это очень памятно этому войску, такъ какъ имъ закончилась его боевая жизнь. Изъ уваженія къ заслугамъ этой горсти людей, мы считаемъ долгомъ открыть предъ читателемъ и послѣднюю страницу ихъ исторической дѣятельности.

Въ то время, когда объявлена была намъ война Англо-французами, двѣ роты балаклавцевъ въ числѣ 157 человекъ находились, какъ замѣчено было выше, на Кавказскомъ берегу; но такъ какъ отсутствіе ихъ изъ Крыма имѣло важное значеніе, то начальство сдѣлало распоряженіе о переводѣ ихъ въ Тавриду. Вотъ письмо ко мнѣ одного изъ офицеровъ этого войска, изъ котораго читатель увидитъ, какой участи оно подверглось при переходѣ этомъ:

.... До 23 апрѣля 1853 года мы составляли гарнизонъ въ Новороссійскѣ, затѣмъ послѣдовало распоряженіе отправить насъ для той же службы въ г. Керчь. Мы очень обрадовались передвиженію нашему, но рѣшительно не понимали, какимъ образомъ оно совершится, потому что военныя суда наши не выходили уже изъ Севастопольской бухты. Недоразумѣніе наше вскорѣ разрѣшилось приказомъ идти сухимъ путемъ т. е. вокругъ всего Азовскаго моря, но такъ какъ это сопряжено было съ различнаго рода лишеніями, а главное съ потерей времени, то начальникъ Черноморской береговой линіи, генераль Хамутовъ, предпочелъ переправить насъ на двухъ коммерческихъ судахъ, принадлежащихъ иностраннымъ грекамъ Николаю и Костандію.

На эти суда мы были погружены съ множествомъ казенныхъ вещей, ранеными солдатами и женами нижнихъ чиновъ Новороссійскаго гарнизона. Кромѣ этого съ нами слѣдовали: штабъ-лекаръ съ двумя фельдшерами, 20 денщиковъ при офицерскихъ вещахъ, аптека и все госпитальное имущество. Погрузка окончилась 27 апрѣля утромъ, а въ 2 часа пополудни насъ буксировали изъ бухты и оставили на произволь судьбы. Судохозяева-шкипера, не смотря на то, что приказали натянуть всѣ паруса, съ желаніемъ скорѣе совершить переѣздъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ неприятельскими судами, которыя по временамъ показывались на Черномъ морѣ, хотя и торопились, но мы едва двигались впередъ. Къ вечеру береговой вѣтеръ усилился настолько, что судно наше значительно опередило другое, шедшее на-равнѣ съ нами. Съ разсвѣтомъ, прикрытые сильнымъ туманомъ, мы съ трудомъ могли замѣтить, что находимся невдали отъ Анапскаго берега. Къ несчастію, опять стихъ вѣтеръ, и мы оставались безъ движенія до 2-хъ часовъ пополудни. Вслѣдъ затѣмъ туманъ началъ исчезать, и мы замѣтили вдали дымъ изъ пароходной трубы. На первыхъ порахъ намъ показалось, что это былъ пароходъ, высланный изъ Керчи, чтобы посодѣйствовать намъ къ скорѣйшему прибытію въ этотъ городъ; между тѣмъ пароходъ, повидимому, не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, но потомъ какъ-бы очнувшись, сдѣлалъ поворотъ къ нашему судну. Одинъ изъ матросовъ, слѣдившій за движеніемъ его съ рей, извѣстилъ шкипера, что пароходъ этотъ окрашенъ бѣлою полосою, а затѣмъ, что онъ различилъ на немъ англійскій флагъ. Лишь только мы убѣдились въ этомъ, наши майоры: Васильевъ, Ризо, Кукураки, Годзи, Манулаки, Цакни и Маладраки, приказали намъ вооружиться и быть готовыми къ сопротивленію. Приказаніе это произвело паническій страхъ на больныхъ и женщинъ, которыя начали плакать и стонать. Тѣмъ временемъ пароходъ, приблизившись къ намъ, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пушки такъ мѣтко, что ядро упало у самаго корабля. Не имѣя, чѣмъ отвѣтить ему, шкиперъ Костанди объявилъ намъ, что всякаго рода сопротивленія противъ 42 пушечнаго фрегата, не могутъ быть

разумны и что мы можемъ быть потоплены при малѣйшемъ озлобленіи врага. Справедливость этихъ словъ на минуту заставила офицеровъ нашихъ призадуматься, но затѣмъ они придумали спрятать команду съ тѣмъ, чтобы моментально вызвать ее къ дѣйствию, когда враждебный пароходъ подступитъ къ борту. Но этого не случилось: англичане, какъ-бы извѣщенные заранѣе, что на суднѣ нашемъ есть вооруженные люди, замыслившие броситься внезапно на нихъ, выслали къ намъ шлюбку и, убѣдившись, что мы принадлежимъ къ составу русскихъ войскъ, предприняли всевозможныя мѣры перевести насъ къ себѣ на пароходъ безъ оружія. Сознывая, что сопротивление наше не можетъ спасти никого, мы поневолѣ должны были смириться не столько предъ пушками, сколько предъ отчаянными криками женщинъ и больныхъ, умоляющихъ насъ покинуть оружіе. И дѣйствительно, намъ не представлялось никакой пользы сопротивляться, потому что первый выстрѣлъ изъ одного борта могъ раздробить наше судно въ щепки. Увѣренные въ этомъ, мы хотя и отдались имъ въ плѣнъ, но въ продолженіи всего путешествія до Константинополя, дѣлали самыя безобразныя насмѣшки о завоеваніи безоружнаго коммерческаго судна. Случалось даже вступать въ рукопашный бой въ Синопѣ съ турками, которые пріѣзжали мстить намъ за разгромленіе ихъ судовъ адмираломъ Нахимовымъ...

Захваченныя такимъ неожиданнымъ образомъ, двѣ роты Балаклавскаго батальона отправлены были въ Константинополь, гдѣ и пробыли почти до времени заключенія мира. Несчастіе это, безсомнѣнно, принесло значительную пользу Англо-французамъ, занявшимъ Балаклавскій и Байдарскій округи, гористыя мѣстности которыхъ отлично были извѣстны этимъ плѣнникамъ.

Теперь обратимъ вниманіе на дѣятельность остальныхъ двухъ ротъ этого батальона въ продолженіи Крымской кампаніи. Всѣмъ извѣстно, что правительство наше не предвидѣло высадки непріятеля на Бурлюкскомъ берегу и движенія его оттуда на Балаклаву. Впрочемъ предвидѣть такого глупаго распоряженія едва-ли возможно было людямъ знакомымъ съ мѣстностію Тавриды. Велѣдствіе этого,

Балаклава не только была не укрѣплена, но даже выведены были изъ нея, за исключеніемъ 40 или 50 человекъ, всѣ чины батальона въ Бахчисарай. Между тѣмъ растерявшіеся, повидимому, Англо-французы вмѣсто того, чтобы идти сухимъ путемъ прямо на Севастополь или расположиться въ виду его на господствующихъ вершинахъ, предпочли идти въ Балаклаву. Переходъ этотъ промежъ горъ могъ-бы быть гибельнымъ для нихъ, еслибы мы имѣли возможность атаковать ихъ въ этихъ ущельяхъ, но къ сожалѣнію, вынужденные оставаться пассивными зрителями происходившаго, мы отчасти радовались, что услужливые татары направляютъ ихъ къ Байдарской долинь. Тѣмъ временемъ жители Балаклавъ извѣщены были, что Англо-французы идутъ къ нимъ. Бывшій командиръ греческаго батальона, полковникъ Манто, потребовалъ къ себѣ майора Маландраки и извѣстнаго ему храбростію канитана Стамати, чтобы рѣшить, что предстоитъ имъ дѣлать: сопротивляться-ли до послѣдняго заряда пороха или выйти изъ города безъ напрасной-потери людей? Стамати первый потребовалъ сопротивленія съ оружіемъ въ рукахъ и какъ командиръ роты, число которой въ это время не превышало 50 человекъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы солдаты его, запасшись боевыми снарядами, заняли вершину горы, у подножія которой должны были проходить непріатели и стрѣлять до тѣхъ поръ, пока каждый не выпуститъ всѣхъ зарядовъ, затѣмъ имъ приказано было уйти въ горы и ожидать дальнѣйшихъ приказаній начальства въ Ауткѣ. Кромѣ этого послано было на древнюю крѣпость, вооруженную одною мортирою, нѣсколько канонировъ съ тѣмъ-же приказаніемъ не прекращать пальбы пока не сойдутъ всѣ снаряды. Сдѣлавъ такое распоряженіе, представители власти, въ боевомъ вооруженіи, заняли мѣсто у городскаго входа и какъ только приблизились на оружейный выстрѣлъ непріатели, командовали открыть пальбу. Застрѣльщики, къ которымъ присоединилось около двухъ десятковъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, проживавшихъ въ Балаклавѣ, неожиданно сдѣлали залпъ и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ изъ мортиры. Недоступная позиція и чрезвычайно

быстрая пальба грековъ, не привыкшихъ терять напрасно зарядовъ, до того смутили Англо-французовъ, что они остановили дальнѣйшее движеніе громадной арміи своей и, выдвинувъ впередъ артиллерію, начали канонаду, но такъ не удачно, что всѣ ядра, направляемые на крѣпость, перелетали чрезъ нее и падали около ихъ судовъ. Послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что корабли ихъ, скрытые за горами, не зная, кто стрѣляетъ въ нихъ, начали въ свою очередь стрѣлять изъ пушекъ въ томъ направленіи, откуда летѣли къ нимъ ядра. Естественно, что еслибъ это продолжалось дольше, соединенныя силы могли-бы нанести себѣ громадный вредъ; къ счастью ихъ, греческая мортира, надѣлавшая имъ столько бѣды, должна была умолкнуть вслѣдствіе истощенія снарядовъ. Тоже самое случилось и съ застрѣльщиками послѣ 4-хъ часовой немолкаемой перестрѣлки. Выполнивъ буквально приказаніе начальниковъ своихъ, нижніе чины бросились въ горы и скрылись въ лѣсахъ, но счастливо избавившіеся отъ громадной арміи, нѣкоторые изъ нихъ пали жертвою отъ рукъ Байдарскихъ татаръ, подстерегавшихъ ихъ въ лѣсу.

Впослѣдствіи они съ другими чинами составляли по южнобережской линіи летучій отрядъ и содержали въ горахъ пикеты. Присутствіе этой горсти людей важно было въ томъ отношеніи, что татаре, преданные намъ, хотя и подготовленные къ измѣнѣ, не смѣли ни единымъ словомъ оказывать сопротивленіе мѣстнымъ властямъ. Грозное имя арнаута, такъ хорошо памятнаго имъ безпощаднымъ обращеніемъ при малѣйшемъ волненіи, положительно парализовало въ нихъ всякаго рода желаніе взяться за оружіе, даже и въ то время, когда Англійская эскадра высадилась въ Ялтѣ и пропировала въ ней и окрестныхъ виноградникахъ три дня. Съ прекращеніемъ военного времени Балаклавскій греческій батальонъ снова былъ собранъ въ миниатюрный городокъ свой и началъ отправлять прежнія обязанности службы. Тѣмъ временемъ мѣстному начальству пришла идея прекратить дальнѣйшее существованіе этого, повидимому, ничтожнаго войска, но въ сущности очень

важнаго въ такой странѣ, гдѣ оставался не особенно дружелюбивый намъ мусульманскій элементъ, трепещущій только предъ вѣковою ненавистію грека, испытывающаго пытки единовѣрныхъ ему турковъ.

Такимъ образомъ въ 1859 году, по приказанію высшаго начальства, приказано было уволить всѣхъ чиновъ Балаклавскаго батальона въ отставку, съ предоставленіемъ 10-ти лѣтней льготы для избранія рода жизни; землю-же, составляющую Балаклавскій округъ, раздѣлить между тѣми, которые имѣли осѣдлость въ Балаклавѣ. Вѣсть эта чрезвычайно грустно подѣйствовала на семью этихъ воиновъ, которые, создавъ себѣ въ странѣ лестную репутацію, гордились царскими грамотами и заслугами отцовъ и дѣдовъ; но дѣло было окончено и они разошлись по разнымъ городамъ Новороссійскаго края, за исключеніемъ только тѣхъ, которые имѣли наслѣдственные пристанища въ Крыму. Въ то же время Аутицы, потомки первобытныхъ грековъ, достаточно просвѣщенные въ кантонистскомъ званіи и пріученные къ различнаго рода ремесламъ, возвратились вновь свободными подъ кровлю прародительскихъ хижинъ и снова предались завѣтному образу сельско-хозяйственной жизни.

Для окончательнаго-же знакомства читателя съ те-перешними крымскими греками приложимъ сказки ихъ, переведенныя нами съ древняго греческаго изданія, извѣстными подъ заглавіемъ „Халима“. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ перешли сюда изъ Византіи и до того распространились, что вытѣснили всѣ почти туземные эпосы. Что касается легендъ греческихъ, то мы представимъ ихъ въ послѣдующемъ томѣ вмѣстѣ съ татарскими полу-мифическими преданіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Начало и причины передвиженія народовъ	1
Тавры	6
Амазонки	9
Кимеріане	11
Скифы	12
Тавро-Скиенъ	19
Готы	21
Гуны	25
Хазары	27
Печенѣги	28
Половцы или Команы	29
Греки и Мангуское княжество	30
Судгайское княжество	34
Феодорійское княжество	38
Херсонеская республика	42
Босфорское царство	57
Босфорскіе цари	66
Взглядъ на Римское и Греческое господство	77
Нотомки древнихъ грековъ	80
Ихъ праздники	86
Свадебный обрядъ	94
Родины и крестины	96
Имянины	99
Похороны	”
Домашній бытъ	100
Одежда	101

	<i>Стр.</i>
Типъ гречанки метиски	102
Пища.	”
Волѣзны и средства противъ ихъ	103
Эмиграція христіанъ изъ Крыма	108
Архипелагскіе греки, смѣшеніе ихъ съ туземцами служебная дѣятельность и образцы типовъ.	112

Въ приложеніи Греческія сказки знаменитой Халимы или точный переводъ 101 ночи стараго греческаго изданія.

ГРЕЧЕСКІЯ СКАЗКИ

В. Х. КОНДАРАКИ.

ГРЕЧЕСКІЯ СКАЗКИ.

Знаменитая Халима. *)

Сасаній, одинъ изъ первыхъ властителей Персіи имѣлъ счастье распространить владѣнія свои до Индіи и Китая и настолько расположить къ себѣ подданныхъ, что всѣ безъ исключенія рыдали, когда этотъ могущественный государь прекратилъ свою плодотворную жизнь. Отъ него осталось два сына Айдинъ и Схазинанъ. По законамъ того времени вступалъ на престолъ старшій сынъ, а меньшій въ примѣръ другимъ, обязанъ былъ служить брату оруженосцемъ, лакеемъ и вообще самымъ усерднымъ исполнителемъ державной воли. Тѣ, кто исполняли это правило въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ искреннею любовью, конечно не оставались безъ вознагражденія и чаще всего государь отдѣлялъ имъ одну изъ провинцій и жаловалъ ихъ короною.

Такой чести достигъ и Схазинанъ на пятомъ году своей службы Айдину. Сдѣлавшись царемъ великой татаріи, онъ основалъ резиденцію свою въ Самарканѣ и женился на одной изъ прелестныхъ и благороднѣйшихъ дѣвицъ, которую полюбивъ отъ всего сердца за ея добрыя качества, считалъ за совершеннѣйшую женщину.

Годъ спустя послѣ разлуки съ братомъ, Айдинъ послалъ къ нему своего министра съ просьбою, чтобы онъ пріѣхалъ погостить у него. Схазинанъ очень обрадовался этому желанію брата и, приказавъ построить для посланныхъ за городомъ роскошное помѣщеніе, началъ приготавливаться къ поѣздкѣ. Во все это время жена Схазинана казалась убитою горемъ. Царь выражалъ сочувствіе къ ея явной скорби и обѣщалъ возвратиться въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Поѣзжай мой другъ и повелитель—отвѣчала она—если это необходимо и не обращай вниманія на немощь женщины. Это наша общая слабость, которую мы перенесемъ безъ дурныхъ послѣдствій. Слова эти утѣшили царя и онъ выѣхалъ. Прибывъ въ лагерь посланника съ тѣмъ, чтобы немедленно пуститься въ дальнѣйшій путь, онъ засталъ визиря больнымъ. Прощавъ до полудня выздоровленія его, государь рѣшился возвратиться домой, чтобы еще нѣсколько часовъ провести съ женою. Но какого было его изумленіе, когда онъ нашелъ супругу свою сладко спящею

---

*) Разказы Халимы признаны за мифъ азіатскихъ народовъ, но сколько намъ извѣстно ничего подобнаго не существуетъ ни на турецкомъ, ни на арабскомъ языкахъ. Они прямо созданы греками и отнесены къ восточнымъ народамъ.

въ объятіяхъ одного изъ придворныхъ камергеровъ. Кровь бросилась къ нему въ голову и затмила разумокъ. Не думавши долго, онъ обнажилъ саблю, отрубилъ преступникамъ головы и также тихо, какъ и пришелъ, возвратился въ лагерь гостя, съ которымъ на другой день пустился въ дальній путь. Но чѣмъ дальше они отъѣзжали отъ столицы, тѣмъ сильнѣе сжималось его сердце. Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы такая умная женщина могла бы довести себя до такого безнравственнаго и позорнаго поступка и добрый Схазинанъ употреблялъ всѣ усилія найти какія-нибудь причины, могущія оправдать поступокъ жены своей. Съ этимъ камнемъ на душѣ онъ прибылъ къ брату, который принялъ его самымъ торжественнымъ и дружескимъ образомъ.

Айдинъ сейчасъ же замѣтилъ въ Схазинанѣ большую перемѣну и гнетущую грусть, но боясь усилить ее распросами старался развлекать его всевозможными средствами. Въ концѣ концовъ онъ придумалъ устроить большую охоту. Когда всѣ были готовы къ выѣзду царь пошелъ за братомъ, но Схазинанъ представился больнымъ и отказался отъ этого зрѣлища. Дѣлать нечего Айдинъ оставилъ его и самъ поѣхалъ.

Въ тотъ день Схазинанъ противъ обыкновенія гораздо долже гулялъ по великолѣпному дворцовому саду, въ который не допускались сторонніе люди. Было около полуночи, когда онъ остановился около слабо освѣщенной роскошной постройки и задумался. Какъ вдругъ послышался скрипъ дверей и въ комнату вошло 20 женщинъ въ чадрахъ. Когда онѣ раздѣлись, то половина оказалась молодыхъ мужчинъ. Въ числѣ женщинъ находилась и сама царица.

— Масуль—обратилась она къ одному изъ прелестныхъ кавалеровъ—не будемъ терять дорогаго времени, а станемъ веселиться и, наливъ чаши виномъ, поднесла одну ему, а другую сама взяла. Примѣру ея послѣдовали и другія женщины. Такимъ образомъ опороживъ всѣ сосуды друзья начали пѣть и танцовать, а въ заключеніе всѣ разошлись по парно въ отдѣльныя комнаты.

— Боже—вскрикнулъ Схазинанъ—возможно ли, чтобы жена брата моего, такого могущественнаго и добрѣйшаго человѣка дозволяла себя такія позорныя вещи! Нѣтъ видно все это мнѣ снилось подъ вліяніемъ гнетущей скорби,—и онъ началъ снова смотрѣть въ окно, стараясь убѣдить себя въ сновидѣніи. Но къ сожалѣнію сосуды отъ вина и чадры, сложенные на софахъ заставили его убѣдиться, что все видѣнное имъ совершилось на яву.

— Правъ ли я послѣ этого—сказалъ онъ—что убилъ свою жену? Если такая благочестивая женщина допускаетъ себѣ подобныя шалости въ присутствіи свидѣтелей, то мою жену положительно нельзя обвинять во первыхъ потому, что она была до вѣрчива ко всѣмъ и наконецъ потому, что она заботилась скрыть свои проступки отъ стороннихъ глазъ. О, слава Богу, что я нашелъ наконецъ основаніе простить мою добрую жену—вскрикнулъ онъ, возвратившись на ночлегъ. Схазинанъ рѣшилъ въ эту ночь,

что всѣ женщины безъ исключенія созданы одинаково и непремѣнно натура ихъ требуетъ добавочнаго мужа. Пришедъ къ такому убѣжденію, онъ внезапно очнулся отъ гнетущей его скорби и почувствовалъ снова веселое расположение духа.

Два дня спустя возвратился Айдинъ. На этотъ разъ Схазинанъ встрѣтилъ брата съ такимъ веселымъ видомъ и дѣтскою радостію, что царь изумился этому перевороту.

— О, какъ я радъ, что ты теперь смотришь на меня другими глазами—сказалъ Айдинъ— ну, слава Богу, освободившему тебя отъ болѣзни сердца. Надѣюсь дорогой братъ, что теперь ты согласишься мнѣ минувшія твои горести. Сказавъ это, онъ взялъ Схазинана за руку и повелъ въ свою комнату,

Схазинанъ, не подозрѣвая къ чему приведетъ первое сознание его рассказалъ причину своей горести.

— Ну, теперь расскажи мнѣ другъ мой—сказалъ Айдинъ, утирая слезы—что исцѣлило тебя внезапно отъ твоей скорби?

При этомъ вопросѣ у меньшаго брата затрепетало сердце. Онъ не хотѣлъ осуждать невѣстку на смерть и въ тоже время разрушать счастья любимаго брата. Схазинанъ началъ уклоняться, но Айдинъ сказалъ:

— Если ты скроешь отъ меня, то клянусь, что не буду называть тебя братомъ, а сочту за врага.

— О, дорогой Айдинъ я боюсь, чтобы рассказъ мой не причинилъ тебѣ сколько же напрасныхъ страданій, сколько я уже перенесъ. Не допрашивай же меня ради собственнаго благополучія.

Эти искреннія слова еще больше возбудили любопытство царя и онъ началъ все больше и больше заклинять и настаивать.

Схазинанъ долго крѣпился, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ рассказать все видѣнное.

Айдинъ поблѣднѣлъ и засуетился.

— Нѣтъ братъ этому я не повѣрю. Тебѣ навѣрно все это приснилось подъ гнетомъ испытаннаго. Моя жена была и всегда будетъ честнѣйшею и благочестивѣйшею женщиною.

— Я буду очень радъ, если ты останешься при своихъ убѣжденіяхъ—отвѣчалъ Схазинанъ.

— Къ сожалѣнію, другъ мой, одни убѣжденія не всегда успокаиваютъ мужей, когда имъ говорить о безчестномъ поведеніи женъ и я долженъ строго провѣрить твой рассказъ, чтобы успокоить взволнованную кровь мою. Но какъ бы это сдѣлать, чтобы не возбудить ни въ комъ подозрѣнія?

— Самое лучшее по моему назначъ чрезъ недѣлю вновь охоту какъ бы для меня. Мы выйдемъ вечеромъ и расположимся за городомъ, а послѣ полуночи подъ какимъ нибудь предлогомъ возвратимся вдвоемъ и спрячемся подъ тѣмъ окномъ, откуда я слѣдилъ.

Айдинъ нашелъ этотъ способъ очень разумнымъ и общалъ послушать брата.

Черезъ нѣсколько дней царь заговорилъ за обѣдомъ о томъ удовольствіи, которое доставила ему послѣдняя охота на тигровъ.

— Какъ жаль—обратился онъ къ Схазинану—что ты не могъ участвовать съ нами?

— Къ сожалѣнію я тогда былъ болѣнъ—отвѣчалъ онъ—но еслибъ теперь повторилось твое желаніе, я съ большимъ удовольствиемъ поѣхалъ бы съ тобою.

Царь представился восхищеннымъ этими словами и тутъ же отдалъ приказаніе приготовить все необходимое для охоты, которая будетъ продолжаться мало-мальски 15 дней.

На слѣдующій день послѣ восхода луны Айдинъ съ братомъ въ сопровожденіи многихъ придворныхъ охотниковъ выѣхали изъ столицы и, проѣхавъ небольшое разстояніе отъ городскихъ воротъ, остановились у большого фонтана. Царь показалъ видъ, что ему чрезвычайно пріятно просидѣть здѣсь и насладиться окружающими картинами. Послѣ полуночи Айдинъ подзвалъ къ себѣ начальника тѣлохранителей и объявилъ ему, что забылъ отдать одно очень важное приказаніе главному министру, вслѣдствіе чего онъ возвратится съ братомъ. На случай же если обстоятельства потребуютъ, чтобы онъ остался въ столицѣ до неопредѣленнаго времени, то пусть они подождутъ его только до завтрашняго полудня.

Часъ спустя Айдинъ съ Схазинаномъ пробрались ни кѣмъ не замѣченными въ гаремный садъ и притаились за кустомъ розъ у маленькаго окна.

Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ съ шумомъ отворилась одна изъ внутреннихъ дверей и тѣ же 20 женщинъ вбѣжали въ комнату и сбросили свои покрывала. Какъ и прежде изъ нихъ оказалась половина мужчинами и какъ и тогда царица, взявъ Масула за руку начала угощать его виномъ, а потомъ скрылась въ темной комнатѣ.

Айдинъ началъ дрожать.—„Какое безчестіе имени моему! проговорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія. Ну, чего не доставало этой женщинѣ, что она рѣшилась на такое униженіе? Нѣтъ видна у женщинъ не существуетъ понятія о значеніи чести, которая только и отличаетъ ихъ отъ животныхъ? Съ этими словами онъ обнажилъ саблю и быстрыми шагами направился къ комнатѣ, гдѣ покоились несчастныя созданія.

Схазинанъ очень хорошо понималъ какъ будутъ наказаны любовники и по этому возвратился въ свою квартиру. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и братъ.

— Я сдѣлалъ тоже—сказалъ онъ съ яростію—что и ты и составилъ себѣ убѣжденіе, что послѣ этого не стоитъ быть царемъ. Мы такъ много заботимся о благѣ народа, чтобы заслужить честь и радуемся сыновьямъ, которые замѣняютъ насъ, а между тѣмъ жены наши предають насъ позору и возводятъ на престолъ Богъ вѣсть отъ кого прижитыхъ мальчиковъ. Знаешь ли, братъ, бросимъ наши престолы и пойдемъ въ качествѣ простыхъ смерт-

ныхъ бродить по міру, пока прервется нить нашей печальной жизни.

— Я не прочь послѣдовать за тобою дорогой братъ, но съ однимъ условіемъ, что если мы встрѣтимъ болѣе ужасныхъ женщинъ, чѣмъ были наши жены, то возвратимся назадъ на свои троны. Видишь ли мы родились вдали отъ того общества людей, которое тебѣ кажется въ настоящее время болѣе нравственнымъ. Но такъ ли это? Покажется ли оно тебѣ лучшимъ, когда ты ознакомишься ближе съ его бытомъ и страданіями?

— Я соглашусь возвратиться и тогда, если найду хоть одну женщину, которая поступила бы съ мужемъ хуже, чѣмъ наши жены?

— Ёдемъ же сейчасъ сказалъ Схазинанъ.

Айдинъ захватилъ мѣшочекъ червонцевъ, затѣмъ братья пересѣлись, сѣли на лошадей и поѣхали куда глаза ихъ были направлены.

На слѣдующій день они остановились на берегу моря, чтобы отдохнуть и подкормить лошадей. Пока Схазинанъ заботился о животныхъ, Айдинъ приготовилъ завтракъ.

Только, что братья покончили ѣду и расположились подъ тѣнью высокаго дерева, чтобы заснуть, Схазинанъ замѣтилъ, что море начинаетъ какъ-то неестественно колыхаться и изъ него выступаетъ густая струя дыма.

— Что бы это означало? сказалъ онъ, обращая вниманіе брата.

Айдинъ вскочилъ съ мѣста и началъ карабкаться на дерево. Схазинанъ послѣдовалъ за нимъ. Вслѣдъ за дымомъ начала разступаться вода и вдругъ показалось чудовище съ громаднымъ хрустальнымъ сундукомъ на головѣ. Вышедъ изъ воды, оно зашагало по направленію къ дереву, на которомъ сидѣли цари и, поставивъ осторожно ношу свою, отомкнуло сундукъ, изъ котораго быстро выскочила очень молоденькая женщина и бросилась на шею къ безобразному черту.

— О, наконецъ ты мой хоть на одинъ часъ! вскрикнула она.

— Неужели ты такъ жаждала сблизиться со мною? спросило чудовище. Неужели я имѣю какія-нибудь преимущества предъ тѣми красавицами, которыхъ ты мѣняла почти ежедневно?

— Право я не сумѣю отвѣтить тебѣ на этотъ вопросъ, но мнѣ кажется, что любовь обыкновенныхъ людей не стоитъ и гроша. Вотъ главная причина, заставившая меня познакомиться съ тобою.

— Ну, что если твой мужъ узнаетъ, что ты представилась мертвою съ подобною цѣлью?

— О, онъ такъ любитъ меня, что не посмѣетъ и сомнѣваться. При томъ онъ, какъ повелитель всей Индіи, не имѣетъ времени выслушивать клеветы. Завтра же, когда ты опять возвратишь меня въ храмовую усыпальницу и я предстану предъ нимъ въ качествѣ проснувшейся, ты можешь самъ увидѣть на глазахъ

его слезы радости. Впрочемъ, что тебѣ за охота говорить о предметахъ, нисколько не интересующихъ меня. Сказавъ это, юное существо впилося губами въ чудовище.

Часъ спустя демонъ почувствовалъ желаніе заснуть и легъ на колѣно красавицы. Вслѣдъ затѣмъ послышалось его громкое храпѣніе. Въ эту минуту Айдинъ какъ-то неосторожно повернулся и обратилъ на себя вниманіе молодой женщины. Бѣглянка съ минуты находилась въ раздумьи, но затѣмъ начала дѣлать имъ знаки сойти на землю. Цари отвѣчали знаками, что боятся друга ея. Понявъ въ чемъ дѣло, царица осторожно спустила голову чудовища на кучу листьевъ и, отошедъ въ сторону, сказала:

— Если вы не спуститесь сейчасъ, я вынуждена буду разбудить его—и тогда пѣняйте на себя. Слезай первымъ ты—приказала она, указывая на Сказинана.

Дѣлать было нечего, слезъ Сказинанъ и долженъ былъ послѣдовать за молодою женщиною въ роуцъ. Что они тамъ дѣлали и о чемъ говорили—это осталось тайною между ними. Извѣстно только, что красавица, отпустивъ плѣнника своего, взяла у него на память перстень его. Послѣ этого она приказала Айдину подойти къ ней и, обнявъ его, увлекла въ густую роуцъ.

— Я очень рада встрѣтиться съ тобою—сказала она съ лукавою улыбкою—видишь ли мнѣ ужасно хочется потщеславиться, что я была любима сотнею красивыхъ людей, а я пока имѣла только 99-ть, считая въ томъ числѣ и того, который спитъ подъ деревомъ. Видно, сама судьба желаетъ увѣнчать мою прихоть, посылая тебя для пополненія моего списка. Только предупреждаю тебя, что на случай сопротивленія ты немедленно умрешь. Естественно, что Айдинъ не осмѣлился сопротивляться и подобно брату своему вынужденъ былъ отдать ей свой царскій перстень.

Молодая женщина вынула изъ кармана большую связку колець и, причисливъ къ нимъ и это, сказала:

— Теперь я совѣтую тебѣ найти товарища своего и какъ можно скорѣе бѣжать, не то чудовище проснется и тогда я не ручаюсь за его поступки. Прощай, спасибо за ласку!

Айдинъ безъ затрудненія отыскалъ брата, приготовившаго уже лошадей и конечно они сію же минуту умчались.

Когда миновала опасность, Сказинанъ спросилъ:

— Что ты скажешь теперь братъ мой о покойной женѣ своей въ сравненіи съ Индѣйскою царицею?

— Я скажу тебѣ другъ мой, что эта женщина не достойна омытъ даже ногъ у моей жены. Но во всякомъ случаѣ я пришелъ къ заключенію, что женщины обманываютъ даже чертей и что царямъ непростительно вѣнчаться съ ними.

— Что жъ ты намѣренъ дѣлать теперь?

— Я согласно условію нашему возвращусь въ столицу, но отъ нынѣ не допущу ни одну женщину, которая пользовалась моею ласкою, измѣнить мнѣ.

— Какъ же ты достигнешь этого?

— Очень просто я прикажу рубить имъ головы.

На другой день братья возвратились въ столицу Персіи и въ тотъ же вечеръ Айдинъ своеручно написалъ приказъ, чтобы ему каждый вечеръ приводилась молодая дѣвушка въ качества невѣсты, а съ восходомъ солнца, чтобы у ней отсѣкалась голова.

Приказъ этотъ изумилъ жителей столицы и всѣхъ подданныхъ великой Персіи, но никто не осмѣливался сопротивляться, когда являлись нарочные за ихъ дочерьми. Мѣсяць спустя въ столицѣ вмѣсто музыки и веселыхъ пѣсней послышались рыданія.

Плакали тѣ, которые лишились уже своихъ взрослыхъ дочерей и тѣ, которымъ предстояла та же участь.

Главнымъ исполнителемъ этого жестокаго повелѣнія являлся великій министръ Айдина, у котораго было двѣ дочери Халима и Медина. Первая считалась красавицею, одаренною умомъ, находчивостію, мужествомъ и твердою волею. Медина напротивъ была тихая, добрая и покорная дочь.

Когда дошли слухи до Халимы объ извергскомъ обращеніи царя съ подобными ей дѣвушками, она возмутилась до глубины души и рѣшилась придумать какое нибудь средство для спасенія женщинъ. Вотъ однажды она вошла къ отцу и послѣ обыкновенныхъ ласкъ сказала:

— Отецъ, я пришла къ тебѣ съ важною просьбою, но передамъ ее не иначе, какъ заручившись твоимъ обѣщаніемъ удовлетворить мое желаніе.

— Тебѣ извѣстно, дочь моя, какъ я тебя люблю—отвѣчалъ отецъ—а этого достаточно уже, что можно требовать отъ меня всего, разумѣется, возможнаго и не предосудительнаго.

— Я хочу просить тебя свести меня сегодня вечеромъ къ царю.

— Что?! вскрикнулъ изумленный министръ. Ты пришла сама просить своей смерти, что заставляетъ меня ежеминутно трепетать.

— Нѣтъ отецъ, я не смерти желаю, а хочу спасти несчастныхъ дѣвушекъ, невинно гибнувшихъ на зарѣ жизни: я хочу заставить Айдина отмѣнить его жестокой и безумный законъ.

— Всего вѣрнѣе, моя милая, то, что ты заставишь отца твоего одновременно умереть съ тобою. Оставь это безумное желаніе, Халима, я знаю много примѣровъ, что тѣ, которые хотѣли спасти другихъ, сами погибали.

Но Халима все больше и рѣшительнѣе стояла на своемъ и грозила отцу, что вынуждена будетъ сама явиться къ царю.

— О, дорогая моя Халима, ты повидимому хочешь настоять на своемъ, но вѣдь я не изъ тѣхъ людей, которыми женщины могутъ управлять по своей прихоти. Ты очень мало знаешь людей, но я расскажу тебѣ два примѣра, въ которыхъ дѣйствуютъ животныя и надѣюсь, что ты поймешь суть дѣла. Слушай же внимательно: у одного хозяина, одареннаго способностію понимать

языки всѣхъ животныхъ и птицъ, былъ осель и пара воловъ. Осель рѣдко когда употреблялся имъ на поѣздку въ городъ, а волю каждый день пахали или перевозили огромныя тяжести. Однажды одинъ изъ этихъ воловъ, утомленный до крайности, сказала громко: какая горькая моя доля: весь день я тружусь безъ отдыха и пищи и въ то время, когда я крайне нуждаюсь въ успокоеніи измученнаго тѣла, предо мною кладутъ въ изобиліи хорошій кормъ. Понятно, что я предпочитаю сонъ, но лишь только проснусь и начинаю ѣсть, является работникъ и вновь идешь на работу. Чего бы я не далъ, чтобы отдохнуть недѣлку! — Эхъ, ты дуракъ — отвѣчалъ ему осель. Будь я на твоёмъ мѣстѣ — я зналъ бы какъ достигнуть этого желанія.

— Чтожъ бы сдѣлать? спросилъ воля. — А вотъ что: я представился бы больнымъ, стоналъ бы и ревѣлъ. — И въ самомъ дѣлѣ твой совѣтъ мнѣ кажется разумнымъ! Я непременно воспользуюсь имъ завтра. Этотъ разговоръ подслушалъ хозяинъ. „Хорошо — подумалъ онъ — посмотримъ, что скажетъ этотъ осель вечеромъ, когда проработаетъ цѣлый день, вмѣсто избавленнаго имъ вола. На слѣдующій день работникъ донесъ, что одинъ изъ воловъ заболѣлъ.

— Возьми вмѣсто него осла — приказалъ хозяинъ — и не щади его. Вечеромъ, когда всѣ возвратились съ степи, хозяинъ, видя осла, съ трудомъ передвигавшаго ногами, подошелъ къ сараю и началъ подслушивать.

— Ну, что, другъ мой, отдохнулъ хорошо? спросилъ осель. — О, дай Богъ тебѣ здоровья — отвѣчалъ воля — я отдохнулъ и наѣлся. — А какъ ты думаешь сдѣлать завтра? — Я рѣшился держаться твоего совѣта по крайней мѣрѣ съ недѣлку. Отвѣтъ этотъ заставилъ затрепетать бѣднаго осла. „Ну, не глупецъ ли я — подумалъ онъ, что подставилъ свою шею подъ его ярмо?“ Не скажешь ли и ты моя дочь эти слова, когда сведутъ тебя на лобное мѣсто?

— Я ничего не скажу, еслибъ это и случилось — отвѣтила Халпа.

— Постой, постой дай мнѣ окончить рассказъ. Осель въ полномъ убѣжденіи, что не вынесетъ работы на слѣдующій день, тяжело вздохнувъ, сказалъ: — я очень радъ, что могъ дать тебѣ мудрый совѣтъ, но къ сожалѣнію хозяинъ нашъ, изъ боязни лишиться тебя безъ пользы, сегодня сказалъ работнику, чтобы онъ зарѣзалъ тебя, если ты и завтра окажешься больнымъ. Понятно, что при этой угрозѣ бѣдный воля сейчасъ же вскочилъ на ноги и принялъ самый веселый и бодрый видъ. Между тѣмъ хитрость находчиваго осла до того разсмѣшила хозяйна, что онъ не могъ удержаться. „Чего ты смѣешься? спросила заинтересованная жена. Охъ, охъ я просто изнемогаю отъ хитраго совѣта нашего осла. — Въ чемъ же онъ состоитъ — расскажи мнѣ поскорѣй! — Нѣтъ, душа моя, мнѣ дана способность понимать нарѣчія животныхъ съ тѣмъ, что я, если передамъ кому-либо подслушанное,

то сейчас же умру.—Ты лжешь—и я не буду жить съ тобою, если ты не удовлетворишь моего любопытства.—Богъ съ тобою жена, неужели ты изъ за мелочи хочешь погубить меня? сказала пришедшій въ себя мужъ.—Ну, въ такомъ случаѣ я скажу тебѣ, что, если ты долже будешь упорствовать, то я должна умереть. Выбрай же любое между моею и твоею смертью. Сказавъ это, она хлопнула дверью и вышла въ кухню въ предположеніи, что заставитъ мужа, который любилъ ее такъ, какъ я тебя, прійти къ ней и пожертвовать своею жизнью ради глубокой прихоти.

— Отецъ ты оскорбляешь меня этимъ сравненіемъ! отозвалась Халима.

— Не останавливай меня дочь моя, пока я не окончу моего разсказа. Очугившись въ безвыходномъ положеніи, бѣдный мужъ вышелъ на дворъ и сѣлъ на камнѣ въ глубокомъ размышленіи. Вдругъ онъ слышитъ, какъ старая собака начала бранить пѣтуха.

— Ахъ ты негодяй, ахъ ты дармоѣдъ, какъ тебѣ не стыдно любезничать съ женами своими передъ глазами нашего добраго хозяина, пораженнаго ужаснымъ горемъ? Да за такіе выходки другой бы приказалъ камнями убить тебя! Подумай безобразникъ, что если онъ умретъ, то и тебѣ не здоровать.

— А что такое случилось съ нашимъ хозяиномъ? спросилъ пѣтухъ.

Собака разсказала ему все подробно.

— Какой же онъ дуракъ—отвѣчалъ пѣтухъ, захотавъ во все горло — развѣ можно, чтобы женщины повелѣвали мужчинами. Отчего напримѣръ онъ не возьметъ примѣръ хоть съ меня. Ну, что еслибъ мои 50 женъ поинтересовались допрашивать меня и грозить неповиновеніемъ. Право это было бы смѣшно!

— Ну, а чтобы ты сдѣлалъ съ такою упрямою и настойчивою женщиною?

— Я взялъ бы хорошую дубину и сказавъ бы ей, что осель предлагалъ мнѣ дать ей 200 ударовъ, не выпустилъ бы ее изъ рукъ, пока полностью не отсчиталъ бы этого числа. Клянусь тебѣ ячменными перлами, что эта женщина съ того же дня начала бы походить на самую кроткую изъ моихъ женъ.

Услышавъ этотъ мудрый совѣтъ, хозяинъ сейчасъ же привелъ его въ исполненіе и дѣйствительно послѣ этого до смерти восхищался своею женою. Изъ этого слѣдуетъ дочь моя, что если ты будешь настаивать надо мною, то я ради спасенія тебя и себя отъ преждевременной смерти вынужденъ буду послѣдовать совѣту пѣтуха.

— Твои софизмы отецъ мой не дурны для людей съ мелкими стремленіями, но когда идетъ рѣчь о спасеніи цѣлаго народа, то они неумѣстны. Повторяю тебѣ мою настоятельную просьбу и надѣюсь, что я сумѣю достигнуть торжества.

Какъ ни старался министръ отвлечь дочь свою отъ такой опасной просьбы, всѣ усилія его остались напрасными и онъ вынужденъ былъ заявить государю, что старшая дочь его Халима на-

стоятельно требуетъ отъ него стать первою въ спискѣ царскихъ невѣстъ.

— Видно ей наскучила жизнь — сказалъ Айдинъ — или ты пообѣщаешь ей оказать снисхожденіе и оставить жизнь. Ой, берегись старикъ: мое постановленіе не представляетъ исключеній!

— Я говорилъ дочери моей это — отвѣчалъ министръ — но она стоитъ на своемъ: видно бѣдняжка смертью своею хочетъ доказатьъ подданнымъ твоимъ, что великій Айдинъ не дѣлаетъ предпочтеній между министрами и простыми людьми.

— Жаль мнѣ твоей Халимы и жаль тебя, который такъ долго служилъ нашему престолу безупречно, но повторяю тебѣ, что я не считаю себя вправе ни отказать твоей дочери, ни пощадить ея молодость и красоту.

Сказанное Айдиномъ отецъ сообщилъ дочери. Халима подпрыгнула отъ радости и сейчасъ-же начала готовить всѣ лучшіе наряды свои, чтобы предстать передъ повелителемъ въ полномъ блескѣ красоты. Покончивши съ этимъ, она посадила около себя сестру свою Медину и сказала ей:

— Не плачь моя дорогая, потому что я не такъ глупа, какъ предполагаетъ нашъ отецъ, но имѣй въ виду, что безъ твоей помощи я могу быть обезглавлена. Выслушай же меня внимательно. Когда я войду къ царю и мы разговоримся я попрошу у него, какъ первой и послѣдней милости, дозволенія, чтобы ты ночевала въ сосѣдней отъ насъ комнатѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ согласится. Ты же не спи всю ночь и какъ только замѣтишь приближеніе первыхъ лучей солнца, обратись ко мнѣ съ просьбой рассказать тебѣ въ послѣдній разъ одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, которыми я занимала тебя въ дѣтствѣ. Понятно, что ты выразишь о желаніи сохранить въ памяти мои послѣднія слова и т. п. На слѣдующую ночь ты поступишь также. Словомъ ты во все время моего пребыванія во дворцѣ будешь требовать отъ меня разсказовъ въ убѣжденіи, что я чрезъ часъ буду обезглавлена.

— Я постараюсь въ точности исполнить твое желаніе — отвѣчала Медина, глотая выступавшія слезы.

Вечеромъ обѣ сестры въ сопровожденіи отца предстали передъ Айдиномъ. Царь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и чрезвычайно благосклонно относился къ Халимѣ. Въ заключеніе, онъ спросилъ не пожелаетъ ли она попросить чего нибудь отъ него.

— Мнѣ ничего не нужно государь передъ смертью, но я хотѣла бы доставить естественное желаніе сестрѣ, которая умоляетъ дозволить ей ночевать въ послѣдній разъ не далеко отъ меня. Видно бѣдняжка хочетъ запомнить въ утѣшеніе мои послѣднія слова.

— Въ желаніи ея я не нахожу ничего страннаго. Пусть ночуетъ въ одной изъ этихъ комнатъ — отвѣчалъ Айдинъ.

Нѣсколько времени спустя въ дворцѣ погасли огни и воцарилась тишина. Всѣ спали, за исключеніемъ одной Медины, сидѣв-

шей у окна и наблюдавшей за движениемъ звѣздъ. Но вотъ наконецъ заалѣлъ востокъ и настала урочная минута.

— Халима, Халима! произнесла она, приблизившись къ дверямъ, ведущимъ въ царскую спальню. Проснись моя дорогая. Черезъ часъ ты должна разстаться со мною навсегда. О, утѣшь меня въ послѣдній разъ однимъ изъ тѣхъ прелестныхъ рассказовъ, которыми такъ богата твоя память. Я хочу, чтобъ эти слова вѣчно олицетворяли предъ глазами моими добровольно умершую ради царя незабвенную мою сестру.

— Пожалуй мой другъ я исполню твое желаніе, если оно не покажется неприятнымъ нашему государю.

Проснувшійся въ это время Айдинъ, не чувствуя болѣе позы-ва ко сну отвѣчалъ:

— Говори и я не прочь послушать еще разъ твой сладкій голосъ.

— Ну слушай моя дорогая — начала Халима: одинъ купецъ, ведущій торговлю въ разныхъ городахъ, однажды возвращаясь домой, присѣлъ у ручья подъ тѣнистымъ деревомъ и началъ завтракать сладкими финиками, бросая косточки на влажныя мѣста, въ предположеніи, что они примутся и рано или поздно въ свою очередь послужатъ людямъ на пользу. Какъ вдругъ предъ нимъ явился ожесточенный духъ съ саблею въ рукѣ и закричалъ: смерть тебѣ злодѣй, ты выбилъ глазъ моему любимому сыну!

— Что ты съ ума сошешь—отвѣчалъ испуганный купецъ—я никогда въ жизни моей никому не дѣлалъ зла, а ты обвиняешь меня въ такомъ жестокомъ преступленіи.

— И ты еще отказываешься негодный человекъ? ревѣлъ онъ—я самъ видѣлъ, какъ ты бросалъ косточки отъ финиковъ!

— Это я дѣйствительно дѣлалъ, но чтобы направлять ихъ въ сына твоего это неправда.

— Въ томъ-то и дѣло, что одна изъ этихъ косточекъ попала прямо моему малюткѣ въ глазъ и обезобразила его на всю жизнь, а такія вещи я не люблю прощать. Закрой глаза, чтобы не испугаться.

— О, великій духъ — возопилъ купецъ — пощади меня! я это сдѣлалъ, не вѣдая. Пожалѣй моихъ маленькихъ дѣтей, оставшихся безъ матери.

— Мнѣ нѣтъ надобности до твоихъ дѣтей—отвѣчалъ жестокой духъ, подымая оружіе—ты долженъ умереть въ возмездіе за поступокъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу у тебя отсрочить мою смерть на самое непродолжительное время, пока я составлю духовное завѣщаніе и передамъ дѣтей моихъ надежному человеку.

— А сколько потребуется на это время? спросилъ духъ опускающая саблю.

— Не болѣе трехъ недѣль.

— И ты поклянешься мнѣ, что въ назначенный срокъ придешь сюда?

— Клянусь всѣми силами вселенной! сказалъ купецъ.

Хорошо. Иди своей дорогой. Черезъ 21 день ты долженъ явиться на это же самое мѣсто и ожидать меня. Въ противномъ случаѣ ты подвергнешь смерти и всѣхъ дѣтей своихъ. Духъ скрылся.

Несчастный купецъ бѣгомъ пустился домой и сейчасъ же началъ приводить дѣла свои въ порядокъ, составилъ духовное и назначилъ опекуна къ малолѣткамъ. Затѣмъ объявивъ, что ѣдетъ въ Китай, простился со всѣми и съ глубокою печалью вышелъ изъ города. Къ разсвѣту онъ пришелъ къ роковому мѣсту и началъ молиться. Въ это время подошелъ къ нему одинъ старикъ въ сопровожденіи ручной лани и, поздоровавшись, спросилъ: кого онъ поджидаетъ. Купецъ, тяжело вздохнувъ, рассказалъ про свою горькую участь.

Ну, братъ ты такъ заинтересовалъ меня твоимъ духомъ, что я нарочно останусь, чтобы посмотреть на него.

Нѣсколько минутъ спустя подошелъ второй старикъ съ двумя черными собаками и, сдѣлавъ тотъ же вопросъ купцу, также остался посмотреть на безжалостнаго духа.

Вслѣдъ за этимъ явился и третій, который присоединился къ первымъ.

Тѣмъ временемъ на горизонтъ показалось небольшое черное облачко, которое быстро направлялось къ купцу и сидящимъ около него странникамъ. Какъ вдругъ это облачко спустилось на землю и изъ него вышелъ духъ въ образѣ чловѣка съ саблею въ рукахъ.

— Кто это съ тобою? спросилъ онъ, приблизившись къ купцу.

— Это прохожіе люди, случайно остановившіеся около меня на отдыхъ—отвѣчалъ купецъ, закрывая руками глаза.

— А что это за животное, которое сопровождаетъ тебя старикъ? обратился духъ къ первому старику.

— Исторія этого животнаго довольно странная, но я не имѣю желанія передавать ее стороннимъ людямъ.

— А если я попрошу тебя рассказать мнѣ ее?

— Пожалуй, но съ условіемъ, если она заслужитъ твое вниманіе, то ты продлишь жизнь этого преступника на одну треть того числа лѣтъ, которое ему предназначено жить.

— Хорошо—сказалъ духъ, опуская страшное оружіе. Начинай говорить.

Старикъ поднялся на ноги и, указывая на лань, сказалъ:

— Это кроткое и милое съ вида животное когда-то было моею родственницею. Я полюбилъ ее съ 12-ти лѣтняго возраста и сдѣлался ея мужемъ. 30-ть лѣтъ мы пржили, не обидивъ другъ друга ни единымъ словомъ, но къ несчастію она не дала мнѣ дѣтей. Я загрузтилъ и однажды объявилъ ей, что хочу жениться на другой, ради того, чтобы имѣть по себѣ наследника. Она начала рыдать, но въ концѣ концовъ позволила мнѣ приобрести рабыню. Я сдѣлалъ по ея желанію и чрезъ годъ имѣлъ прекраснаго сына. Мальчикъ росъ быстро и доставлялъ мнѣ невы-

разимое утѣшеніе. Когда онъ достигъ 12-ти лѣтъ я вынужденъ былъ отлучиться изъ дому на продолжительное время и конечно прѣсилъ жену хранить мое сокровище, какъ свои глаза. Она дала мнѣ обѣщаніе и я уѣхалъ совершенно спокойнымъ. Но каково было мое отчаяніе, когда возвратившись чрезъ три мѣсяца жена моя выбѣжавъ ко мнѣ на встѣчу съ плачемъ заявила, что рабыня наша вскорѣ послѣ моего выѣзда умерла, а сынъ мой уѣжалъ изъ дому и, не смотря на всѣ мѣры, принятія ею, не былъ найденъ. Слова эти оглушили меня и такъ поразили душу, что я 40 дней и 40 ночей охалъ, плакалъ и стоналъ. Наконецъ я немного пришелъ въ себя и рѣшилъ прежде всего принести Богу кровную жертву, а потомъ уже поѣхать искать юнаго бѣглеца. Жена моя нашла мысль мою превосходною и сама изъявила желаніе выбрать изъ стада нашего самую лучшую корову. Я поблагодарилъ ее за сочувствіе, когда корова была пригнана на дворъ и оказалась дѣйствительно достойною для жертвоприношенія. Одно мнѣ показалось въ ней неестественнымъ, что она заплакала, когда я приказалъ пастуху зарѣзать ее, но на такія явленія я не имѣлъ ни малѣйшаго повода обращать вниманія. Когда же корову зарѣзали и сняли съ нея кожу въ предположеніи накормить мясомъ и жиромъ ея сотню бѣдныхъ людей, то у насъ не осталось ничего почти кромѣ голыхъ костей.

— Это что значитъ? спросилъ я съ изумленіемъ пастуха.

Но онъ ничего не отвѣчалъ, какъ выяснилось впоследствии изъ нежеланія говорить передъ женою моею, которая стояла около меня.

— Видно Богу не угодно принять отъ насъ жертву порочную— сказала жена—и я думаю, что тебѣ слѣдуетъ избрать невиннаго теленка.

— Должно быть такъ— отвѣчалъ я и попросилъ ее выбрать изъ стада лучшаго теленка.

Пригнали теленка; но лишь только онъ увидѣлъ меня началъ прыгать, лизать мнѣ руки и выражать восторгъ свой какимъ-то странными звуками.

— Видишь какого я выбрала сказала мнѣ жена и сейчасъ же приказала спутать ему ноги.

Но на этотъ разъ мнѣ какой-то голосъ шепнулъ: не рѣжь его, а возьми другаго вмѣсто него. Я послушалъ этотъ голосъ и подѣ предлогомъ, что теленокъ очень малъ еще приказалъ отпустить его. Распоряженіе мое очень не понравилось женѣ и на этотъ разъ мнѣ пришлось самому идти въ стадо. Дорогою я разговорился съ пастухомъ и началъ разспрашивать его какимъ образомъ могло случиться, что отъ жирной коровы осталась только кожа и кости?

Эхъ, господинъ мой, ты не знаешь, что во время отсутствія твоего твоя жена при содѣйствіи колдуньи обратила рабыню твою въ зарѣзанную нами корову, а сына твоего въ этого теленка, котораго ты освободилъ отъ смерти безъ сомнѣнія по внушенію

Бога. Чему же тутъ удивляться, что отъ коровы не осталось мяса!

— И ты это достовѣрно знаешь? спросилъ я, затрепетавъ отъ негодованія.

— Я это слыхалъ отъ дочери моей, которая отлично изучила магію и сама умѣетъ дѣлать такія же чудеса.

— Веди меня сейчасъ же къ твоей дочери! приказалъ я.

Пастухъ охотно повиновался и теленокъ не отсталъ отъ насъ. Дочь повторила слова отца и при этомъ выразила, что можетъ теленка вновь превратить въ первообразъ его, но съ двумя условіями, во первыхъ, что сынъ мой долженъ жениться на ней и во вторыхъ, что она для сокрушенія мести обязана обратить жену мою въ одно изъ безвредныхъ животныхъ. Естественно, что я согласился бы и на болѣе важныя пожертвованія. Колдунья взяла какой-то жидкости пошептала надъ нею и плеснула на теленка. Бѣдняжка зарычалъ, закружился и вмѣсто него въ моихъ объятіяхъ очутился мой прелестный мальчикъ. Я сейчасъ же приказалъ дочери пастуха перейти ко мнѣ въ качествѣ невѣстки и въ тотъ же день она обратила мою злобную жену въ этотъ видъ животнаго, которое и изгнали на дворъ. Но увы мой сынъ не долго наслаждался счастіемъ. Его добрая спасительница умерла и навлекла на него такую скорбь, что онъ пожелалъ развлечься по міру и два года тому назадъ, какъ ушелъ изъ дома. Между тѣмъ и мнѣ мое одиночество стало не подъ силу. Вотъ и я пустился въ путешествіе въ надеждѣ отыскать моего дорогаго мальчика. Такова исторія этой лани, которая, увидя меня уходящимъ изъ дома, послѣдовала за мною. Я окончилъ мою повѣсть и былъ бы очень радъ, еслибъ мой рассказъ облегчилъ участь этого невиннаго кушца.

— Твой рассказъ доставилъ мнѣ удовольствіе—отвѣчалъ духъ и я охотно дарю виновному $\frac{1}{3}$ его предстоящей жизни. Ну, а ты кто такой и что это за собаки, которыя лежатъ у ногъ твоихъ? спросилъ духъ, обращаясь ко второму старику.

— Я также не прочь удовлетворить твоему любопытству—отвѣчалъ старикъ—но также съ условіемъ, что если рассказъ мой будетъ поинтереснѣе, то ты подаришь плѣннику своему вторую треть жизни.

— Согласенъ—отвѣчалъ духъ.

Въ эту минуту солнечные лучи проникли въ спальню царя и Халима, быстро вскочивъ съ мѣста, начала одѣваться.

— Что же ты не продолжаешь сестра? послышался голосъ Медины.

— Извини дорогая, теперъ мнѣ пора подумать о смерти. Я думаю отецъ давно уже ждетъ меня съ саблею въ рукахъ.

— Ты не умрешь до тѣхъ поръ пока не окончишь этого интереснаго разсказа—сказалъ Айдинъ. Я самъ скажу объ этомъ твоему отцу.

— Это зависитъ отъ тебя. Мое же дѣло явиться на лобное мѣсто въ урочный часъ.

Отвѣтъ этотъ заставилъ Айдина испугаться и лично объявить своему министру, что дочь его не умретъ сегодня. Отдавъ это приказаніе, государь занялся своими дѣлами и очень сожалѣлъ, что сегодняшній день какъ на зло проходилъ медленно. Наконецъ къ удовольствію его настала ночь.

Въ такое же время, какъ и вчера, Медина разбудила сестру и попросила ее продолжать свой рассказъ. Айдинъ также открылъ глаза и началъ слушать.

— Мы остановились кажется на старикѣ съ черными собаками— сказала Халима.

— Да, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ онъ обѣщаль рассказать исторію своихъ собакъ— подсказаль царь.

— Вотъ старикъ поднялся и приблизившись къ духу заговорилъ: эти собаки нѣкогда были родные братья мои и носили человѣческой образъ, но впоследствии достойно заслужили кару небеса. Вотъ какимъ родомъ совершилось это чудо. Послѣ смерти отца нашего мы наслѣдовали каждый по тысячи червонцевъ. Я открылъ торговлю въ своемъ городѣ, а братья мои уѣхали въ Египетъ въ предположеніи, что въ этой странѣ легче приобрѣсти богатства. Черезъ три года они возвратились ко мнѣ нищими, жадуясь, что на нихъ напали разбойники и разграбили всѣ товары. Какъ старшій братъ, замѣнявшій отца, я принялъ ихъ подъ кровъ свой, одѣлъ и по возможности старался развлекать, но видя, что они вѣчно угрюмы, отдѣлилъ отъ своихъ приобрѣтеній двѣ тысячи червонцевъ и роздалъ имъ поровну, чтобы сдѣлать самостоятельными хозяевами. Братья заплакали отъ благодарности и вновь уѣхали въ чужія страны. Черезъ годъ они снова возвратились ко мнѣ, но на этотъ разъ въ дорогихъ нарядахъ и начали увѣрять меня, что въ Индіи такіа богатства и такъ легко приобрѣсти миллионное состояніе, если заняться промѣномъ товаровъ, что я повѣрилъ имъ и соблазнился. Продавъ все движимое имущество мое за 6-ть тысячъ червонцевъ, я призвалъ братьевъ и спросилъ: какой у нихъ капиталъ?— Мы ничего не имѣемъ— отвѣчали они, потому что вторично подверглись нападенію разбойниковъ, отнявшихъ отъ насъ весь караванъ. Отвѣтъ этотъ изумилъ меня, но слезы братьевъ вновь вызвали мое состраданіе и я опять далъ каждому изъ нихъ по тысячѣ червонцевъ и столько же взялъ на свою долю, а остальные три тысячи закопалъ въ одинъ изъ угловъ моего погреба, чтобы въ крайности имѣть возможность не искать сторонняго пособія. Братья мои сейчасъ же договорили судно и начали закупать всѣ попадавшіяся на глаза произведенія Персіи, а я исключительно приобрѣлъ лучшіе дамасскіе клинки, въ полномъ убѣжденіи, что хорошія вещи вездѣ цѣнятся высоко и не подвергаются порчѣ. Какъ долго мы плыли, я теперь не припомню, скажу только, что мы прибыли въ Индію благополучно и въ самое непродолжительное время распродали наши товары и на вырученные деньги накупили новыхъ. Изъ всего того, что доставлено было братьями моими на судно, я

узналъ, что они приобрѣли самый ничтожный процентъ въ сравненіи со мною, удесатирившимъ свой капиталъ. Не желая оскорблять ихъ упреками, я хранилъ молчаніе. Разъ я вышелъ за городъ и присѣлъ на берегу большой рѣки. Вдругъ чья-то рука легла ко мнѣ на плечо. Оглядываюсь; предо мною стоитъ прелестная молодая женщина въ траурѣ.

— Добрый человѣкъ — сказала она — я пришла сюда съ тѣмъ, чтобы утопиться отъ тоски, гнетущей меня въ одиночествѣ; но лишь только остановилась надъ пучиною воды и сообразила тѣ мученія, которыя должна перенести до потери сознанія, мнѣ показалось страшно и я рѣшилась жить, но не иначе какъ въ обществѣ хорошаго человѣка. Ты первымъ встрѣтилъ мнѣ послѣ этого рѣшенія и показался заслуживающимъ моего вниманія. Скажи мнѣ откровенно желаешь ли ты взять меня въ жены?

Взглянувъ на молодую и прекрасную женщину, я отвѣчалъ безъ замедленія, что готовъ сейчасъ исполнить ея желаніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не требовала отъ меня остаться въ Индіи, такъ какъ мой корабль съ грузомъ готовъ къ отплытію въ Персію.

— Я и сама этого желаю — отвѣчала она — потому что родина моя наводитъ на меня непріятныя воспоминанія. А чтобы увѣрить тебя въ этомъ, я пожалуй прямо послѣдую съ тобою на корабль.

Я взялъ ее за руку и мы возвратились вмѣстѣ на судно. Братья мои повидимому не особенно обрадовались моей находкѣ, но не посмѣли ничего сказать. Въ ту же ночь наше судно тронулось въ путь при благопріятной погодѣ. Жена моя оказалась самою лучшею изъ женщинъ. Она заботилась обо мнѣ, какъ мать о грудномъ ребенкѣ, говорила мнѣ сказки и пѣла пѣсни. „Ну, думаю теперь только я нашелъ истинное блаженство жизни!“ Только что эта мысль вырвалась изъ сердца моего, какъ что-то выбили двери въ нашу каюту и братья мои въ сопровожденіи нѣсколькихъ пьяныхъ матросовъ бросились на меня и жену мою и, поднявъ насъ съ постели, выбросили за бортъ. Судно исчезло. — Не бойся, ты не погибнешь со мною — сказала мнѣ жена, подавая руку и вслѣдъ затѣмъ мы очутились на какомъ-то небольшомъ островѣ. — Ну, хороши же твои братья — обратилась ко мнѣ моя спасительница. Желаешь ли ты, чтобы я ихъ погубила съ судномъ и со всѣми твоими товарами, на которые они польстились? — Нѣтъ душа моя — отвѣчалъ я — это будетъ ужасное наказаніе для нихъ и лишняя тяжесть на моей душѣ. Накажи ихъ какъ-нибудь иначе, чтобы они не переставали чувствовать своего злодѣянія.

— Хорошо, я придумала имъ награду за жадность, но судно съ товарами и злыми матросами должно погибнуть. Но ты не крушись о потерѣ своей я вознагражу тебя сторицею за то, что ты откликнулся на мой призывъ съ полнымъ довѣріемъ и желаніемъ облегчить мое одиночество. Сказавъ это, жена привлекла меня къ губамъ своимъ и въ теченіи этого времени мы очутились въ моемъ собственномъ домикѣ въ Персіи. — Теперь я пойду расправляться съ братьями твоими и матросами — сказала она, а затѣмъ

возвращусь домой. Видишь ли добрый человекъ я раньше знала о предстоящемъ тебѣ несчастіи и рѣшилась предложить себя, чтобы спасти тебя. Такимъ образомъ ты остался здоровъ и невредимъ и избавишься отъ негодныхъ братьевъ, которые рано или поздно убили бы тебя, но теперь я ихъ обращаю въ собакъ. На случай же, если ты чрезъ 10 лѣтъ, сжалишься надъ ними, то приходи на то самое мѣсто, гдѣ мы въ первый разъ повстрѣчались и я сдѣлаю все, что ты потребуешь. Жены моей не стало въ комнатѣ. Въ эту минуту я понялъ, что въ лицѣ этой женщины явился ко мнѣ добрый духъ, пожелавшій спасти меня отъ преждевременной гибели. Поблагодаривъ Бога за такую милость, я выкопалъ мои червонцы и вновь занялся торговлею. Однажды, возвратившись домой, я замѣтилъ у порога моего этихъ двухъ черныхъ собакъ и взялся было за палку, чтобы выпроводить изъ двора, но они начали визжать, махать хвостами и высказывать такую покорность, что я остановился въ изумленіи. При дальнѣйшемъ наблюденіи я узналъ по глазамъ ихъ моихъ жестокихъ братьевъ, сжалился надъ ними, оставилъ жить на дворѣ моемъ и приказалъ кормить. Такъ прошло семь лѣтъ. Собаки эти въ теченіи этого времени два раза спасли меня отъ воровъ, задумавшихъ ограбить меня ночью, а не очень давно сберегли все мое состояніе и жизнь отъ огня, поднявъ ужасный вой подъ окномъ при первомъ показавшемся дымѣ, когда я заснулъ, опрокинувъ свѣчу на полъ, устланый рогожами. Этихъ услугъ вполне достаточно, чтобы простить имъ ихъ прежнюю виновность и возвратитъ въ первобытное состояніе и я рѣшился дойти до перваго портового города, чтобы оттуда съѣсть съ ними на судно и отыскать спасительницу мою, которая навѣрно не откажется превратить ихъ по прежнему въ людей.

— Просто невѣроятное событіе! вскрикнулъ духъ, но во всякомъ случаѣ рассказъ твой стоитъ того, чтобы я осужденному продлилъ жизнь еще на одну треть предопредѣленного срока. Ну, а ты, не обладавшій никакими вещественными данными къ вопросу—сказалъ духъ, обращаясь къ третьему старику—ты навѣрно не испыталъ и не видалъ ничего достопримѣчательнаго въ своей жизни?

— Это извѣстно только мнѣ одному—отвѣчалъ маленький старичекъ, сдѣлавъ шагъ впередъ. Моя исторія мнѣ кажется представляетъ чрезвычайный интересъ и я надѣюсь, что выслушавши ее, ты не откажешься отпустить этого невиннаго кушца къ осиротѣвшимъ дѣтямъ.

— Говори! я вижу по глазамъ твоимъ, что ты расскажешь мнѣ, что-то необыкновенное—сказалъ духъ и превратился въ слухъ.

Только что проговорила Халима эти слова, какъ лучи солнца освѣтили царское окно. Дѣвушка вскочила съ постели и начала одѣваться.

— Ради Бога договори моя дорогая! произнесла Медина.

— Нѣтъ сестра, я положила уважать царскій законъ и никакія просьбы не измѣнять моихъ правилъ. Конецъ моего разсказа ты можешь дослушать по особенному приказу государя отложить мою казнь.

Айдинъ, какъ и вчера, выбѣжалъ къ министру своему, ожидавшему въ прихожей, и объявилъ ему, что Халима и сегодня будетъ жить. Распоряженіе это съ быстротою молніи разнеслось по столицѣ и всѣ начали просить Бога, чтобы не возобновлялась болѣе казнь невинныхъ дѣвицъ.

На третій день Медина опять разбудила сестру, которая не замедлила продолжать прерванный разговоръ.

— Какъ только духъ изъявилъ желаніе помиловать купца, послѣдній старикъ такъ началъ рѣчь свою: одинъ бѣдный рыболовъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно выѣзжать на лодкѣ въ море и только четыре раза бросать сѣти. Попадалась ли ему рыба или нѣтъ—онъ не измѣнялъ своему правилу, вслѣдствіе чего не разъ возвращался домой съ пустыми руками и голодалъ, тогда какъ товарищи его по ремеслу, не терпѣли никакой нужды и пировали до упадка. Однажды, просидѣвъ два дня голоднымъ, онъ снова выѣхалъ въ море и бросилъ неводъ. Ничего неовазалось. Во второй и третій оказались пустыя раковины. „Плохо мнѣ и сегодня“ — подумалъ рыбакъ и направился подъ мрачную скалу. Ну, что Богъ дастъ—сказалъ онъ и бросилъ въ послѣдній разъ сѣти. Черезъ минуту онъ вытянулъ большой мѣдный кувшинъ, оказавшійся запечатаннымъ большою свинцовою печатью. Судя по легкости въ немъ не могло быть ничего, но рыбаку захотѣлось непременно убѣдиться въ этомъ и онъ осторожно приподнял края печати и безъ затрудненія поднялъ крышку. Изъ кувшина сейчасъ же потянулася безконечная струя чернаго дыма, растянувшаяся на громадное пространство. Затѣмъ дымъ этотъ началъ сворачиваться въ клубокъ и вновь приближаться къ изумленному рыбаку. Въ заключеніе клубокъ принялъ видъ рогатаго черта, который, ставши на лодку, сказалъ:

Дружище! выбирай какою ты смертію предпочитаешь умереть?

— При своемъ ли ты умѣ, злодѣй? спросилъ рыбакъ. Возможно ли грозить смертію тому, кто спасъ тебя изъ бездн морской и выпустилъ изъ темницы, куда не проникалъ ни единый лучъ солнца?

Твое сужденіе вѣрно—прервалъ его демонъ—но ты предварительно долженъ узнать причину, побуждающую меня къ такому повидному несправедливому поступку. Видишь ли я былъ одинъ изъ тѣхъ духовъ, которые не убоились Соломона и шли ему наперекоръ. Въ одно время этотъ могущественный человѣкъ, ожесточившись противъ меня, призвалъ къ себѣ Асафа сына Варахія и, вручивъ ему перстень свой, приказалъ во что бы ни стало отыскать меня и привести къ нему. Асафъ нашелъ меня въ утробѣ одного бѣсноватаго и не смотря на всѣ просьбы послѣдняго привелъ къ повелителю своему. Долго я упорствовалъ выйти изъ

утробы человѣка въ предположеніи, что царь не рѣшится разрубивать пополамъ неповинившагося предъ нимъ поданнаго, но я ошибся въ расчетахъ. Соломонъ приказалъ больному выпить какой-то воды, отъ запаха которой я вынужденъ былъ убѣжать, но лишь только я показался, царь схватилъ меня своеручно за шею, втолкнулъ въ этотъ кувшинъ и, наложивъ изобрѣтенную имъ свинцовую печать, приказалъ тому же Асафу бросить сосудъ со мною въ море около скалы, чтобы теченіемъ не выбросило на берегъ. Плохо мнѣ было, когда я очутился въ водѣ и подъ скалою. Въ первые четыре столѣтія я еже дневно общалъ тому, кто освободитъ меня, обогатитъ его и поколѣнитъ его; но увь никто не явился ко мнѣ на помощь. Въ слѣдующіе четыре вѣка я общалъ открыть предъ спасителемъ моимъ всѣ богатства земли, но и они промелькнули безъ помощи. Затѣмъ я общалъ кромѣ богатствъ предоставить вѣчную молодость и красоту, а въ заключеніе согласился ежедневно исполнить три прихоти его, какого бы они не были рода. Но и во все это время не нашлось ни одного счастливца на землѣ, могущаго подслушать мои слова. Тогда я ожесточился до того, что далъ себѣ клятву погубить того, кто освободитъ меня. Авось, думаю найдется на землѣ человѣкъ, которому суждено умереть отъ моей руки — и вотъ, въ силу этой клятвы я обязанъ тебѣ свободою. Но такъ какъ я не чувствую къ тебѣ ни малѣйшей ненависти и даже сожалѣю, что вынужденъ поступить такъ безчестно, то предоставляю тебѣ выбрать самый легкій образъ смерти.

Рыбакъ, видя, что демонъ не захочетъ сдѣлаться ради него клятвопреступникомъ, принявъ веселый видъ, сказалъ: ты какъ я вижу вырвался прямо изъ ада и чтобы обмануть меня выдумалъ такую чужь, отъ которой разсмѣется и ребенокъ. Ну, подумай ты самъ, неужели я повѣрю, чтобы такой гигантъ какъ ты могъ бы помѣститься въ такомъ маленькомъ кувшинѣ. Лучше отстань отъ меня и поди искать людей, у которыхъ совершенно не существуетъ мозговъ, а я славу Богу настолькоъ еще сберегъ мои соображенія и глаза, что не легко поддамся такимъ не логичнымъ выдумкамъ.

— Такъ ты не вѣришь мнѣ? вскрикнулъ дьяволъ въ жесточеніи. Хорошо же я сейчасъ докажу тебѣ истинну моихъ словъ, но тогда я лишу тебя общанной привиллегіи.

Сказавъ это, демонъ обратился въ клубокъ, а потомъ въ тонкую струю дыма, которая начала входитъ снова въ мѣдный кувшинъ.

— Ну, теперь подойди ближе и посмотри своими глазами — сказалъ злой духъ, когда совсѣмъ размѣстился въ сосудѣ.

Но рыбакъ быстро наложилъ на кувшинъ крышку съ неспорченною печатью и, прикрѣпивъ края ея, закричалъ:

— О подлое и неблагородное чудовище, теперь я предложу тебѣ выбирать одно изъ самыхъ ужасныхъ средствъ для вѣчнаго

томленія на днѣ морскомъ. Но нѣтъ ты не достоинъ и этой милости и я постановилъ вырубить глубокими буквами на скалѣ, подъ которую брошу еувшинъ, прикрѣпленный къ тяжелому камню такую надпись, чтобы никто не подходилъ къ мѣсту твоего погребенія и даже еслибъ случайно этотъ еувшинъ попался кому нибудь въ руки, чтобы онъ вновь бросилъ бы его въ море и позаботился о поновленіи моей надписи. Вотъ чѣмъ я отблагодарю тебя за желаніе убить избавителя своего.

При этихъ ужасныхъ словахъ дьяволъ затрепеталъ и началъ умолять рыбака смиловаться надъ нимъ и обѣщать всѣ тѣ блага, которыя онъ сулилъ въ теченіи первыхъ 16 столѣтій.

— Нѣтъ голубчикъ ты мнѣ говорилъ, что клятва твоя неизмѣнна, когда я просилъ пощады, не будучи виноватъ предъ тобою. Нѣтъ, я не такъ глупъ, чтобы ты поступилъ со мною, какъ одинъ изъ эллинскихъ царей поступилъ противъ медика своего Давана, исторію котораго я нахожу необходимымъ рассказать тебѣ, чтобы ты не считалъ людей совсѣмъ неопытными.

Только что сказаны были послѣднія слова, какъ спалня озярилась первыми лучами солнца. Халима вскочила съ постели и начала одѣваться. Медина снова начала просить ее докончить рассказъ, но она отвѣтила, что въ настоящее время умъ ея занятъ молитвою и болѣе важными мыслями.

Айдинъ снова вышелъ къ министру и снова отложилъ казнь Халимы до слѣдующаго дня.

На другой день въ условное время пробужденная Халима продолжала прерванный рассказъ.

„Одинъ изъ эллинскихъ монарховъ, господствующихъ въ Азіи, случайно заразился жестокою болѣзнію, лепры, отъ которой никто не могъ не только излечить, но даже оказать облегченія. Всѣ иностранные доктора, явившіеся на зовъ его, также не принесли никакой пользы.

Наконецъ царю-мученику предложили послать въ Аѣны за извѣстнымъ врачомъ Даваномъ, который прославилъ себя особымъ способомъ терапіи. Царь рѣшился пригласить и этого. Даванъ, которому очень хорошо жилось въ отечествѣ, долго не соглашался, но наконецъ увлеченный несмѣтнымъ богатствомъ и высокимъ чиномъ, послѣдовалъ за людьми, нарочно прибывшими за нимъ.

Прибывъ къ больному, онъ осмотрѣлъ его и объявилъ, что спасетъ его отъ страданія въ нѣсколько часовъ безъ всякихъ медицинскихъ пособій.

— О, если ты это сдѣлаешь—вскрикнулъ царь, подымая руки къ небу—клянусь сдѣлать тебя вторымъ послѣ себя и предоставить все, что будетъ тебя интересовать!

Докторъ поблагодарилъ государя и возвратился въ свою комнату для приготовленія талисмана. Къ утру онъ своеручно сковалъ перстень изъ какихъ-то частицъ металловъ и минераловъ и сдѣлалъ изъ той же композиціи большое кольцо, которое прикрѣпилъ къ пальцѣ.

Съ этими предметами онъ явился къ пациенту своему и сказалъ:

— Этотъ перстень ты долженъ надѣть на средній палецъ правой руки, а эту палку взять за кольцо въ лѣвую и, сѣвши на лошадь, скакать по гипподрому твоему до того времени, пока вспотѣешь.

Тѣмъ временемъ пусть затопятъ твою баню и держатъ паръ наготовѣ, потому что ты сейчасъ же долженъ войти въ теплоту и оставаться въ ней до полного выздоровленія.

Царь охотно согласился на все и приказалъ сдѣлать, какъ велѣлъ Даванъ.

Ровно въ полдневный жаръ больного вынесли на дворъ и посадили на коня. Государь собрался съ силами и началъ гимнастику. Часъ спустя онъ почувствовалъ потъ, который все больше и больше прибывалъ къ рукамъ и головѣ. Когда испарина появилась на всемъ тѣмъ, Даванъ сдѣлалъ знакъ перенести монарха въ баню, раздѣть его, положить на теплую полку. Испарина больного усилилась и злая лепра начала постепенно отдѣляться отъ кожи.

Въ заключеніе царь совершенно очистился и, радостно вздохнувъ, началъ благодарить спасителя своего.

Три дня спустя всѣ сановники царства явились къ государю привѣтствовать его съ благополучнымъ исходомъ болѣзни.

— Спасибо вамъ добрые люди — отвѣчалъ царь — но вашего привѣта мнѣ недостаточно. Я хотѣлъ, чтобы вы поздравили и спасителя моего съ его высокимъ назначеніемъ, вторымъ постѣ меня господиномъ въ царствѣ.

Всѣ вельможи охотно начали кланяться, благодарить и прославлять Давана, которому государь подарилъ уже великолѣпный дворецъ и часть своихъ драгоценностей.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Народъ полюбилъ медика за его добрыя и разумныя распоряженія и пересталъ по прежнему относиться къ придворному министру, который изумлялъ всѣхъ жадностію и подлыми хитростями. Обстоятельство это начало возмущать коварнаго министра и онъ задумалъ во что бы ни стало уничтожить соперника, ставшаго на дорогѣ его. Съ этою мыслию онъ безпрестанно началъ нашептывать повелителю своему такія новости, которыя не могли нравиться монарху, желавшему оставаться полнымъ хозяиномъ въ своемъ государствѣ. Клевета эта съ каждымъ днемъ принимала болѣе широкіе размѣры и дошла до того, что государь вообразилъ, что Даванъ спасъ его отъ вѣрной смерти съ цѣлью достигнуть настоящаго положенія, расположить къ себѣ народъ и затѣмъ отравить царя, чтобы самому сдѣлаться самовластнымъ господиномъ въ царствѣ.

— Ты конечно сомнѣваешься въ этомъ — говорилъ министръ и жалѣешь спасителя своего, но ты забываешь, что интересы династии и благо народа не допускаютъ личныхъ слабостей. Избравъ меня министромъ своимъ, ты естественно обезглавилъ бы

меня потомъ, еслибъ я изъ подобострастія довелъ дѣло до печальныхъ послѣдствій и не потребовалъ своевременно рѣшительныхъ мѣръ.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ царь.

— Ты долженъ обвинять его въ посягательствѣ на твой престолъ и приказать безотлагательно отрубить ему голову.

— Но это будетъ неблагоугодно и жестоко.

— Въ такомъ случаѣ жди, пока онъ поступитъ съ тобою такимъ же образомъ.

— Не лучше ли будетъ, если я прикажу ему выѣхать изъ моего царства?

— Это будетъ еще хуже, потому что онъ полный мести найдетъ возможность отмстить не только тебѣ, но и всѣмъ твоимъ приближеннымъ.

Такия рѣчи съ прибавленіемъ разныхъ небывальщинъ и ложныхъ свидѣтельствъ въ концѣ концовъ переполнили душу царя отвращеніемъ и страхомъ и онъ подписалъ постановленіе о казни спасителя своего, который ни въ чемъ не могъ считать себя виновнымъ, потому что имѣлъ дѣло только съ массами больныхъ, которые нуждаются въ его совѣтахъ.

Въ тотъ же день хитрый министръ послалъ стражу за Даваномъ и приказалъ привести его въ сенатъ для публичнаго обвиненія.

— Въ чемъ желаютъ меня обвинить? спросилъ медикъ, обращаясь къ спасенному имъ царю, сидящему на тронѣ.

Министръ прочиталъ ему опредѣленіе.

— Но всѣ это ложь чистѣйшая: я никогда ничѣмъ не занимался кромѣ своего дѣла и никогда не мечталъ о власти.

— Виновные всегда отговариваются незнаніемъ своей вины—отвѣчалъ царь—но мы опрашивали свидѣтелей и убѣдились, что ты долженъ умереть.

— О, государь для этого ли я спасъ тебѣ жизнь? вскрикнулъ медикъ—въ этомъ ли состоитъ твоя награда?

— Я возвысилъ и достаточно наградилъ тебя—отвѣчалъ государь—но ты неограничился этимъ и захотѣлъ погубить меня, чтобы самому сдѣлаться моимъ наслѣдникомъ. За такую дерзость тебѣ по законамъ нашимъ также слѣдуетъ награда и я тебя награжу также достойнымъ образомъ.

— Но я не виновенъ ни въ чемъ?

— Твои оправданія не могутъ быть приняты нами. Твоя участь уже рѣшена и ты долженъ сейчасъ же умереть. Мы призвали тебя, Даванъ, не для того, чтобы слушать неумѣстныя оправданія, а чтобы выразить наше сожалѣніе къ человеку, котораго намѣрены были считать всю жизнь. Дай Богъ, чтобы смерть твоя послужила хорошимъ примѣромъ для другихъ такихъ же полезныхъ людей, какъ и ты.

— О, государь—сказалъ Даванъ, понявшій на сколько люди бываютъ не благодарны и защищены за ширмами величія—если

тебѣ необходима моя смерть для какихъ-нибудь другихъ цѣлей, то я не стану прекословить, но попрошу у тебя отсрочки на три часа, чтобы распредѣлить мои рѣдкія книги, которыя не должны погибнуть для несчастныхъ людей. Между этими книгами есть одна и такая, которую я желалъ бы передать въ твою сокровищницу для того, чтобы при необходимости заставляя и отрубленные головы отвѣчать на всѣ предложенные имъ вопросы.

— Я очень охотно приму ее, чтобы прежде всего убѣдиться въ твоихъ посягательствахъ на мои права — сказалъ царь, отдавая приказаніе, чтобы Давану была предоставлена жизнь и свобода на три часа.

Извѣстіе о томъ, что Даванъ осужденъ на смерть и будетъ обезглавленъ по проiscaмъ злаго министра, моментально разнеслось по столицѣ и массы народа явились съ проклятіями на устахъ, на дворахъ дворца. Всѣ просили Бога, чтобы неблагодарный царь не пережилъ своего и народнаго благодѣтеля.

Тѣмъ временемъ несчастный Даванъ съ большою книгою въ рукахъ прошелъ мимо рыдающей толпы и предсталъ предъ повелителемъ.

— Вотъ книга, которую я обѣщаль тебѣ государь — сказалъ осужденный. Но повторяю, что ты ужасно будешь сожалѣть, когда убѣдишься въ моей невинности. Отпусти мнѣ государь жить не для себя, но ради страдающихъ.

Перестань просить меня объ этомъ — вскрикнулъ царь — потому что въ настоящее время я настолько заинтересованъ твоею книгою, что еслибъ всѣ доказали твою правоту, то я не отмѣнилъ бы рѣшенія моего и царь подаль знакъ, чтобы вошелъ палачъ.

— Такъ тебѣ нужна моя смерть теперь ради моей книги! вскрикнулъ Даванъ, подымая руки къ небу, — о, жестокий тиранъ! ты не подумаешь даже, что я могъ бы спасти еще тысячи такихъ же прокаженныхъ какъ и ты. Помни злодѣй, что вопли эти несчастныхъ съ моею невинною кровью дойдутъ до Творца міровъ, который заставитъ тебя умереть мучительною смертью.

Дальнѣйшія слова Давана были прекращены ловкимъ отсѣченіемъ головы.

Тогда царь открылъ таинственную книгу, листы которой такъ были сухи и сжаты, что пришлось царю поминутно слюнить палецъ, чтобы перелистывать ихъ. Переходя отъ одной главы къ другой, государь началъ чувствовать головокруженіе, но увлеченный скорѣе отыскать интересующее его мѣсто, продолжалъ перелистываніе до тѣхъ поръ, пока книга выпала изъ рукъ его и онъ въ страшныхъ судорогахъ началъ валяться по полу.

— Ой, помогите, помогите! — ревѣлъ онъ — я отравленъ этимъ злодѣемъ Даваномъ!

Но никто изъ присутствующихъ не подошелъ къ государю. Впослѣдствіи оказалось, что листы книги Давана были напитаны сильнымъ ядомъ, который передалъ себѣ на языкъ самъ царь при перелистываніи ея.

Халима поднялась съ мѣста и сказала, что ей время стать на молитву.

— Неужели ты не докончишь, чѣмъ кончилъ рыбакъ съ злымъ духомъ въ кувшинѣ? спросила Медина.

— Это зависитъ отъ того, даруетъ ли мнѣ султанъ жизнь до слѣдующаго дня—отвѣтила Халима.

Айдинъ опять вынужденъ былъ отложить казнь прелестной разсващицы.

Въ послѣдующій затѣмъ день дочь министра продолжала прерванное повѣствованіе въ слѣдующемъ родѣ: „Рыбакъ, окончивши разсказъ, прибавилъ: и ты вѣроятно думалъ также поступить со мною, но видишь сатана, что Богъ не всѣхъ допускаетъ невинно погибать. Теперь настала моя очередь заплатить тебѣ тою же монетою и научить, что люди сѣумѣютъ быть такими же жестокими съ врагами, какъ и черти.

— Знаю, знаю, что я заслужилъ твое негодованіе — отвѣчалъ духъ со смиреніемъ, но я никогда не позволилъ бы себѣ сокрушить твою жизнь. Мнѣ хотѣлось только испытать твое мужество. Притомъ подумай ты самъ, развѣ за добро дѣлаютъ зло? Въ наше время даже за зло не слѣдуетъ отплачивать зломъ. Отпусти же меня добрый человѣкъ я вознагражу тебя счастіемъ и дольствомъ.

При послѣднемъ словѣ рыбакъ, которому безпрестанно приходилось голодать, пошатнулся въ рѣшеніи своемъ.

— Пожалуй—отвѣчалъ онъ—я не прочь отпустить тебя на томъ основаніи, что первая клятва твоя нынѣ утратила для тебя силу обязательства, но все же не могу быть увѣреннымъ въ твоихъ обѣщаніяхъ. Впрочемъ поклонись мнѣ всѣми святостями и силами, повелѣвающими адомъ.

Духъ прочелъ ровно сто заклинаній. Послѣ чего рыбакъ снялъ крышку съ мѣднаго сосуда и со страхомъ ожидалъ своей участи.

— Ну, теперь спасибо—сказалъ духъ, принявши свой настоящій видъ.

Теперь возмись за весла и поѣдемъ. Я хочу показать тебѣ одну бухту, гдѣ живутъ такія необыкновенныя рыбы, за которыя ты будешь получать большія суммы денегъ, но помни одно очень важное условіе: ты никогда не долженъ забрасывать сътей своихъ болѣе одного раза въ сутки.

Нѣсколько часовъ спустя лодка дѣйствительно повернула за высокія скалы и передъ рыбакомъ открылась бухта, о существованіи которой онъ никогда не слышалъ. Въ бухтѣ этой играли и рѣзвились поразительной красоты рыбы.

— А ну забрось твою сѣть—сказалъ духъ.

Рыбакъ повиновался и вытащилъ четыре большихъ разноцвѣтныхъ рыбы съ формою человѣческихъ глазъ до такой степени красивыхъ и жирныхъ, что пришелъ въ изумленіе.

— Отнеси эти рыбы къ вашему царю — сказалъ духъ — и ты

увидишь, сколько онъ дастъ тебѣ за нихъ золота. Сказавъ это, духъ исчезъ.

— Надо послушать дьявола — подумалъ рыбаекъ и возвратился домой.

Въ тотъ же день рыбы представлены были во дворецъ и государь, пораженный ихъ красотою приказалъ выдать рыбаку за каждую изъ нихъ по 100 червонцевъ, а вслѣдъ затѣмъ поручилъ главному повару своему изжарить ихъ на какомъ-то ароматическомъ маслѣ.

Поварь сейчасъ же занялся этимъ дѣломъ, но въ то время, когда поджарившаяся съ одной стороны рыба, требовала перевернуть ее, въ стѣнѣ раздался шумъ и передъ нимъ очутилась молодая женщина съ митровою вѣткою въ рукахъ. Подошедъ къ жаровнѣ, она произнесла звучнымъ голосомъ:

— Рыбы, рыбы дѣлайте свое дѣло!

— Конечно, конечно—отвѣчали онѣ, поднявъ головы на сковородѣ—если ты мѣришь, то и мы мѣримъ; если ты платишь, то и мы платимъ, если ты бѣжишь, то мы побѣждаемъ — и всегда довольны собою.

Получивъ этотъ отвѣтъ, молодая женщина тронула ихъ митровою палочкою и опрокинула въ горящіе уголья. Рыбы въ ту же минуту почернѣли и волшебница скрылась.

Испугавшійся поварь не замедлил сообщить о случившемся министру двора, который въ свою очередь доложилъ повелителю своему.

— Какъ не странно такое чудо, но мнѣ хочется во что бы ни стало отвѣдать вкусъ этихъ прелестныхъ рыбъ—отвѣчалъ монархъ. Отыщите немедленно этого рыбака и приважите, чтобы онъ принесъ намъ другія.

Рыбаекъ найденъ былъ безъ затрудненія и на другой день въ царской кухнѣ явились такія же самыя рыбы, за которыя снова заплачено было по сто червонцевъ.

— На этотъ разъ—сказалъ министръ повару—я буду присутствовать, чтобы убѣдиться въ твоихъ словахъ.

Рыбы были очищены и поставлены на жарюню, но лишь только наступило время перевернуть ихъ, какъ вновь послышался въ стѣнѣ шумъ и та же женщина явилась въ кухню. Послѣ тѣхъ же словъ и того же отвѣта она перевернула сковороду и исчезла.

— Право мнѣ что-то не вѣрится—отвѣчалъ царь, когда ему донесено было объ этомъ—и я хочу лично убѣдиться. Прикажите рыбаку еще разъ принести этихъ рыбъ и пусть онъ начнетъ жарить ихъ въ моемъ присутствіи.

Царское желаніе было исполнено въ точности. Но на этотъ разъ вмѣсто молодой женщины явился страшный арагъ и, сдѣлавъ все, что дѣлала молодая женщина, исчезъ безслѣдно.

— Какъ хотите, а во всемъ этомъ должна быть какая-то тайна—сказалъ государь. Отыщите мнѣ нашего рыбака и я поста-

раюсь пораспросить у него, гдѣ онъ ловить этихъ необыкновенныхъ рыбъ?

Рыбакъ былъ приведенъ къ царю и разсказалъ.

— Но я не знаю о существованіи такой бухты—сказалъ царь. Тоже самое отвѣтили и всѣ министры.

— И я никогда не видѣлъ этой бухты—сказалъ рыбакъ—не смотря на то, что съ дѣтства ѣздилъ по нашему морю.

— Въ такомъ случаѣ ты завтра укажешь ее мнѣ—приказалъ царь, отпуская рыбака.

На другой день государь, окруженный большою свитою съ палатками и провизіею, направился осматривать заливъ, примыкавшій къ границѣ его царства. Прибывъ къ нему, всѣ съ удивленіемъ начали смотрѣть на игры чудесныхъ рыбъ.

— Ничего не понимаемъ—говорили старые министры—сколько намъ извѣстно на этихъ мѣстахъ была еще недавно столица четырехъ острововъ, но, куда она дѣвалась, никто не знаетъ.

— Я не менѣе васъ изумленъ—отвѣчалъ царь—и не возвращусь домой, пока не узнаю настоящихъ причинъ этихъ чудесъ, совершившихся такъ сказать за нашею спиною. Прикажите поставить палатки и расположиться пока на отдыхъ.

Вскорѣ наступила ночь и всѣ, сопровождающіе царя, заснули крѣпкимъ сномъ. Убѣдившись въ этомъ, государь вооружился саблею и тихими шагами вышелъ изъ палатки, чтобы осмотрѣть подробно всѣ окрестности внезапно явившейся бухты.

Долго онъ бродилъ и долго любовался рощами и скалами, великолѣпно освѣщенными сіяніемъ луны, но нигдѣ не встрѣтилъ человѣческаго жилища. Царь поднялся на высокую гору и неожиданно очутился около великолѣпнаго хрустальнаго дворца. Обошедъ его со всѣхъ сторонъ, онъ наконецъ нашелъ двери и рѣшился зайти во внутренность. Всѣ комнаты были убраны самымъ великолѣпнымъ образомъ, но ни въ одной изъ нихъ не оказалось слѣдовъ пребыванія человѣка. Царь съ изумленіемъ остановился у четырехъ золотыхъ львовъ, извергающихъ изъ пасти струю чистой воды.

— Удивительно—пронеслось въ мысляхъ его—а между тѣмъ ни души живой. Царь присѣлъ на парчевую софу и задумался. Какъ вдругъ ему послышались слѣдующія слова:

— О Боже, Боже, смилуйся надо мною и пошли мнѣ въ отраду самый жестокой видъ смерти! О, я не могу долже переносить такой жалкой участи, такихъ возмутительныхъ упрековъ и страданій! Затѣмъ слѣдовали громкія рыданія.

Царь вскочилъ съ мѣста и направился въ ту сторону, откуда неслись эти рыданія. Прошедъ длинный корридоръ, онъ предсталъ передъ молодымъ исчахшимъ человѣкомъ, сидѣвшимъ на золотомъ тронѣ, и почтительно поклонился ему.

— Извини меня мой случайный гость—отвѣчалъ хозяинъ—что я не могу приподняться съ мѣста, чтобы привѣтствовать тебя подобающимъ образомъ: я наполовину превращенъ въ мраморную

массу. Сказавъ это, онъ откинулъ плащъ и показалъ свои черныя неподвижныя ноги.

— Какимъ же образомъ могло это случиться? спросилъ царь.

— Тяжело мнѣ рассказывать эту печальную повѣсть, добрый человекъ, но я передамъ тебѣ ее въ назиданіе молодымъ людямъ, которые часто думаютъ, что хорошенькія женщины также обладаютъ хорошими душами. Видишь ли, я наслѣдовавъ отъ отца моего престоль четырехъ острововъ, имѣлъ несчастіе влюбиться въ двоюродную сестру мою и, женившись на ней, воображалъ, что она вдвойнѣ будетъ любить меня. И дѣйствительно она два, три года такъ вела себя, что я не могъ жаловаться на судьбу свою. Однажды на охотѣ я прилегъ заснуть, но сонъ не бралъ меня. Сидѣвшіе около меня оруженосцы арабы, въ предположеніи, что я заснулъ и никто изъ свиты моей не понимаетъ ихъ нарѣчія, начали говорить о женѣ моей. Я наострилъ уши и услышалъ такого рода рѣчь: „бѣдный царь какъ онъ добръ и красивъ, а жена его предпочла человекъ, который не стоитъ и ногтя его.— Да, какъ она не возбуждаетъ въ немъ ревности? спросилъ другой.—Какая тутъ можетъ быть ревность, когда онъ и не подозреваетъ ея сношеній съ стороннимъ ничтожнымъ человекѣмъ. Эта хитрая женщина, говорятъ, каждый вечеръ подноситъ къ его уху какой-то усыпительный составъ и затѣмъ бросаетъ одного въ спальнѣ“. Слова эти заставили меня затрепетать и я сейчасъ же возвратился домой съ тѣмъ, чтобы провѣрить подслушанное. Въ тотъ же вечеръ я представился сильно утомленнымъ и легъ раньше обыкновеннаго, но глаза мои не вполне были закрыты. Вдругъ входитъ жена моя съ какою-то вещицею въ рукахъ, подкралась ко мнѣ на ципочкахъ и, положивъ ее около уха моего, быстро ушла. Я не замедлилъ отбросить отъ себя усыпительное средство, схватилъ пашку и пустился за нею. Вышедъ на дворъ, жена моя направилась къ садовой бесѣдкѣ, густо обвитой плющемъ. Я въ нѣсколько прыжковъ очутился около этой постройки и прижался къ ней. Арабы оказались справедливыми. Жена моя сидѣла въ объятіяхъ одного изъ самыхъ негодныхъ служителей дворца и клялась ему, что по требованію его готова сокрушить и меня и столицу мою со всѣми жителями. Все это я выслушалъ терпѣливо, но какъ только счастливыя вышли изъ бесѣдки и направились на покой къ ближайшей постройкѣ я бросился на негодя и сильнымъ ударомъ разсѣкъ ему плечо. Все это совершилось такъ быстро, что никто изъ нихъ не могъ замѣтить меня. Возвратившись въ спальню, я представился спящимъ. Предъ свѣтомъ пришла моя жена съ опухшими отъ слезъ глазами, охала, стонала и ломала себѣ пальцы. На слѣдующій день я спросилъ, что повергло ее въ такую скорбь?—О, я получила извѣстіе, что умерла моя мать—отвѣчала она, заливаясь слезами. Отнынѣ, другъ мой,—прибавила она—я выстрою мавзоль слезъ и буду въ немъ ежедневно плакать и скорбѣть. Я ничего не отвѣчалъ, но вмѣсто памятника слезъ она выстроила въ нѣсколькихъ десят-

какъ шагахъ отсюда прекрасный домикъ и начала запирается въ немъ по цѣлымъ недѣлямъ. Чтобы это значило, ужъ не остался ли въ живыхъ ея нѣжный другъ? подумаль я и рѣшился прослѣдить за совершающимся въ новомъ домѣ. Долго мнѣ не удавалось это, но наконецъ я проникъ въ отворенное окно и, заставъ ее, стоящую предъ больнымъ любовникомъ на колѣняхъ, плюнуть обоимъ имъ въ глаза и возвратился во дворецъ съ тѣмъ, чтобы отдать приказаніе съечь гнусныхъ людей съ ихъ берлогою. Но только что я сѣлъ на этотъ тронъ ко мнѣ влетѣла съ растрепанными волосами жена моя и начала допрашивать, какъ я осмѣлился беспокоить больнаго друга ея? Я не стерпѣлъ и вскрикнулъ:

— И тебѣ не стыдно позорная женщина дѣлать такой вопросъ мужу и царю? О, какъ жаль, что я промахнулся и не отсѣкъ этой подлой головы, сбившей тебя съ пути чести!

— Такъ это ты изранилъ моего возлюбленнаго?, спросила она, заскрежетавъ зубами.

— Да, это я и сожалью, что мнѣ придется съечь его живымъ съ тобою.

— Ахъ ты ничтожный и ты смѣешь еще говорить эти слова передо мною! заревѣла она—приказываю тебѣ сейчасъ же на половину обратиться въ черный мраморъ, а чтобы у тебя не осталось ни одного подданнаго, который осмѣлился бы, слушая тебя, беспокоить насъ, я прикажу морю поглотить столицу твою, а жителей обратить въ рыбъ. Но этого мало я ежедневно буду приходить къ тебѣ и тиранить настолько, насколько хватить у меня силъ. Сказавъ это, она начала бить меня палкою, но увы я не могъ ничего ей сдѣлать, потому что остался приросшимъ къ мраморнымъ ногамъ, которыя не слушались. Вотъ съ того времени я сижу на этомъ тронѣ безъ движенія и ежедневно подвергаюсь всевозможнымъ истязаніямъ и на вопіющіе крики мои никто не отвѣчаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта ужасная женщина уничтожила всѣхъ моихъ подданныхъ и живетъ съ своимъ другомъ. Ты первый, посѣтившій меня несчастнаго, и вѣроятно будешь послѣдній. Молодой человекъ залился слезами.

— Не плачь братъ мой—отвѣчалъ царь—авось я съумѣю принести тебѣ счастье. Расскажи мнѣ подробно, гдѣ находится соперникъ твой и какъ удобнѣе найти его?

— Тебѣ придется выйти изъ этого дворца и пройти къ востоку нѣсколько десятковъ шаговъ, тамъ ты увидишь домъ изъ розоваго камня. Въ этомъ домѣ обитаетъ эта фурія съ своимъ возлюбленнымъ.

— А когда она обыкновенно приходитъ тиранить тебя? мнѣ желательно было бы на первый разъ повидаться съ другомъ ея наединѣ.

— Она должна скоро явиться.

Царь вышелъ и спрятался въ кустахъ. Лишь только царевна вошла къ мужу, онъ вскочилъ къ любовнику ея и, отрубивъ у

него голову, взваливъ трупъ на плечи и, вынеши его на дворъ, бросилъ въ глубокой колодезь. Послѣ чего легъ на ложе больного и, закрывшись одѣяломъ, началъ поджидать ужасную женщину.

Въ это время до слуха его начали долетать отчаянные крики несчастнаго полукаменѣвшаго царя. Часъ спустя скрикнули двери и предъ нимъ очутилась на колѣнахъ молодая женщина.

— Сегодня я дала ему 50 лишнихъ ударовъ — сказала она. Неужели ты и сегодня не удостоишь меня однимъ ласковымъ словомъ. О, ради всего священнаго для тебя взгляни на меня хоть однимъ глазомъ.

— Ты сама виновата, что я получилъ къ тебѣ отвращеніе — отвѣчалъ царь шопотомъ — крики и стѣнанія твоего мужа до того возмущаютъ мою душу, что я не желалъ бы видѣть и тебя. Послушай я не могу болѣе переносить такой жизни и требую, чтобы ты возвратила этому человѣку ноги и заставила бы его удалиться подальше отъ насъ.

— Другъ мой, наконецъ я услышала твой любезный голосъ — какая радость, какое счастье для любящаго сердца. Но отчего ты не высказалъ мнѣ раньше твоего желанія? Я сейчасъ же исполню его дорогой мой. Съ этими словами жестокая женщина скрылась.

Черезъ нѣсколько минутъ она вновь появилась съ заявленіемъ, что мужъ ея обращенъ въ первобытное состояніе и оставилъ хрустальный дворецъ подъ угрозою быть задушеннымъ, если осмѣлится вновь появиться.

— Ну, теперь я надѣюсь, что ты протянешь мнѣ свою руку — прибавила царица умоляющимъ тономъ.

— Нѣтъ, и теперь ты не удостоишь моей ласки — отвѣчалъ царь. Я не могу ни на одинъ часъ заснуть спокойно отъ воплей тѣхъ людей, которыхъ ты превратила въ рыбъ. Ты должна ради моего покоя возвратитъ и ихъ въ первобытное состояніе. Мнѣ все это наскучило и измучило до крайнихъ предѣловъ. Понимаешь, я хочу видѣть все въ такомъ же видѣ, какъ оно было прежде и мнѣ кажется, что, если все приметъ свой прежній образъ, и я вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаюсь прежнимъ счастливецомъ и сердце мое опять наполнится тѣми чувствами, которыя я питалъ къ тебѣ.

— Не можетъ быть! вскрикнула она, всплеснувъ руками отъ радости.

— О, я сейчасъ сдѣлаю по твоему. Сказавъ это, молодая женщина выбѣжала на дворъ и направилась къ бухтѣ. Остановившись на берегу она начала нашептывать какія-то таинственныя слова и, зачерпнувъ воды, брызгать во всѣ стороны.

Вдругъ зашевелилась вода и начала исчезать, а по мѣрѣ исчезновенія ея выступалъ городъ. Часъ спустя столица четырехъ острововъ выступила окончательно на свѣтъ Божій и вновь на улицахъ и площадяхъ ея задвигались тысячи людей.

Волшебница, окинувъ все довольнымъ окомъ, бѣгомъ возвратилась къ милому другу и, подошедъ къ кровати его, вскрикнула:

— Все сдѣлано по приказанію твоему. Надѣюсь, что отнынѣ ничто не будетъ тревожить твоего дорогаго покоя, и ты снова сольешься со мною въ одну душу. Ну, встань же и прими меня въ твои объятія.

— Подойди—отвѣчалъ царь.

Но прежде чѣмъ она бросилась къ нему, онъ взмахнулъ саблею и злодѣйка упала къ подножію его ложа. Разрубивъ ее на четыре части и вышвырнувъ въ окно, государь вышелъ изъ дома безчестія и началъ звать несчастнаго молодаго повелителя этой страны, который сидѣлъ, со страхомъ озираясь во всѣ стороны.

— Теперь ты свободенъ—сказалъ царь, взявши его за руку. Я уничтожилъ твоего тирана, заставивъ его предварительно выдвинуть столицу твою изъ безднѣ морскихъ.

— Чѣмъ же и какимъ образомъ я могу отблагодарить тебя? спросилъ молодой царь съ слезами на глазахъ.

— Царь не можетъ награждать подобнаго себѣ монарха ничѣмъ болѣе, какъ дружбою и искреннею любовью. Ты мой ближайшій сосѣдь и я желаю бы сдѣлать тебя моимъ сыномъ и наследникомъ, въ полной увѣренности, что царства наши, соединившись въ одну державу, сдѣлаются непобѣдимыми, а ты будешь радовать меня до послѣдняго часа жизни.

Услышавъ такія рѣчи, молодой человѣкъ началъ цѣловать руки своему избавителю и повелъ его въ свой дворецъ, гдѣ, встрѣтивъ всѣхъ придворныхъ на своихъ мѣстахъ, приказалъ накрывать столы и послать нарочныхъ за царскою свитою.

Послѣ сытнаго обѣда освобожденный царь, пришедъ въ нормальное положеніе, началъ спрашивать избавителя своего, какъ именуется его царство и давно ли онъ управляетъ имъ?

— Какъ, неужели ты не зналъ твоего ближайшаго сосѣда, успѣвшаго состарѣться на тронѣ? отвѣчалъ гость.

— Извини, государь, въ окружности моихъ владѣній нѣтъ ни одного царства, а живутъ полудикія племена съ незначительными начальниками.

— Я не понимаю тебя, другъ мой. Мы приѣхали къ тебѣ сухимъ путемъ въ одинъ день, но моремъ гораздо ближе. Надо полагать, что твои долговременныя страданія повліяли на память. Вспомни, сынъ мой, страну, именуемую Мегестаномъ.

— Мегестанъ находится отъ моего царства на такомъ разстояніи, что хорошая лошадь не пройдетъ его въ теченіи года.

— Возможно ли это? вскрикнулъ царь Мегестана. Повторяю тебѣ, что мы ѣхали сюда не болѣе 10—12 часовъ.

Удивленный въ свою очередь хозяинъ началъ размышлять и справляться по картамъ. Въ концѣ концовъ они пришли къ убѣжденію, что волшебница перенесла царства Четырехъ-острововъ въ чужія владѣнія, но что въ настоящее время оно очутилось снова на своемъ мѣстѣ.

— О, въ такомъ случаѣ мнѣ никакъ не приходится долго гостить у тебя—сказалъ старый царь, подымаясь съ мѣста. По-

жалуйста распорядись дать намъ все необходимое для такого долго-временнаго пути.

— Этого мало отецъ мой—отвѣчалъ хозяинъ—я самъ намѣренъ проводить тебя до дверей дома твоего и предъ всѣми твоими подданными принести клятву въ вѣчной благодарности и вознаградить всѣхъ тѣхъ, которые послужили поводомъ къ явленію твоему въ домъ, гдѣ я страдалъ и погибъ бы въ ужасныхъ мукахъ.

Три дня спустя цари, окруженные блестящими свитами, выѣхали изъ столицы Четырехъ-острововъ и годъ спустя благополучно прибыли въ Мегестанъ. Послѣ продолжительныхъ празднествъ молодой царь пожелалъ узнать, кто первый внушилъ спасителю его мысль, озарившую его счастіемъ.

— Простой рыбакъ—отвѣтилъ повелитель Мегестана.

— А могу ли я его видѣть?

Лишь только высказано было это желаніе, какъ десять слугъ побѣжали за рыбакомъ, котораго и привели передъ монархами. Бѣдняку показалось было, что его ведутъ на осужденіе, но когда онъ рассказалъ про все случившееся и обѣщаніе злаго духа обогатить его, молодой царь поднялся съ мѣста и поцѣловавъ его въ оба глаза сказалъ:

— Обѣщаніе духа должно исполниться. Отнынѣ ты послѣдуешь за мною и будешь самымъ богатѣйшимъ и счастливымъ человекомъ.

Халима поднялась съ мѣста. Айдинъ смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ и восторгомъ.

— Она и сегодня должна жить—подумалъ онъ и приказалъ министру своему не подвергать ее казни.

Въ послѣдующую загѣмъ ночь передъ свѣтомъ Медина опять разбудила сестру свою и попросила ее рассказать ей что нибудь.

— Хорошо моя милая—отвѣчала она—слушай. Въ славномъ Вавилонѣ при могущественномъ царѣ Харумѣ на базарной площади постоянно видѣли одного здороваго носильщика тяжестей или хамала, который каждому проходящему рекомендовалъ себя за силача. Однажды подошла къ нему одна молодая госпожа и приказала слѣдовать за нею.—„Ну, сегодня счастливый для меня день! вскрикнулъ онъ, взбрасывая на плечи свою громадную плетенку. Нѣсколько минутъ спустя госпожа подошла къ магазину напитковъ и давъ золотую монету хозяину, указала на хамала. По этому нѣмому знаку изъ лавки вынесли нѣсколько сосудовъ съ благовонными ликерами и положили въ плетенку носильщика. Потомъ они подошли ко многимъ еще магазинамъ и вездѣ получали напитки, закуски, сладости, фрукты въ такомъ количествѣ, что сильный хамаль съ трудомъ донесъ грузъ свой до великолѣпнаго зданія, около котораго остановилась молодая женщина и застучала въ мѣдное кольцо.

— Охъ—сказалъ хамаль, прижимаясь къ стѣнѣ—ты такъ нагрудила меня, какъ ни одинъ хозяинъ не нагрузилъ бы своего мула.

Тѣмъ временемъ отворилась калитка и передъ носильщикомъ показалась такая красавица, какой онъ никогда не видѣлъ раньше. Хамаль вошелъ въ обширный дворъ, убранный самымъ изысканнымъ образомъ, въ углубленіи котораго, между группами деревьевъ, находился обширный павильонъ съ четырьмя фонтанами и треномъ изъ слоновой кости. На тронѣ этомъ важно покоилась молодая женщина ослѣпительной красоты, которая, замѣтивъ изнемогающаго хамала подъ тяжестью непомятаго груза сказала:

— Скорѣй Серафія и ты Амина облегчите бѣдняка, иначе онъ умретъ! Дѣвушки поспѣшили исполнить приказаніе старшей сестры своей Зоидіи и Амина подала носильщику золотую монету съ тѣмъ, чтобы онъ удалился, но хамаль не трогался съ мѣста.

— Ты кажется не достаточно вознаградила его—сказала повелительница, взглянувъ на меньшую сестру.

— Нѣтъ, нѣтъ—отвѣчалъ носильщикъ—я съ избыткомъ награжденъ, но меня изумила ваша красота и то, что такія прекрасныя женщины живутъ безъ мужчинъ.

— Красота у женщинъ не рѣдкость—отвѣчала Зоидія—но если нѣтъ здѣсь мужчинъ и никого сторонняго, то это потому что мы не желаемъ ни съ кѣмъ дѣлиться нашими тайнами. Тайна не можетъ быть тайною, если знаетъ ее кто нибудь сторонній. Проще сказать, что если ты самъ не сбережешь своей тайны, то отъ другихъ не слѣдуетъ требовать этого.

— Ты ошибаешься госпожа; тайну можно довѣрять, но только не тѣмъ, которыхъ считаешь за близкихъ людей.

Молодымъ женщинамъ очень понравилось это справедливое заключеніе.

— И притомъ развѣ вамъ неизвѣстно—продолжалъ хамаль—что всѣ считаютъ ужаснымъ грѣхомъ садиться втроемъ за обѣдную трапезу?

— Твое замѣчаніе я принимаю на сегодняшний день—сказала съ улыбкою Зоидія и готова оставить тебя пообѣдать съ нами, если ты съумѣешь держать себя прилично. Идемъ, сестры, къ столу.

Хамаль по знаку Амины послѣдовалъ за повелительницею и очутился за великолѣпно убраннымъ столомъ. Ему подала Серафія кубокъ вина и по обычаю ожидала привѣтствія. Носильщикъ зашѣлъ:

„Какъ вѣтеръ приноситъ чистую живительную влагу для жизни, такъ и вино это отъ руки твоей принесло ароматъ для сердца моего.“

Слова эти оживили сестеръ и за столомъ началась довольно веселая бесѣда, которая до того понравилась своею обстановкою бѣдняку, что онъ рѣшился во чтобы ни стало провести съ прелестными женщинами и вечеръ. Для достиженія этого онъ заявилъ, что опьянѣлъ отъ удовольствія и вина и положительно не въ состояніи владѣть ногами.

— Хитрецъ, тебѣ навѣрно хочется остаться между нами до

поздней ночи—сказала Зоидія—пожалуй я не прочь разрѣшить тебѣ и поужинать съ нами, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ты чего-бы ни видѣлъ въ этомъ домѣ, не смѣлъ-бы требовать отъ насъ разъясненій. Въ противномъ случаѣ я не ручаюсь за скверныя послѣдствія. Теперь иди отдохнуть, куда тебѣ покажетъ Амина, а вечеромъ мы будемъ ожидать тебя.

Хамаль отправился въ отдѣльную комнату и легъ спать. Въ условное время онъ снова сидѣлъ за столомъ между прелестными хозяйками, которыя начали угощать его виномъ съ цѣлью послушать нѣжныя импровизаціи пылкаго сердца. Какъ вдругъ послышался стукъ у дверей на улицу.

— Кто-бы это нуждался въ насъ? спросила Зоидія, взглянувъ на Амину.

Младшая сестра немедленно подошла къ калиткѣ и, возвратившись, доложила, что три одноглазыхъ дервишей просятъ гостепріимства.

— Пригласите ихъ—сказала Зоидія.

Минуту спустя дервиши безъ бровей съ однимъ глазомъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій приглашены были къ столу и, взглянувъ на хамала, въ платѣхъ поденщика, довольно громко сказали: „да здѣсь приняты бѣдняки похуже насъ“. Фраза эта покорила носильщика и онъ отвѣтилъ:

— Господа, здѣсь принято ничему не удивляться.

Гости переглянулись и прикусили языки. Серафія начала угощать ихъ ликерами, отъ которыхъ они скоро повеселѣли и заявили, что не прочь бы поиграть на какихъ-нибудь музыкальныхъ инструментахъ.

— Амина васъ сведетъ въ комнату со всевозможными инструментами—сказала Зоидія—гдѣ вы можете выбрать себѣ болѣе любимые. Мы очень любимъ музыку и будемъ пѣть за вами.

Дервиши послѣдовали за молодою дѣвушкою и скоро возвратились съ арфами и лирою. Какъ только они тронули струны, хозяйки заплѣли такими восхитительными голосами, что хамаль совершенно потерялъ голову. Не успѣли онѣ пропѣть первой пѣсни, какъ вновь послышался стукъ въ двери.

Надо знать, что въ то блаженное время цари имѣли обыкновеніе раза два въ годъ ходить въ столицѣ своей переодѣтыми, чтобы лично видѣть какъ живутъ ихъ подданные. Тоже самое вздумалось сдѣлать въ эту ночь и царю Харуму. Пригласивъ съ собою главнаго министра и великаго евнуха, они вышли изъ дворца въ одеждѣ купцовъ и направились къ кварталамъ бѣднѣйшихъ людей, но услышавъ прелестную музыку, рѣшились узнать кто это играетъ и такъ хорошо поетъ.

Къ дверямъ подошла Серафія и спросила: кто тамъ стучитъ?

— Не будете ли вы снисходительны къ тремъ иностраннымъ купцамъ, которые никакъ не могли найти своей квартиры и заблудились въ великомъ городѣ—сказалъ царь.

— Заявленіе ваше я передамъ госпожѣ моей—отвѣчала дѣвушка и сейчасъ сообщу отвѣтъ.

— Нечего дѣлать надо впустить и ихъ—сказала Зоидія, приказавъ подать еще три прибора.

Вошедшіе купцы оказались очень учтивыми людьми и съ ними обошлись сестры очень любезно.

— Господа—сказала Зоидія—я приняла васъ и постараюсь угостить какъ друзей, но съ однимъ условіемъ, что все, что вы увидите и услышите въ моемъ домѣ, не должно давать вамъ права разспрашивать причинъ. Въ противномъ случаѣ я не ручаюсь за гнѣвъ мой. Сказавъ это, Зоидія приказала налить кружки виномъ и продолжать прерванное веселіе.

Около полуночи Серафія убрала столы и подошла къ повелительницѣ дома за приказаніемъ.

— Внесите мой тронъ—сказала Зоидія—и будемъ дѣлать наше дѣло.

Сестры вышли и черезъ нѣсколько минутъ внесли ослѣпительнаго блеска тронъ, сіяющій крупными алмазами, сафирами и яхонтами. Лишь только онъ былъ установленъ Зоидія вооружилась плетью и возсѣла на царское сѣдалище.

— Приведите виновныхъ—приказала она.

Серафія отворила сосѣднюю дверь, откуда выбѣжали двѣ черныя собаки и съ громкимъ визгомъ начали ласкаться у ногъ повелительницы. Ясно было, что онѣ, какъ бы въ сознаніи своей вины, умоляли о пощадѣ. Но Зоидія приказала имъ приблизиться и самымъ беспощаднымъ образомъ стала наносить удары. Несчастныя животныя падали, визжали, кувыркались, лизали ей руки, но удары не прекращались. Часъ спустя Зоидія отбросила плеть и, принявъ въ объятія свои собакъ, начала прижимать ихъ къ груди, цѣловать и плакать. Тѣмъ временемъ Амина загѣла пѣснь, переполненную чувствами любви, и дошла до такого экстаза, что, разорвавъ одежды, упала безъ чувствъ. Причемъ гости увидѣли, что все тѣло ея было покрыто свѣжими ранами.

Царь Харумъ не вытерпѣлъ и обратился къ министру своему съ вопросомъ, чтобы это означало? Этотъ въ свою очередь началъ спрашивать дервишей, а дервиши обратились къ хамалу, котораго считали членомъ семьи. Носильщикъ, забывъ условіе хозяйки дома, смѣло подошелъ къ ней и сказалъ:

— Госпожа! то, что сотворилось до того заинтересовало твоихъ гостей, что они уполномочили меня обратиться къ тебѣ за разъясненіемъ.

— Вы уполномочивали его? спросила Зоидія, обращая гнѣвные взоры къ гостямъ.

— Да—отвѣчала Харумъ—какое отношеніе твои удары по собакамъ могли имѣть къ этой молодой женщинѣ, покрывшейся ранами?

При этомъ отвѣтъ Зоидія заскрежетала зубами и что было силы застучала ногою въ полъ. Въ ту же минуту появилось семь арабовъ съ острыми саблями.

— Что прикажетъ наша повелительница? сказали они въ одинъ голосъ.

— Взять этихъ людей и приготовить все къ торжественной казни ихъ. Арабы схватили за шивороты осужденныхъ и приготовились вытащить ихъ на дворъ.

Харумъ и дервиши начали умолять жестокую женщину и заклинать ее не дѣлать такого ужаснаго дѣла, потому что между ея гостями можетъ быть есть и такіе люди, которые могутъ имѣть важное значеніе.

— Это мы узнаемъ сейчасъ — отвѣчала Зондія. Не угодно ли каждому изъ васъ рассказать мнѣ, кто онъ такой и какимъ образомъ зашелъ сюда. Но я опять предлагаю вамъ условіе, что тотъ, который что-либо утаитъ или солжетъ не будетъ пощажень.

— А тѣмъ которые расскажутъ тебѣ правду, — спросилъ очнувшійся отъ страха хамаль — общаешь ли ты отмѣнить казнь?

— Дѣлать нечего, я сама поставила себя въ неловкое положеніе — сказала Зондія — и вынуждена буду изъяснить на послѣднее согласіе.

— Въ такомъ случаѣ я, какъ первый вошедшій въ твой домъ, считаю себя обязаннымъ подать примѣръ послушанія: видишь ли, госпожа, когда я достигъ 18 лѣтняго возраста и почувствовалъ себя гораздо сильнѣе и здоровѣе другихъ людей и въ особенности слабосильныхъ женщинъ, я рѣшился содѣйствовать имъ и объявилъ, чтобы всѣ немощные брали меня на переносы тяжелыхъ. Такимъ образомъ постоянно стоя на базарной площади, я усердно исполнялъ добровольно возложенную на себя обязанность до той минуты, пока меня взяла сестра твоя Амина, а вы удостоили меня чести посадить за вашъ столъ. Что я не злой человекъ въ этомъ тебѣ легко убѣдиться самой, потому что я не слѣпой и не горбатый.

Я вижу изъ глазъ твоихъ, что ты ничего не сказалъ несправедливаго — отвѣчала Зондія и сдѣлала знакъ арабу, стоящему за спиною хамала удалиться.

За носильщикомъ должны были предстать одноглазые, безусые дервиши.

— Судя по тому, что каждый изъ васъ обладаетъ только однимъ глазомъ — заговорила Зондія — мнѣ кажется, что вы родились отъ одной матери.

— Ты ошибаешься — отвѣчалъ одинъ изъ дервишей. Между нами нѣтъ никакого родства, но мы, сошедшись случайно, назвали братьями и съ того времени живемъ неразлучно. Теперь съ позволенія твоего я расскажу тебѣ все важнѣйшее изъ жизни моей до настоящаго вечера.

— Говори, я слушаю тебя.

Въ это время лучи солнца озлатили комнату и Халима хотѣла вскочить съ ложа своего, но калифъ схватилъ ее за руку и вскрикнулъ:

— О неподобная красотою и разумомъ женщина! Ты такъ

много доставила мнѣ удовольствія, что. отнынѣ я буду считать тебя украшеніемъ моего царства и вѣрить въ славу свою въ отдаленномъ потомствѣ. Твои рассказы не забудутся людьми и меня прославятъ за то, что варварскіе поступки со многими невинными дѣвушками, дали человечеству возможность узнать то, что хранилось въ сокровищницѣ твоего ума. Блаженъ царь, имѣющій такую жену! Отнынѣ я буду дорожить тобою, какъ глазами моими, и сейчасъ же прикажу отмѣнить мой фирманъ. Но надѣюсь, что ты и въ будущемъ не перестанешь ежедневно утѣшать меня твоими прелестными рассказами.

Халима приложила руку повелителя своего къ сердцу и устамъ въ знакъ радости и покорности.

На слѣдующую ночь Халима, повторивъ то, на чемъ остановилась наканунѣ, сказала: дервишъ началъ такимъ образомъ: „я былъ единственный сынъ одного изъ могущественныхъ царей Индіи. Дядя мой также былъ царемъ, но меньшаго царства. У послѣдняго были сынъ и дочь такой удивительной красоты, что всѣ смотрѣли на этихъ молодыхъ людей съ наслажденіемъ. Окончивъ курсъ всѣхъ наукъ, я очень часто ѣздилъ къ дядѣ и весело проводилъ время съ двоюроднымъ братомъ моимъ, но сестры его никогда не видѣлъ. Однажды, когда я посѣтилъ родственника во время отсутствія дяди, мы заговорили о любви и ужасномъ влияніи ея на душу. Слово за словомъ, фраза за фразой и братъ мой сознался, что влюбленъ до безумія и рѣшился скрыться съ предметомъ любви въ подземелье, чтобы не встрѣчать препятствій.

— Кого же ты любишь? спросилъ я.

— Я сегодня покажу тебѣ ее и попрошу сопроводить насъ до подземелья въ надеждѣ, что ты не откроешь никому мѣста нашего укрывательства. О, если ты любишь меня, поклянись хранить нашу тайну. Я хотѣлъ было вернуться, но не могъ. Заручившись моимъ словомъ не выдать его передъ отцомъ, родственникъ мой пригласилъ меня слѣдовать за нимъ и представилъ молодой прекраснѣйшей дѣвушкѣ, нѣжной какъ лилія. Посмотрѣвъ на нее, я вздохнулъ.

— Это мой братъ и лучшій другъ, которому я довѣрилъ нашу тайну—сказалъ родственникъ мой—приготовляйся же идти.

Дѣвушка еще разъ взглянула на меня и вышла.— Она пошла одѣться и захватить любимыя вещи—сказалъ мой двоюродный братъ. Посидимъ немного. Я присѣлъ. Черезъ часъ вышла неизвѣстная мнѣ дѣвушка въ чадрѣ и съ узелкомъ въ рукахъ.—Я готова слѣдовать за тобою—сказала она. Родственникъ мой поднялся съ мѣста и кивнулъ мнѣ головою. Вышедъ на улицу, мы направились за городъ и повернули къ кладбищу вельможъ. Здѣсь мы подошли къ небольшой древней усыпальницѣ и остановились. Братъ вынулъ изъ кармана восковую свѣчу и зажегъ ее. Затѣмъ тронулъ одинъ изъ гвоздей и передъ нами открылась лѣстница.

— Прощай мой другъ и братъ—сказалъ родственникъ—пожа-

луйста храни мою тайну и не забывай меня. Сказавъ это, онъ спустился въ подземелье и дверца захлопнулась за нимъ.

Простоявъ нѣсколько минутъ, я возвратился во дворецъ и на слѣдующій день рѣшился возвратиться въ домъ отца моего. Но представъ мое удивленіе, когда передъ дворцомъ я увидѣлъ всѣхъ сановниковъ нашего царства и всѣ войска кричавшія: „да здравствуетъ Янусъ, да будетъ онъ нашимъ царемъ!“ Что же стало съ моимъ отцомъ—подумалъ я, не зная, что онъ умеръ давно и что меня признали исчезнувшимъ съ лица земли. Въ это время Янусъ, стоявшій на возвышенномъ мѣстѣ, увидѣвъ меня, приказалъ преданнымъ ему слугамъ захватить и посадить въ темницу. Приказаніе его сейчасъ же было исполнено. На другой день меня представили къ воцарившемуся министру.

— Я очень радъ — сказалъ онъ — что ты не избѣгнулъ моихъ рукъ и что я могу отомстить тебѣ за то, что ты въ дѣтствѣ выкололъ мнѣ правый глазъ. Сказавъ это, онъ подошелъ ко мнѣ и ткнулъ концомъ кинжала въ мой глазъ, который сейчасъ же вылился. Затѣмъ повернувшись къ слугамъ, сказалъ: „возьмите этого негодяя, засадите его въ сундукъ, увезите въ лѣсъ и, обезглавивъ, выбросьте тѣло его на сѣденіе звѣрей“. Слуги схватили меня и увезли, но по дорогѣ вспомнивъ, какъ я былъ ласковъ къ нимъ, и какъ милостиво обращался съ подданными своими отецъ мой, они изъявили желаніе предоставить мнѣ полную свободу, но съ тѣмъ, чтобы я бѣжалъ изъ отечественной земли и никогда не возвращался въ нее. Я поклялся не нарушить ихъ желанія и благодарилъ за такую милость. Когда я очутился на свободѣ, мнѣ некуда было идти, кромѣ дяди, который охотно принялъ меня и, сожалѣя о совершившемся со мною, присовокупилъ, что и онъ потерялъ сына и дочь свою и чувствуетъ такое горе, отъ котораго избавить его только смерть. И дѣйствительно онъ такъ страдалъ, что нѣсколько дней спустя я не въ силахъ былъ сохранить тайны и рассказалъ ему, гдѣ находится его любимый сынъ. Сообщение мое привело въ неописанный восторгъ несчастнаго отца и онъ не смотря на мрачную ночь началъ просить меня указать на то мѣсто, гдѣ скрылся его возлюбленный наслѣдникъ. Я не противорѣчилъ и мы тайно отъ всѣхъ пошли на кладбище, гдѣ я безъ затрудненія отыскалъ памятную мнѣ усыпальницу и гвоздь, открывавшій незамѣтную дверь. Дядя мой немедленно спустился въ подземелье и я послѣдовалъ за нимъ. Нѣсколько минутъ мы переходили изъ одной въ другую комнату, не замѣчая никого и въ заключеніе очутились передъ высокимъ ложемъ, на которомъ я увидѣлъ родственника моего съ знакомою мнѣ дѣвицею совершенно обуглившимися. Ясно было, что они умерли отъ вліянія огня. Дядя мой съ изумленіемъ остановился и вмѣсто слезъ и состраданія началъ проклинать умершихъ. Чтобы это означало? подумалъ я и, когда мы вышли изъ подземелья, я спросилъ его, за что онъ предалъ анаемѣ сына своего?

За то—отвѣчалъ онъ спокойно, что сынъ мой вопреки зако-

новъ полюбилъ свою родную сестру и чтобы скрыть свою позорную страсть сманулъ ее въ такое мѣсто, гдѣ никто не могъ помѣшать ему предаваться чудовищному пороку.

Въ эту минуту я узналъ, кто была та дѣвушка, которая съ перваго взгляда возбудила во мнѣ живое участіе. Помолвившись объ ихъ душахъ, я съ этого времени признанъ былъ дядею за наследника престола и по привычкѣ началъ заниматься науками. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ вдругъ насъ извѣстили, что къ столицѣ подходитъ сосѣдній царь Янусъ съ безчисленною арміею съ цѣлю завоевать наше царство. Дядя мой, у котораго не было достаточно войска для сопротивленія врагамъ, ахнулъ и успѣлъ только посовѣтовать мнѣ бѣжать. Испуганный я вскочилъ на лошадь и не останавливался до того времени, пока бѣдное животное не околѣло. Затѣмъ я рѣшился сбрить себѣ брови и превратиться въ дервиша. Въ этомъ видѣ я встрѣтился съ товарищами моими, которые предложили мнѣ идти въ Вавилонъ. Я послѣдовалъ за ними и въ заключеніе мы награждены были твоимъ гостепріимствомъ. Вотъ все, что я могу сказать тебѣ.

— И ты сказалъ мнѣ правду—отвѣчала Зоидія, приказавъ удалиться арабу. Теперь пусть явится передъ нами твой товарищъ.

На сцену выступилъ второй дервишъ и началъ свою рѣчь слѣдующими словами: достоютеннѣйшая госпожа! отецъ мой, царь сіамскій, предоставилъ мнѣ такое обширное образованіе и такъ умѣлъ развить во мнѣ страсть къ наукамъ, что я считался умнѣйшимъ человѣкомъ. Когда дошли объ этомъ слухи до Индійскаго султана, онъ прислалъ къ отцу моему нарочнаго посланника съ просьбою отпустить меня къ нему на нѣсколько мѣсяцевъ. Отецъ очень обрадовался такой чести и приказалъ снарядить меня въ далекій путь. Нѣсколько дней спустя я выѣхалъ изъ столицы нашей въ сопровожденіи значительнаго конвоя. Долго мы ѣхали безъ всякихъ приключеній, какъ вдругъ на насъ напала большая банда разбойниковъ и безпощадно начала рубить защитниковъ моихъ. Не предвидя ничего хорошаго, я вынужденъ былъ повернуть моего коня въ лѣсъ и бѣжать безъ оглядки. Проскакавши до тѣхъ поръ, пока лошадь моя околѣла, я взобрался на высокое дерево и рѣшился на вѣтвяхъ его выждать дневнаго свѣта. На слѣдующій день, подкрѣпившись лѣсными плодами и не видя нигдѣ погони, я направилъ шаги свои впередъ въ надеждѣ добраться скоро до города или селенія, откуда мнѣ не могло представиться затрудненія возвратиться домой или извѣстить царя Индіи о случившемся съ нами. Но, увы я проходилъ безконечныя лѣса и высокія горы не встрѣчая ни единаго человѣка. Такъ прошелъ мѣсяцъ. „Ну, думаю, если еще нѣсколько дней продолжится такое страданіе, то я не вынесу и умру отъ голода. Къ счастью въ тотъ же день передо мною открылся огромнѣйшій городъ и, я вошедъ въ него, повстрѣчался съ портнымъ, несшимъ разноцвѣтныя матеріи. Надо полагать, что блѣдность лица моего и лохмотья нѣбогда дорогой одежды

изумили его, потому что онъ самъ обратился ко мнѣ съ ласковою рѣчью и не смотря, на бѣдность свою пригласилъ меня въ свой домъ. Насытившись и отдохнувши, я рассказалъ бѣдняку, кто я и что случилось на дорогѣ со мною.

— О ради Бога—отвѣчалъ онъ—не рассказывай этого никому, потому что нашъ царь ненавидитъ твоего отца и съ цѣлью поощряетъ разбойниковъ, чтобы они наносили вредъ вашимъ гражданамъ. Если же онъ узнаетъ, что ты самъ попалъ въ его столицу, то немедленно прикажетъ колесовать тебя для насыщениа своей мести.

Услышавъ эти слова, я тяжело вздохнулъ и спросилъ у добраго человѣка, нельзя ли будетъ мнѣ заняться въ его городѣ преподаваніемъ наукъ, пока приобрѣту средства для выѣзда.

— Это ремесло у насъ не практикуется — отвѣчалъ портной. Въ нашей странѣ смѣются надъ тѣми даже, которые знаютъ грамоту.

— Что же мнѣ дѣлать, чѣмъ заняться?—По моему самое легкое ремесло есть занятіе дровосѣка—отвѣчалъ бѣднякъ. Во первыхъ лѣсъ не покупной, набери его сколько хочешь, продай и опять руби—никто тебѣ не помѣшаетъ. Я на первый разъ охотно займу тебѣ мой топоръ и веревку.

Нечего дѣлать надо было согласиться и я сдѣлался неутомимымъ дровосѣкомъ. Прошелъ цѣлый годъ, но все, что я не приобрѣталъ все трапилось на пищу и одежду. Однажды зашедъ въ гущу лѣса, я послѣ продолжительной работы прилежъ подъ деревомъ, чтобы отдохнуть, какъ почувствовалъ подъ собою что-то твердое. Желая отбросить его въ сторону, я нащупалъ желѣзное кольцо, которое не трогалось съ мѣста. Чтобы это значило? подумалъ я и началъ сбрасывать кучу древесныхъ листьевъ. Послѣ очистки сора передо мною открылась металлическая крышка, а когда я приподнял ее, то увидѣлъ мраморную лѣстницу. Не долго думавши, я опустился въ таинственное подземелье и вскорѣ очутился въ богато убранныхъ комнатахъ, не представлявшихъ слѣдовъ жизни человѣка. Отдохнувши нѣсколько минутъ, я пошелъ дальше и внезапно столкнулся лицомъ къ лицу съ молодою красивою женщиною, бросившеюся ко мнѣ съ крикомъ радости и удивленія.

— Какимъ ты образомъ пронишь ко мнѣ несчастной, томившейся здѣсь пять лѣтъ, и кто ты такой?

Я рассказалъ ей все и узналъ въ свою очередь, что она была царская дочь, которую похитило чудовище изъ подъ вѣнца и любить ее до безумія.

— Гдѣ же это чудовище? спросилъ я съ боязнію.

— Оно посвящаетъ мнѣ только десятый день, изъ боязни не надобсть—отвѣчала она, ласкаясь около меня. Въ послѣдній разъ оно гостило у меня вчера. Слѣдовательно придетъ черезъ восемь дней.

— Ну, а еслибъ ты пожелала его увидѣть раньше? спросилъ я.

— Для этого я имѣю зеркальце, въ которое я скажу два слова и мужъ сейчасъ явится.

— И ты любишь его? спросилъ царевичъ.

— Сначала я возмущалась его присутствіемъ, но теперь такъ привыкла, что съ нетерпѣніемъ ожидаю десятаго дня.

Поговоривъ еще кое о чемъ, царевна пригласила меня въ столовую, гдѣ находились всѣ лучшіе плоды, явства и вина міра, мы начали пировать и бѣшено предаваться удовольствіямъ. Черезъ семь дней я почувствовалъ такую расположенность къ этой веселой женщинѣ, что началъ умолять ее бѣжать со мною.

— Нѣтъ я этого не могу теперь сдѣлать — отвѣчала она — да и къ чему, когда ты можешь приходить ко мнѣ сейчасъ же послѣ ухода моего мужа и пировать 9 дней.

На слѣдующее утро у меня закипѣла ревность въ такой степени, что я разбилъ волшебное зеркало, поднялъ крикъ и брань, но не будучи въ состояніи поколебать этой женщины, бросился бѣжать изъ подземелья, но прежде чѣмъ я успѣлъ выскочить на воздухъ, чудовище схватило меня за шиворотъ и замкнуло трапъ. — Ступай за мной — приказало оно и, оставивъ у дверей спальни, начало допрашивать жену, кто посѣщалъ ее во время его отсутствія. Молодая женщина увѣряла, что никого не видѣла. — А этотъ топоръ и веревка какимъ образомъ попали сюда? спросилъ получеловѣкъ, заскрежетавъ зубами. — Не знаю — слышалось вторично. Тогда злое чудовище приказало мнѣ явиться передъ женою его и, вынувъ изъ ноженъ блестящую саблю, сказало: — возьми это оружіе и отбѣги ему голову. — Я не могу этого сдѣлать — отвѣчала царевна — потому что рука моя не привыкла обезглавливать ничѣмъ не виновныхъ людей. Тогда онъ взялъ отъ нея саблю и, передавая ее мнѣ, потребовалъ, чтобъ я отрубилъ ей голову. — Я посмотрѣлъ на добрую женщину, не пожелавшую лишиться меня жизни для своего оправданія и отбросивъ въ сторону оружіе отвѣчалъ: такія приказанія способны исполнять только кровожадные палачи.

— Теперь я вполне убѣдился — отвѣчалъ тиранъ нашъ — что вы успѣли настолько сблизиться, что не хватаетъ у васъ духа разлучиться между собою, но вы не должны болѣе встрѣчаться. Сказавъ это, онъ вмахнулъ саблею и разсѣкъ пополамъ, ту которая не пожелала укрыться отъ него. Выбросивъ тѣло несчастной царевны онъ возвратился снова ко мнѣ и сказалъ: „я не хочу убивать тебя, негодяй, но не хочу также чтобы ты носилъ образъ челоуѣка. Скажи мнѣ въ какое животное обратить тебя? Я началъ просить его не обижать меня напрасно. — Такъ ты упорствуешь? вскрикнуло чудовище и схвативъ меня снова за шиворотъ вынесло на воздухъ и поднялось такъ высоко къ небу, что вся земля показалась мнѣ не больше луковницы. Мысль, что оно броситъ меня съ этой высоты, ужасала меня, но этого не случилось. Чудовище вновь опустилось на землю и ударивъ меня по спинѣ, обратило въ большую обезьяну. Пока я ощупывалъ себя,

оно безслѣдно исчезло. Оставшись одинокимъ въ степи, я пустился бѣжать самъ не зная, гдѣ нахожусь. Часъ спустя я очутился у моря и замѣтилъ не вдали отъ берега большое судно стоящее на якорѣ. Не долго думая, я сдвинулъ на воду кусокъ бревна, сѣлъ на него и приблизившись къ судну, быстро вскарабкался на него. Матросы, замѣтивъ появленіе мое, вооружились палками и крючками, но капитанъ остановилъ ихъ и началъ заманывать меня плодамъ. Я сейчасъ же подошелъ къ нему и старался кротостью и ласками выразить свое печальное состояніе. Не прошло и получаса, какъ подулъ попутный вѣтеръ и мы снялись съ якоря. Мы шли по направленію къ югу и вскорѣ показалась вдали земля.

— Заѣдемъ поторговать въ это царство — сказалъ капитанъ. Тамъ живутъ гостепріимные люди, которые примутъ насъ хорошо.

Матросы съ явнымъ удовольствіемъ приняли это предложеніе и нѣсколько часовъ спустя судно наше бросило якорь въ виду большаго прекраснаго города. Одновременно съ этимъ къ намъ направилась лодка съ распорядителями порта, которые, вступивъ на судно, начали поздравлять насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и желать успѣха въ торговыхъ дѣлахъ. Покончивши съ привѣтствіями, старшій вынулъ изъ зембиля (плетенки) книгу и сказалъ капитану: у насъ недавно умеръ главный секретарь султана, который только и могъ угождать повелителю нашему. И дѣйствительно такого каллиграфа едвали можно отыскать въ мірѣ. Съ того времени государь повелѣлъ отбирать отъ всѣхъ, посѣщавшихъ его столицу, почерки въ предположеніи отыскать челоуѣка, могущаго замѣнить потеряннаго письменоводителя. Исполняя волю моего монарха, я попрошу тебя и всѣхъ грамотныхъ на суднѣ написать въ этой книгѣ по нѣсколько строкъ.

Капитанъ приказалъ пригласить въ каюту всѣхъ матросовъ. Когда они исполнили потребованное отъ нихъ и вышли, я подошелъ къ табуреткѣ и, взявши камышинку, намочилъ ее въ чернила. Начальникъ порта бросился въ испугѣ отнимать отъ меня книгу, вѣроятно изъ боязни, чтобы я не испачкалъ ея. Однако хозяинъ судна, видя, что я правильно держу камышинку и кротко смотрю на гостей, взялъ книгу у начальника и своеручно поднесъ ко мнѣ. Я сейчасъ же написалъ нѣсколько словъ.

— Посмотри, посмотри — вскрикнулъ капитанъ — какъ моя обезьяна хорошо пишетъ!

Присутствующіе съ недовѣріемъ пригнулись и начали хвалить Бога. Пока они выражали свое удивленіе, я успѣлъ написать шесть строкъ и каждую особеннымъ отличительнымъ почеркомъ.

— Да это невѣроятное чудо! кричали они — да такъ красиво не могъ написать и покойный царскій секретарь! Воображаемъ, какъ будетъ восхищенъ нашъ повелитель! Съ этими восклицаніями они поспѣшили удалиться отъ насъ.

Нѣсколько часовъ спустя эти же самые люди, въ сопровожденіи массы народа, вновь явились къ намъ и, заявивъ капитану, что царь пожаловалъ меня своимъ секретаремъ и требуетъ меня

во дворецъ, начали одѣвать меня въ парчевыя одежды. Я не сопротивлялся и, простившись знаками съ добрымъ хозяиномъ судна, послѣдовалъ за посланными. Явившись предъ государемъ, я преклонилъ колѣна и поднялъ руку къ сердцу въ знакъ рабства. Министры и вельможи громко начали удивляться моей выдержкѣ и хвалить хозяина моего.

— Этой обезьянѣ не достаетъ только заговорить, чтобы не отличаться отъ насъ — сказалъ государь. Впрочемъ тѣмъ лучше для меня: теперь никто не узнаетъ моихъ тайныхъ распоряженій.

Послѣ чего меня ввели въ канцелярію и заставили написать одно приказаніе начальнику города. Я сейчасъ же изложилъ его и поднесъ для подписи царю.

Монархъ, прочитавъ написанное мною, началъ улыбаться отъ удовольствія и пригласилъ меня къ столу своему. Умѣнье мое держать себя за обѣдомъ еще болѣе расположило его ко мнѣ. Въ послѣдующіе затѣмъ дни добрый царь такъ привязался ко мнѣ, что поминутно являлся въ мою комнату и громко сожалѣлъ, что я не обладаю даромъ слова. Однажды онъ снялъ со стѣны арфу и заигралъ какой-то печальный мотивъ. Видя, что онъ отчего-то грустенъ, я взялъ у него инструментъ и сыгралъ такую веселую пѣсню, отъ которой царь чуть не запрыгалъ. Это обстоятельство заставило его пригласить послушать меня свою единственную дочь, которой я раньше не имѣлъ возможности видѣть. Царевна показала на порогъ, но какъ только взглянула на меня закрылась чадрую.

— Что это ты дѣлаешь дитя мое — спросилъ царь — развѣ въ комнатѣ есть чужой мущина, что ты закрываешься?

— Да — отвѣчала она — въ этой обезьянѣ я вижу царскаго сына, котораго одно чудовище превратило въ обезьяну.

— Какимъ образомъ ты узнаешь это?

— Видишь ли, отецъ, въ то время, когда я училась по твоему желанію всему, въ числѣ моихъ наставницъ была одна колдунья, которая сообщила мнѣ всѣ великія познанія свои.

Царь, чтобы удостовѣриться въ сказанномъ дочерью обратился ко мнѣ съ вопросами. Я замахалъ головою и написалъ на столѣ, что царевна безошибочно узнала совершившееся со мною.

— А не можешь ли ты, моя дорогая, обратить его въ первобытный образъ? Это былъ бы отличный для тебя мужъ, а для народа хорошій царь.

— Могу — отвѣчала молодая дѣвушка, но это потребуетъ довольно много хлопотъ. Впрочемъ я охотно займусь этимъ дѣломъ съ завтрашняго дня.

На слѣдующій день царевна, вооруженная ножомъ съ чернымъ черенкомъ и какою-то книгою приказала мнѣ слѣдовать за нею въ густую рощу, которая находилась у конца дворцовой ограды. Поставивъ меня, она очертила большой кругъ ножомъ и начала читать. По мѣрѣ чтенія ея становилось около насъ темнѣе. Вдругъ послышалось дрожаніе земли и около насъ очутилось знакомое

мнѣ чудовище. Царевна бросилась на него и однимъ взмахомъ ножа рѣзѣла на двѣ половины; но въ ту же минуту, правая половина трупа приняла видъ огромнаго скоропіона, успѣвшаго тронуть меня клешнею въ глазъ, который мгновенно вылился. Царевна вскрикнула и вновь ударила поганое животное ножомъ своимъ и сокрушила въ немъ жизнь. Тогда другая половина чудовища зашевелилась и превратилась въ страшнаго дракона, приготовившаго броситься на насъ. Однако прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ скачекъ, царская дочь всадила въ него ножъ. Отъ удара этого брызнуло во всѣ стороны какою-то жидкостію, наполнившею воздухъ не стерпимымъ зловоніемъ. „Ай—вскрикнула царевна, отскакивая назадъ—ядъ коснулся моихъ губъ! Затѣмъ дунувъ на меня, быстро убѣжала. Я превратился въ первобытный образъ и предсталъ передъ царемъ, который не могъ насмотрѣться на меня.

— А гдѣ же дочь моя? спросилъ онъ наконецъ и послалъ за нею.

Царевна пришла, но она была блѣднѣе смерти.

— Что съ тобою мое сокровище? сказалъ испуганный отецъ, подходя къ ней.

— То, что я отравлена чудовищемъ и должна скоро умереть.

— И это случилось изъ за обезьяны? вскрикнулъ царь, ломая руки—о будь ты проклятъ, лишившій меня единственнаго дитяти—заревѣлъ монархъ—вонъ сейчасъ же изъ моей столицы и царства, иначе я прикажу разорвать тебя на клочки!

Царь былъ вправѣ сдѣлать со мною все, что хотѣлъ. Понимая насколько могло бы возмутить его мое дальнѣйшее присутствіе я сейчасъ же удалился изъ царства его и, выбривъ брови, рѣшился въ образѣ дервиша искать моего отечества. Вотъ въ это время я случайно повстрѣчался на дорогѣ съ людьми одинаково одѣтыми со мною, которые предложили мнѣ присоединиться къ нимъ и привели меня въ Вавилонъ. Остальное тебѣ извѣстно.

— Спасибо за полное сознание—сказала Зондія. Ты также можешь наслаждаться жизнью. Тенерь послушаемъ третьяго дервиша.

— Я достопочтеннѣйшая госпожа—сказалъ этотъ послѣдній, выступая впередъ—съ малыхъ лѣтъ имѣлъ страсть къ морю и открытіямъ новыхъ земель. Послѣ смерти отца моего царя Касипа я лишь только принялъ престоль, отдалъ приказаніе снарядить эскадру и положился на первый разъ путешествовать по океанамъ цѣлый годъ. Множество молодыхъ людей изъявили согласіе соупростовать мнѣ. Не имѣя надобности рассказывать тебѣ подробностей, неминуемыхъ при отъѣздѣ государя въ отдаленныя и неизвѣстныя страны, я скажу только, что корабли мои были надежныя и матросы отличныя. Мы отплыли и нѣсколько мѣсяцевъ наслаждались хорошими погодями и гостепріимствомъ различныхъ народовъ. Однажды я лежалъ въ каютѣ и читалъ.

— Наконецъ передъ нами показалась земля—сказалъ вошедшій капитанъ.

Услышавъ эту пріятную новость, я вышелъ на палубу, вперилъ глаза на синѣющуюся вдали гору и сожалѣлъ, что нѣтъ вѣтра,

чтобы скорѣе добраться до берега. Вдругъ мы замѣтили, что судно наше начало издавать какіе-то звуки и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе идти впередъ.

— Чтобы это означало? заговорили матросы, не замѣчавшіе вѣтра.

Капитанъ мой также выразилъ удивленіе и, взявъ въ руки подзорную трубу, взобрался на вершину мачты. Тѣмъ временемъ судно перестало слушаться руля и летѣло съ такою быстротою, что у насъ захватывало дыханіе.

— Бѣда намъ—сказалъ капитанъ, спустившись съ мачты—мы нашли на магнитную гору, которая имѣетъ свойство притягивать къ себѣ желѣзо. Притяженіе это такъ велико, что корабли наши лишатся всѣхъ гвоздей и перевязей и распадутся какъ щепки. Я не сомнѣваюсь въ этомъ и совѣтую каждому приготовиться къ смерти.

Слова эти неприятно подѣйствовали на меня, но дѣлать было нечего. Возвратившись въ каюту я немедленно сбросилъ съ себя одежду и приготовился въ крайности плавать до изнеможенія силъ. Между тѣмъ судно наше все болѣе и болѣе стонало и приближалось къ чудовищной горѣ. Какъ вдругъ оно остановилось, затрещало, запищало и распалось по досточкамъ. Я очутился въ водѣ и началъ дѣйствовать руками и ногами. Какъ долго мнѣ пришлось бороться съ стихіею, я не могу хорошо припомнить, но только благодаря милостямъ Творца мнѣ удалось выйти на берегъ. Оглянувшись назадъ, въ надеждѣ увидѣть еще кого-нибудь спасшимся, я къ прискорбію никого не увидѣлъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я направился по тропинкѣ и вскорѣ взобрался на вершину проклятой горы. Здѣсь передъ глазами моими показался большой храмъ, надъ которымъ воздвигнута была громадныхъ размѣровъ металлическая лошадь со всадникомъ. Металлъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго желѣза. Тутъ только я понялъ, что не гора имѣла свойства губить корабли, а что эта статуя была причиною гибели моей эскадры съ матросами. Вздохнувъ тяжело, я вошелъ въ святыню и послѣ долгой усердной молитвы, легъ подъ жертвенникомъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Мнѣ приснился старый дервишъ и сказалъ: „не тоскуй ни о чемъ, а когда проснешься начни копать подъ собою землю и ты найдешь подъ каменною плитою лукъ и колчанъ съ стрѣлами. Возьми все это и выстрѣли въ магнитнаго всадника и лошадь его. Довольно имъ уже губить несчастныхъ мореходцевъ. Когда ты сокрушишь этихъ дьяволовъ, передъ тобою явится лодка съ мѣднымъ гребцомъ, ты смѣло войди въ нее и отдай себя въ полное распоряженіе этой статуи, которой будетъ приказано довести тебя до населенныхъ мѣстъ, но помни, что если ты хоть одинъ разъ произнесешь имя Божье, то лодка исчезнетъ и ты останешься безъ пособія“.

Очнувшись отъ сновидѣнія, я сейчасъ же принялся копать на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ и дѣйствительно нашелъ лукъ и стрѣлы,

съ которыми и вышелъ на дворъ. Магнитная лошадь съ всадникомъ издали какіе-то неестественные звуки и начали двигаться на пьедесталъ. Я приложился и выстрѣлилъ, но всадникъ такъ быстро пригнулся, что стрѣла пролетѣла мимо и упала въ море. Не желая дать втораго промаха, такъ какъ стрѣлъ было немного, я измѣнилъ позицію и пустилъ стрѣлу въ спину. Всадникъ завознилъ и скатился въ океанъ. При второмъ выстрѣлѣ полетѣла съ вершины горы и лошадь. Въ ту же минуту я замѣтилъ выступившую изъ воды лодку съ мѣднымъ гребцомъ и со всѣхъ ногъ побѣждалъ къ ней. Въ лодкѣ я нашелъ все необходимое для себя и, подкрѣпившись пищею, спокойно ожидалъ куда меня доставить мой автоматъ. Черезъ девять дней я внезапно увидѣлъ передъ собою землю, которая скрыта была туманомъ. Въ восторгѣ я произнесъ имя Божье, но въ ту же минуту ялиезъ съ гребцомъ исчезли подо мною и я очутился на водѣ. Къ счастью земля находилась вблизи и не предстояло большихъ трудовъ добратся до ней. Вышедъ на обширный лѣсной островъ, я сейчасъ же пустился искать слѣдовъ людскихъ, но увы нигдѣ не оказалось ихъ. Подошедъ къ противоположному берегу, я поднялъ глаза на море и замѣтилъ вдали бѣлѣющій парусъ, державшій направленіе ко мнѣ. „Ужъ не дикіе ли люди“ подумалъ я и въ видахъ предосторожности взобрался на большое тѣнистое дерево. Судно скоро бросило якорь и спустило шлюбку. Часъ спустя около меня высадилось 12-ть человекъ, между которыми былъ одинъ старикъ въ богатой одеждѣ, державшій за руку прекраснаго юношу лѣтъ 15-ти. Всѣ остальные были матросы и слуги. Вся эта группа людей, навьюченная саками и зембиями направились къ зеленой полянкѣ и, разбросивъ кучу земли скрылись подъ нею. Черезъ нѣсколько часовъ они вновь показались, но ужъ безъ прекраснаго молодаго человека, подошли къ берегу и отплыли отъ него. Затѣмъ судно повернуло и исчезло съ вида. Въ полномъ убѣжденіи, что люди эти оставили юношу умереть, я быстро сошелъ съ дерева и въ нѣсколько прыжковъ очутился на томъ мѣстѣ, куда они входили. Отбросивъ землю и вѣтки, я нашелъ желѣзную крышку, поднялъ ее и очутился въ подземельѣ, выходящемъ къ отвѣстной пещерѣ, которая была убрана довольно изысканнымъ образомъ. Здѣсь за парчевою ширмою я увидѣлъ прекраснаго юношу, притаившагося при приближеніи моемъ. Понявъ, что онъ сдѣлалъ это отъ страха, я заговорилъ съ нимъ самымъ ласковымъ голосомъ и, назвавъ себя несчастнымъ мореходцемъ, потерпѣвшимъ крушеніе, очень скоро возбудилъ въ немъ довѣріе и дружбу. Въ тотъ же вечеръ я поинтересовался узнать, за что его предали заточенію на пустынномъ островѣ? онъ отвѣчалъ:

— Видишь ли другъ мой я единственный сынъ богатѣйшаго въ мѣрѣ человека, которому, когда я родился астрологи предсказали, что я умру вскорѣ послѣ того, какъ сынъ царя Касипа уничтожить на океанѣ ужасную магнитную силу, губившую ежегодно сотни кораблей съ экипажами ихъ.—Когда же это должно слу-

читься? соросиль отецъ мой.—Тогда какъ сынъ твой достигнетъ 15-ти лѣтняго возраста. Отецъ мой улыбнулся и конечно не повѣрилъ имъ, но по мѣрѣ того какъ началъ я расти онъ все болѣе и болѣе дѣлался печальнымъ, а нѣсколько недѣль тому назадъ рѣшилъ увести меня сюда и скрыть на 40 дней подъ землею, чтобы я провела роковой часъ на необитаемомъ островѣ. По истеченіи же этого срока онъ пріѣдетъ и возьметъ меня обратно.

Заявленіе это удивило меня, но боясь назваться сыномъ Касипа, чтобы не испугать прекраснаго юноши, я предложилъ ему мою дружбу и обѣщалъ занимать его во все это время съ тѣмъ, чтобы онъ упросилъ отца увести и меня съ этого необитаемаго острова. Получивъ обѣщаніе, я конечно дѣлалъ все, что могъ для развлеченія молодаго человѣка и дни проходили очень скоро. На 39-мъ днѣ, послѣ ранняго завтрака мы прилегли на софѣ и начали восхищаться, что завтра въ такое время прибудетъ за нами корабль. Какъ вдругъ юному другу моему захотѣлось скушать засахаренной пастилы и онъ началъ просить меня отрѣзать ему кусокъ. Я поднялся, но не могъ найти ножа.—Да вотъ возьми мой кинжалъ — сказалъ товарищъ, указывая на остроконечное оружіе, висѣвшее на стѣнѣ. Я бросился доставать его, но какъ-то нечаянно уронилъ и кинжалъ, полетѣвъ сторчмя, вонзился прямо въ сердце юноши, успѣвшаго только одинъ разъ крикнуть и предать душу свою Богу. Эта неожиданная и ненамѣренная смерть ужаснула меня. Простонавъ весь день и всю ночь надъ хладнымъ трупомъ прекраснаго юноши, я на слѣдующее утро вынужденъ былъ удалиться изъ подземелья и скрыться въ отдаленной труппѣ, чтобы не подвергнуться мести отца. Засѣвъ въ расщелинѣ скалъ, я съ слезами на глазахъ увидѣлъ, какъ снова пришелъ корабль, какъ съ него сошелъ тотъ же старикъ съ слугами и съ какими воплями они возвратились вечеромъ обратно на судно, которое въ ту же минуту покинуло несчастный островъ. Оставшись снова одинокимъ, я, благодаря оставшейся провизіи въ подземельѣ, прожилъ не голодая еще 30 дней. Однажды, гуляя по берегу я замѣтилъ, что къ острову моему прилежала другая земля. Выждавъ минуту отлива, я направился къ ней и очутился въ восхитительной странѣ. Чѣмъ дальше я проходилъ, тѣмъ больше удивлялся красотѣ плодовыхъ деревьевъ. Какъ вдругъ передъ глазами моими показалось большое зданіе, передъ которымъ на мягкой травѣ сидѣло десять молодыхъ людей и одинъ старикъ. Воздавъ ихъ приличное почтеніе, я изумился, что всѣ они были съ однимъ глазомъ. Всѣ они отвѣчали мнѣ ласково и сейчасъ же пригласили къ завтраку, а потомъ начали угощать сладостями и нѣжными ликерами. Обхожденіе ихъ со мною въ тотъ же день доказало мнѣ, что эти добрые люди принимаютъ меня въ свое общество безусловно и рады будутъ если я навсегда останусь съ ними. Около полуночи я былъ пробужденъ какими-то рыданіями. Не зная кто именно страдаетъ,

я тихо подошелъ къ дверной щели и началъ смотрѣть. Вижу всѣхъ хозяева мои сидятъ на полу кружкомъ и безъ всякой очевидной причины голосятъ. Затѣмъ всѣ они вскрикнули: „да, мы видѣли, Ёли, получили и покаались!“ и потомъ, вставъ съ мѣсто своихъ, разошлись. Комедія эта продолжалась каждую ночь и до того наскучила мнѣ, что я однажды попросилъ посвятить и меня въ значеніе этой тайны.—„Хорошо—отвѣчалъ старикъ—но помни сынъ мой, что если ты не сумѣешь воздержатъ себя тамъ, гдѣ будетъ необходимо, то ты не останешься въ нашемъ обществѣ.“ Сказавъ это, онъ вручилъ мнѣ складной ножъ и приказалъ принести свѣжій тулупъ, содранный съ барана.

— Теперь, выслушай меня—продолжалъ онъ—тебя запыютъ въ этотъ тулупъ и оставятъ на полянѣ для того, чтобы обмануть орловъ, живущихъ только на одномъ островѣ въ мѣрѣ. Орлы эти не замедлятъ схватить тебя и отнести въ свою сторону, но ты не бойся выпасть изъ ихъ могущественныхъ когтей. Когда же ты почувствуешь себя на землѣ, прорѣжь свой мѣшокъ и выскочи. Въ этой странѣ ты безъ труда найдешь позолоченный дворецъ, въ которомъ каждый изъ насъ гостилъ. Объ остальномъ я не буду тебѣ говорить теперь. Если ты сумѣешь поступить такъ, какъ мы поступили, то ты возвратишься въ наше общество, а нѣтъ—мы не встрѣтимся болѣе никогда.

Молодые люди немедленно зашили меня въ кожу и перенесли въ сказанное мѣсто. Два часа спустя я почувствовалъ, что очутился въ чьихъ то сильныхъ лапахъ на воздухѣ. Какъ долго носилъ меня орелъ, я не могу сказать, но какъ только очутился на землѣ, мгновенно разрѣзавъ мѣхъ я отскочилъ отъ испуганной птицы. И дѣйствительно островъ, на которомъ я очутился оказался великолѣпнымъ. Осмотрѣвшись кругомъ, я направился по ровной тропинкѣ, въ полномъ убѣжденіи, что она приведетъ меня къ какому-нибудь жилищу. Предположеніе не обмануло меня: часъ спустя заблесталъ вдали крытый золотомъ дворецъ. Я удвоилъ шаги и скоро вошелъ въ чистый дворъ, установленный мраморными статуями. Не видя никого, я рѣшился заглянуть въ внутренность чуднаго зданія. Прошедъ болѣе 20-ти комнатъ, я внезапно очутился въ большой фонтанной залѣ, гдѣ сидѣло на софахъ 40 дѣвицъ, прелестныхъ какъ майскія розы, настолько сходныхъ между собою, что я сначала принялъ ихъ за отраженіе одной въ 40 зеркалахъ. Только что я переступилъ за порогъ, одна изъ нихъ подошла ко мнѣ и, взявъ за руку, посадила около себя.

— Да будетъ прихоть твоя отраденъ намъ! сказала она. Отнынѣ мы въ лицѣ твоёмъ будемъ имѣть господина и судью, которому отъ всей души будемъ служить.

— Да, да—подтвердили остальные. Ты нашъ повелитель и мужъ и будь увѣренъ, что женщины, искренно любящія другъ друга не станутъ ревновать тебя, если ты будешь помнить свои обязанности и не станешь воздавать предпочтенія одной.

Я обѣщалъ всѣхъ уважать въ одинаковой степени и поклялся быть честнымъ и справедливымъ судьей.

Лишь только я произнесъ эти слова, меня свели въ баню, омыли и, одѣвъ въ роскошныя одежды, посадили за столъ и начали угощать и забавлять. Затѣмъ однѣ зашѣли подъ звуки лиръ и арфъ, а другія начали танцовать. Пиръ продолжался до поздней ночи.

— Теперь пора подумать намъ и объ отдыхѣ нашего господина— сказала одна изъ красавицъ и, подавъ мнѣ руку, повела меня въ роскошную спальню.

Съ этого блаженного дня я считалъ себя счастливейшимъ человекомъ въ мѣрѣ въ продолженіи цѣлаго года. Какъ вдругъ въ одно утро собрались передо мною всѣ мои жены и объявили, что имъ предстоитъ крайняя необходимость отлучиться на неопредѣленное время по важному дѣлу.

— До возвращенія нашего— сказала одна изъ нихъ— ты будешь въ дворцѣ этомъ полнымъ хозяиномъ и найдешь все необходимое для жизни въ нашихъ подвалахъ и кладовыхъ. Пользуйся всѣмъ, но просимъ тебя исполнить одну важную заповѣдь не переступать порога той комнаты, въ которой золотая дверь.

Сказавъ это жены пожелали мнѣ всѣхъ благъ и, вышедъ на дворъ, скрылись въ отдаленной рошѣ. Первые два, три дня я занимался прогулками по острову; потомъ охотою и рыболовствомъ, но все это мало развлекало меня. Однажды отъ нечего дѣлать я началъ осматривать подробно всѣ комнаты дворца и подошелъ къ золотой двери, которая не была замкнута. Отчего же они не заперли ее—подумалъ я—если за порогомъ ея хранится ихъ тайна? Подумавъ съ минуту, я толкнулъ дверь ногою и увидѣлъ по срединѣ комнаты великолѣпнаго вороного коня, точно окаменѣвшаго. Не видя давно лошадей, я такъ обрадовался образу благороднаго животнаго, что въ забытіи вскочилъ на мраморную массу и началъ шпорить ее ногами. Вдругъ лошадь казавшаяся мнѣ мертвою, сдѣлала нѣсколько прыжковъ и, очутившись на дворѣ, выпустила изъ боковъ своихъ крылья, взмахнула ими и поднялась со мною на воздухъ. Послѣ чего она вновь спустилась на землю, взмахнула хвостомъ и я, слетѣвъ съ нея, лишился чувствъ. Пришедъ въ себя, я замѣтилъ, что остался съ однимъ только глазомъ въ странѣ совершенно неизвѣстной мнѣ.

Тогда только я понялъ значеніе приказанія моихъ прелестныхъ женъ и настоящія причины горя одноглазыхъ друзей моихъ, которые безъ сомнѣнія подобно мнѣ нарушили приказаніе владѣтельницъ золотого дворца. Скорбь моя не имѣла границъ, но такъ какъ поправить бѣды не было возможности, то нѣсколько дней спустя пришедъ въ одно селеніе, я сбрилъ себѣ брови и усы и пошелъ куда глядятъ глаза въ качествѣ дервиша. Въ этомъ образѣ я сошелся невдале отъ Вавилона съ находящимися здѣсь пріятелями, съ которыми и зашелъ въ твой домъ. Вотъ вся моя исторія.

— Спасибо за справедливый рассказ—отвѣчала Зондія—ты также получаешь право жить. Теперь мы послушаемъ этихъ мосульскихъ купцовъ.

При этомъ приказѣ поднялся министръ Харума и началъ увѣрять ее, что они обыкновенные торговцы, никогда ничего не испытывшіе и что къ сожалѣнію не могутъ сообщить ничего, кромѣ извѣстнаго уже ей.

Такой отвѣтъ очень не понравился Зондін, которая впала въ задумчивость.

Присутствующіе, замѣтивъ ея неудовольствіе и, боясь за себя, начали просить хозяйку подарить и имъ жизнь.

— Пусть будетъ по вашему—сказала она—но съ тѣмъ, чтобы вы сейчасъ же удалились съ глазъ моихъ.

Понятно, что гости бѣгомъ выскочили на улицу и прославляли Бога, что такъ легко отдѣлались отъ смерти.

Тѣмъ временемъ Харумъ, узнавши, что всѣ дервиши были царскаго рода, шепнулъ министру пригласить ихъ къ себѣ и дать все необходимое для жизни ихъ.

На слѣдующій день царю Вавилона захотѣлось пригласить къ себѣ на вечеръ Зондію съ сестрами и во чтобы ни стало узнать кто онѣ такія и что означало все, видѣнное имъ въ домѣ ихъ.

— Распорядись приготовить большой ужинъ—сказалъ повелитель великаго города своему министру—и самъ отправься за ними.

Въ назначенный часъ три сестры предстали передъ государемъ своимъ и какъ бы ничего не зная расположились за великолѣпно убранными столами. Одновременно съ ними вступили въ царскую столовую и три одноглазыхъ дервиша. Послѣ нѣсколькихъ чашекъ нектарнаго вина всѣ повеселѣли и начали шутить и смѣяться. Повончивши пиръ, Харумъ посадилъ Зондію около себя и ласково сказалъ:

— Прелестная гостя моя, не будешь ли ты въ претензін если я въ своемъ домѣ, позволю себѣ спросить у тебя, за что ты тиранила черныхъ собакъ въ присутствіи нашемъ и потомъ оплакивала свой варварскій поступокъ?

— Нѣтъ, государь, я не оскорблюсь твоимъ естественнымъ любопытствомъ и безъ малѣйшаго стѣсненія расскажу всю жизнь мою, въ полной увѣренности, что и сестры мои сдѣлаютъ тоже. Видишь ли собаки, которыхъ я тиранила, мои родныя сестры отъ однихъ родителей; находящіяся же здѣсь Серафія и Амина, рождены отъ другой матери. Послѣ смерти нашего общаго отца первыя потребовали, чтобы я выдѣлила имъ долю изъ наслѣдства и вскорѣ послѣ этого повыходили замужъ. Потерявъ ихъ изъ вида, я полюбила вторыхъ, но и онѣ нашли себѣ мужей и покинули меня. Оставшись одинокою, я начала заниматься отъ скуки шелководствомъ и въ непродолжительное время удесятирила мои средства. Тѣмъ временемъ единокровныя сестры изгнаны были мужьями своими, возвратились ко мнѣ въ изодранныхъ платьяхъ и умо-

ляли принять ихъ подъ свой кровъ. Я приняла ихъ съ радостью и по прежнему оказывала полную любовь и заботливость.

Въ одно время, когда у меня скопилось ужасное множество шелковыхъ матерій и я затруднялась сбыть ихъ на мѣстѣ, мнѣ посовѣтывали отвезти ихъ для сбыта въ отдаленные портовые города. Я послушала добрыхъ людей, купила свой корабль и, пригласивъ съ собою сестеръ, пошла съ ними въ неизвѣстныя страны. Нѣсколько недѣль спустя передъ нами показалась земля. Капитанъ, желая запастись свѣжею водою, направилъ судно къ берегу. Очутившись передъ громаднымъ городомъ, мы всѣ пожелали осмотрѣть его, но каково было удивленіе наше, когда въ городѣ этомъ оказались всѣ люди окаменѣвшими. Сестры мои и матросы побоялись вступать въ проклятый городъ, но я настолько заинтересовалась этимъ чудомъ, что смѣло направилась въ отдаленныя улицы, по сторонамъ которыхъ расположены были прекрасные магазины съ драгоценными вещами, наполненные каменными людьми, которые присматривались къ матерьямъ и другимъ предметамъ. Въ заключеніе я подошла къ блистательному дворцу и среди массы окаменѣвшихъ сановниковъ увидѣла и царя въ коронѣ, а въ слѣдующей комнатѣ и супругу его въ алмазахъ, жемчугахъ и другихъ высокоцѣнныхъ украшеніяхъ, окруженную рабынями. Тутъ же стояло ея ложе, убранное такими крупными брилліантами, какихъ мнѣ и не снилось во снѣ. Блескъ этихъ богатствъ заставилъ меня остановиться въ раздумьи. Въ эту минуту до слуха моего дошли слова изъ святой книги, ниспосланной великому пророку нашему. Я немедленно направилась въ ту сторону и, подошедъ къ молодому прекраснѣйшему человѣку, сидящему за книгою сказала: благословенъ Богъ нашъ и да услышитъ онъ твою молитву!

— Ты вѣришь въ истиннаго Бога? вскрикнулъ читающій съ удивленіемъ—кто же ты, о которой я прежде не зналъ? Неужели въ этомъ Содомѣ и Гоморѣ были кромѣ меня знающіе истиннаго Аллаха?

Я поспѣшила рассказать ему, что прибыла изъ другихъ странъ и ради удовлетворенія любопытства дошла до этого мѣста. Затѣмъ я поинтересовалась узнать причину Божьей кары.

— Присяжь около меня добрая незнакомка—сказалъ онъ—и я въ двухъ словахъ объясню тебѣ все несчастье, постигшее нашихъ жителей. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я сынъ здѣшняго султана и слѣдовательно не стану говорить неправды. Воспитанный съ малыхъ лѣтъ рабынею, которая исповѣдовала мусульманскую вѣру, я рано позналъ Бога и нерѣдко говорилъ родителямъ моимъ, чтобы они перестали поклоняться идоламъ, но меня не хотѣли слушать и довели развратъ до такой степени, что великій пророкъ проклялъ ихъ всѣхъ и превратилъ въ камни. Надѣюсь, что это объяснило передъ тобою всю тайну.

Молодой человѣкъ иоднялся съ мѣста и, взявъ меня за руку, повелъ въ свои комнаты. Пробывъ съ нимъ нѣсколько часовъ, я

предалась ему всею душою и чрезвычайно обрадовалась, когда онъ изъявилъ согласіе послѣдовать за мною и сдѣлаться моимъ мужемъ. Покончивъ этотъ разговоръ, мы вмѣстѣ пошли на пристань и приказали капитану немедленно выбросить съ корабля всѣ товары и лишнія вещи, чтобы вмѣстѣ нагрузиться золотомъ и драгоценными каменьями. Такимъ образомъ, овладѣвъ лучшими сокровищами дворца и богатѣйшихъ вельможъ, мы съѣли на судно и направились обратно въ Вавилонъ. На другой день я начала замѣчать, что сестры мои съ неудовольствіемъ посматриваютъ на меня и жениха моего и безпрестанно шепчутся съ капитаномъ и матросами. Не придавая этому особеннаго значенія, я попрежнему восхищалась неожиданнымъ счастіемъ. Какъ вдругъ ночью въ каюту мою ворвалось нѣсколько матросовъ подъ предводительствомъ сестеръ моихъ и, схвативъ меня съ женихомъ, вынесли на палубу и бросили за бортъ судна. Несчастный женихъ мой не зная плавать успѣлъ только крикнуть и сейчасъ утонулъ, но я пошла и, встрѣтивъ на водѣ кусокъ бревна, усѣлась на немъ. Когда разсвѣло, бревно подплыло къ берегу, усѣянному большими скалами и деревьями. Я поблагодарила Бога и, сошедъ на землю, легла подъ тѣнью гигантской шелковицы и заснула, какъ убитая. Проснувшись предъ вечеромъ, я поднялась, чтобы поискать плодовъ и въ это время увидѣла около себя очень длинную змѣю, которая рвалась и металась въ различныя стороны. Присмотрѣвшись получше, оказалось, что это не была одна змѣя, а что передняя бѣжала впередъ такъ какъ къ хвосту ея прицѣпилась зубами другая и силилась проглотить ее. Сцена эта не понравилась мнѣ и, поднивъ палку, я ударила по головѣ большаго змѣя, который въ ту же минуту околѣлъ. Освобожденная же скрылась въ густой чащѣ деревъ. Подкрѣпившись кое-какими травами и плодами, я вновь заснула и проснулась только на слѣдующій день около полудня. Оглянувшись вокругъ себя я увидѣла за плечами моими арапу съ двумя черными собаками на веревкахъ.

— Я давно ожидаю твоего пробужденія—сказала черная женщина и хочу тебѣ выразить мою благодарность за спасеніе отъ ужаснаго врага, преслѣдовавшаго меня всю жизнь, потому что и онъ зналъ всѣ тайны превращенія. Ты вчера спасла мнѣ жизнь, когда я въ образѣ змѣи думала спастись. Такое одолженіе я высоко цѣню и какъ только мнѣ сообщили, какъ жестоко поступили съ тобою твои неблагодарныя сестры, я сейчасъ же нагнала ихъ судно, уничтожила капитана и матросовъ и, замѣнивъ ихъ моими слугами, доставила всѣ сокровища твои въ твой домъ въ Вавилонъ, а сестеръ твоихъ, обративъ вотъ въ этихъ собакъ, доставила на привязи къ тебѣ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы ты ежедневно въ полночь давала каждой изъ нихъ сотню ударовъ. Если же ты не исполнишь этого хоть разъ, то и сама превратишься въ собаку.

Сказавъ это, она взяла меня за руку и приказала зажмурить глаза. Я исполнила требованіе ея и когда вновь открыла ихъ, то

увидѣла себя въ своемъ домѣ и около себя черныхъ собакъ. Тутъ же я нашла Серафію и Амину, покинутыхъ мужьями и пришедшихъ найти около меня утѣшеніе. Теперь вѣроятно ты поймалъ, мой повелитель, что вынуждаетъ меня тиранить этихъ несчастныхъ животныхъ, которыхъ я потомъ прижимаю къ сердцу моему и сама рыдаю отъ сожалѣнія.

Харумъ перенесъ печальные взоры на Амину.

— Я былъ-бы очень доволенъ, еслибъ и ты объяснила мнѣ, что означаютъ тѣ язвы на груди твоей, которыя мы видѣли—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Передъ тобою я не скрою, государь, несчастія моего—отвѣчала молодая женщина. Въ одно время я встрѣтила на улицѣ старушку, которая начала упрашивать меня навѣстить ея больную дочь. Я охотно послѣдовала за нею, но вмѣсто больной нашла очень красиваго молодаго человѣка, признававшагося что давно питаетъ ко мнѣ любовь и желаетъ жениться, если я изъявлю на это согласіе. Нашедъ его по сердцу, я уступила его просьбамъ и нѣсколько дней спустя мы перевѣнчались не гласнымъ образомъ.

Мужъ мой оказался добрымъ человѣкомъ, но настолько занятымъ какими-то важными дѣлами, что приходилъ домой только послѣ полуночи. Я такъ полюбила его, что никогда не позволяла себѣ лечь, пока онъ не переступитъ порога моего, а что бы сильнѣе расположить его къ себѣ, я отдавала все на наряды и украшенія. Два мѣсяца спустя послѣ нашей счастливой жизни я узнала, что одинъ купецъ привезъ великолѣпныя матеріи изъ Индіи. Набравъ полный карманъ червонцевъ, я взяла съ собою старушку кормилицу мужа и пошла къ этому купцу. Выбравъ самый лучший кусокъ матеріи, я спросила, что онъ стоитъ?—Тебѣ я отдамъ за одинъ поцѣлуй въ щеку—отвѣчалъ купецъ, а для другихъ онъ дороже будетъ стоить. Такая дерзость оскорбила меня и я собиралась уже выйти изъ лавки, но няня, видя мою грусть, начала увѣрять, что онъ ни у кого не беретъ денегъ и что всѣ охотно изъявляютъ согласіе на его дурацкое предложеніе. Я начала колебаться и поддалась обману. Кончилось тѣмъ, что я подставила щеку, но подлый человѣкъ вмѣсто того, что бы ограничиться поцѣлуемъ, укусилъ меня, какъ собака. Я бросилась бѣжать и вынуждена была завязать щеку. Ночью возвратился мой мужъ и естественно началъ спрашивать почему я завязана. Я солгала, но коварная старуха, ненавидящая меня, рассказала съ прибавленіями случившееся. Мужъ мой превратился въ кровожаднаго звѣря и, раздѣвъ меня, началъ бить безъ сожалѣнія. Когда же все тѣло мое было покрыто язвами, онъ велѣлъ смазать ихъ какимъ-то составомъ, чтобы они никогда не зажили. Затѣмъ, сдѣлавъ меня рабою своей кормилицы, вышелъ изъ этого дома и никогда болѣе не возвращался. Старуха, не смотря на ужасныя мои страданія не щадила меня, но благодаря ея смерти я возвратилась къ сестрѣ моей, которая смилостивилась

надо мною, но при всемъ желаніи мы до настоящаго времени не нашли средства излечить мои раны, которыя въ полночь начинаютъ ужасно горѣть и' заставляютъ меня вспоминать моего дорогого мужа, такъ напрасно обидѣвшаго меня.

Харумъ еще тяжелѣе вздохнулъ и обратившись къ Зоидіи спросилъ:

— Неужели ты не имѣешь возможности отыскать ту арапку, которая спасла и тебя и сокровища твои?

— Напротивъ она оставила мнѣ пучокъ волосъ своихъ съ тѣмъ, чтобы въ нуждѣ повидаться съ нею зажечь одинъ изъ нихъ—и эти волосы я всегда держу около себя.

— Дай мнѣ одну волосинку—сказалъ царь.

Зоидія повинувалась. Не успѣлъ Харумъ съечь волоса, какъ передъ ними явилась арапка. Царь посадилъ фею около себя, извинился за беспокойство и въ заключеніе началъ просить о возвращеніи черныхъ собакъ въ первобытное состояніе. Кромѣ этого онъ ходатайствовалъ за Амину.

— Пусть будетъ по твоему — отвѣчала черная женщина — собаки сегодня же обратятся въ женщинъ. Затѣмъ подошедъ къ Аминѣ, она испѣлила ее однимъ дуновеніемъ. А знаешь ли Харумъ — прибавила она, обращаясь къ царю — кто сдѣлалъ этой невинной женщинѣ такія ужасныя раны? Это твой сынъ, султанъ Эминъ! Сказавъ это, фея исчезла.

Пораженный послѣдними словами черной женщины, Харумъ сейчасъ же послалъ пригласить сына своего и подвелъ его къ Аминѣ, которая вскрикнула и упала на софу. Царь потребовалъ отъ него признанія, послѣ чего упрекнулъ въ жестокости, ничѣмъ незаслуженной прекрасною женою. Эминъ, убѣдившись въ заблужденіи своемъ, съ радостью бросился къ Аминѣ, которую не переставалъ любить и началъ просить прощенія.

Не довольствуясь этимъ, Харумъ сдѣлалъ съ своей стороны предложеніе Зоидіи, а остальныхъ трехъ сестеръ предложилъ одноглазымъ принцамъ.

На слѣдующій день при царскомъ дворцѣ начались приготовления къ большимъ празднествамъ, а затѣмъ загремѣли сотни музыкъ, возвѣщавшихъ народу начало пира.

Халима остановилась и пожелала царю покойной ночи.

На слѣдующій вечеръ Айдинъ, ложась часомъ раньше противъ положенія, спросилъ у жены: намѣрена ли она и въ эту ночь позабавить его своими разказами?

— О, повелитель мой—отвѣчала дѣвица—я не перестану во всю жизнь мою дѣлать то, что будетъ доставлять тебѣ удовольствіе.

— Да благословитъ тебя пророкъ нашъ за эти отрадныя слова! начинай же я хочу слышать твой голосъ.

Халима поцѣловала руку султана и начала говорить.

„Въ томъ же знаменитомъ Вавилонѣ проживалъ чрезвычайно богатый человѣкъ, извѣстный подъ именемъ мореплавателя—Са-

вака. Богатства его равнялись по предположенію однихъ всему государственному имуществу, а по мнѣнію другихъ превышали даже. Всѣ считали Савака за очень набожнаго, гостепріимнаго и чрезвычайно добраго человѣка на томъ основаніи, что онъ ежемѣсячно приноситъ въ честь Бога щедрое жертвоприношеніе и устраивалъ въ теченіи семи дней сытныя обѣды для всѣхъ безъ исключенія бѣдняковъ. Однажды этотъ добрый морякъ сидѣлъ у окна, выходящаго на улицу и смотрѣлъ на проходящихъ. Вдругъ приблизился къ дому его сильно нагруженный хамаль или носильщикъ тяжестей и, облокотившись громко сказалъ: о Боже, Боже, какъ Ты несправедливъ къ дюдамъ. Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ я изнемогаю подъ тяжестью ноши и не смотря на все это рѣдко бываю сытъ. А вотъ этотъ напимѣръ Савакъ живетъ въ огромномъ дворцѣ, имѣетъ сотни слугъ и не знаетъ даже счета своимъ червонцамъ. И за что ему даны такія милости, въ то время какъ другіе неутомимо работающіе не имѣютъ насущнаго пропитанія? Нѣтъ Господи Ты вѣрно очень постарѣлъ и слуги твои обманываютъ Тебя, въ противномъ случаѣ Ты былъ бы справедливей ко мнѣ“.

Рѣчь эта ужасно оскорбила Савака, полагавшаго до настоящаго времени, что всѣ жители Вавилона знаютъ, съ какими онъ трудами и жертвами приобрѣлъ свое состояніе. Подозвавъ перваго попавшагося ему на глаза слугу, онъ приказалъ ему выйти на улицу и прослѣдить за хамаломъ, чтобы узнать его жилище. Черезъ недѣлю у Савака вновь открылись ворота для насыщенія бѣдныхъ и онъ послалъ раба пригласить къ обѣду бѣднаго носильщика. Слуга, отыскавъ его на городской площади, передалъ приказаніе господина своего.—Неправда, неправда—отвѣчалъ хамаль. Ты безъ сомнѣнія пришелъ посмѣяться надо мною. Твой господинъ приглашаетъ къ себѣ только знатныхъ сановниковъ и богачей и не можетъ знать о существованіи такихъ несчастныхъ, какъ я. Оставь меня въ покоѣ, потому что я сегодня ничего не ѣлъ и вся семья моя голодаетъ. Рабъ началъ клястися и просить пожалѣть его, потому что хозяинъ можетъ разгнѣваться за неумѣніе исполнять порученія.—Ты такъ убѣдительно говоришь, что я пожалуй пойду за тобою, но съ условіемъ, что если окажется ошибка или неправда, то заплатишь мнѣ мою поденную плату.—Даю тебѣ ее впередъ—отвѣчалъ слуга и подаль ему монету.—Ну, теперъ я охотно послѣдую за тобою.

Когда онъ вошелъ въ дворъ Савака, распорядитель угощенія немедленно вышелъ на встрѣчу къ носильщику и, поздравивъ его съ приходомъ, ввелъ въ большую столовую, наполненную бѣдняками, посадилъ за столъ и приказалъ подавать кушанья. За нѣсколько минутъ до окончанія обѣда въ комнату эту вошелъ самъ Савакъ и послѣ обыкновеннаго привѣтствія подошелъ къ хамалу и, сядя около него, сказалъ:

— Другъ мой я нѣсколько дней тому назадъ случайно подслушала твой ропотъ на Бога, одарившаго меня богатствами будто

бы ни за что. Твое убѣжденіе меня ужасно оскорбило и я очень желалъ видѣть тебя не изъ простаго любопытства, а съ цѣлью рассказать тебѣ, какими тяжкими трудами и недостижимыми для другихъ самопожертвованіями я приобрѣлъ то, чѣмъ обладаю. Слушай же Хамза: послѣ смерти отца моего, который оставилъ мнѣ большое состояніе, я подобно многимъ молодымъ безумцамъ предался веселой жизни и въ два, три года спустилъ изъ рукъ большую часть моего состоянія. Видя, что, по мѣрѣ исчезновенія богатствъ моихъ, меня покидаютъ лучшіе друзья, я началъ обдумывать мою будущность и рѣшился образумиться. Отцовскіе друзья посовѣтывали мнѣ купить свое судно и сдѣлаться купцомъ. Совѣтъ этотъ мнѣ былъ по сердцу, потому что я и прежде желалъ посмотрѣть на Божій міръ вдали отъ родины. Купивъ судно и пригласивъ опытныхъ распорядителей, я нагрузилъ его товарами и пожелалъ съѣздить въ Индію. Капитанъ одобрилъ мое желаніе и мы, послѣ принесенія жертвы Богу, пустились въ океанъ. Ровно 24 дня намъ благопріятствовали погоды, но послѣ этого времени на водѣ сдѣлалась такая тишина, что судно наше точно приросло къ подводной скалѣ. Однажды проснувшись мы замѣтили недалеко небольшой зеленый островъ и такъ обрадовались, что рѣшились съѣхать на него и погулять нѣсколько часовъ. Капитанъ приказалъ набрать дровъ и провизіи, чтобы устроить обѣдъ на землѣ. Мы съѣхали. Пока матросы занимались разведеніемъ огня, я изумленный тѣмъ, что на этой землѣ растутъ вмѣсто травъ какія-то раковины пошелъ и зашелъ такъ далеко, что потерялъ изъ вида товарищей своихъ. Какъ вдругъ я почувствовалъ, что подо мною задвигалась земля и островъ началъ постепенно опускаться. Я бросился бѣжать, но увы, прежде чѣмъ удалось мнѣ сдѣлать 25 шаговъ, я очутился на водѣ и къ счастью около куска отъ разбитаго бурей корабля. Оглянувшись кругомъ, я не увидѣлъ нигдѣ моего корабля. Грустно сдѣлалось у меня на душѣ, но я не отчаялся, а началъ взывать къ Богу. Въ тотъ же день я выброшенъ былъ на какую-то землю, покрытую рослыми деревьями и заснулъ, какъ убитый. На другой день, осмотрѣвшись и подкрѣпившись дикими плодами, я взобрался на вершину горы и увидѣлъ вдали на зеленой полянѣ одну лошадь и направился къ ней, въ предположеніи повстрѣчаться съ людьми. Лошадь оказалась на арканѣ. Какъ только благородное животное замѣтило меня, заржало, вслѣдъ затѣмъ выбѣжалъ изъ пещеры обыкновенный конюхъ и, подбѣжавъ ко мнѣ, спросилъ: кто я такой и зачѣмъ пришелъ на это мѣсто? Когда я рассказалъ про свое несчастіе, онъ взялъ меня за руку и повелъ въ пещеру къ товарищамъ, которые накормили и напоили меня. Послѣ обычныхъ разговоровъ я поинтересовался узнать, кто они и зачѣмъ находятся въ этой пустынѣ? — Мы конюхи великаго султана и повелителя этого славнаго острова — отвѣчали они — и каждый годъ въ это время приводимъ сюда одну изъ царскихъ кобылицъ на свиданіе съ морскимъ жеребцомъ. Отъ нея впоследствии происходитъ за-

мѣчательный приплодъ, которому всѣ цари удивляются на томъ основаніи, что онъ плаваетъ въ водѣ съ необыкновенною быстрою и не можетъ утонуть. „Черезъ два дня я увидѣлъ собственными глазами морскаго жеребца и изумился его проворству и красотѣ.—Ну, теперь мы можемъ возвратиться домой — сказали колюхи и пригласили меня съ собою. Пришедъ въ царскій дворецъ, я вскорѣ обратилъ на себя доброе вниманіе, не только сановниковъ, но и самого падишаха, который приказалъ кормить меня, пока я найду возможность зарабатывать свой хлѣбъ. Тѣмъ временемъ нѣкоторые изъ придворныхъ, прочитавъ по книгамъ, что невдали отъ ихъ острова есть земля, гдѣ господствуетъ Деялъ и именно тотъ безсмертный царь, который подъ конецъ міра завладѣетъ всѣми государствами и городами, за исключеніемъ Мекки и Медины, — задумали снарядить на свой счетъ корабль, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности написаннаго въ книгѣ. Когда судно готово было къ отплытію, они пригласили и меня. Надѣясь по дорогѣ встрѣтить кого-либо изъ соотечественниковъ своихъ, я съ радостію послѣдовалъ за ними. Нѣсколько дней спустя передъ судномъ нашимъ показалось такое множество китовъ, что мы вынуждены были открывать себѣ дорогу, отвлекая ихъ бросаніемъ въ море мѣшковъ съ баластнымъ несомъ. Благодаря этой находчивости капитана, мы безвредно достигли до страшныхъ острововъ Деяла и сошли на одинъ изъ нихъ. Какъ вдругъ мы были оглушены такою музыкою, которая превосходила самыя сильныя раскаты грома. Боясь лишиться слуховыхъ перепонокъ, мы сейчасъ же побѣжали обратнo на корабль и благодаря хорошему вѣтру скоро удалились отъ невыносимыхъ звуковъ, но наскочили на другое ужасное зрѣлище и именно на морское чудовище, которое, схвативъ ртомъ за носъ небольшой корабль, силилось проглотить его и вѣроятно успѣло бы въ этомъ, еслибъ не мѣшали мачты и веревки. Судовой экипажъ, сгруппировавшись на кормѣ, завидя насъ, поднялъ крикъ и умолялъ спасти его отъ неминуемой гибели. Мы послѣжили къ несчастнымъ и пользуясь тѣмъ, что чудовище занято было другимъ дѣломъ, забрали къ себѣ людей и поплыли дальше. Нѣсколько дней спустя судно наше вошло въ прекрасную бухту, переполненную кораблями всѣхъ странъ. Сошедъ на пристань, я началъ спрашивать, нѣтъ ли между гостями кого-либо изъ жителей Вавилона. Вдругъ передо мною промелькнулъ капитанъ моего собственнаго судна. Я бросился за нимъ и мы обнялись, какъ родные братья. Бѣдный капитанъ, вообразивъ меня погибшимъ и, боясь погубить судно съ остальными людьми, не переставалъ оплакивать мою кончину и въ заключеніе рѣшился зайти въ этотъ портъ, чтобы распродать мои товары и отвезти деньги семьѣ моей. Матросы мои также выразили благодарность Богу, сохранившему мнѣ жизнь. На другой день мнѣ удалось распродать грузъ мой съ громадною выгодю. Накупивъ другихъ товаровъ, я возвратился на родину и здѣсь мнѣ посчастливилось заработать болѣе 100 тысячъ червонцевъ.

Такая удача могла предоставить мнѣ счастливую жизнь навсегда и я положился жить беззаботно. Такъ окончилось мое первое личное приобрѣтеніе. Завтра я расскажу тебѣ, Хамза, про второе путешествие, если ты поинтересуешься его узнать. Но чтобы не лишать тебя заработка твоего, то прими отъ меня вотъ эти сто червонцевъ. Сказавъ это, Савакъ положилъ передъ изумленнымъ хамаломъ кошелекъ съ золотыми монетами и удалился.

На слѣдующій день носильщикъ Хамза и многіе другіе бѣдняки пришли въ урочный часъ и расположились за столы. Лишь только они пообѣдали, явился Савакъ. Занявъ свое мѣсто, онъ началъ рассказъ свой такимъ образомъ:

— Я тебѣ сказалъ, что я послѣ громадныхъ заработковъ положился не предпринимать никакихъ трудовъ, но я не подумалъ о томъ, что человекъ созданъ для дѣятельности. Между тѣмъ не прошло полгода, какъ я началъ скучать и тиготиться жизнію и кончилъ тѣмъ, что купилъ другой корабль и, нагрузивъ его цѣнными произведеніями Вавилона, вновь пустился въ океанъ. Долго мы ѣхали, не видя земли, но наконецъ она показалась передъ нами. Капитанъ спросилъ у меня: не пожелаю ли я отдохнуть часа два на материкѣ. Я изъявилъ согласіе и мы пристали къ прелестному острову, который представлялъ такое разнообразіе деревъ и цвѣтовъ, что я, забывъ про корабль свой, ушелъ на далекое отъ него разстояніе и заблудился въ непроходимыхъ лѣсахъ. Только на пятый день я возвратился къ тому мѣсту, гдѣ мы высадились, но увъ корабля моего не оказалось. Слезы брызнули изъ глазъ моихъ и невольно полились съ языка проклятія на себя и негоднаго шкипера, но такъ какъ этимъ способомъ нельзя было пособить горю, то я вновь взобрался на самую высшую точку горъ и началъ осматриваться во всѣ стороны. Какъ вдругъ мнѣ показался въ отдаленіи какой-то бѣлый шаръ. „Нѣтъ ли около него людей?“ подумалъ я и направился въ ту сторону. Нѣсколько часовъ спустя я подошелъ къ громадному яйцу и прилегъ подъ орбитою его въ раздумьи. Въ это время послышался въ воздухѣ какой-то гулъ, потомъ какъ бы затмилось солнце, а въ заключеніе я увидѣлъ необъятной величины крылатое чудовище, которое размѣстилось на яйцѣ и начало растирать поверхность его лапами. Когда одна изъ ногъ этого гиганта оказалась около меня я сейчасъ же сообразилъ, что слѣдуетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и рѣшилъ привязать себя къ ней какъ можно повѣрнче. И дѣйствительно соображеніе мое не оказалось бесполезнымъ. Чудовище чрезъ нѣсколько минутъ вновь вспорхнуло на воздухъ, но къ сожалѣнію опустилось со мною въ ужасную пропасть, окаймленную со всѣхъ сторонъ отвѣстными скалами. Отвязавшись отъ него, я подползъ подъ большой камень и долго любовался, какъ оно рвало на куски и глотало громадныхъ змѣй. Насытившись, оно улетѣло, а я пошелъ ходить въ надеждѣ найти себѣ выходъ, но выхода не оказалось нигдѣ. „Ну, думаю, теперь я не миную голодной смерти“; въ этомъ убѣжденіи я присѣлъ

подъ одною скалою и началъ молиться Богу. Вдругъ вижу не-
вдали отъ меня упалъ большой кусокъ свѣжаго мяса, затѣмъ дру-
гой и третій. Что бы это означало? Присматриваюсь и нахожу, что
вся почва подъ ногами моими усыпана драгоценными каменьями.
Тогда я понялъ, что мясо это сбрасывалось съ цѣлью, чтобы къ
нему приставали драгоценности. Вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ ор-
ловъ невыразимой величины, которые съ быстротою молніи спус-
кались за этими кусками мяса и выносили ихъ на вершины горъ.
„Хорошо—подумалъ я—мы постараемся избавиться и отъ этого
рода смерти.“ Въ тотъ же день я набралъ полные карманы са-
мыхъ крупныхъ и чистыхъ алмазовъ и подошедъ къ одному изъ
оставшихся кусковъ мяса, крѣпко привязалъ его къ своей спинѣ
и легъ на видномъ мѣстѣ. Не прошло и десяти минутъ какъ я
очутился въ когтяхъ орла, который поднялъ меня на поверхность
скалы и оставилъ около гнѣзда своего. Я умолчу о томъ страхѣ,
который я чувствовалъ на виду орла и въ виду гнѣзда, изъ кото-
раго готовы были выбраться голодные птенцы. Къ счастью я ус-
пѣлъ скоро перерѣзать сарыгъ, служившій мнѣ веревкою и скрыть-
ся за сосѣднею горою. Здѣсь я наскочилъ на нѣсколько армянъ,
которые оказались добывателями драгоценныхъ камней и благо-
даря которымъ я вышелъ изъ ужасной пропасти. Они бѣжали къ
тому гнѣзду, куда вынесено было орломъ мясо, чтобы подобрать
тѣ камешки, которые пристали къ куску мяса и должны были
остаться не тронутыми. Узнавъ ихъ намѣреніе, я общалъ имъ
дать изъ своихъ крупныхъ алмазовъ, но съ тѣмъ, что бы они
дали мнѣ хоть кусокъ хлѣба. Армяне оказались опытными юве-
лирами и хорошими знаатоками своего дѣла, а поэтому не поже-
ляли взять отъ меня болѣе, какъ по одному камню, увѣряя, что
это обезпечить ихъ жизнь. Такимъ образомъ мы вступили въ ихъ
балаганъ и послѣ сытнаго обѣда приготовились въ далекій путь
къ тому портовому городу, въ который они высадились. При этомъ
переходѣ я встрѣчалъ ужасныхъ животныхъ и необыкновенныя
растенія, но всего больше меня изумляла борьба слоновъ съ но-
сорогами. Эти послѣдніе, не смотря на то, что меньше ростомъ
первымъ постоянно оказывались побѣдителями: они обыкновенно
поражали слона носовымъ рогомъ подъ животь. Изъ растеній же
я особенное вниманіе останавливалъ на камфорномъ деревѣ, ис-
пускающемъ свою смолу изъ нарѣзовъ на кожѣ. Послѣ чего оно
высыхаетъ и вмѣсто себя производитъ новые побѣги. Прошедъ
нѣсколько дней, мы благополучно достигли большаго коммерческаго
города, гдѣ, продавъ одинъ алмазъ, я выручилъ такую громад-
ную сумму, что нагрузилъ большой корабль лучшими произведе-
ніями Индіи и возвратился съ ними въ родной городъ. Это нес-
частное путешествіе принесло мнѣ нѣсколько милліоновъ. Такимъ
образомъ наградили меня пророкъ за перенесенныя мученія.

Савакъ вновь положилъ передъ Хамаломъ кошелекъ съ соотнею
червонцевъ и просилъ его прійти завтра, чтобы выслушать по-
слѣдующее затѣмъ путешествіе его.

Въ назначенное время Савакъ нашель Хамзу въ приличномъ уже нарядѣ за столомъ и, сѣвши на свое мѣсто, продолжалъ прерванный наканунѣ разговоръ слѣдующимъ образомъ:

„Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ я забылъ все, перенесенное мною, и жажда къ золоту, которымъ былъ заваленъ у меня большой чуланъ, вновь начала беспокоить меня. Какъ я не старался отстранить отъ себя эту ненасытность—ничего не могъ подѣлать и кончилъ тѣмъ, что опять купилъ свой корабль, пригласилъ опытнаго капитана и нанялъ хорошихъ матросовъ. Нагрузивъ судно лучшими произведеніями нашихъ фабрикъ, мы по обыкновенію принесли Богу жертву и пустились въ океанъ. Пользуясь попутными вѣтрами, мы подходили къ различнымъ городамъ и дѣлали выгодные размѣны. Въ заключеніе же встрѣтили ужасную бурю, которая все болѣе и болѣе усиливалась. Къ счастью судно наше было крѣпкое и не поддавалось волнамъ до того времени, пока его не высадили они цѣликомъ на островъ гигантовъ. Капитанъ, которому знакомы были понаслышкѣ обитатели этой земли, сказалъ намъ, чтобы мы вели себя скромно и не сопротивлялись волѣ ихъ. Положившись держаться его совѣту, мы высочили на берегъ и начали покорно ожидать своей участи. Гиганты, увидя нашъ корабль, бросились къ нему и поволокли его мимо насъ къ своимъ жилищамъ. „Ну, теперь мы можемъ бѣжать, сказалъ капитанъ—потому что они заняты. Понятно, что мы бросились со всѣхъ ногъ въ противоположную сторону и съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣли въ глубинѣ долины большое зданіе. Вошедъ въ обширный дворъ, мы поражены были множествомъ человѣческихъ костей и череповъ; но не видя никого, утѣшились, что это должно быть остовы давно погибшихъ моряковъ. Въ этомъ предположеніи мы рѣшились проникнуть во внутренность высочайшаго зданія и ощутились внезапно передъ ужаснымъ цицлопомъ, единственный глазъ котораго походилъ на раскаленное лошадиное копыто. Губы у него висѣли на груди, а уши выступали какъ рога. Гигантъ сейчасъ же затворилъ за нами дверь и началъ ощупывать каждого по-одиночкѣ. Покончивъ осмотръ, онъ вытащилъ капитана нашего, какъ самага жирнаго и началъ рвать его зубами. Послѣ чего прилегъ и заснулъ такимъ сномъ, отъ котораго дрожали стѣны. Тѣмъ временемъ я предложилъ матросамъ вооружиться острыми вертелами, которые валялись около чудовища и одновременно всадить ихъ въ его глазъ, чтобы ослѣпить и получить возможность бѣжать. Матросы не рѣшались, но когда я убѣдилъ ихъ, что намъ не миновать смерти, они потихонько отворили двери и согласились со мною. Всѣ мы одновременно подкрались къ гиганту и въ одно мгновеніе всадили острия желѣзныя палки въ его закрытый глазъ и сейчасъ бросились бѣжать по направленію къ берегу моря, заросшему камышемъ. Здѣсь мы принялись связывать себѣ плоты и къ утру, спустивъ ихъ на воду, начали отчаливать отъ берега. Въ это время не вдали отъ насъ показался цицлопъ, котораго вела за руку такой же величины женщина.

Приблизившись къ морю, эти ужасные люди начали бросать въ насъ громадными каменьями и не утомлялись до того времени, пока не утопили всѣхъ товарищей моихъ. Только мнѣ съ двумя товарищами посчастливилось избѣгнуть ихъ ударовъ и удалиться на такое разстояніе, что мы очутились внѣ опасности. Прогулявъ по волнамъ цѣлыя сутки, плотъ нашъ принесло къ какому-то зеленому острову. Но только что мы вышли на него и легли отдохнуть, какъ къ намъ подползла громадная змѣя и выхватила одного изъ товарищей, котораго въ одинъ разъ проглатила. Боясь подвергнуться такой же участи, мы придумали ночевать на высокомъ деревѣ, но и это не помогло: таже змѣя на слѣдующій день открыла мѣсто нашего укрывательства и лишила меня послѣдняго сотоварища. Тогда я рѣшился спуститься и засѣсть въ пещерку, входъ въ которую загородилъ каменьями и острыми волючками. Змѣя нашла меня и здѣсь; но при всемъ желаніи проникнуть въ мою нору не могла совладать съ колючками и оставила меня въ покоѣ. Прождавъ еще нѣсколько часовъ, я, не будучи въ состояніи переносить долге голода, вышелъ изъ засады и вновь направился къ берегу, гдѣ росли пальмы. Подкрѣпивши силы я началъ смотрѣть на океанъ; какъ вдругъ изъ за сосѣдняго мыса выступило судно, я завонялъ, что было силы и началъ махать руками. Замѣтивъ меня, капитанъ приказалъ спустить лодку. Вообразите же мою радость, когда я очутился на собственномъ моемъ кораблѣ, оставившемъ меня на произволь судьбы при третьемъ путешествіи. Капитанъ палъ передо мною на колѣна и увѣрилъ, что ихъ сорвало съ якоря въ темную ночь и унесло на такое разстояніе, что на другой день они не видѣли острова и начали лавировать, но противныя погоды все дальше и дальше уносили ихъ въ океанъ. „И вотъ съ того времени мы торгуемъ твоимъ товаромъ и вновь пускаемся, чтобы отыскать ту неизвѣстную землю, гдѣ оставили тебя не по своей волѣ.“ Такимъ образомъ милостивый пророкъ вновь смиловался надо мною и я, благодаря моего капитана, опять возвратился въ Вавилонъ съ огромнымъ количествомъ товаровъ, за которые выручилъ много золота. Сказавъ это, Савакъ положилъ передъ Хамзою сто червонцевъ и выразилъ желаніе увидѣть его и завтра, чтобы рассказать про пятую поѣздку свою.

На слѣдующій день, въ урочный часъ Савакъ вновь предсталъ передъ Хамзою и, пожелавъ ему пріятнаго аппетита, приказалъ подать себѣ кальянъ и началъ продолжать свой рассказъ.

— Не смотря на то, что я вынесъ изъ путешествій моихъ— говорилъ онъ—очень много ужаснаго, какая-то невидимая сила снова начала направлять мои мысли на прогулки по прекрасному Божьему міру. Бывали ночи, когда я не могъ заснуть отъ этихъ мыслей и весь день тосковалъ, самъ не зная почему. Въ заключеніе, я не вытерпѣлъ и опять купилъ хорошій корабль, который нагружилъ такими товарами, которые высоко цѣнились въ Персіи и Аравіи. На этотъ разъ, чтобы расположить къ себѣ нашего

великаго пророка, я въ пять разъ принесъ болѣе жертвъ и очень много оказалъ вспомоствованій бѣднымъ людямъ. Мы выѣхали и нѣсколько недѣль спустя бросили якорь передъ большимъ столичнымъ городомъ, гдѣ дѣла наши приняли отличный ходъ и гдѣ я находилъ ежедневно пріятныя развлеченія. Притомъ въ это время на океанѣ начались большія волненія, препятствующія плаванію. Рѣшившись выждать погоды, я переселился въ городъ, но къ несчастію черезъ два дня въ столицѣ произошелъ бунтъ противъ государя и чужестраннымъ купцамъ грозила опасность лишиться жизни и имущества. Нечего дѣлать, надо было бѣжать и довѣриться разъяренному океану. Помолившись Богу, я возвратился на судно свое и приказалъ поднять якорь. Капитанъ тяжело вздохнулъ, но согласился со мною. Мы снялись и скоро сдѣлались игрушкой сильнаго вѣтра и громаднхъ волнъ. Страхъ и мученія людей не прекращались ни днемъ, ни ночью. Какъ вдругъ мы почувствовали, что судно наше вѣзлось во что-то хрупкое и легло на бокъ. Капитанъ бросился на палубу и заявилъ мнѣ, что насъ вынесло на какой-то берегъ, который, по случаю темноты, нельзя осмотрѣть. На другой день мы увидѣли себя на большомъ островѣ, изобилующемъ финиками. Спустившись на землю и удостовѣрившись, что судно наше разпалось и не годится для плаванія, мы пошли осматривать окрестности въ предположеніи отыскать обитателей и вообще средствъ для избавленія отъ непріятнаго положенія. Прощедъ болѣе пяти часовъ, мы внезапно окружены были массою черныхъ дикихъ людей, которые, накинувшись на насъ съ дубинами, сдѣлали знакъ остановиться и сейчасъ же подѣлились нами между собою. Я съ пятью матросами достался одному мизерному человѣку, который заскрежеталъ отъ радости зубами и повелъ насъ въ свою землянку. Здѣсь насъ встрѣтили съ криками удовольствія голая женщины, оцупали тѣло, что-то пробурчали между собою и, посадивъ на землю, предложили намъ покушать какую-то сочную, жирную траву. Товарищи мои попросили и нашли ее восхитительною, но я по какому-то предчувствію не прикоснулся къ ней. И отлично сдѣлалъ, потому что товарищи мои сдѣлались пьяными и обнаружили скотское состояніе: они ѣли финики и другіе плоды въ такомъ огромномъ количествѣ, что съ каждымъ часомъ, все болѣе и болѣе полнѣли. Этого только кажется и добивались люди. Нѣсколько дней спустя хозяева зарѣзали одного изъ матросовъ, который былъ пожирнѣе и съѣли его съ наслажденіемъ. Увидѣвъ это, я началъ томиться грустью и все болѣе худѣть, женщины, предполагая, что я боленъ, предоставили мнѣ свободно ходить по окрестнымъ лѣсамъ и видя, что я ежедневно возвращаюсь къ нимъ съ собранными плодами, кажется, вообразили, что я не мечтаю о бѣгствѣ. Тѣмъ временемъ изъ 5-ти матросовъ остался въ живыхъ одинъ, но и тотъ съ потеряннмъ разсудкомъ отъ той травы, которою накормили его въ первый день неволи нашей. Обсудивъ, что послѣ смерти его дикари не по-

падають и меня, я началъ обдумывать планъ бѣгства и, проснувшись рано, по обыкновенію взялъ плетенку и пошелъ въ лѣсъ, откуда пустился бѣжать что было силы. Ровно десять дней я двигался впередъ, останавливаясь только для кратковременнаго отдыха и пріема пищи, но увы никого не встрѣчалъ, кромѣ страшныхъ звѣрей и гадовъ. Къ счастью на 12-й день я замѣтилъ вдали бѣлыхъ людей, которые собирали перецъ. Не вѣря глазамъ своимъ, я началъ просить Бога, чтобы это не причудилось только разстроенному воображенію и молитва моя была услышана, потому что меня приняли эти люди съ привѣтомъ и большимъ участіемъ, когда я рассказалъ имъ подробно о своей несчастной судьбѣ. Два, три дня спустя я началъ помогать добрымъ людямъ въ ихъ дѣлѣ и настолько заслужилъ ихъ расположенность, что они, назвавъ себя рабами царя, обѣщали мнѣ взять съ собою и представить повелителю своему. И дѣйствительно, я мѣсяць спустя былъ принятъ ихъ государемъ такъ милостиво, что онъ, поселивъ меня во дворцѣ своемъ, ежедневно приглашалъ на разговоры, интересуясь знать, какъ люди живутъ въ Вавилонѣ и чѣмъ занимаются. Надо вамъ знать, что въ царствѣ его всѣ ѣздили верхомъ, не употребляя ни узды, ни сѣдла. Это мнѣ казалось ужасно безобразнымъ и я однажды предложилъ царю обзавестись этими удобными вещами. Царь изумился и началъ просить меня показать эти вещи, такъ какъ онъ раньше не слышалъ о нихъ. Я въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ модели и, нашедъ подходящихъ мастеровъ, приказалъ приготовить узду и сѣдло по даннымъ образцамъ и, одѣвъ въ нихъ одну изъ смиренныхъ лошадей, явился передъ повелителемъ. Это такъ понравилось ему, что, признавъ меня великимъ преобразователемъ царства своего, онъ наградилъ меня чрезвычайно щедро и задумалъ оставить навсегда въ столицѣ своей. Для достиженія послѣдняго ему показалось необходимымъ женить меня. Я не могъ отказаться отъ этого предложенія и женился на прекрасной молодой дѣвушкѣ, которая принесла мнѣ много отраднаго. Однажды меня пригласили на похороны жены пріятеля моего богатаго купца. Я пошелъ и употреблялъ всѣ мѣры утѣшить вдовца, который рыдалъ и тиранилъ себя.

— Ты еще молодъ—сказалъ я въ заключеніе—и можешь найти другую красавицу.—Хорошее утѣшеніе! возразилъ онъ. Какъ же я могу это сдѣлать, если буду похороненъ живымъ одновременно съ этою женою? Слова эти изумили меня, но вслѣдъ затѣмъ я узналъ отъ другихъ, что по законамъ этой страны мужъ и жена должны быть не разлучны ни на землѣ, ни подъ землею. Мысль эта ужаснула меня, рѣшившагося жениться. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я прослѣдилъ за всею церемоніею до конца и видѣлъ какъ мой дорогой пріятель со всеміи богатствами своими опущенъ былъ въ глубокой семейный склепъ вслѣдъ за женою, но чтобы не вдругъ умереть съ голода ему опустили 7 небольшихъ хлѣбовъ и кувшинъ воды. Послѣ этихъ похоронъ я зашелъ къ царю и на-

чалъ говорить о неразумности этого варварскаго обычая. — Ты правъ — отвѣчалъ онъ — но ни я, ни предки мои не дерзали его отмѣнить, изъ боязни поднять на ноги духовенство, которое, какъ безбрачное, сильно заинтересовано имъ. — И чужіе, живущіе въ этомъ царствѣ обязаны подчиняться этому закону? спросилъ я. — Онъ обязателенъ только для тѣхъ иностранцевъ, которые женятся на мѣстныхъ женщинахъ. Послѣ этихъ словъ я началъ ужасно сожалѣть о томъ, что женился, но развестись съ женою, къ которой успѣлъ сильно привязаться, не хватило силъ. Оставалось только молить Бога, чтобы онъ хранилъ ее въ добромъ здравіи. Но такъ какъ въ жизни нашей чаще всего приходится терять то, чѣмъ больше дорожишь, то не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ дорогая подруга моя простудилась, слегла въ постель и умерла. Я былъ въ отчаяніи, однако надѣялся, что избѣгну похоронъ живымъ на томъ основаніи, что у меня въ отечествѣ была другая жена и маленькія дѣти, нуждающіяся въ моемъ покровительствѣ. Приготовивши все какъ слѣдуетъ къ похоронамъ жены, я сообщилъ во дворецъ о времени выноса тѣла. Меня извѣстили, что царь изъявилъ желаніе присутствовать при процессіи. Въ условленный часъ онъ явился и началъ утѣшать меня. Наконецъ мы подошли къ усыпальницѣ сановниковъ. Это былъ громаднѣйшій гротъ въ скалѣ съ отверстіемъ на вершинѣ, ширину и протяженіе котораго раньше не измѣряли. Опустивши въ него останки жены моей, любезные жрецы подступили ко мнѣ, но я оттолкнулъ ихъ и сказалъ, что не могу подчиниться ихъ постановленіямъ, потому что имѣю другую жену и дѣтей, нуждавшихся въ моей заботѣ.

— До этого намъ нѣтъ дѣла — отвѣчали они — ты былъ здѣсь женатъ на нашей дочери и всецѣло принадлежишь ей.

Я поднялъ посохъ, но въ это время приблизился царь и заставилъ меня смириться предъ справедливымъ требованіемъ духовенства. Всѣ просьбы и слезы мои не оказали ни малѣйшаго пособія. Варвары посадили меня на стулъ и, положивъ у ногъ семь маленькихъ хлѣбовъ съ сосудомъ воды, опустили въ естественнѣйшій колодезь и прикрыли его каменною плитою. Оставшись между мертвыми, я началъ размышлять о побѣгѣ, но увы края колодца были такъ гладки, что нельзя было установить ноги. На другой день склепъ мой снова былъ открытъ и въ него опустили мертваго мужчину и старушку съ 7 хлѣбами. Когда всѣ разошлись, я рѣшился убить старуху, чтобы завладѣть ея провизіею и продлить мою жизнь въ надеждѣ придумать что-нибудь. На третій день я рѣшился изслѣдовать длину грота, но чтобы не заблудиться, связалъ множество веревокъ, оставленныхъ здѣсь съ покойниками и пустился въ путь. Долго я шелъ ощупью, пока увидѣлъ вдаль свѣтящуюся точку. Точка эта, по мѣрѣ приближенія моего, увеличивалась и въ заключеніе явилась широкимъ отверстіемъ, выходящимъ къ морю. Обрадовавшись такому открытію, я возвратился къ покойникамъ и началъ снимать съ нихъ драгоценныя украшения, которыхъ набралъ больше пуда и сложивъ въ поло-

вину панталонъ убитой мною старухи, перенесъ ихъ къ отверстию. Затѣмъ я вынесъ хлѣбы мои и началъ дѣлать осмотръ новой мѣстности. Оказалось, что со всѣхъ сторонъ были неприсутныя скалы, которыя перешагнуть не представлялось возможности. Нечего дѣлать, пришлось ожидать помощи съ моря. Просидѣвъ день, другой и третій, я на четвертый увидѣлъ корабль, идущій мимо и сейчасъ же выставивъ флагъ началъ кричать. Капитанъ приказалъ спустить лодку и меня взяли. Подаривъ за это хозяину судна нѣсколько цѣнныхъ вещей, я расположилъ его настолько, что онъ завезъ меня въ первый портовой городъ, гдѣ я, продавъ мои богатства за огромную сумму денегъ, возвратился въ отечественный городъ и опять заклеялся не выѣзжать изъ дома. Такъ окончилось мое пятое путешествіе. Завтра я расскажу тебѣ про ^{5-й} выѣздъ мой, а теперь получи свои сто червонцевъ и не забывай, что я буду тебя ожидать къ обѣду.

Въ послѣдующій затѣмъ день Савакъ съ тѣмъ же веселымъ видомъ появился къ бѣднякамъ и началъ свой разсказъ такимъ образомъ: „Годъ спустя у меня опять явилось желаніе подышать морскимъ воздухомъ и посмотрѣть на иностранцевъ. О несчастіяхъ я не хотѣлъ думать, приписывая ихъ случайностямъ. Купивъ опять свой корабль и нагрузивъ его цѣнными товарами, мы, послѣ жертвоприношенія и усердной молитвы, отплыли и болѣе мѣсяца не приставали къ землѣ. Въ это время у насъ вышла вода и чувствовался недостатокъ въ дровахъ. Къ счастью нужда эта продолжалась недолго. Передъ нами открылся лѣсной островъ, къ которому мы приблизились и бросили якорь. Матросы, вооружившись топорами, и, набравъ около сотни пустыхъ боченковъ, сошли на берегъ. Я также послѣдовалъ за ними въ качествѣ любопытнаго. Покончивъ наше дѣло, мы отъ нечего дѣлать пошли погулять и нашли громадную скорлупу яйца, въ которомъ сидѣлъ птенецъ съ лакомымъ на видъ тѣломъ. Матросы, соскучившіе за свѣжимъ мясомъ, бросились на него перерѣзали шею и тутъ же сжарили его на вертелѣ. Завтракъ этотъ показался и мнѣ очень вкуснымъ. Послѣ чего мы возвратились на судно и пустились своею дорогою, но не прошло и часа, какъ капитанъ заявилъ мнѣ, что съ острова поднялись двѣ ужасной величины птицы, вооруженныя скалами и направляются прямо на насъ. Я посмотрѣлъ въ подзорную трубу и разсказалъ капитану о шалости матросовъ.

— Ну, прощайтесь съ жизнію — сказалъ онъ — это навѣрно отцы малютки съѣденнаго вами, извѣстные морякамъ подъ названіями рока. Отъ мести ихъ трудно избѣгнуть. Сказавъ это, капитанъ бросился къ рулю и самъ началъ управлять движеніями судна.

Тѣмъ временемъ страшныя птицы начали вращаться надъ нами и вдругъ одна изъ нихъ выпустила изъ когтей своихъ скалу, которая съ ужаснымъ шумомъ полетѣла внизъ, но благодаря ловкости шкипера упала въ море. Птица закричала и отстранилась, чтобы предоставить свободу подругѣ. Эта послѣдняя оказа-

лась разумнѣе: опустившись гораздо ниже, она такъ сильно оттолкнула отъ себя камень, что несчастный корабль нашъ моментально пошелъ ко дну. Ожидая этого, я заблаговременно раздѣлся и бросился въ воду. Къ счастью послѣ исчезновенія судна выплыла на поверхность наша лодка, въ которую я сейчасъ же забрался и, горько оплакавъ моихъ товарищей, предоставилъ себя теченію океана. Вслѣдъ затѣмъ я, томимый горемъ и изнеможенный страхомъ, заснулъ. Передъ свѣтомъ я почувствовалъ толчекъ и, очнувшись, увидѣлъ себя на берегу, окаймленномъ рослыми деревьями. Вышедъ на землю, я прежде всего позаботился о насыщеніи желудка, а затѣмъ пошелъ осматривать неизвѣстный мнѣ островъ. Прошедъ нѣсколько сотенъ шаговъ, я наткнулся на чрезвычайное множество отлично созрѣвшаго винограда и тысячи тѣхъ тыквъ, которыя употребляются у насъ вмѣсто сосудовъ. Отъ нечего дѣлать я началъ выдавливать виноградный сокъ въ эти естественные сосуды, чтобы въ минуты отчаянія подкрѣпить свои силы. Заготовивъ нѣсколько тыквъ этого отраднанаго напитка, я на слѣдующій день присѣлъ у небольшой рѣчки на отдыхъ. Какъ вдругъ замѣтилъ около себя чрезвычайно дряхлаго старичка, который дѣлалъ мнѣ знаки помочь ему перейти чрезъ воду. Не подозрѣвая въ немъ затаенной мысли, я подошелъ къ нему и предложилъ сѣсть ко мнѣ на спину. Старикъ немедленно усѣлся и такъ впился руками и ногами въ мою шею и бока, что я бѣгомъ перешолъ и остановился въ предположеніи, что онъ спустится на землю, но старикъ пришпорилъ меня и заявилъ, что отнынѣ не намѣренъ ходить своими ногами. Я попробовалъ было освободиться, но это оказалось невозможнымъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ дней не только носить этого немилосерднаго человѣка, но даже служить ему постелью. Однажды, выбившись окончательно изъ всѣхъ силъ я вспомнилъ о моемъ винѣ и, подошедъ къ нему, выпилъ больше половины тыквы. Оно оказалось превосходнымъ. Естественно, что у меня закружилась голова и я повеселѣлъ. Это не скрылось отъ старика и онъ приказалъ мнѣ подать и ему одну изъ тыквъ. Я подаль самую большую, которую онъ осушилъ съ жадностію, но часъ спустя свалился съ плечъ моихъ совершенно пьянымъ. „Ну, злодѣй—мелькнуло у меня въ головѣ—теперь я полюбуюсь твоими страданіями и, взявъ дубину, разбилъ ему черепъ въ куски. Избавившись отъ этого единственнаго врага, я вскорѣ нашелъ на островѣ этомъ множество птицъ и мелкихъ животныхъ, которыя давали мнѣ сытный обѣдъ. Мѣсяцъ спустя я принялся собирать жемчужныя раковины, гвоздшеу и мускатный орѣхъ, которые находились здѣсь въ большомъ изобиліи. Я дѣлалъ это въ надеждѣ выждать корабль и этимъ расположить къ себѣ капитана. Надежды мои не обманули меня: три мѣсяца спустя къ острову этому подошло большое судно за водою и приняло меня со всѣми моими товарами, которые я продалъ въ первомъ портовомъ городѣ и выручилъ такую громадную сумму денегъ, что съ тру-

домъ доставилъ въ свой городъ. Такимъ образомъ, по милости пророка, я и на этотъ разъ былъ щедро вознагражденъ за перенесенныя испытанія.

— Да будетъ благословенъ нашъ пророкъ во вѣки вѣковъ! произнесъ хамаль.

— Завтра я расскажу тебѣ про 6-е путешествіе мое—сказалъ Савакъ, но чтобы ты не считалъ себя недовольнымъ, прими и сегодня сто червонцевъ.

Сказавъ это, богачъ поднялся съ мѣста и удалился въ свои комнаты.

На слѣдующій день Савакъ вновь явился передъ гостями своими и продолжалъ прерванный рассказъ слѣдующими словами:

„Вы навѣрно удивитесь, друзья мои, что и послѣ всего испытаннаго мною я не могъ ужиться въ мирномъ и счастливомъ положеніи своемъ. Но не удивляйтесь этому, потому что молодость любить бури и приключенія, которыя по минованіи опасности кажутся приятными. Въ этихъ мечтахъ я предпринялъ 6-е путешествіе, но съ тѣмъ, что если и на этотъ разъ подвергнусь несчастію, то заклянусь не выѣзжать болѣе изъ дома. Опять я купилъ корабль, нанялъ опытныхъ людей и, нагрузивъ его товарами, пустился въ океанъ, но на этотъ разъ насъ сейчасъ же начала трепать непогода и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Въ заключеніе капитанъ и матросы, выбившись изъ силъ, отдались на произволъ теченія. Какъ вдругъ ночью мы ударились о что-то твердое и выбѣжали на палубу. Не смотря на темноту ночи шкиперъ понялъ, что передъ нами скала или подводный рифъ. И дѣйствительно, на другой день мы увидѣли себя въ скалахъ съ пробитымъ носомъ корабля. Дѣлать было нечего: капитанъ распорядился перевести насъ на землю съ тѣми немногими остатками провизіи, которые уцѣлѣли у насъ. Островъ оказался безлюднымъ и безъ всякой растительности. Видя, что положеніе наше представляетъ много бѣдствій, я приказалъ раздѣлить между нами всю провизію по равной части, чтобы каждый имѣлъ возможность заботиться о себѣ и поступать по личному желанію. Двѣ недѣли спустя, провизія окончилась у всѣхъ моихъ товарищей и они начали болѣть и умирать, но я, знающій по опыту, какъ надо жить въ подобныхъ случаяхъ, имѣлъ запасъ еще на двѣ недѣли. Разлучившись со всѣми товарищами моими, я въ одно время началъ обходить и подробно изучать печальный островъ. Вдругъ подхожу къ довольно широкой и чрезвычайно быстрой рѣкѣ, которая вливалась въ естественный тоннель скалы и нахожу на окраинахъ ея ужасное множество крупныхъ сапфировъ, рубиновъ и другаго рода драгоценныхъ камней. Подумавъ нѣсколько минутъ, я рѣшилъ въ умѣ, что рѣка эта должна вытекать куда нибудь, если же нѣтъ, то развѣ не все равно умирать при солнечномъ сіяніи или во мракѣ подземелья.

Съ этою мыслию я положился сколотить себѣ изъ остатковъ корабля моего маленькій плотъ, сѣсть на него и поплыть по те-

ченію рѣки. Не теряя дорогаго времени, я принялся за дѣло и, въ теченіи перваго дня устроилъ довольно большой ящикъ, наложилъ его лучшими драгоценными камнями, помолился Богу и пустился въ мрачное подземелье. Во многихъ мѣстахъ, мнѣ приходилось наталкиваться на большіе выступы, а въ иныхъ прилегать, чтобы не разбить головы, но суденце мое все таки двигалось впередъ въ ужасномъ мракѣ. Сколько дней и ночей я плылъ, единому Аллаху извѣстно. Между тѣмъ провізія моя кончилась и я началъ чувствовать крайнее изнеможеніе, которое дошло до того, что теряя по временамъ сознаніе, я чувствовалъ приближеніе смерти. Въ концѣ концовъ я совсѣмъ лишился чувствъ, но когда открылись мои глаза, меня поразили свѣтъ солнца и говоръ людей.

Собравшись съ послѣдними силами, я завопилъ: „дайте мнѣ ради Бога кусокъ хлѣба“. Одинъ изъ черныхъ людей поспѣшилъ подать мнѣ какую-то жидкость, которую я проглотилъ и затѣмъ приложилъ къ губамъ хлѣбный мякишъ. Нѣсколько минутъ спустя эти добрые люди перенесли меня въ свой балаганъ и такъ заботливо относились, что я совершенно пришелъ въ себя и рассказалъ имъ все постигшее меня. Въ доказательство я указалъ имъ на драгоценные камни, которые лежали передо мною. Рассказъ мой повидимому показался имъ интереснымъ, потому что они рѣшились представить къ царю своему и на другой день привезли въ столицу Сиремвія. Представленный въ блистательный дворецъ, я принятъ былъ монархомъ этой земли очень ласково и послѣ рассказа, который онъ приказалъ секретарю своему записать золотыми буквами, я поднесъ ему лучшіе экземпляры сапфировъ и рубиновъ, но царь ограничился только просмотромъ ихъ воды и возвратилъ мнѣ обратно. По окончаніи аудіенціи онъ отдалъ приказаніе отвести въ мое распоряженіе нѣсколько комнатъ въ апартаментахъ дворца своего и доставлять мнѣ все необходимое для жизни и развлечения. Пользуясь такою благосклонностію, я прежде всего пожелалъ осмотрѣть все его царство и чрезвычайно изумился богатствамъ этого острова, доставляющаго народонаселенію все необходимое и все высоко цѣнившееся въ нашихъ странахъ. Царь очень часто приглашалъ меня къ своему столу и интересовался Вавилономъ, о которомъ очень многое слышалъ отъ купцовъ, но всего болѣе разспрашивалъ объ образѣ жизни моего повелителя. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я узналъ, что къ городу этому прибылъ большой корабль, идущій въ Индію. При этомъ извѣстїи сердце мое сильно затрепетало и я предсталъ передъ повелителемъ Сиремвіи съ просьбою отпустить меня въ отечество.—Очень хорошо—отвѣчалъ онъ, но только съ однимъ условіемъ—я поручу тебѣ письмо съ подарками, которое ты передашь твоему государю отъ моего имени и скажешь ему, что я полюбилъ его по твоимъ рассказамъ. Это порученіе обрадовало меня и въ тотъ же день я договорился съ капитаномъ отходящаго судна. Два дня спустя меня пригласили

во дворецъ и начали читать вслухъ письмо, приготовленное къ владыкѣ Вавилонскаго царства, Харуму. Сколько мнѣ помнится оно начиналось такъ: Великій царь Сиремвіи, владѣтель 10 тысячъ слоновъ, 20 тысячъ золотыхъ коронъ, усыпанныхъ крупными алмазами, множествомъ драгоценнаго оружія и дворца, превышающаго стоимостію дворцы всѣхъ земныхъ монарховъ, желаетъ тебѣ здравія и тысячи тысячъ лѣтъ. При чемъ въ знакъ своего уваженія и любви посылаетъ тебѣ на память въ даръ 1) большую чашу изъ цѣльнаго рубина, наполненную до краевъ крупными жемчужинами, 2) кожу съ змѣи съ настоящей золотою чешуею, имѣющую свойство излечивать отъ всѣхъ болѣзней, 3) сосудъ съ такими ароматами, какихъ ни у кого не было еще и 4) дѣвицу красавицу, какихъ не видѣли еще смертные люди“.

Послѣ прочтенія и подписи письма всѣ эти вещи сложили въ ящикъ изъ слоновой кости и подали мнѣ съ мѣшочкомъ червонцевъ на путевыя издержки. Я взялъ за руку прелестную дѣвушку и въ тотъ же день судно наше, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, распустило паруса. Черезъ полтора мѣсяца я былъ дома и считалъ себя счастливымъ, смертнымъ въ семьѣ жены и дѣтей, которые взяли съ меня слова не выѣзжать болѣе изъ города.

На третій день я представился къ царю Харуму и, передавъ ему письмо отъ Сиремвійскаго царя, поднесъ и подарки.

Султанъ, прочитавъ письмо, не вѣрилъ глазамъ, чтобы такими богатствами владѣли цари острововъ.

— Неужели все это справедливо? спросилъ онъ, осматривая всякую вещицу.

— Я не могу передать тебѣ, султанъ,—отвѣчалъ я—того, что видѣлъ, но для тебя понятно будетъ, если я скажу что на золотой кровлѣ его дворца вставлено 24 тысячи крупныхъ рубиновъ и что онъ такъ уважаемъ своимъ народомъ, что считаетъ совершенно ненужнымъ имѣть судей.

— Блаженъ такой народъ и блаженъ такой монархъ на землѣ! отвѣчалъ Харумъ, отпуская меня съ наградою, такъ точно какъ и я отпускаю тебя сегодня.

На слѣдующій день Савакъ вновь предсталъ предъ хамаломъ.

— Я сказалъ тебѣ вчера, что даль слово семьѣ не выѣзжать болѣе изъ дома; но видно сужденаго не переименовать челоуѣку. Султанъ Харумъ, послѣ полученія подарковъ, нашелъ необходимымъ и въ свою очередь отправить дары повелителю Сиремвіи царства котораго ни одинъ изъ министровъ никогда не видѣлъ и не зналъ, гдѣ оно находится. „Тебѣ придется отправить съ этимъ порученіемъ того же Савака—рѣшили они и падишахъ потребовать меня. Я ужаснулся и началъ рассказывать ему о постигавшихъ меня несчастіяхъ при отлучкѣ изъ дома.—Все это вздоръ въ сравненіи съ обязанностію подданнаго для чести и славы государства—отвѣчалъ Харумъ и приказалъ быть готовымъ къ немедленному выѣзду. Дѣлать было нечего. На другой день мнѣ подали лошадь и я вынужденъ былъ ѣхать до перваго при-

морскаго берега, куда наканунѣ отправлены были предназначенные подарки состоящіе изъ 60 паръ шелковыхъ, золотыхъ и киевскихъ нарядовъ, безчетнаго множества ковровъ, 10 львовъ, 10 тигровъ, 10 жеребцовъ, обезьянъ и карлика-шута съ крошечною лошадкою. Все это было нагружено на хорошій корабль и мы выступили въ море. На этотъ разъ я безъ всякихъ приключеній достигъ до Сиремви и совсѣми представителями Харуму представленъ былъ къ доброму царю. Онъ принялъ меня, какъ давняго друга, и чрезвычайно восхищался дарами моего повелителя. Попировавъ нѣсколько дней, мы откланялись государю и пустились въ обратный путь. Всѣ были счастливы полученными наградами.

Первая недѣля нашего плаванія прошла счастливо, но вслѣдъ затѣмъ насъ нагнало громадное судно съ корсарамн или морскими разбойниками, которые, перебивъ большую часть изъ судового экипажа, остальныхъ насъ плѣнили и, доставивъ въ первый портовой городъ, продали въ неволю. Доставшись одному старику, торговцу слоновою костью, я былъ спрошенъ имъ: знакомъ ли я съ какимъ-нибудь ремесломъ. Я отвѣчалъ, что былъ купцомъ.—А умѣешь ли ты владѣть лукомъ? Это была моя страсть съ дѣтства—сказалъ я. Старикъ удостовѣрившись, что я хорошо стрѣляю въ цѣль, повелъ меня въ лѣсъ и, приказавъ взобраться на высокое дерево, сказалъ: каждое утро мимо тебя будетъ проходить стадо слоновъ и ты долженъ убить одного, чтобы утѣшить меня вечеромъ, когда я принесу тебѣ свѣжую пищу. Въ первый же день мнѣ посчастливилось угодить моему господину. На другой день таже удача. Словомъ я никогда не выпускалъ напрасно стрѣлы. Въ одно утро у ногъ моихъ показалось такое обширное стадо огромныхъ и страшно разъяренныхъ слоновъ, что я отъ страха какъ-то нечаянно выронилъ изъ рукъ оружіе мое. Слоны, растоптавъ его ногами, всѣ вцѣпились хоботами въ дерево и, пригнувъ его къ землѣ, подхватили меня и бѣгомъ понесли за отдаленныя горы. Когда они оставили меня и ушли, я увидѣлъ передъ собою огромную поляну или вѣрнѣе кладбище, усыпанное милліонами слоновыхъ клыковъ, ради которыхъ мы поражали этихъ животныхъ. Тогда только я понялъ значеніе моего переноса и цѣль добрыхъ слоновъ. Возвратившись домой, я немедленно разсказалъ хозяину о случившемся со мною и повелъ его къ мѣсту неисчерпаемаго богатства. Хозяинъ мой до того обрадовался этой находкѣ, что, давъ мнѣ полную свободу, сначала сдѣлалъ своимъ пайщикомъ, а потомъ усыновилъ.

Съ этого дня мы каждую ночь привозили въ магазины свои по десяти вьюковъ клыковъ и, когда перевезли самые лучшіе, продали ихъ на нѣсколько милліоновъ червонцевъ. Но, увы, бѣдному старику не долго пришлось любоваться своими кучами золота и онъ умеръ, оставивъ меня единственнымъ наследникомъ своего богатства. Тогда я купилъ вновь свое судно и перенесши все золото на него, возвратился благополучно въ семью мою. Султанъ Харумъ съ сожалѣніемъ выслушалъ отчетъ о моей мисси и

хотѣлъ было наградить меня, но я не имѣлъ надобности пользоваться его милостями, такъ точно и ты отнынѣ я надѣюсь не будешь болѣе заниматься переносомъ тяжестей. Скажавъ это, Савакъ положилъ передъ халаломъ кучку червонцевъ и громко произнесъ: теперь я увѣренъ, что ты и многіе другіе узнаютъ, что богатства мои достались мнѣ не такъ легко, какъ казалось“.

Халима остановилась.

— Благодарю тебя, моя дорогая жена,—сказалъ Айдинъ съ сіяющею улыбкою. Неужели ты будешь въ состояніи и завтра придумать еще—что нибудь для восхищенія меня.

Халима улыбнулась и на другой день, лишь только султанъ открылъ глаза, она начала разсказъ свой такимъ образомъ:

Казмарійскимъ царствомъ управлялъ доблестный Тогуль, у котораго была дочь Варуха, считавшаяся чудомъ красоты. И дѣйствительно съ ея прелестными глазами, черными какъ бархатъ, съ ея щеками, розовыми какъ бутоны сентифоліи, ни одна дѣвица не могла равняться. Это была такая ослѣпительная красота, которая могла равняться только блеску солнечныхъ лучей въ ясный лѣтній день. Принцесса эта имѣла страсть къ верховой ѣздѣ и отецъ вынужденъ былъ позволить ей это развлеченіе ежедневно подъ прикрытіемъ сотни кавалеристовъ, на обязанности которыхъ лежалъ долгъ не допускать приближенія къ ней изумленныхъ ея прелестями. Сначала молодые люди соблюдали порядокъ почтенія, но впоследствии, влюбившись до самозабвенія, они нарочно лѣзли подъ копыта лошади Варухи, чтобы умереть подъ однимъ ея взглядомъ. Такіе подвиги все болѣе и болѣе увеличивались числомъ и когда освѣдомился объ этомъ Тогуль, онъ рѣшилъ, что дочь его не должна болѣе показываться на улицахъ. Варуха плакала нѣсколько дней, но нашедъ себѣ другія развлеченія, успокоилась и по прежнему по цѣлымъ днямъ пѣла и рѣзвилась, какъ райская птичка въ великолѣпныхъ чертогахъ нѣжныхъ родителей.

Въ одну ночь Варухѣ приснилось, что будто большой олень попалъ въ тенета, изъ которыхъ никакимъ образомъ не могъ освободиться. „Охъ—сказалъ онъ—еслибъ жена моя догадалась, что я попалъ въ бѣду! Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ выскочила изъ лѣсной чащи оленица и въ два прыжка очутилась около мужа.“ Бѣдзяжка, ты попалъ въ сѣти? вскрикнула она и начала работать надъ освобожденіемъ друга. Когда трудъ ея увѣнчался успѣхомъ, олень отскочилъ отъ нея и, закинувъ рога на спину, умчался какъ вѣтеръ. Оленица долго смотрѣла ему въ слѣдъ, но потомъ опустила голову и, тяжело вздохнувъ, произнесла: какіе бываютъ неблагодарные мужья. Ну, стойтъ ли послѣ этого выходить за нихъ замужъ и считать друзьями! Нѣтъ, если у меня будетъ дочь, я заставлю ее поклясться отказываться отъ мужей.“

Проснувшись, красавица начала размышлять въ предположеніи, что такое сновидѣніе не можетъ причудиться безъ цѣли и рѣ-

пила на томъ, что самъ Богъ желаетъ предупредить ея союзъ съ мущиною, которые ей и прежде казались не особенно благодарными женамъ.

— Это навѣрно такъ—сказала она—и я ни за что не рѣшусь выходить замужъ. Рѣшеніе это крѣпло съ каждымъ днемъ.

Тѣмъ временемъ слухи о небывалой красотѣ дочери Казмарійскаго царя распространились по всей вселенной и наслѣдники престоловъ начали являться къ нему съ предложеніями. Царь былъ въ восторгѣ отъ такой чести, но Варуха и слышать не хотѣла о замужествѣ. Тогуль въ концѣ концовъ ужаснулся и приказалъ позвать къ себѣ няню и кормилицу Варухи, которая постоянно находилась съ нею и знала всѣ ея мысли.

— Скажи мнѣ пожалуйста—сказалъ онъ, обращаясь къ старухѣ—какія могутъ быть причины у дочери моей, что она отказывается отъ бракосочетанія съ выгодными искателями ея руки?

Няня не нашла нужнымъ скрывать дѣйствительной причины и рассказала царю сновидѣніе Варухи.

— Что же намъ дѣлать, чтобы изгнать изъ головы ея это заблужденіе?

— Ты самъ ничего не подѣлаешь съ нею—отвѣчала старуха—но если предоставишь мнѣ, то я исцѣлю ее отъ этой странной фантазіи.

Царь подумалъ нѣсколько минутъ и предоставилъ ей полную свободу дѣйствія.

Надо знать, что прелестная Варуха имѣла привычку ежедневно принимать въ банѣ холодныя ванны, послѣ которыхъ ложилась на мягкую софу и требовала отъ одной изъ прислужницъ рассказать ей сказку или какое-нибудь событіе изъ минувшихъ временъ. Пользуясь этимъ обыкновеніемъ, няня въ тотъ же день вызвалась сопровождать царевну въ баню и заявила ей о желаніи позабавить своими рассказами. Варуха сейчасъ же положила къ ней на колѣна голову и начала слушать.

„Милая моя—начала старуха—тебѣ уже извѣстно, что калифъ Гарунъ-аль-рашидъ былъ одинъ изъ величайшихъ земныхъ влестителей; но къ сожалѣнію у него, какъ и у всѣхъ людей былъ большой недостатокъ считать себя лучше и достойнѣе другихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды въ дружеской бесѣдѣ съ любимымъ министромъ Яфаромъ онъ чрезвычайно много сказалъ о своихъ дѣяніяхъ. На этотъ разъ терпѣливый визирь не стерпѣлъ и отвѣтилъ:

— Государь, у тебя зародилась нехорошая привычка хвалить самого себя,—не лучше ли еслибъ ты заставлялъ хвалить тебя другихъ?

— Какъ—вскрикнулъ онъ съ негодованіемъ—неужели подь дуною найдется царь богаче и добрѣе меня?

— Ты ошибаешься, я знаю въ Бастрѣ одного простаго смертнаго, который и богаче, и добрѣе, и благороднѣе тебя. Его зо-

вуть просто Абдуль и знаютъ всё, начиная отъ дѣтей до твоего намѣстника.

— Слова эти возмутили калифа и онъ приказалъ бросить дерзкаго министра въ темницу.

За обѣдненнымъ столомъ царь разсказалъ женѣ своей о перенесенной обидѣ и наказаніи, которому подвергнулъ дерзкаго Яфара.

— Ты несправедливо поступилъ съ министромъ своимъ—отвѣтила ему жена. Кто знаетъ, можетъ быть, въ вассальномъ ханствѣ твоёмъ дѣйствительно живетъ такой человѣкъ, который превосходитъ тебя во всѣхъ или нѣкоторыхъ отношеніяхъ? Въ этомъ предварительно надо лично убѣдиться и затѣмъ уже казнить лжеца или виновнаго.

Гарунъ созналъ, что дѣйствовалъ несправедливо и въ тотъ же вечеръ рѣшился проникнуть въ Бастру въ качествѣ простаго путешественника съ тѣмъ, чтобы лично провѣрить слова министра, который никогда не позволялъ себѣ говорить предъ нимъ неправды.

„Быть не можетъ, твердилъ онъ—чтобы простой человѣкъ былъ богаче меня, считавшагося первымъ богачемъ въ мірѣ. Этого уже достаточно для обвиненія Яфара въ умышленномъ намѣреніи оскорбить своего повелителя. Впрочемъ я скоро увѣрюсь въ этомъ.

На слѣдующій день Гарунъ въ платьѣ купца выѣхалъ изъ столицы своей, а недѣлю спустя былъ уже въ Бастрѣ и, остановившись на постояломъ дворѣ, пригласилъ хозяина.

— Живетъ ли въ вашемъ городѣ нѣкто Абдуль, котораго нѣкоторые считаютъ богаче, добрѣе и благороднѣе самого калифа Гаруна-аль-рашида?

— Да — отвѣчалъ содержатель двора. Неужели ты сомнѣвался въ этомъ?

— Чѣмъ же онъ доказалъ такія преимущества?

— Ну, это такой вопросъ, на который я не могъ бы отвѣтить даже и тогда, когда владѣлъ бы тысячью языками. Добродѣтели этого человѣка такъ же безчислены, какъ звѣзды на небѣ, какъ пески въ пустыняхъ Шама.

Калифъ поблѣднѣлъ, но на другой день рѣшился лично побывать у этого необыкновеннаго человѣка. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Когда Абдулу сообщили, что къ дверямъ его дворца явился неизвѣстный человѣкъ и жаждетъ говорить съ нимъ, онъ въ ту же минуту самъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу съ распростертыми руками и со всевозможными знаками почтенія ввелъ въ роскошную пріемную. Посадивъ гостя на парчевую подушку, убранную крупными жемчужинами, хозяинъ сталъ предъ нимъ на колѣни и чрезвычайно нѣжнымъ голосомъ спросилъ: кто онъ и откуда привелъ его Богъ? Гарунъ отвѣчалъ: я купецъ изъ Египта и хочу проникнуть въ Индію, чтобы тамъ испытать счастье мое. Абдуль хлопнулъ въ ладоши и 12 лакеевъ съ разнородными шербатами въ золотыхъ сосудахъ явились предъ гостемъ. Вслѣдъ за ними

показались 12-ть другихъ съ вареньями, потомъ съ плодами и ликерамп. Хозяинъ своеручно служилъ гостю.

— Теперь, если вамъ будетъ угодно—сказаль Абдуль—я охотно провожу васъ по моимъ комнатамъ, гдѣ есть кое-какія рѣдкости.

Гарунъ послѣдовалъ за нимъ. Въ послѣдующей комнатѣ калифъ долженъ былъ остановиться предъ огромнымъ перламутровымъ столомъ, установленнымъ великолѣпными фарфоровыми вазами, наполненными лучшими лакомствами міра. Одна изъ этихъ вазъ чрезвычайно понравилась Гаруну, но только что онъ началъ удивляться ея конструкции и прелестной отдѣлкѣ, Абдуль увлекъ его въ слѣдующую комнату, гдѣ музыканты и пѣвцы изумили его своимъ искусствомъ и голосами. Калифъ не успѣлъ выразить своего изумленія, какъ онъ очутился въ слѣдующей комнатѣ. Здѣсь по срединѣ стола стояло дерево, составленное изъ разноцвѣтныхъ дорогихъ камней, на верхней вѣточкѣ котораго сидѣла вертящаяся алмазная птичка, выпускающая изъ ротика ароматическую струю. Гарунъ вскрикнулъ отъ удовольствія, но его опять увели. Въ пятой комнатѣ калифу подали въ сапфирной рюмбѣ нектаръ такого очаровательнаго вкуса, что царь вновь посмотрѣлъ въ рюмку и нашель ее опять полною.

— Мнѣ кажется—сказаль онъ—я выпилъ изъ нея все, но она опять полна.

— Этотъ бокаль имѣеть такое свойство—отвѣчалъ Абдуль и приказаль унести его.

Калифъ введенъ былъ въ слѣдующую комнату, гдѣ стояла молодая дѣвушка такой красоты, какую не встрѣтишь и между пери. Гарунъ опьянѣлъ отъ восхищенія, но сейчасъ же былъ удаленъ. Это такъ оскорбило калифа, что онъ отказался отъ дальнѣйшаго любопытства подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ дѣлъ. Абдуль выпроводилъ гостя своего съ такими же почестями, какъ и принималъ.

— Ну, Яфаръ,—подумаль калифъ, очутившись на улицѣ—и ты дерзнулъ увѣрять меня, что этотъ невѣжа Абдуль благодаритъ меня! хорошее благородство не дозволить мнѣ даже разсмотрѣть тѣ вещи, которыя показались интересными. Государь отъ негодованія пошелъ гулять по городу съ намѣреніемъ сейчасъ же возвратиться домой и казнить министра, заставившаго его предпринять такое утомительное путешествіе. Два часа спустя онъ вернулся на постоялый дворъ и хотѣлъ войти въ свою комнату, но ему отвѣтилъ содержатель, что по приказанію Абдула, онъ переведенъ въ лучшее отдѣленіе гостинницы. Гарунъ выразилъ неудовольствіе, но послѣдовалъ за проводникомъ. Новое помѣщеніе оказалось въ бархатѣ, парчѣ, атласѣ, шелкѣ и пушистыхъ коврахъ. Въ слѣдующей комнатѣ онъ встрѣтилъ на столѣ понравившуюся ему фарфоровую вазу, дерево изъ разноцвѣтныхъ камней съ алмазною птичкою, сапфирный бокаль, музыкантовъ съ пѣвцами и очаровавшую его дѣвушку.

— Это что значитъ? спросилъ Гарунъ-Аль-Рашидъ.

— Все это съ нами вмѣстѣ прислано вамъ въ подарокъ отъ нашего господина—отвѣчала красавица.

Калифъ задумался.

— Мой министръ правъ—сказалъ онъ про себя. Я никогда не сдѣлалъ бы такихъ подарковъ даже коронованнымъ особамъ. Но неужели онъ обладаетъ такими безчисленными богатствами, что можетъ одарить всѣхъ посѣтителей такими драгоценностями? Не узналъ ли онъ во мнѣ калифа и сдѣлалъ исключеніе? Ну, нѣтъ, я не ограничусь этимъ и постараюсь узнать количество его богатства.

Въ этомъ желаніи онъ вторично пошелъ къ Абдулу и началъ просить его взять обратно дорогіе подарки, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ его состоянію.

— Твое требованіе оскорбляетъ меня до глубины души—отвѣчалъ Абдуль и я могу думать, что чѣмъ-либо не угодилъ тебѣ.

— Ты сдѣлалъ для меня столько, сколько сдѣлалъ бы своему государю, а такъ какъ я простой купецъ, знающій однако цѣну товарамъ, то мнѣ кажется не совсѣмъ разумнымъ пользоваться твоею щедростію, которая скоро доведетъ тебя до крайней бѣдности.

Абдуль улыбнулся и, взявъ за руку посѣтителя своего, сказалъ:

— Братъ мой, я вижу что ты благороднѣйшій и разсудительный человѣкъ. Если ты не откажешься отъ моихъ подарковъ, то и я не откажусь посвятить тебя въ нѣкоторыя подробности моей жизни и средствъ, дающихъ мнѣ возможность не щадить мои безчисленные богатства.

Гарунъ поневолѣ долженъ былъ согласиться.

— Вотъ моя исторія жизни: отецъ мой жилъ въ Египтѣ въ качествѣ ювелира и обладалъ посредственнымъ состояніемъ. Кто-то посоветывалъ ему переѣхать сюда; увѣривъ, что онъ удесятитъ свое состояніе. Советъ не обманулъ насъ и дѣйствительно отецъ въ непродолжительномъ времени сдѣлался зажиточнымъ хозяиномъ. Проводя жизнь свою въ развѣздахъ, онъ никогда не думалъ приучить меня къ какому-нибудь занятію и ремеслу. Вотъ почему я послѣ смерти его началъ заботиться только объ удовольствіяхъ и, конечно, состояніе, оставленное имъ, очень скоро потрачено было мною на разныя глупости. Видя, что приближается бѣдность, я рѣшился бросить Бастру, гдѣ ожидали меня насмѣшки и презрѣніе знакомыхъ. Но куда дѣваться? думалъ, думалъ и положился уѣхать въ Египетъ, гдѣ родился и гдѣ отецъ мой выучился своему ремеслу. Прибывъ въ Александрію, я первые дни исключительно посвятилъ осмотру всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя были мнѣ памяты. „Къ чему отецъ мой покидалъ такой прекрасный городъ? думалъ я—и не замѣтилъ, какъ очутился передъ великолѣпнымъ дворцомъ, воздвигнутымъ надъ Ниломъ. Дворецъ этотъ очаровалъ меня; но очарованіе мое дошло до потери разсудка, когда у открытаго окна я замѣтилъ молодую женщину райской красоты. Красавица осмотрѣла меня съ ногъ до

головы улыбнулась и скрылась. На другой день я вновь явился передъ дворцомъ и вновь встрѣтилъ очаровательную женщину, но на этотъ разъ она начала требовать, чтобы я удалился, потому что это считается въ Египтѣ большимъ преступленіемъ.— Если тебя увидятъ, смотрящимъ на меня—сказала она—то признаютъ или сумашедшимъ или посягавшимъ на достояніе могущественнаго царя. Не приходи же сюда въ другой разъ, если дорожишь своею головою и свободою. Съ этими словами она скрылась; меня же начала трусить лихорадка. Пролезавъ до поздняго вечера на берегу рѣки, я возвратился домой съ окончательно разстроеннымъ мозгомъ. На послѣдующій день я опять подошелъ къ дворцу.—Ты опять здѣсь? вскрикнула красавица—о, несчастный, клянусь аллахомъ, тебя сегодня обезглавятъ и отдадутъ твои останки крокодиламъ.—Чтожь дѣлать—отвѣчала я—для несчастныхъ самое лучшее утѣшеніе есть смерть. Пусть меня растерзаютъ, пусть разбьютъ на миллионы частицъ, но ты не лишиай меня до этого времени счастья любоваться твоими прелестями. Отвѣтъ мой изумилъ прелестную женщину. Осмотрѣвшись назадъ, она сказала мнѣ: „приходи сегодня вечеромъ подъ это окно, я спущу шелковую лѣстницу и мы поговоримъ наединѣ“. Фраза эта такъ оживила мои силы, что я бѣгомъ скрылся за уголь, изъ боязни, чтобы не прослѣдили за мною и не помѣшали предстоящему блаженству. Проспавъ до захода солнца, я надѣлъ лучшую мою одежду и, выждавъ, пока улица опустѣла, направился къ дворцу. Изъ окна дѣйствительно спадала до самой земли тонкая, но крѣпкая лѣстница. Я уцѣпился за нее и быстрѣе обезьяны вскарабкался на верхъ. Молодая женщина взяла меня за руку и провела въ отдаленную комнату, гдѣ посадивъ около себя, сказала: „сегодня я не ожидаю моего повелителя и слѣдовательно не боюсь провести время въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, полюбившимъ меня съ перваго взгляда. Расскажи мнѣ, дружокъ, кто ты и какимъ образомъ попалъ въ Александрію? Твой нарядъ свидѣтельствуешь, что ты чужестранецъ. Я не заставилъ ее повторять вопроса и самымъ подробнымъ образомъ все рассказалъ. Красавица вздохнула и, положивъ свою нѣжную руку ко мнѣ на плечо, сказала: „теперь моя очередь познакомить тебя со мною: я именуюсь Дарданеною и родилась въ Дамаскѣ. Отецъ мой нѣкогда пользовался большими почестями за различныя услуги, оказанныя государству, но все это не воспрепятствовало овдовѣвшей матери моей продать меня въ гаремъ повелителя Египта, чтобы самой убѣжать съ человѣкомъ, который умѣлъ увлечь ее. Въ гаремѣ я долго оставалась безъ вниманія, но однажды, когда по требованію государя, всѣ дѣвушки должны были пройти мимо его, онъ, увидѣвъ меня, вскрикнулъ: „вотъ дѣвица, какую я давно искалъ! и тутъ же обратившись къ внуку приказалъ перевести меня въ этотъ дворецъ и доставить въ мое распоряженіе всѣ дозволенные женщинамъ удовольствія. Въ тотъ же вечеръ падишахъ оказалъ мнѣ много милостей и ласки. Милости его и теперь продол-

жаются, но я не чувствую къ нему никакой расположенности и просто гибну отъ тоски и все это происходитъ отъ того, что этотъ человѣкъ не потрудился вызвать у меня этого святаго чувства, а дѣйствовалъ по праву сильнаго. Ты же мой другъ, полюбилъ меня больше своей жизни. Вотъ такого мнѣ нужно мужа! Скажешь это, она приняла меня въ свои пламенные объятія.

Но въ это время раздался ударъ въ затворенныя двери. Несчастная Дарданена затрепетала и не зная, куда спрятать меня, заметалась, какъ полоумная. Я также растерялся и подлѣзъ подъ софу, откуда конечно вытащили меня сейчасъ же.

Передъ нами стоялъ самъ царь, съ евнухами и смотрительницею гарема. — Слыханная ли дерзость, чтобы такой ничтожный человѣкъ замѣнялъ у этой скверной женщины повелителя Египта? вскрикнувъ государь, скрежеща зубами и вынимая саблю изъ ноженъ.

— О, господинъ нашъ—завопила старуха—да не осквернится рука твоя кровью этихъ поганыхъ преступниковъ. Прикажи выбросить ихъ изъ этого окна въ Нилъ на сѣдненіе чудовищъ.

— Пусть будетъ по твоему. Гей, сейчасъ же вышвырнуть ихъ головою внизъ! приказалъ царь и сверкнувъ глазами, вышелъ.

Естественно, что приказаніе его было тотчасъ исполнено и я вылетѣлъ изъ окна, опомнившись въ то время, когда какая-то неестественная сила подняла меня на поверхность воды и я, пользуясь темнотою началъ плыть, пока попалъ на плывущее бревно и, взобравшись на него, отдался предопредѣленію своему. Къ свѣту бревно стукнулось у берега и я немедленно ни минуты бросился бѣжать. Цѣлый мѣсяцъ я боялся погони, но наконецъ, узнавши, что очутился въ чрезвычайно отдаленномъ разстояніи отъ Александріи, успокоился и началъ идти съ отдыхомъ. Прощель еще мѣсяцъ. Вотъ однажды передъ вечеромъ, прошедъ болѣе обыкновеннаго, я расположился ночевать въ пещерѣ, предъ которою былъ неглубокій колодезь. Часъ спустя мнѣ послышались какіе-то глухіе стоны и затѣмъ быстрое удаленіе верховаго отъ колодца. „Чтобы это означало? подумалъ я и рѣшился осмотрѣть мѣсто, гдѣ возился таинственный человѣкъ. Колодезь оказался закрытымъ большимъ мѣшкомъ и въ немъ слышались тихіе, предсмертные звуки.

Я не замедлил спуститься въ колодезь и безъ затрудненія вытянулъ изъ него женщину, которую снесъ въ свою пещеру и, разложивъ огонь, началъ осматривать. Несчастная была ранена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но раны не представляли ничего опаснаго. Не долго думая я снялъ съ себя рубаху и сдѣлалъ перевязку. Черезъ нѣкоторое время страдальца попросила воды и тяжело вздохнувъ начала боязливо оглядываться. „Гдѣ я? спросила она тихимъ голосомъ — о ради Бога спаси меня отъ этого негодяя!—Разбойникъ бѣжалъ—отвѣчалъ я—ты теперь находишься подъ присмотромъ хорошаго человѣка, который не покинетъ тебя.—Онъ вѣрно думалъ, что убилъ меня окончательно. О сбе-

реги мою жизнь и вѣрь, что я сѣумѣю оцѣнить твои услуги. На слѣдующій день больная моя очнулась и я, посадивъ ее на спину, снесъ въ ближайшій городъ, поразившій меня великолѣпиемъ и обширностію домовъ и нанялъ по требованію ея большую квартиру. Хозяевамъ я объявилъ, что мы пострадали отъ разбойниковъ, но такъ какъ знаемъ со всѣми первостепенными купцами, то сегодня же будемъ имѣть столько денегъ, сколько пожелаемъ. Все это я говорилъ подъ диктовку спасенной мною случайно неизвѣстной женщины. И дѣйствительно въ тотъ же день по запискѣ ея къ какому-то господину, именуемому Маяромъ я получилъ тысячу червонцевъ и приобрѣлъ не только все желаемое ею, но и самъ преобразился въ богатаго купца.

Черезъ нѣсколько дней, когда молодая женщина значительно оправилась, я просилъ ее отпустить меня. „О, ради Бога не покидай меня на жертву злыхъ людей — сказала она — до того времени, пока я окончательно не оправлюсь и не отыщу себѣ защитниковъ. Эти просьбы такъ были искренны, что я не осмѣлился противорѣчить. Прошелъ еще мѣсяцъ. Разъ я сидѣлъ въ глубокомъ размышленіи, думая о прелестной Дарданенѣ. Какъ вдругъ вышла ко мнѣ совершенно оправившаяся Сигалія и, вручая мнѣ кошелекъ набитый червонцами, приказала отыскать въ городѣ молодаго купца по имени Магарана и купить у него безъ торга самыхъ лучшихъ матерій на всѣ деньги. Я исполнилъ ея требованіе буквально. На третій день Сигалія опять дала мнѣ кошелекъ и послала къ тому же Магарану за покупками. На этотъ разъ молодой необыкновенно красивый купецъ, изъ желанія расположить меня убѣдительно просилъ, чтобы я пожаловалъ къ нему на обѣдъ. „Иди, непременно иди — отвѣчала Сигалія, но чтобы не быть ему обязаннымъ, попроси и его въ свою очередь на ужинъ, который я постараюсь сдѣлать получше царскаго“. Не подозрѣвая во всемъ этомъ никакой преступной цѣли я, пообедавши у гостепріимнаго купца, не иначе разлучился съ нимъ, какъ взявши слово, что завтрашній вечеръ онъ попируетъ въ моемъ домѣ. Въ условное время Магаранъ пришелъ и мы немедленно сѣли вдвоемъ за ужинъ. Кушанья дѣйствительно оказались восхитительными, но напитки вдвое пріятнѣе.

Гость мой глоталъ ихъ съ наслажденіемъ и когда настало время идти домой, то онъ видя, что ноги не служатъ ему вынужденъ былъ остаться у меня на ночлегъ. Уложивъ его какъ слѣдуетъ, я ушелъ въ свою комнату и беззаботно заснулъ.

Вдругъ кто-то началъ меня раскачивать за плечо. Открываю глаза и слышу голосъ Сигаліи.

— Вѣги скорѣй къ твоему гостю, онъ плаваетъ въ крови своей!

Въ мигъ я очутился около убитаго жестокимъ образомъ Магарана и нашедъ около него кинжалъ Сигалія я не сомнѣвался болѣе въ ея преступленіи. — Что это ты сдѣлала несчастная? вскрикнулъ я — онъ былъ моимъ гостемъ и подъ твоею кровлею!

— Я сдѣлала то, что и онъ сдѣлалъ со мной — отвѣчала молодая женщина. Теперь я поневолѣ должна разказать тебѣ, кто я. Я дочь здѣшняго царя, а этотъ несчастный Магаранъ былъ моимъ любимцемъ, котораго я обожала до потери разсудка и въ концѣ концовъ слегла въ постель отъ любви. Няня моя, узнавъ причину моей болѣзни, пожалѣла меня и ради спасенія меня отъ чухотки рѣшилась одѣть этого человѣка въ женское платье и подъ видомъ сестры каждый вечеръ приводила въ мою комнату. Я оправилась совершенно, но до того привязалась къ нему, что если онъ запаздывалъ, то я приходила въ отчаяніе. Однажды Магаранъ не явился ко мнѣ два дня. Въ предположеніи, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе, я рѣшилась сама навѣстить его. У калитки дома его мнѣ сказали, что онъ совершенно здоровъ и пируетъ съ молодою женщиною. При этихъ словахъ кровь хлынула мнѣ въ голову и рука опустилась въ карманъ, гдѣ лежалъ мой маленькій кинжалъ. Въ два прыжка я очутилась передъ обманщикомъ, но вмѣсто виновнаго, поразила невинную женщину, которая вѣроятно подобно мнѣ повѣрила негодному человѣку.

Покончивши съ нею, я подступила къ Магарану и залилась горькими слезами. Но злодѣй представился такимъ святымъ человѣкомъ, такъ умѣлъ обворожить меня ласками, что я начала расказывать въ поступкѣ и съ горя выпила большую кружку сладкаго вина, которое подалъ мнѣ Магаранъ вмѣсто воды. Опьянѣвъ, я повалилась на софу и едва болтала языкомъ. Кинжалъ лежалъ у ногъ моихъ. Вдругъ Магаранъ схватилъ его и накинудся на меня. Что было дальше, я не помню. Когда же нѣсколько очнулась отъ прохлады, то очутилась въ пещерѣ предъ огнемъ. Изъ этого ты поймешь, что заставило меня убить твоего пріятеля. Теперь я покрайней мѣрѣ свободно могу возвратиться въ отцовскій домъ и жить какъ прежде. Спасибо тебѣ за все, Абдуль. Я увѣрена, что отецъ мой не пожалѣетъ ничего тому, кто спасъ его любимую дочь отъ смерти. Мы завтра же переселимся въ дворецъ. — Нѣтъ — отвѣчалъ я — ты до того изумила меня своею местию, что я отказываюсь отъ всѣхъ земныхъ благъ. Сказавъ это, я вышелъ на улицу и направился за городъ. Когда разсвѣло, меня нагналъ караванъ, идущій въ Багдадъ. „Отчего бы и мнѣ не идти въ этотъ славный городъ? подумалъ я и присоединился къ купцамъ. Путешествіе наше длилось около двухъ недѣль. Въ Багдадѣ я началъ отъ нечего дѣлать торговать цвѣтами, которые охотно покупались въ публичныхъ заведеніяхъ. Однажды я вошелъ въ одну изъ лучшихъ кофейнъ и, поставивъ по обыкновенію на столы букеты, хотѣлъ присѣсть около хаведжи-башіа, *) но въ это время одинъ изъ пожилыхъ эфендіевъ сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти къ нему. Я повиновался. — Скажи мнѣ дружockъ — заговорилъ онъ — отчего тебѣ никогда не приходитъ

* Такъ називается варящій кофе.

въ голову предложить и мнѣ твои цвѣты, которые я очень люблю? вмѣсто отвѣта я поставилъ предъ нимъ большой букетъ изъ розъ и гвоздикъ. Старикъ начался упиваться ихъ запахомъ и всунулъ мнѣ въ руку полный кошелекъ золотыхъ монетъ. На слѣдующій день, вознаградивъ меня такимъ же образомъ, онъ посадилъ около себя и началъ разспрашивать кто я, гдѣ родился и кто были мои родители? Я удовлетворилъ его требованія.— Ну, не напрасно же я интересовался тобою—отвѣчалъ онъ—потому что мы росли съ твоимъ отцомъ и были неразлучными друзьями. Послушай, Абдуль, я очень богатъ, но одинокъ, не пожелаешь ли ты сдѣлаться моимъ сыномъ?— Не только сыномъ—вскрикнулъ я—но даже рабомъ не откажусь служить у друга моего отца.—Такъ идемъ же домой—сказалъ онъ, взявши меня, какъ мальчика, за руку. Въ тотъ же день я былъ одѣтъ, какъ царевичъ и не могъ насладиться своимъ счастьемъ. Вскорѣ мы такъ привязались другъ къ другу, что не могли разлучаться даже на короткое время. Три года спустя мой благодѣтель началъ болѣть и въ заключеніе слегъ въ постель. Я не отходилъ отъ его ложа и употреблялъ всѣ средства облегчать его страданія.

Но такъ какъ ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ, то и благодѣтелю моему настало время распрощаться съ міромъ. Призвавъ меня къ изголовью своему, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: возлюбленный сынъ мой, я скоро умру и поэтому хочу заблаговременно завѣщать тебѣ все то, что унаслѣдовалъ у отца. Мои богатства не имѣютъ счета, всѣ ювелиры міра и всѣ казначеи не сочтутъ ихъ въ теченіи всей жизни. Изъ этого ты заключишь, что ни ты, ни твои наслѣдники не издержатъ и половины состоянія моего, если разумѣется будете расходовать не въ безцестіе свое. Потрудись же не спать сегодня, потому что я хочу свести тебя въ мои погреба такъ, чтобы никто изъ прислуги не подмѣтилъ хода къ нимъ. Въ полночь я помогъ старику подняться съ постели и мы проникли въ подземелья, о существованіи которыхъ я не имѣлъ раньше понятія. Удивленію моему не было предѣла. Недѣлю спустя умеръ старикъ, котораго я похоронилъ съ такою пышностію, какой едвали видѣли смертныя люди.

Это обстоятельство заинтересовало начальника города и онъ рѣшился узнать, откуда я досталъ столько золота на раздачу бѣднымъ? Жадный паша до того приставалъ ко мнѣ, что я вынужденъ былъ предложить и ему въ даръ отъ благодѣтеля моего большую сумму. Вслѣдъ за нимъ потребовалъ меня министръ, пожелавшій также узнать мои средства и заявившій, что я вѣроятно нашелъ большой кладъ, принадлежавшій царю. Не зная какъ избѣгнуть его могущественныхъ сѣтей, я объявилъ, что унаслѣдовалъ такое состояніе, что могу и на его долю отпустить ежемѣсячно по тысячѣ червонцевъ. Министръ потребовалъ уплатить ихъ за годъ вперед и когда я удовлетворилъ его, оставилъ меня въ покоѣ. Но не прошло и недѣли, какъ меня потребовали

въ царю, который въ свою очередь потребовалъ отъ меня отвѣта, гдѣ я взялъ такія богатства и гдѣ они хранятся.—Выслушавъ его, я отвѣчалъ: ты царь и властенъ меня казнить за всякій несправедливый поступокъ, но такъ какъ я ни у кого не украдъ моихъ средствъ, то вопросъ этотъ ставить меня въ затруднительное положеніе. Я не могу открыть тебѣ ничего и никакая пытка не принудитъ меня къ сознанію. Но я одно могу предложить повелителю моему то, что ежедневно буду вносить въ казну его по тысячѣ червонцевъ, если онъ мнѣ предоставитъ свободу. Естественно, что царь довольствовался такою податью и благосклонно отпустилъ меня домой. Ну, что значать послѣ всего этого тѣ ничтожные дары, которые я предложилъ тебѣ?

Калифъ не спускалъ съ Абдула глазъ.—Нѣтъ другъ мой—отвѣчалъ онъ—при всемъ желаніи моемъ повѣрить въ несмѣтность твоихъ богатствъ я не могу этого допустить, пока не увижу своими глазами.

— Пожалуй я и въ этомъ не откажу тебѣ, но съ условіемъ, что ты дойдешь до подземелій моихъ съ завязанными глазами и въ такомъ же видѣ выйдешь изъ нихъ.

Въ полночь Абдуль набросилъ на глаза гостя особеннаго рода вапишонъ и, взявъ его за руку, привелъ въ громадный подвалъ, вырубленный въ скалѣ. Калифъ ужаснулся блеску золота, которое казалось, какъ бы не тронутымъ еще.

— Дѣйствительно твоихъ червонцевъ не перечестъ — сказалъ онъ — но все же, если ежедневно брать по тысячамъ, то они исчезнутъ изъ твоихъ рукъ.

— Тогда я перейду къ слѣдующему подземелью, въ которомъ гораздо больше; если же и оно окончится, тогда мнѣ придется перейти къ драгоценнымъ камнямъ, но едвали это можетъ случиться, потому что праотцы моего благодѣтеля не издержали въ теченіи трехъ столѣтій и миллионной доли изъ своихъ запасовъ. Калифъ пожелалъ осмотрѣть отдѣленіе съ дорогими камнями. Абдуль охотно ввелъ его туда и поставилъ около двухъ золотыхъ гробовъ, въ которыхъ покоились мирнымъ сномъ останки царя и царицы въ сіяющихъ коронахъ. Надъ первымъ была выставлена надпись слѣдующаго содержанія: „Я былъ самый сильнѣйшій монархъ въ мірѣ и съ большими заботами скопилъ міровыя сокровища въ предположеніи, что меня не постигнетъ смерть. Пусть же тотъ, кто наследуетъ моими богатствами помнить, что смерть не различаетъ людей и что богатства только тогда пріятны, когда умѣешь пріобрѣтать на нихъ искреннихъ друзей“.

— Согласно этому завѣщанію и я дѣйствовалъ въ теченіе моей жизни—сказалъ Абдуль. Я не тратилъ ничего на дурныя дѣла, но ничего не жалѣлъ для друзей.

— И ты вѣроятно очень счастливъ? спросилъ калифъ.

— Да, я былъ бы вполне счастливъ, еслибъ Богу угодно было сохранить для меня прелестную Дарданену, которую я до настоящаго времени не могу забыть.

Послѣ всего видѣннаго и слышаннаго калифъ, вполнѣ убѣжденный въ справедливости Яфара, поспѣшилъ возвратиться домой и немедленно отдать приказаніе освободить изъ темницы своего люимца.

Тѣмъ временемъ въ Бастрѣ и второму царскому министру слышшему за жестокаго человѣка захотѣлось узнать, какъ велики богатства Абдула и гдѣ они хранятся. Не смѣя дѣйствовать властью онъ возмечталъ достигнуть хитростью. Вотъ онъ призываетъ дочь свою молодую красавицу и приказываетъ ей идти къ Абдулу и, не щадя себя, во что бы ни стало, добиться его довѣрія. Дѣвушка умоляетъ отца смилостивиться надъ нею. Несчастная въ это время была влюблена въ прекраснаго Али и ждала съ нетерпѣніемъ его предложенія.—Безъ всякихъ слезъ—вскрикнулъ визирь — потому что я долженъ добиться своего желанія—и онъ грубо оттолкнулъ дочь свою Малку. Дѣвушка вынуждена была идти къ холостому человѣку въ такое время, когда никого нельзя было встрѣтить на улицахъ. Абдуль съ изумленіемъ встрѣтилъ красавицу и посадивъ ее около себя, началъ заботливо спрашивать о причинѣ, вынудившей ее посѣтить его въ такой поздній часъ ночи.—Я просто пришла посмотреть на тебя и поужинать съ тобою — отвѣчала Малка дребезжавшимъ голосомъ.—Ну этого нельзя прочесть въ твоихъ честныхъ глазахъ—отвѣчалъ онъ.—Ты правъ! вскрикнула дѣвушка и слезы ручьями полились изъ ея глазъ. Успокоившись немного, она рассказала ему всю правду.—Благодарю тебя за сознаніе—сказалъ хозяинъ—прошу тебя не скорбѣть болѣе. Я удовлетворю и твоего отца и одарю тебя. Угостивъ гостью всѣмъ, что было у него лучшаго, Абдуль въ полночь завязалъ глаза у Малки и свелъ ее въ подземелья.

— Вотъ мои богатства, осмотри ихъ подробно и передай отцу все, что видѣла, но не забудь прибавить, что входа сюда никогда никто не узнаетъ.

Малка долго не вѣрила глазамъ своимъ и очнулась только тогда, когда Абдуль, навѣсивъ ей на шею ожерелье изъ драгоценныхъ камней, сказалъ:

— Пусть этотъ ничтожный подарокъ убѣдитъ отца твоего, что ты исполняла его приказаніе. Сказавъ это, онъ вторично накинулъ на глаза ея завязку и самъ проводилъ до отцовскаго дома.

Во все это время Гуранъ-аль-Рашидъ думалъ чѣмъ бы вознаградить Абдула, но не придумавъ самъ ничего, позвалъ на совѣтъ Яфара.

— По моему—отвѣчалъ министръ—такому человѣку только не достаетъ царской власти. Ты не дурно сдѣлаешь калифъ, если сгонишь съ трона Бастры теперешняго вассала твоего, который грабитъ честныхъ и трудолюбивыхъ людей и возведешь на мѣсто его добродѣтельнаго Абдула.

— Да будетъ по твоему—отвѣчалъ калифъ—напиши сейчасъ же указы и пошли съ гонцами.

Какъ только указы эти прибыли въ Бастру, всѣ министры

явились къ царю съ заявленіемъ сожалѣнія. Только одинъ изъ нихъ и именно отецъ Малки хранилъ зловѣщее молчаніе. Оставшись наединѣ съ царемъ, онъ сказалъ:

— Эфенди, это будетъ не простительно, если надъ нами восторжествуетъ неизвѣстный бродяга, подкупившій министровъ великаго калифа. Я не допущу этого и увѣренъ, если мы уничтожимъ Абдула, то ты по прежнему будешь царствовать.

— Это намъ слѣдовало бы сдѣлать раньше—отвѣчалъ царь.

— Я сдѣлаю это и теперь. Не станеть же калифъ ѣздить сюда самъ для разслѣдованія дѣла, а съ визирями легко сладить, не жалѣя подарковъ. Предоставь только мнѣ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, я съумѣю повести дѣло.

Царь изъявилъ полное согласіе въ видахъ собственнаго интереса. Злостный министръ въ тотъ же вечеръ, положивъ въ карманъ усыпительный порошокъ, отправился къ Абдулу на обѣдъ и успѣлъ выпить его въ чашу хозяина въ то время, когда онъ отдавалъ приказанія слугѣ принести какіе то особенные шербеты. Не подозрѣвая ничего, Абдулъ, вставши изъ за стола, покачнулся и бездыханнымъ упалъ на руки преданныхъ слугъ. Министръ, выразилъ крайнее соболѣзнованіе и убѣдилъ всѣхъ, что Абдулъ умеръ отъ разрыва сердца. А такъ какъ на востокѣ принято погребать въ тотъ же день, то онъ предложилъ для добродѣтельнаго человѣка подготовленный имъ раньше для себя склепъ. Слуги не смѣли возражать и несчастный Абдулъ на слѣдующее утро снесенъ былъ въ чужой склепъ, который своеручно замкнулъ убійца его. Весь городъ проливалъ горькія слезы о преждевременно погибшемъ благодѣтелѣ, но никому не приходило въ голову, что онъ долженъ очнуться чрезъ 24 часа и окончательно умереть, если къ нему не подоспѣютъ на помощь друзья. Въ полночь злой министръ, взявъ съ собою двухъ сильныхъ рабовъ, вошелъ въ склепъ Абдула, прорѣзалъ саванъ и, брызнувъ ему въ лицо какою-то жидкостью, началъ допрашивать плѣнника своего, гдѣ хранятся его сокровища? Изумленный Абдулъ, не понимая какимъ образомъ онъ могъ очутиться въ склепѣ, началъ тереть глаза.—Тебѣ не вѣрится—сказалъ улыбаясь визирь—что я перенесъ тебя изъ твоего дворца въ это жалкое подземелье. Но да будетъ тебѣ извѣстно, что я сдѣлалъ это съ цѣлью заставить тебя указать мнѣ входъ въ тѣ погребя, куда входила дочь моя. Если же ты станешь упорствовать, то я вынужденъ буду прибѣгнуть къ насилію и пыткамъ.—Благодарю тебя, высокостепенный эфенди—отвѣчалъ Абдулъ—за твое похвальное дѣйствіе, но я не изъ тѣхъ, которые боятся пытокъ. Мучь меня сколько хочешь; но то, что я поклялся сберечь, то сберегу съ честью.—И ты смѣешь мнѣ отвѣчать такимъ образомъ? вскрикнулъ алчный сановникъ и сдѣлалъ знакъ рабамъ прибѣгнуть къ кнутамъ. Но сколько ни били невиннаго, онъ хранилъ молчаніе до тѣхъ поръ, пока лишился снова чувствъ.—Довольно ему на первый разъ—сказалъ министр—завтра придумаемъ другаго рода угощеніе.

Возвратившись домой, министр предложил царю послать нарочнаго къ калифу съ извѣщеніемъ о внезапной смерти Абдула, происшедшей будто бы отъ радости за пожалованіе его короною. Курьеръ полетѣлъ въ тотъ же часъ.

Тѣмъ временемъ Малка, узнавъ отъ одного изъ рабовъ, куда и зачѣмъ они ходили ночью, не замедлила сообщить происшедшее жениху своему Алію.

— Человѣкъ, который не посягнулъ на твою честь и наградилъ тебя дорогимъ подаркомъ, долженъ быть спасеннымъ мною— отвѣчалъ Али. Но чтобы достигнуть этого, ты должна хоть на одинъ часъ украсть ключъ у отца твоего отъ сѣлепа его узника.

Малка не замедлила вручить ему ключъ. Молодой человѣкъ вскочилъ на коня и помчался на кладбище. Не теряя ни минуты онъ отомкнулъ желѣзныя двери и сказавъ, кто онъ и кѣмъ посланъ, потребовалъ отъ Абдула, какъ можно скорѣе бѣжать.

— О, мнѣ не вѣрится даже — произнесъ Абдуль—чтобы у такого злаго отца была такая благородная дочь! Но передай ты ей и самъ не забывай, что я не остаюсь въ долгу предъ добрыми людьми. Сказавъ это, Абдуль облачился въ привезенный Аліемъ нарядъ и, вскочивъ на его коня, поскакалъ по направленію въ Багдадъ въ убѣжденіи, что тамъ удобнѣе скрыться отъ злаго министра.

Пока Абдуль ѣхалъ, посланный изъ Бастры привезъ Гуранъ-аль-Рашиду извѣстіе о смерти его. Калифъ потребовалъ Яфара и спросилъ у него, насколько можно вѣрить такому извѣщенію?

— Это ложь—отвѣчалъ министр—Абдуль не изъ тѣхъ людей, которые доискивались власти и слѣдовательно не могутъ почувствовать особенной радости. Мое мнѣніе таково: царь вѣроятно посадилъ этого человѣка въ темницу, а тебя извѣстилъ о смерти его въ предположеніи, остаться по прежнему на престолѣ. Намъ необходимо теперь же послать сильный отрядъ войска, чтобы захватить царя Бастры со всѣми министрами и во чтобы ни стало заставить ихъ сознаться. Въ противномъ случаѣ Абдуль умретъ голодною смертию.

— Твое мнѣніе справедливо. Распорядись же самъ, какъ знаешь, но только спаси мнѣ Абдула и доставь случай расквитаться съ нимъ.

Яфаръ, не теряя дорогаго времени, послалъ въ Бастру два полка конницы съ строгимъ приказаніемъ арестовать кедифа со всѣми министрами, а вслѣдъ за ними и самъ поѣхалъ.

Тѣмъ временемъ Абдуль прибылъ въ Багдадъ и остановился въ караванъ сараѣ. Ему хотѣлось отыскать кого-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы представиться къ калифу, но какъ на зло никого не встрѣчалъ. Такъ прошло нѣсколько дней. Абдуль началъ негодовать на судьбу, но въ это время къ нему подошелъ одинъ изъ тѣхъ рабовъ, котораго онъ подарилъ послѣдному своему гостю въ качествѣ музыканта.

— Тебя ли я вижу мой славный господинъ? вскрикнулъ онъ.

— Ты ли это Аметь? спросилъ Абдуль — и какимъ образомъ очутился въ Багдадѣ?

— О, господинъ, ты подарилъ меня великому калифу Гурану-аль-Рашиду и я наслаждаюсь у него полнымъ кейфомъ. Воображаю, какъ будетъ радъ мой повелитель, если увидитъ тебя.

— Я подвѣхалъ съ тѣмъ, чтобы видѣть калифа, но какимъ образомъ я могъ подарить тебя великому царю, котораго я никогда не видѣлъ?

— Калифъ былъ у тебя въ нарядѣ купца и ты не могъ его узнать:

— Въ такомъ случаѣ я прошу тебя, извѣсти его о моемъ желаніи представиться къ его величеству.

Два часа спустя Аметь прибѣжалъ къ Абдулу съ заявленіемъ, что калифъ требуетъ его немедленно посѣтить его.

Абдуль послѣдовалъ за посланнымъ. Лишь только сообщили Гуранъ-аль-Рашиду о приходѣ Абдула, онъ вышелъ къ нему и ввелъ его въ кабинетъ свой самымъ дружественнымъ образомъ.

— Что заставило тебя, мой пріятель, явиться въ Багдадъ? спросилъ онъ.

Абдуль рассказалъ о случившемся.

— Успокойся—отвѣчалъ калифъ—мой министръ Яфаръ понялъ въ чемъ состоитъ дѣло и уже послалъ войско, чтобы арестовать твоихъ враговъ. Не будемъ же скорбѣть о прошломъ, а будемъ радоваться о томъ, что Богъ спасъ тебя. Сказавъ это, царь взялъ гостя своего за руку и представилъ женѣ своей, которая до настоящаго времени не переставала восхищаться его подарками. Въ эту минуту въ комнату вошла съ шерbetaми молодая женщина, которая, взглянувъ на Абдула, покачнулась и упала въ обморокъ. Всѣ бросились къ ней и начали брызгать водою. Абдуль взглянувъ на нее, затрепеталъ. Это была обожаемая имъ Дарданена.

— О, величайшій изъ монарховъ—сказалъ онъ—я встрѣтилъ въ твоемъ дворцѣ мое счастье, которымъ не переставалъ бредить. Женщина эта для меня выше всякаго богатства и почестей: это та самая Дарданена, о которой я когда-то тебѣ говорилъ.

— Возможно ли это? вскрикнулъ калифъ съ сіяющимъ лицомъ. Да это даетъ мнѣ возможность не оставаться въ долгу передъ тобою! Воображаю, какое это доставитъ удовольствіе моему министру Яфору, который почему-то особенно благоволитъ къ тебѣ. Ну, Абдуль, ужь какъ ты ни богатъ, а я не захочу, чтобы ты праздновалъ своей свадьбы на свой счетъ въ моемъ домѣ, потому что невѣста твоя—моя рабыня.

— Дѣлай, государь, какъ знаешь, потому что отнынѣ и я, и всѣ мои сокровища принадлежать тебѣ.

Тѣмъ временемъ очнулась Дарданена и попросила у повелительницы своей позволеніе поговорить съ Абдумомъ. Когда они сведены были въ одну комнату, то упали другъ къ другу въ объятія и долго плакали. Абдуль первымъ заговорилъ и потребовалъ,

чтобы она рассказала, какимъ чудомъ спаслась отъ смерти и очутилась въ Багдадѣ?

— Я не могу припомнить, что со мною случилось, послѣ того какъ я выброшена была изъ окна—отвѣчала она—но когда я опомнилась, то увидѣла себя на лодкѣ между рыбаками, которые начали допрашивать меня: кто я и какимъ образомъ очутилась въ Нилѣ? Я не скрыла отъ нихъ истины и умоляла увезти меня куда-нибудь подальше отъ столицы. Рыбаки сейчасъ же удовлетворили мою просьбу; но на слѣдующій день, встрѣтивъ караванъ съ невольниками и невольницами, продали меня за 20-ть червонцевъ и повидимому очень рады были этой находкѣ. Купцы перепродали меня другимъ торгашамъ, а эти послѣдніе привезли меня въ Багдадъ и я очутилась у Калифа. Вотъ все, что мнѣ суждено было перенести съ минуты нашей разлуки. Теперь мой дорогой Абдуль, твоя очередь рассказать мнѣ, какимъ образомъ Богъ спасъ тебя отъ смерти.

Абдуль не замедлилъ рассказать ей все, испытанное имъ до настоящаго дня. Въ заключеніе, поблагодаривъ Бога, онъ прибавилъ:

— Не испытай я послѣднихъ мученій и тебя не нашелъ бы, моя возлюбленная Дарданена, а безъ тебя мнѣ жизнь всегда казалась скучною и однообразною. Пусть погибнуть всѣ мои сокровища, клянусь я не стану сокрушаться о нихъ теперь! Съ тобою я съумю довольствоваться и кускомъ хлѣба.

Гуранъ-аль-Рашидъ приказалъ отвести Абдулу отдѣльное помѣщеніе при дворцѣ своемъ и сейчасъ же начать свадьбу.

Мѣсяцъ спустя возвратился Яфаръ и представилъ передъ калифомъ всѣхъ министровъ Бастринскаго кедифа.

— Они клянутся, что не видѣли Абдула—сказалъ Яфаръ.

— А гдѣ кедифъ? спросилъ калифъ.

— Онъ умеръ отъ страха.

— Такъ никто изъ васъ не знаетъ, гдѣ дѣвался мой другъ Абдуль? спросилъ Гуранъ, обращаясь къ обвиняемымъ.

— Нѣтъ, ваше величество, мы его не видѣли болѣе полугода.

— Гей! крикнулъ калифъ одному изъ рабовъ—поди и приведи ко мнѣ моего гостя Абдула изъ Бастры; а ты, Яфаръ распорядись, чтобы явился палачъ, потому что я не позволю ни одной минуты жить тому, кто окажется виновнымъ противъ этого благороднаго и добродѣтельнаго человѣка.

При этихъ словахъ у отца Малки задрожали ноги и онъ началъ приготовляться къ смерти.

— Ну, Абдуль—сказалъ государь, когда вошелъ богачъ,—твои друзья всѣ приведены въ цѣпяхъ. Во первыхъ они дадутъ намъ отчетъ въ томъ, что хотѣли увѣрить насъ въ твоей смерти, а ты намъ укажешь на того, который хотѣлъ заставить тебя подъ пытками указать ему входъ въ сокровищницу.

— О, великій калифъ, ты желаешь, чтобы рабъ твой, не слѣлавшій никому зла, нынѣ, когда онъ вполне счастливъ, мстилъ

бы людямъ, достойнымъ сожалѣнія. Умоляю тебя, государь, оставь ихъ на терзаніе совѣсти и смѣхъ людей. Это будетъ самое достойное наказаніе для жадныхъ и честолюбивыхъ людей.

— Неужели ты желаешь, чтобы они оставались живыми? О, Абдуль, это будетъ излишняя доброта, которая не принесетъ никому пользы.

Тѣмъ временемъ визири кедифа, нѣсколько ободрившись пали ницъ предъ повелителемъ и завопили о прощеніи.

— Не меня просите негодные люди, а Абдула, котораго я назначилъ кедифомъ въ Бастру—отвѣчалъ Гуранъ.

— Твою милость, государь, я принимаю на одну только минуту, чтобы помиловать этихъ несчастныхъ и затѣмъ, чтобы просить передать мою власть тому, кто спасъ мнѣ жизнь.

— Да будетъ по твоему. Поступай, какъ знаешь.

— Въ такомъ случаѣ я объявляю вамъ всѣмъ прощеніе—заговорилъ Абдуль—и вмѣстѣ съ тѣмъ передаю кедифство Алію съ тѣмъ, чтобы онъ безотлагательно женился на добродѣтельнойшей Малкѣ.

— Абдуль, ты святой человѣкъ—сказалъ Гуранъ-Аль-Рашидъ—и я не стану противорѣчить тебѣ. Но прошу тебя возвратиться въ Бастру въ этомъ званіи. Затѣмъ все, что ты сдѣлаешь, я приму съ удовольствіемъ.

На другой день Абдуль въ сопровожденіи тысячи гвардейцевъ выѣхалъ изъ Багдада и по прибытіи на мѣсто торжественно опоясалъ саблю Алія, чрезвычайно обрадовавшагося не такъ мѣсту кедифа, какъ тому, что не встрѣтитъ болѣе препятствія на женитьбу. Свадьбу эту Абдуль исправилъ на свой счетъ и наградилъ новобрачныхъ чрезвычайно щедрымъ образомъ. Затѣмъ онъ попрежнему продолжалъ заниматься добрыми дѣлами и до конца жизни своей приходилъ въ восторгъ отъ прекрасной жены своей.

Всѣ слушательницы начали хвалить няню и благодарить за разсказъ ея, но царевна отвѣчала:

— Сказка хороша, но я очень сомнѣваюсь, чтобы Абдуль оставался вѣрнымъ своей женѣ до смерти.

— Что значать твои слова, моя добрая госпожа?

— Они означаютъ то, что царевна желаетъ услышать изъ устъ твоихъ другой болѣе убѣдительный примѣръ вѣрности мужчинъ—сказали въ одинъ голосъ горничныя.

— Пожалуй, но только не сегодня—отвѣчала утомленная няня.

На слѣдующій день царевна уже сама начала просить старушку исполнить вчерашнее обѣщаніе.

— Вотъ въ чемъ дѣло—заговорила няня—однажды молодой государь Китайской имперіи охотился въ дремучихъ лѣсахъ своего безконечнаго царства. Отставъ отъ свиты, онъ ѣхалъ съ любимымъ министромъ своимъ, какъ вдругъ передъ ними показалась бѣлая лань въ желтыхъ пятнахъ съ золотыми кольцами на шеѣ и на ногахъ.

— Какое прелестное животное—вскрикнулъ царь—оно повиди-

мому убѣжало отъ хозяевъ и мы его захватимъ живымъ. Сказавъ это, онъ прищпорилъ коня и поскакалъ за ланью.

Но въ то время, когда онъ уже надѣялся достигнуть желанія, животное прыгнуло въ глубокой оврагъ, изъ котораго не представлялось ему никакой возможности выскочить. Тѣмъ временемъ наступилъ и вечеръ.

— Ну, я останусь здѣсь ночевать—сказалъ государь—въ полномъ убѣжденіи, что завтра утромъ лань не избѣгнетъ моихъ рукъ. А чтобы намъ не подвергнуться опасности, будемъ спать по-очереди. Ложись теперь ты, а послѣ полуночи я разбуду тебя.

Министръ сейчасъ же растаянулъ на травѣ, но не прошло и часа, какъ невдала послышалось великолѣпное пѣніе.

— Это что значитъ? произнесъ царь съ удивленіемъ, подымаясь на ноги.

Министръ также вскочилъ и вошелъ въ лѣсную чащу въ надеждѣ узнать, откуда исходятъ чарующіе звуки. Прошедъ нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ увидѣлъ на холмѣ обширный дворецъ, освѣщенный многими огнями. Пѣніе происходило въ немъ. Доложивъ о видѣнномъ повелителю своему, онъ предложилъ ему посѣтить этотъ восхитительный замокъ.

Царь охотно послѣдовалъ за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ они стояли въ очаровательной залѣ, гдѣ на тронѣ сидѣла безподобной красоты молодая женщина въ коронѣ, окруженная нѣсколькими десятками пѣвицъ. При видѣ неожиданныхъ гостей царица подняла руку и пѣніе прекратилось.

— Извини меня, госпожа,—сказалъ повелитель имперіи, что я безъ позволенія вступилъ въ твою обитель, но я, какъ государь, долженъ, мнѣ кажется, пользоваться этимъ правомъ. Скажи мнѣ, кто ты такая и кто предоставилъ тебѣ право украшать голову свою царскою короною?

— Я повелительница сосѣдняго съ тобою царства, одаренная свыше властью принимать различныя образы. Такъ напр. сегодня я разгуливала по твоимъ владѣніямъ въ образѣ бѣлой лани, за которою ты изволилъ гоняться, а теперь я отдыхаю въ временно воздвигнутомъ дворцѣ. Не пожелаєте ли вы поужинать со мною? Сказавъ это, красавица сошла съ трона и, взявъ за руки гостей, повела ихъ въ столовую, гдѣ дымились ароматныя кушанья.

Подкрѣпившись ужиномъ, царица пригласила императора въ свою комнату и здѣсь слово за словомъ они почувствовали другъ къ другу сильную привязанность. Изъ словъ хозяйки оказалось, что она владѣтельница Японіи, извѣстная по имени Керестины, предпринявшая прогулку по міру съ цѣлю найти себѣ достойнаго супруга.

— Могу ли я заслужить эту честь? спросилъ императоръ.

Но въ эту минуту вошла къ нимъ пожилая женщина и объявила, что регентъ Японіи умеръ и что министры требуютъ немедленнаго возвращенія ея.

— Ахъ, какъ жаль, что я не могу болѣе бесѣдовать съ тобою—

сказала красавица—но надѣюсь, что мы очень скоро вновь увидимся. До свиданія, не забывай моихъ словъ. Сказавъ это, царица хлопнула въ ладоши и все исчезло вмѣстѣ съ нею.

Китайскій императоръ, пораженный этимъ чудомъ, долго не вѣрилъ видѣнному и слышанному, но приходилось вѣрить, потому что министръ его выражалъ тоже удивленіе и былъ свидѣтелемъ всего.

На слѣдующій день царь Іо пробудился въ чрезвычайно грустномъ настроеніи духа: онъ былъ пораженъ красотою Керестины и ужасно скорбѣлъ, что не успѣлъ заручиться ея словомъ. Охота была прекращена и всѣ возвратились въ столицу. Съ этого времени императоръ очень измѣнился и только однажды въ годъ пріѣзжалъ къ тому мѣсту, гдѣ встрѣтилъ прелестную женщину, но увы и здѣсь онъ не находилъ никакихъ слѣдовъ, могущихъ утѣшить его. Въ концѣ концовъ Іо не вытерпѣлъ и рѣшился совершить большое путешествіе въ надеждѣ развлечься. Взявъ съ собою только одного министра, государь направился къ востоку. Прошло нѣсколько недѣль. Сотни селеній и разнообразныя занятія народонаселенія съ ихъ радостями и скорбями начали занимать его настолько, что онъ могъ спокойнѣе спать и чувствовать себя здоровѣе.

Однажды императоръ проѣзжая мимо большаго тѣнистаго дерева, замѣтилъ подъ нимъ молоденькую спящую женщину съ изящною наружностію.

— Ее бѣдняжку съѣдятъ хищные звѣри—подумалъ онъ и рѣшился разбудить ее.

Когда очнулась неизвѣстная женщина, Іо началъ допрашивать ее, кто она такая?

— Какъ бы тебѣ отвѣтить, чтобы не обмануть—отвѣчала она—я дочь царя и жена царя, но не та и не другая; я царица, но этому не вѣрятъ.

— Извини меня, но, судя по этому отвѣту, я не могу считать тебя въ нормальномъ состояніи ума.

— Это правда, господинъ. Я упустила изъ вида, что не сказала всю суть дѣла. Видишь ли я дочь царя Наймана, послѣ смерти котораго меня признали единственною наслѣдницею престола, но такъ какъ я была малолѣтняя, то приставили ко мнѣ въ качествѣ регента опытнаго министра Али. Лишь только я достигла совершеннолѣтія и постигла вполнѣ мою обязанность, какъ въ столицу явился родной дядя мой по отцу и заставилъ народъ признать его наслѣдникомъ престола. Ничего не оставалось мнѣ больше, какъ передать ему царство и удалиться. Добрый мой наставникъ и руководитель, изъ сочувствія къ моему одиночеству, рѣшился отъѣзжать отъ службы своей и послѣдовать за мною въ изгнаніе. Такимъ образомъ мы съ Али покинули родину и поселились въ столицѣ сосѣдняго царства. Нѣсколько мѣсяцевъ мы жили на имѣвшіяся у насъ въ запасъ деньги, но видя, что онѣ истощаются Али, нѣкогда бывший хорошимъ живо-

писцемъ задумалъ вновь заняться своимъ прежнимъ ремесломъ. Сначала мы терпѣли недостатки, но впоследствии положеніе наше настолько улучшилось, что мы жили безъ скорби. Тѣмъ временемъ Али окончилъ двѣ большія картины, которыя подняли всѣхъ знатоковъ живописи на ноги и заставили царя Мовавана посѣтить нашу мастерскую. Государь этотъ почти ежедневно заходилъ къ Али и всегда разговаривалъ со мною. Вскорѣ мы такъ понравились другъ другу, что не могли дождаться минуты встрѣчи. Какъ-то разъ я сообщила ему о своемъ происхожденіи и постигшемъ меня несчастіи. Признаніе мое чрезвычайно понравилось Мовавану потому, что онъ теперь призналъ меня достойною назваться его женою. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе и мы переселились во дворецъ. Преданный Али снова возведенъ былъ въ санъ великаго визиря и послѣ свадьбы моей предложилъ царю наказать дядю, отнявшаго отъ меня отцовское наслѣдіе. Мужъ мой немедленно отдалъ приказаніе направить большую армию на злодѣя и привезти его ко мнѣ въ цѣпяхъ. Война началась, но вслѣдъ затѣмъ мы получили извѣстіе, что дядя мой умеръ.

— Ну, теперь намъ не долго придется воевать—сказала мнѣ мужъ—и я заранѣе поздравляю тебя съ короною, моя ненаглядная. При этомъ Моваванъ, любящій меня до безумія, чуть не задушилъ меня своими ласками.

Прошло нѣсколько дней еще. Однажды, послѣ обѣда мы легли съ мужемъ по обыкновенію заснуть. Моваванъ сейчасъ же сомнулъ глаза, но я потихонько встала и вышла въ другую комнату, потому что достаточно отдохнула. Черезъ часъ я возвратилась въ спальню, чтобы разбудить мужа. Вообразите же мое удивленіе, когда я увидѣла, что около моего друга покоплась сладкимъ сномъ молодая женщина, какъ двѣ капли воды похожая на меня! Естественно, что я закричала не своимъ голосомъ и заставила вскочить Мовавана.

— Кто это лежитъ около тебя на моемъ мѣстѣ? спросила я.

Моваванъ оглянулся и онѣмѣлъ отъ изумленія. Лежавшая около него женщина тоже скорчила физиономію; но вслѣдъ затѣмъ, обнявъ мужа моего, вскрикнула:

— Это должно быть волшебница, принявшая мой образъ, чтобы поставить тебя моего друга въ сомнѣніе, но едва ли ей удастся этого достигнуть, благодаря тому, что я спала съ тобою.

Озадаченная такою наглостью дерзостью, я начала плакать и просить мужа моего удалить эту вѣдьму. Но и она начала настаивать на томъ же. Бѣдный мужъ мой потерялся и не зналъ, кому изъ насъ вѣрить. Собравъ всю прислугу на совѣщаніе, онъ все таки ни въ чемъ не могъ убѣдиться и послалъ за Алиемъ, который воспитывалъ меня съ 4-хъ лѣтняго возраста. Министръ ужаснулся нашему положительному до мелочей сходству, но вдругъ вспомнилъ, что у меня на лѣвой голѣни ноги было черное пятнышко продолговатой формы. Я съ радостію обнажила ногу, но

такое точно пятно оказалось и у волшебницы. Другихъ доказательствъ ни я, ни старый другъ мой не могли представить.

— Какъ мнѣ поступить, чтобы узнать мою жену? спросилъ Моваванъ у Алія.

— Право, государь, я съума схожу отъ такого сходства и ужасно боюсь оскорбить мою дорогую воспитанницу. Пригласи ты всѣхъ судей и духовныхъ лицъ и пусть они рѣшатъ во имя Божіе, которая твоя жена.

Мужъ мой принялъ этотъ совѣтъ. Судьи начали допрашивать насъ и рѣшили, что женою должна быть та, которая легла на отдыхъ съ царемъ и чтобы меня, какъ колдунью сжечь.

Моваванъ вынужденъ былъ согласиться съ этимъ постановленіемъ, но какъ-бы изъ боязни или недовѣрія запретилъ предавать меня смерти, а приказалъ изгнать изъ столицы и запретить входить въ нее. Все это произошло десять дней тому назадъ. Теперь я надѣюсь, что ты понялъ значеніе моего отвѣта, показавшагося тебѣ безумнымъ.

— Да, это странное и невѣроятное событіе—сказалъ Іо,—по утѣшься, Богъ видитъ слезы невинныхъ. Я знаю навѣрно, что если нельзя избѣгнуть бѣды, то ожидай терпѣливо конца ея послѣдствій, потому что вслѣдъ затѣмъ будетъ начало благополучія. Сказавъ это, императоръ своеручно досталъ съ лошади сакъ съ провизіею своею и разложивъ его предъ истомившеюся голодомъ царицею, пригласилъ ее позавтракать съ нимъ. Въ эту минуту невдалекѣ отъ нихъ показался голый верховой, который безпощадно билъ своего коня и со страхомъ оглядывался назадъ.

— Боже, какъ этотъ несчастный похожъ на моего мужа! вскрикнула царица, подымаясь на ноги. Не случилось-ли съ нимъ какого-нибудь несчастія?

Лишь только исчезъ этотъ бѣглецъ за впереди лежащею возвышенностію, показался другой ѣздокъ съ обнаженною саблею въ рукахъ и еще сильнѣе поражающій своего скакуна.

— И это мой мужъ! проговорила она—да какъ же это могло случиться: мы только что видѣли его раздѣтымъ и на другой лошади!

Не успѣлъ проскакать и этотъ, какъ показался третій всадникъ, въ которомъ царица узнала преданнаго ей Алія и замахала ему платкомъ. Министръ не замедлилъ повернуть коня и какъ только узналъ свою госпожу, бросился къ ней съ ерикомъ:

— О, слава Богу, который сберегъ для насъ твою дорогую жизнь! Воображаю, какъ будетъ теперь счастливъ твой мужъ, успѣвшій открыть обманъ злодѣевъ, посягнувшихъ на ваше благосостояніе!

— Ради Бога Расскажи мнѣ скорѣе, что случилось?

— Изгнавъ тебя, твой мужъ по прежнему проводилъ свои досуги дома съ большимъ удовольствіемъ, какъ вдругъ ему вздумалось поѣхать на охоту на два дня, но не успѣли мы сегодня утромъ позавтракать, какъ къ царю пріѣхали посланники за дѣ-

ломъ, не терпящимъ отлагательства. Моваванъ, не желая прекратить развлеченія, оставилъ посланниковъ на мѣстѣ охоты и рѣшился лично со мною возвратиться въ столицу на одинъ часъ. Мы сѣли на лошадей и поскакали. Твой мужъ впопыхахъ въѣхалъ во дворецъ чрезъ черный дворъ и неожиданно очутился въ спальнѣ своей. Представъ же себѣ удивленіе его, когда онъ нашелъ супругу свою въ обществѣ мужчины, точь-въ-точь похожаго на него. Государь заскрежеталъ зубами и взмахомъ сабли отрубилъ руку жены, которая желала защититься отъ удара. Какъ только это совершилось женщина, принявшая твой образъ обратилась въ безобразную старуху, а тотъ, кто въ образѣ царя изволилъ поживать съ нею какъ былъ раздѣтъ, бросился на дворъ и вскочивъ на коня, пустился бѣжать. Но мужъ твой отдавъ приказаніе заковать эту старуху, бросился въ погоню за бѣглецомъ, я также послѣдовалъ за царемъ, но увя не могъ его догнать, а теперь не знаю даже, куда и ѣхать.

— Вотъ туда, туда и поскорѣй возвращайся—сказала царица, указывая направленіе. Я буду васъ ждать на этомъ мѣстѣ подъ прикрытіемъ этого милостиваго странника.

Али помчался по указанной дорогѣ и прибылъ къ государю своему въ тотъ моментъ, когда онъ сильнымъ ударомъ сабли разрубилъ шею у лошади бѣглеца и заставилъ его очутиться на землѣ.

— Сознайся мерзавецъ, кто ты такой, принявшій мой образъ?

— Если ты пообѣщаешь даровать мнѣ жизнь, то я признаюся во всемъ, но если нѣтъ, то я предпочту унести мою тайну въ могилу.

— Рассказывай, я не имѣю надобности въ твоей смерти.

— Могушественный царь Моваванъ—началъ онъ—я былъ сынъ очень богатаго купца, который не только мучилъ меня, но и себѣ голодомъ. Скупость его возмущала меня. Къ счастью онъ умеръ во время и я, унаслѣдовавъ большой запасъ золота, сейчасъ же влюбился въ сосѣдку мою, которая принимала только богатыхъ гостей. Богатство мое повліяло на ея цѣломудріе и мы сдѣлались большими друзьями.

Два года спустя я потратилъ на нее все мое состояніе подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ и мнѣ приходилось взяться за кирку и лопату. Сознавшись предъ милою въ печальномъ положеніи своемъ, я поднялся, чтобы уйти навсегда, но она сказала мнѣ: я не допущу тебя до такой крайности. Переѣзжай ко мнѣ на дворъ и мы проживемъ всю жизнь друзьями. Я исполнилъ ея волю и съ того времени я состоялъ въ полной зависимости отъ этой женщины. Такъ прожили мы 25-тъ лѣтъ и оба почувствовали дряхлость. Разъ я сидѣлъ въ своей комнатѣ въ невеселомъ расположеніи духа, какъ вдругъ входитъ моя Савія и, сѣвши около меня, сказала: другъ мой Бораекъ, я ужасно тоскую о потерянной нами молодости и желаю, во чтобы ни стало вновь сдѣлать тебя и себя молодыми. Нѣсколько дней тому на-

задъ мнѣ сказалъ одинъ колдунъ, что въ царствѣ Михремскомъ, подъ великою горою Димось живетъ волшебница, которая за миллионъ червонцевъ даетъ средство превращаться человѣку во всевозможные виды и возрасты. Я къ счастью обладаю этою суммою денегъ и охотно отдамъ ей, если сказанное справедливо.— Неужели такая благодать возможна спросилъ я.— Я не знаю навѣрно, но мы возьмемъ эту сумму и поѣдемъ вмѣстѣ.— Отлично—отвѣчала я и сейчасъ же распорядился приготовить все необходимое къ далекому путешествію. На другой день мы выѣхали и чрезъ мѣсяцъ прибыли къ высочайшей горѣ Димось. Здѣсь одинъ изъ пастуховъ указалъ намъ на обширную пещеру, въ которой обитала волшебница. Добравшись до этого дикаго жилища, мы встрѣтили маленькую черную женщину, которая сидѣла надъ большимъ казаномъ воды и заставляла ее кипѣть, читая какія-то таинственныя слова.

Что вамъ нужно отъ меня? спросила она. Мы рассказали. А привезли миллионъ червонцевъ?—Привезли.—Волшебница приказала намъ присѣсть и скрылась на нѣсколько минутъ въ глубинѣ грота. Затѣмъ она вышла, держа въ рукѣ два золотыхъ кольца и, прочитавъ надъ ними какія-то заклинанія, вручила ихъ намъ.

— „Когда вы пожелаете сдѣлаться такими, какими вздумаете“, то надѣньте эти кольца и прихоть ваша будетъ исполнена. Савія сейчасъ же пожелала сдѣлаться такою, какою была въ 17 лѣтъ. Я пожелалъ быть 25 лѣтнимъ. Требованія наши въ ту же минуту исполнились, какъ мы только одѣли кольца. Расплатившись съ волшебницею, мы не имѣли болѣе надобности возвращаться домой, гдѣ насъ знали старыми и рѣшились до скончанія вѣка путешествовать и вѣчно превращаться, то для кейфа, то для господства, то для удовлетворенія остальныхъ прихотей. Такимъ образомъ мы наслаждались жизнію еще десять лѣтъ. Вдругъ Савія пожелала сдѣлаться царицею и предложила мнѣ изгнать съ престола дочь царя Наймана. Для достиженія этого стоило только принять образъ роднаго брата царя, который пропалъ безъ вѣсти. Достигнувъ этого чрезъ посредство волшебнаго кольца, мы безъ труда достигли этого желанія и были бы вѣроятно счастливы и безвредны, еслибъ жена твоя не задумала изгнать насъ съ трона. Видя невозможность устоять противъ твоихъ войскъ, мы вынуждены были оставить на постели своей двухъ покойниковъ въ нашемъ образѣ и бѣжать. Я предлагалъ Савіи переѣхать въ счастливую Аравію, но ей захотѣлось предварительно отмстить твоей женѣ и затѣмъ уже послѣдовалъ въ Аравію. Къ несчастію ей захотѣлось, чтобы я погостилъ у нея во время твоей отлучки и обманъ ея отерялся въ особенности, когда ты отсѣкъ у нея руку, на которой находился волшебный перстень. Вотъ вся наша исторія, великій падишахъ! Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ представить тебѣ доказательства сказаннаго. Сказавъ это, Боракъ снялъ кольцо съ руки и въ ту же минуту превратился въ сѣдаго старика.

— Подай мнѣ это кольцо — сказалъ Моваванъ — и бѣги изъ моего государства, чтобы не подвергнуться мести министровъ и подданныхъ моихъ. Я отбираю отъ тебя это кольцо для того, чтобы лишить тебя возможности дѣлать зло другимъ и прикажу выбросить его въ бездны морскія, какъ вещь противную Богу.

Старикъ бросился было къ ногамъ султана, но онъ отвернулся и схвативъ себя за голову, вскрикнулъ: о несчастная моя жена, еслибъ ты могла узнать про мою ужасную ошибку! Да и жива ли ты или погибла съ голода?

— Не крушись, повелитель мой, наша царица къ счастью нашему находится въ полномъ здоровьи и ожидаетъ нашего возвращенія подъ деревомъ, мимо котораго ты проскакалъ, не успѣвши вѣроятно замѣтить ее, сказалъ Али.

— Не шутишь ли ты, мой другъ Али?

— Такія шутки, государь, не умѣстны для подданныхъ, высокочтущихъ царскую власть. Не будемъ же томить ни ее, ни себя. Поѣдемъ, царь, скорѣе.

Моваванъ вскочилъ на коня и поскакалъ за министромъ своимъ.

Черезъ десять минутъ они были уже около царицы, которая съ громкими воплями бросилась къ мужу.

— О, дорогая, неужели ты простишь мнѣ тѣ обиды, которымъ я подвергъ тебя за твою преданность и любовь?

— Я ничего этого не помню и плачу отъ радости, что вновь буду считать тебя своимъ повелителемъ.

Послѣ многихъ изліяній души въ подобномъ родѣ, Моваванъ разсказалъ женѣ всѣ подробности кратковременной жизни съ женщиной, обманувшей его и въ заключеніе спросилъ, кто этотъ молодой человекъ, который сидитъ около нея.

— Я повелитель китайской имперіи — сказалъ императоръ Ио — и очень радъ, что могъ явиться передъ твоей одинокой супругой въ то время, когда она рисковала попасть подъ зубы кровожаднаго тигра.

Моваванъ очень обрадовался знакомству съ могущественнымъ сосѣдомъ и естественно пригласилъ его къ себѣ на предположенный праздникъ. Ио охотно принялъ приглашеніе, но во все это время ему казалось, что излюбленная имъ Керестина могла быть такою же обладательницею волшебнаго перстня, какъ и только что обличенные въ обманъ люди. Погостивъ въ дворцѣ Мовавана двѣ недѣли, императоръ рѣшился съѣздить въ Японію, чтобы удостовѣриться: дѣйствительно ли царствуетъ въ ней та особа, къ которой онъ чувствовалъ такую безпредѣльную любовь? Прибывъ въ Японію, Ио явился во дворецъ въ качествѣ купца, но царица сейчасъ же узнавъ его, сказала: теперь я вполне убѣдилась, что ты любишь меня искренно и пожалуй готова на бракосочетаніе съ тобою, но съ предварительнымъ условіемъ, что ты никогда и ни въ какомъ случаѣ не станешь упрекать или возражать моимъ дѣйствіямъ. Я этого требую не съ цѣлью оскор-

бить тебя, но съ цѣлью нашей общей выгоды, которая иногда непонятна для обыкновенныхъ людей.

Императоръ задумался надъ этимъ договоромъ, но на слѣдующій день отвѣчалъ, что даетъ честное слово оставаться молчаливымъ ко всякому ея дѣйствию. Керестина поблагодарила его за это довѣріе и приказала начать сватъбу, которая продолжалась 40 дней и 40 ночей.

Достигнувъ желанія Іо предался всевозможнымъ невиннымъ удовольствіемъ. Прошло два года. Китайскій императоръ сдѣлался отцомъ прекраснаго сына, котораго любилъ отъ всей души. Однажды возвратившись съ охоты, онъ взялъ наслѣдника своего на руки и началъ восхищаться имъ. Какъ вдругъ вошла въ комнату Керестина въ сопровожденіи огромной бѣлой собаки и, взявъ сына отъ отца, швырнула его животному, которое быстро унесло дитя изъ комнаты. Іо ахнулъ, но вспомнивъ свое обѣщаніе вынужденъ былъ смолкнуть. Прошло еще два года. Керестина принесла въ угѣшеніе отцу прелестную дочь, которую онъ не могъ налюбоваться; но однажды, когда онъ забавлялся ею, она выхватила ребенка изъ рукъ его и бросила въ пылающій огонь и дитя моментально сгорѣло. „Боже, что она сдѣлала! подумалъ несчастный отецъ, но вновь вспомнивъ обязательство свое, ни единымъ словомъ не выразилъ страшнаго негодованія сердца своего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ положился разлучиться съ супругою, которая повидимому задалась мыслию сокрушить блаженство его въ виду личныхъ интересовъ. Подъ предлогомъ возвратиться въ имперію свою, чтобы провѣрить дѣйствія министровъ, Іо распрощался съ женою и уѣхалъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда дикіе монголы возмечтали завоевать китайскую имперію и возвести своего царя на престолъ великой монархіи. Лишь только извѣстили объ этомъ намѣреніи монарха, онъ приказалъ немедленно собрать безчисленную рать и весь необходимый для нея провіантъ на три мѣсяца. Приказаніе монарха буквально было исполнено. Вслѣдъ за войсками выѣхалъ и самъ императоръ, чтобы командовать ими. Оставалось дойти до непріятельской арміи не болѣе двухъ сутокъ. Какъ вдругъ онъ увидѣлъ свою прелестную жену, которая безопасно начала уничтожать весь провіантъ, обезпечивающій существованіе его войскъ. Покончивъ съ нимъ, она предстала передъ супругомъ своимъ и хотѣла прижать его къ груди своей.

— Нѣтъ, Керестина—отвѣтилъ онъ—я столько перенесъ отъ тебя ужасныхъ ранъ, что при всемъ моемъ желаніи любить тебя долженъ забыть это чувство: ты лишила меня дѣтей, которыхъ я любилъ до безумія и въ заключеніе уничтожила весь провіантъ моихъ войскъ, которыя отнынѣ парализированы для дѣствий, Оставь лучше меня и живи въ своемъ царствѣ. Богъ съ тобой моя милая!

— Боже—вскрикнула молодая женщина—неужели у тебя могла зародиться такая безразсудная идея? Неужели ты могъ допустить,

чтобы та, которая тебя любить отъ всей души, мечтала сдѣлать зло? Ты напримѣръ возмущаешься, что дѣтей нашихъ я сгубила. Какая же мать губить любимыхъ дѣтей! Огонь, въ который я бросила нашего сына, не былъ тѣмъ огнемъ, который сожигаетъ людей: это была фея-ума, которой я отдала на воспитаніе твоего наслѣдника; собака также была феею граціи.

— Я не вѣрю этому—отвѣчалъ со вздохомъ царь.

— Не вѣришь? Керестина вынула изъ—за пояса свистокъ и свиснула.

Въ ту же минуту передъ Іо очутились его дѣти.

— Вотъ тебѣ доказательства на лицо. Теперь я объясню, почему я истребила весь провіантъ твоей арміи. Видишь ли, твоего военного министра подкупили враги твои и онъ отравилъ всѣ заготовленные запасы, чтобы лишить тебя войска. Прикажи позвать этого негодяя и заставь его попробовать отъ приготовленныхъ имъ запасовъ и ты убѣдишься въ справедливости моихъ словъ.

Императоръ призвалъ министра и заставилъ его съѣсть горсть сухарей, отъ которыхъ онъ посинѣлъ и умеръ.

— Ну понялъ ли ты теперь значеніе моихъ дѣлъ—спросила Керестина.

— О прости, моя дорогая—вскрикнулъ императоръ, бросаясь съ объятіями къ женѣ.

— Простить тебя я могу—отвѣчала она—но долже жить съ тобою не могу. Черезъ пять минутъ передъ тобою явятся новые запасы провіанта, которыхъ тебѣ нечего опасаться. Прощай на всегда! Только что произнесены были эти слова, какъ Керестина исчезла съ дѣльми.

Іо ахнулъ и упалъ безъ чувствъ. Тѣмъ временемъ показались монголы и несчастный царь не смотря на ужасное горе вынужденъ былъ обнажить свою саблю. Одержавъ блистательную побѣду, императоръ возвратился въ столицу и, передавъ власть свою министрамъ, заперся въ самой отдаленной комнатѣ. Здѣсь онъ день и ночь плакалъ и томился о потерянной женѣ и милыхъ дѣтихъ. Страданія эти не прекращались ни на минуту въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и въ заключеніе повергли его въ болѣзненное состояніе. Императоръ приготовился къ смерти и радовался, что прекратятся наконецъ его мученія. Какъ вдругъ предъ нимъ предстала жена съ дѣтьми и объявила, что смилывалась надъ нимъ и отнынѣ не разстанется съ его жилищемъ. Іо моментально очнулся и началъ улыбаться. Дальнѣйшая заботливость жены и дѣтей оказали благотѣльные послѣдствія и императоръ совершенно выздоровѣлъ. Счастіе его достигло до высшихъ размѣровъ и онъ не иначе смотрѣлъ на жену, какъ на божество, какъ на частіе и спасеніе свое.

Няня окончила рассказъ и посмотрѣла на царевну.

— Ну, нѣтъ твой Іо оказался мало—годнымъ человѣкомъ. Такого мужа я не захотѣла бы держать около себя.

— И этотъ тебѣ не пришлось по праву, моя повелительница? сказала старушка. Въ такомъ случаѣ я вынуждена буду рассказать тебѣ третью исторію, но такъ какъ теперь не время, то мы оставимъ рассказъ нашъ до завтрашняго дня.

На слѣдующій день въ то время, когда Варуха собиралась въ баню и жаждала послушать краснорѣчивую няню, ей сообщили, что единственный братъ ея такъ заболѣлъ, что по общему мнѣнію долженъ умереть. Гордая царевна съ рыданіями бросилась къ другу дѣтства и вошла къ больному въ тотъ моментъ, когда выходили всѣ медики съ отчаяніемъ и когда царь приказалъ прекратить въ столицѣ всѣ зрѣлища и развлечения. Это доказывало, что всѣ надежды были неумѣстны.

— О, отецъ, попробуй обратиться къ святымъ людямъ — сказала Варуха—авось ихъ молитвы возвратятъ сына твоего къ жизни.

При этихъ словахъ Тогуль какъ бы ожилъ и немедленно направился къ великому жрецу Кесаи и высказавъ постигшее его несчастіе, просилъ помощи идола. Жрецъ обѣщалъ переговорить съ божествомъ ввѣренной ему пагоды и передать его отвѣтъ завтра утромъ. На слѣдующій день султану было объявлено: что сынъ его долженъ излечиться отъ одной молитвы, которую приказалъ идолъ прочитать надъ головою больного. Услышавъ это, царь началъ умолять жреца не откладывать милости Кесаи и повелъ его за собою во дворецъ. И дѣйствительно только что прочитана была таинственная молитва надъ больнымъ, какъ молодой человѣкъ открылъ глаза и началъ чувствовать себя совершенно здоровымъ. Такое невѣроятное событіе обрадовало не только всѣхъ придворныхъ, но и послужило цѣлымъ рядомъ праздниковъ въ приунывшей столицѣ. Всѣ сановники спѣшили принести свою благодарность боголюбивому жрецу. Въ числѣ послѣднихъ и Варуха захотѣла выразить свою сердечную радость. Но каково было ея изумленіе, когда святой мужъ приказалъ сказать, что онъ не желаетъ принять ее. Царевна возмутилась такою дерзостью и пожаловалась отцу.—Онъ вѣроятно не узналъ, что ты моя дочь—утѣшалъ ее падишахъ—я сейчасъ пойду и самъ разузнаю. Султанъ началъ допрашивать жреца.

— Какъ же я приму ее, когда мой богъ презираетъ ее за то, что она не желаетъ подчиниться его святымъ законамъ? Подумай ты самъ султанъ: осмѣлится ли твой министръ ладить съ тѣмъ, который не станетъ исполнять твоихъ постановленій? А твоя дочь торжественно заявила, что не выйдетъ замужъ ни за кого, потому будто, что мужчины не достойны довѣрія. Но я охотно приму ее и надѣюсь оказать большія услуги, если она измѣнитъ эти богопротивныя мысли.

Тогуль не могъ ничего сказать противъ этихъ справедливыхъ словъ и, возвратившись домой, началъ упрекать дочь и совѣтовать ей вновь идти къ жрецу и просить примирить съ божествомъ. Варуха послушала отца и предстала предъ первосвященникомъ Кесаи.

— О, царевна, вскрикнулъ онъ—еслибъ ты знала, какъ нашъ богъ озлобленъ за то, что ты поддавалась искушеніямъ злаго духа. Я много разъ умолялъ его простить твоему заблужденію, но онъ остался неумолимъ.

При этихъ словахъ Варуха залилась горькими слезами и въ заключеніе обѣщала жрецу измѣнить свои мысли, если онъ научитъ ее, какъ легче этого достигнуть.

— Зайди ко мнѣ, дочь моя, завтра—сказалъ жрецъ—я посо- вѣтуюсь съ божествомъ нашимъ и передамъ тебѣ его отвѣтъ.

Варуха и на слѣдующій день пришла въ пагоду.

— Я всю ночь молился за тебя, дочь моя, сказалъ жрецъ царевнѣ. Великій богъ нашъ смилвался надъ тобою, но съ тѣмъ, чтобы ты вышла за—мужъ за наслѣдника славнаго персидскаго трона, который любитъ тебя такъ, какъ другой не полюбитъ. Этотъ молодой человѣкъ предназначенъ тебѣ со дня рожденія.

— Какимъ это образомъ могло случиться—спросила царевна—вѣдь онъ не видѣлъ меня никогда?

— Это твое мнѣніе, но да будетъ тебѣ извѣстно, что ты была представлена жениху твоему Каруку во снѣ и онъ помнитъ твой голосъ и всякое твое слово. Ты дерзнула отказать ему подъ тѣмъ предлогомъ, что не вѣришь мущинамъ.

— Опиши мнѣ наружность этого человѣка—сказала Варуха.

Жрецъ въ самыхъ живописныхъ краскахъ нарисовалъ передъ нею портретъ Карука.

— Боже, да и мнѣ не разъ снился такой человѣкъ! вскрикнула царевна. Неужели это происходило по волѣ великаго Кесаія? О, святой человѣкъ, я готова подчиниться нашему богу и все, что онъ потребуетъ отъ меня, исполнить въ точности.

— Твое смиреніе меня радуетъ, дочь моя. Приготовься же немедленно къ путешествію, а я завтра зайду къ отцу твоему и окончательно переговорю съ нимъ по этому важному предмету.

Въ условленное время жрецъ явился во дворецъ и разсказалъ Тогулу о предопредѣленномъ Варухѣ и подъ угрозою небесной кары получилъ отъ него согласіе на выѣздъ дочери въ Персію. Царь предлагалъ дать ей большое приданое и многочисленную стражу для сопровожденія, но жрецъ отъ всего отказался, такъ какъ самъ Кесаія будетъ ихъ сопровождать и охранять. Когда сообщили объ этомъ Варухѣ, она испросила позволеніе взять съ собою няню свою, противъ чего не возразилъ первосвященникъ.

Два дня спустя Варуха съ нянею и жрецомъ выѣхали изъ отечественнаго города и направились къ востоку. Какъ долго они ѣхали по степямъ, горамъ и лѣсамъ, этого никто не знаетъ, но въ концѣ концовъ они прибыли на великолѣпную долину, изрѣдка усаженную деревьями, промежъ которыхъ струились ручьи прозрачныхъ водъ. У конца долины возносился къ небу роскошный дворецъ съ фальшивыми минаретами. Жрецъ, взглянувъ на это зданіе, поблѣднѣлъ и въ изнеможеніи прилегъ на траву.

Варуха и няня со страхомъ бросились къ нему.

— О боже—вскрикнулъ онъ—злая судьба меня вновь принесла къ этому ужасному жилищу волшебницы Мергани! Горе намъ, если она насъ увидитъ. Но если часъ пройдетъ съ минуты нашего приѣзда, то я имѣю возможность допустить ея отсутствіе изъ дома и обязанъ буду пойти къ сестрѣ ея Гульнази, чтобы выразить мою глубокую благодарность за добрый и удачный совѣтъ. Посидите же, пока я возвращусь. Если же меня не будетъ черезъ два часа, то спасайтесь, какъ знаете, и не вините чловѣка, который не пощадилъ себя ради спасенія васъ. Сказавъ это, жрецъ осмотрѣлъ свою саблю и исчезъ въ таинственномъ зданіи.

Бѣдныя женщины прижались другъ къ другу и начали горячо молиться. Прошло болѣе часа. Какъ вдругъ послышался страшный крикъ и вслѣдъ затѣмъ мелькнула за окномъ фигура жреца съ веселымъ лицомъ, а нѣсколько минутъ спустя онъ выбѣжалъ изъ дворца съ улыбками радости.

— Благодарите бога! кричалъ онъ—мы спасены, потому что страшная волшебница не существуетъ болѣе: я сокрушилъ ее.

Царевна бросилась къ нему на встрѣчу и когда первосвященникъ успокоился, начала просить его объяснить, какая опасность грозила имъ.

— Теперь я могу рассказать тебѣ, красавица и госпожа моя, все, что скрывалъ отъ тебя до настоящаго времени. Прежде всего скажу тебѣ, что я не первосвященникъ, а министръ персидскаго царства, принявшій этотъ образъ. Вся суть дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ того, какъ женихъ твой Карукъ увидѣлъ тебя во снѣ, онъ такъ заболѣлъ, что растерявшійся отецъ умолялъ меня сидѣть у изголовья его и распросить о причинахъ недуга. Молодой чловѣкъ, любившій меня искренно, признался во всемъ и обѣщалъ подняться на ноги, если я соглашусь сопровождать его для отысканія тебя. Я изъявилъ полное согласіе и принялъ на себя устроить эту поѣздку. Царю я сказалъ, что твой сынъ не можетъ выздороветь, сидя въ комнатѣ, но если онъ предприметъ продолжительное, спокойное путешествіе, то несомнѣнно поправится. Царь созвалъ всѣхъ медиковъ и, посоветовавшись съ ними, рѣшился отпустить больнаго подъ моимъ руководствомъ. Мы переодѣлись въ платье пилигримовъ и пустились въ путь. Въ теченіи же перваго мѣсяца Карукъ началъ чувствовать себя здоровѣе. Это ободрило меня. Прошло еще нѣсколько недѣль и мы прибыли въ большой городъ, гдѣ всѣ обитатели, начиная отъ маленькихъ дѣтей до стариковъ одѣты были въ глубокой трауръ по наслѣднику престола, умершему отъ любви къ тебѣ, такъ какъ ты изволила въ числѣ прочихъ, отказать и ему. Услышавъ это, Карукъ затрепеталъ и сказалъ мнѣ:—это должна быть та самая царевна, къ которой и я несчастный питаю напрасно страсть.—Слова эти, сказанныя случайно, скоро убѣдили меня, что дѣйствительно господинъ мой не ошибался. Убѣдившись въ этомъ, я предложилъ Каруку отпустить меня

одного въ столицу твоего отца, чтобы разузнать почему ты от- казываешь всѣмъ, дѣлавшимъ тебѣ предложеніе и какъ можно избѣгнуть этого несчастія? Царевичъ согласился и я выѣхалъ въ надеждѣ скоро возвратиться, потому что городъ этотъ находился не очень далеко отъ твоей резиденціи. Три дня спустя я при- былъ вотъ на эту самую равнину, на которой мы находимся те- перь. Пораженный ея красотой и прелестью дворца, я пустилъ на пашу коня моего и рѣшился осмотрѣть замокъ со всѣхъ сто- ронъ вблизи. Прошедъ нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ 5-ть пре- лестныхъ ланей, которыя подбѣжали ко мнѣ, кивали головами, ступали ногами и съ слезами на глазахъ старались остановить меня. Не понимая въ чемъ дѣло я отстранилъ ихъ съ дороги и очутился передъ дворцомъ въ то время, когда изъ него вышла молодая хорошенькая женщина. Увидѣвъ меня, она ласково улы- нулась и предложила сѣсть около нея. Послѣ подробныхъ раз- спросовъ, кто я и куда ѣду, гостепріимная хозяйка своеручно подала мнѣ великолѣпный персикъ и просила отвѣдать его. Я съѣлъ и мгновенно превратился въ такую же лань, какихъ встрѣ- тить. Злодѣйка улыбнулась и молча скрылась въ дворецъ. Видя себя изуродованнымъ и лишившимся языка, я зарыдалъ не о се- бѣ, но о господинѣ, который тщетно будетъ ожидать моего воз- вращения. Прошло много дней. Однажды я лежалъ не вдали отъ дворца подъ деревомъ. Вижу идетъ молодая женщина съ рабы- нею и остановившись сказала: „какъ мнѣ больно смотрѣть на этихъ несчастныхъ людей, обращенныхъ въ животныхъ. О, Мер- хани, развѣ я для этого научила тебя моему искусству? Сказавъ это, она подошла ко мнѣ и начала всматриваться въ глаза мои, наполненные слезами.—Бѣдняжка—продолжала она—ты плачешь. Не плачь, я сейчасъ же сдѣлаю тебя первобытнымъ человѣкомъ. Затѣмъ она вынула изъ кармана какую-то коробочку и посыпавъ меня золотистою пылью, что-то пошептала. Не прошло и мину- ты, какъ я принялъ свой естественный образъ и началъ цѣловать благодѣтельница мои ноги. Оказалось, что она была родная се- стра Мерхани и именовалась Гульгази. Спасительница моя поин- тересовалась узнать какимъ образомъ я зашелъ въ эти мѣста и попалъ въ руки волшебницы. Когда я рассказалъ ей все, она по- видимому очень изумилась моею преданности къ Каруку и поже- лала научить меня легчайшему способу спасти тебя отъ заблуж- денія и свести съ господиномъ моимъ.—Ты прежде всего дол- женъ назваться духовнымъ пилигримомъ—сказала она—и обя- зать, что пришелъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта на поклоненіе и служеніе великому Кесаи. Когда услышатъ объ этомъ храмовые служители, то они изъ желанія усилить славу своего божества, начнутъ обходиться съ тобою, какъ съ святымъ человѣкомъ, познакомятъ съ главнымъ жрецомъ пагоды и дове- дутъ это до свѣдѣнія царя Тогула, который вѣритъ въ могуще- ство Кесаи и ничего не щадитъ для благолѣпія его храма. Въ заключеніе, тебя приведутъ къ идолу и заставятъ преклониться

передъ нимъ, но имѣй въ виду, что этого невозможно достигнуть обыкновеннымъ смертнымъ, потому что кругомъ идола горитъ подземный огонь и проведена кипучая вода, которые немислимо перейти, но я тебѣ дамъ стклянку съ такою водою, которая сдѣлаетъ тебя не доступнымъ влиянію огня. Послѣ чего тебя пригласятъ къ первосвященнику и признаютъ великимъ угодникомъ Кесаи. Вслѣдъ затѣмъ ты долженъ посыпать однимъ зельемъ, которое я дамъ тебѣ, ложе жреца, послѣ чего онъ умретъ. Смерть его припишутъ волѣ божества, желавшаго видѣть тебя своимъ первосвященникомъ и тебя изберутъ на это почетное мѣсто. Мѣсяцъ спустя къ тебѣ обратится царь Тогоулъ, у котораго смертельно заболѣетъ сынъ, но сейчасъ же выздоровѣетъ отъ одной капли воды, которая переведетъ тебя чрезъ огонь. Послѣ всего этого тебѣ не трудно будетъ достигнуть свиданія съ Варухою и въ качествѣ святаго достигнуть цѣли путешествія. Окончивъ наставленіе, эта добрая женщина подала мнѣ стклянку съ голубою водою и порошокъ въ шелковомъ лоскутѣ и приказала уходить какъ можно скорѣе, чтобы вновь не попасть въ руки Мерхани. Остальное, милая Варуха, ты знаешь сама, но къ несчастію я, боявшійся вспомнить даже объ этой пролятой мѣстности, вновь попалъ на нее и рѣшился на удачу пройти во дворецъ, чтобы еще разъ преклонить колѣна мои передъ Гульнази. Представь же мое удивленіе, когда я нашелъ мою благодѣтельницу въ тяжелыхъ цѣпяхъ, безъ возможности повернуться.—Ты опять пришелъ сюда несчастный! вскрикнула она узнавъ меня и въ немногихъ словахъ рассказала, что Мерхани подвергла ее этой пыткѣ за мое освобожденіе.—Ну,—сказалъ я,—видно мнѣ суждено было свыше оказать и тебѣ услугу и я началъ подымать ея цѣпи, но онѣ были на громадномъ замкѣ.—Гдѣ теперь волшебница? невольно вырвалось у меня съ языка.—Она въ это время обыкновенно спитъ въ своей комнатѣ наверху.—А гдѣ она хранитъ ключъ отъ твоихъ цѣпей?—Она носитъ при себѣ.

Будь что будетъ—прошепталъ я и бросился къ спящей волшебницѣ. Она дѣйствительно спала такимъ крѣпкимъ сномъ, что я подошелъ и сильнымъ ударомъ сабли отдѣлилъ ея голову отъ туловища, нашелъ ключъ и освободилъ мою благодѣтельницу, которая и приказала мнѣ немедленно привести васъ на отдыхъ.

Варуха съ нянею сейчасъ же пошли къ дворцу, гдѣ и приняты были съ слезами радости. Гульнази употребила все усилія, чтобы успокоить и доставить удовольствіе своимъ дорогимъ гостямъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней министръ персидскаго царя спросилъ у Гульнази отчего она не позаботилась обратить въ первобытный образъ всѣхъ остальныхъ ланей, которыя бродятъ на полянѣ.

— Я это думала сдѣлать послѣ вашего отъѣзда, но такъ какъ ты напомнилъ мнѣ, то я сегодня же возрадую этихъ несчастныхъ.

Варуха также изъявила согласіе присутствовать при этомъ доб-

ромъ дѣлѣ и чрезвычайно изумлялась, видя какъ лани принимали образъ прекрасныхъ молодыхъ людей преимущественно изъ Анатолиі. Какъ вдругъ передъ изумленнымъ министромъ очутился его господинъ.

— Ты ли это мой повелитель? вскрикнулъ Сирокъ, бросаясь цѣловать его руку.

— Да мой другъ, это я, не имѣвшій терпѣніе ожидать тебя и случайно попавшійся въ засаду злой вѣдьмы, обратившей меня въ животное.

Сирокъ въ ту же минуту ввелъ повелителя своего во дворецъ и представилъ Варухѣ, говоря:

— Этой царевнѣ нѣкогда снился сонъ, который сегодня сбылся: она видѣла лань въ сѣтяхъ, которую освободила другая лань.

Царевичъ сейчасъ узналъ свою милую и Варуха съ крикомъ радости приняла его въ свои объятія. Не ограничиваясь этимъ, царевна пожелала, чтобы и Гульнази устроила свою судьбу съ Сирокомъ. Такимъ образомъ вмѣсто одной пары счастливыхъ возвратились въ Персію двѣ пары, которыя нынѣ блаженствуютъ на небесахъ.

На слѣдующій день Айдинъ спросилъ у Халимы не расскажетъ ли она ему еще чего-нибудь.

— Изволь, мой дорогой повелитель, — отвѣчала она. Въ славномъ Дамаскѣ жилъ купецъ по имени Абдула, который считалъ себя богаче всѣхъ въ городѣ, но при всемъ этомъ день и ночь скорбѣлъ о томъ, что не имѣлъ дѣтей. Желая расположить къ себѣ божество, Абдула началъ устраивать обѣды для бѣдныхъ, гостиницы для проѣзжихъ и храмы для благочестивыхъ, но всѣ жертвы не приводили ни къ чему. Какъ вдругъ ему доложили, что къ нимъ пріѣхалъ знаменитый врачъ. Абдула обратился къ нему и чрезъ годъ у него родился сынъ, котораго онъ назвалъ Калуфомъ. Абдулъ ничего болѣе не желалъ и посвятилъ себя всецѣло воспитанію наслѣдника. Когда мальчикъ достигъ семи лѣтъ, его отдали въ лучшее училище и восхищались его успѣхами, а въ 18 лѣтъ онъ уже поражалъ всѣхъ своими познаніями. Абдула ликовалъ, но увы ему не суждено было дожить до полной радости. Калуфъ, сдѣлавшись обладателемъ всего состоянія, началъ жить очень весело и въ теченіи двухъ лѣтъ промоталъ все состояніе добраго отца. Оставшись ни при чемъ, онъ обратился къ друзьямъ своимъ съ просьбою помочь ему, но они отвернулись отъ него съ насмѣшками. Калуфъ оскорбился до глубины души и рѣшился удалиться изъ Дамаска. Пришедъ въ городъ Каракороамъ, онъ остановился въ Ханѣ и, узнавъ, что царь этой страны приглашаетъ охотниковъ противъ враговъ, объявившихъ ему войну, зачислился въ дѣйствующія войска и въ самомъ непродолжительномъ времени успѣлъ отличиться настолько, что падишахъ и всѣ сановники признали его за великаго знатока военнаго искусства. Поощренный наградами и всеобщимъ вниманіемъ, Калуфъ послѣ

окончания войны снова очутился въ бѣдственномъ положеніи, но вторичная война съ другими сосѣдними царями настолько его прославила и сблизила съ монархомъ, что онъ приблизилъ его, а послѣдующій за нимъ султанъ сдѣлалъ его своимъ великимъ визиремъ. — Боже, — вскрикнулъ Калуфъ — это непостижимо — изъ бѣдности попасть прямо въ роскошь! Но видно такъ уже предопределено свыше — да будетъ его воля! Сдѣлавшись великимъ визиремъ, Калуфъ и на этомъ поприщѣ счумѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло. Царь былъ въ восторгѣ отъ него. Однажды Калуфъ вышелъ пройтись по городу и встрѣтилъ около мечети старуху, передъ которою сидѣло нѣсколько молодыхъ рабынь. — Не продаешь ли ты этихъ дѣвушекъ? спросилъ великій министръ. — Да, я ихъ вывела на продажу — отвѣчала она — но онѣ не по тебѣ; для такихъ сановниковъ, какъ ты, у меня есть болѣе достойныя. Потрудись зайти въ мой домъ и я покажу тебѣ ихъ. — Я готовъ — отвѣчалъ Калуфъ и послѣдовалъ за нею, но какъ только онъ подошелъ къ воротамъ, ему предложили переодѣться въ женское платье. Исполнивъ это требованіе, онъ вступилъ въ роскошно убранную комнату, гдѣ въ большомъ хрустальномъ чанѣ плавали всевозможныхъ цвѣтовъ рыбки. Въ это время отворились противоположныя двери и вышла съ полотенцемъ въ рукахъ молоденькая дѣвушка, которая заботливо посадила его и начала вытирать лобъ и руки отъ пота. — Она такъ хороша собою и такъ хорошо исполняетъ свою обязанность — подумалъ Калуфъ — что надо купить ее. Не успѣлъ онъ подумать этого, какъ въ комнату вступила другая дѣвушка съ чашею воды гораздо красивѣе и, поцѣловавъ у него руку, умыла ноги. — Эту надо будетъ купить — сказалъ онъ. Но прежде чѣмъ онъ открылъ ротъ, изъ третьихъ дверей начали выходить поодиночкѣ одна красивѣе другой дѣвушки, а за ними точно луна на небѣ выступала поразительной красоты хозяйка. Взглянувъ на нее, Калуфъ вскрикнулъ отъ удовольствія.

— Что означаетъ твой возгласъ? спросила хозяйка, приглашая гостя къ столу, на которомъ разставлены были разныя лакомства и шербеты.

— Твои прелести поразили меня — отвѣчалъ молодой министръ — я нигдѣ и никогда не встрѣчалъ такой женщины, какъ ты.

— Спасибо за сладкія рѣчи — отвѣчала она серьезно — но ты кажется зашелъ ко мнѣ за другимъ дѣломъ. Вотъ всѣ дѣвушки, которыхъ я желаю продать, выбирай по вкусу своему — и она приказала рабынямъ пѣть, танцовать и вообще показывать свои достоинства.

Но Калуфъ не хотѣлъ смотрѣть ни на одну изъ нихъ, а все больше и больше придвигался къ самой хозяйкѣ. Въ заключеніе онъ упалъ къ ногамъ ея и началъ изъясняться въ тѣхъ чувствахъ, которыми переполнилась его душа къ ней. Хозяйка ужасно оскорбилась и хотѣла удалиться, но министръ началъ просить извиненіе и общалъ дерзать себя почтительно.

— Пожалуй я извиню тебя — отвѣчала она — но съ условіемъ, что ты не станешь скрывать отъ меня: кто ты такой и чѣмъ занимаешься?

Калуфъ не выдержалъ и рассказалъ все.

— Я такъ много слышала о твоихъ подвигахъ, мой дорогой гость, — отвѣчала Далира — что давно жаждала взглянуть на тебя, и очень рада, что удостоилась чести принять въ своемъ домѣ. Видишь ли, мой отецъ также служить при царѣ и онъ постоянно рассказываетъ намъ о тебѣ.

— Гдѣ же твой отецъ?

— Онъ посланъ въ качествѣ посланника въ Персію и не скоро возвратится. Но довольно объ этомъ. Пойдемъ лучше въ столовую: пора ужинать.

Выпивъ по чашѣ вина, Далира спросила у Калуфа, много ли при царскомъ дворцѣ хорошенькихъ женщинъ и которая изъ нихъ первенствуетъ?

— Гаремъ султана нашего прелестенъ, но между всѣми цвѣтами лучшею розою считается Уладамъ. Падишахъ очень любитъ ее, но это благодаря тому что ему неизвѣстна твоя красота. Воображаю, какъ возмутилась бы она, еслибъ встрѣтилась съ тобою!

Далира улыбнулась и употребляла всѣ средства расположить въ пользу свою Калуфа и настолько ослѣпила его, что прощаясь министръ умолялъ красавицу дозволить прійти къ ней и завтра.

— Приходи, но только не иначе, какъ исполнивъ сегодняшнее требованіе, т. е. передѣться въ женское платье.

На слѣдующій день великій визирь по обыкновенію пришелъ къ султану за приказаніями.

— Отчего ты не былъ у меня вчера? спросилъ царь.

— Виновать, государь, я былъ въ гостяхъ у твоей красавицы, какой никогда не видѣли люди.

— Это вѣроятно такъ показалось тебѣ.

— Нѣтъ, повелитель, я видѣлъ много прелестныхъ дѣвушекъ, но никогда мнѣ не снилась даже подобная.

— Ты говоришь такимъ тономъ, что заставляешь взглянуть на нее.

— Этого не такъ легко будетъ достигнуть — отвѣчала Калуфъ.

— Но развѣ я не могу воспользоваться твоею протекціею?

— Какъ я могу тебѣ служить, государь, когда самъ случайно попалъ въ ея домъ?

— Возьми меня въ качествѣ раба, шута или музыканта, я на все согласенъ, лишь бы провѣрить вкусъ моего полководца.

Калуфъ не осмѣлился противорѣчить и поневолѣ долженъ былъ въ извѣстное время зайти за государемъ своимъ. Пришедъ къ мечети, они были встрѣчены вчерашней старушкой съ узломъ женскаго платья, въ которое долженъ былъ одѣться министръ.

— А это кто сопровождаетъ тебя? спросила женщина.

— Это мой слуга, который отлично поетъ и умѣетъ забавлять

господь. Я взял его съ цѣлью доставить развлеченіе прелестной Далирѣ.

— Моя госпожа любитъ пѣть—отвѣчала посланная и вѣроятно не разгнѣвается за это.

И дѣйствительно Далира не выразила неудовольствія. Султанъ занялъ мѣсто у порога и страстно слѣдилъ за красавицею, которая послѣ обыкновенныхъ разговоровъ сказала Калуфу:

— Если ты привелъ ко мнѣ раба твоего на показъ, то надо полагать, что онъ обладаетъ необыкновенными достоинствами. Прикажи же ему позабавить насъ.

Министръ исполнилъ ея желаніе. Царь пропѣлъ нѣсколько импровизаций и затѣмъ превратился въ шута и такъ мастерски выполнилъ эту роль, что Далира начала просить гостя своего подарить ей этого человѣка. Падишахъ подаль знакъ согласиться.

— Очень радъ угодить тебѣ—отвѣчалъ Калуфъ— пусть рабъ мой будетъ твоимъ.

— Въ такомъ случаѣ мы перейдемъ въ мою столовую и сядемъ всѣ трое за столъ—сказала молодая дѣвушка, подымаясь съ мѣста.

Гости послѣдовали за нею и усѣлись за яства.

Наливъ кружку вина, Далира произнесла серіознымъ тономъ:

— Достопочтенный Калуфъ, чтобы доставить тебѣ больше удовольствія, пью за здоровье твоей одалычки Уладамъ, которую боготворить нашъ султанъ. Слова эти поразили и царя и Калуфа.

— Твоя любезная шутка совершенно не кстати—сказалъ министръ съ обидою.— Неужели ты не знаешь, что любимица царя составляетъ священный предметъ для вѣрноподанныхъ.

— Перестань Калуфъ, потому что ты вчера говорилъ мнѣ совсѣмъ другое. Не боишься ли ты сегодня моего раба?

— Я тебѣ ничего не говорилъ о прелестной Уладамъ.

— А развѣ твои ночныя пирушки съ нею не имѣютъ никакого значенія?

Калуфъ съ трудомъ заставилъ красавицу замолчать. Между тѣмъ султанъ все сказанное ею принялъ за совершенную правду и съ негодованіемъ началъ кусать губы. Далира, не замѣчая всего этого, налила вторую кружку вина и, подавъ рабу своему, сказала:

— Ну, теперь ты послушай, какъ я пою—и взявъ лиру, она запѣла такимъ звучнымъ и мелодическимъ голосомъ, что султанъ почувствовалъ дрожь по всему тѣлу.

— Да ты превосходишь моего лучшаго пѣвца Насира!—вскрикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста.

— Боже! неужели у меня въ гостяхъ мой повелитель? произнесла съ изумленіемъ Далира, бросаясь къ чадрѣ, чтобы закрыть лице.

— Какъ жаль, что я проговорился—сказалъ султанъ. Это заставляетъ меня удалиться и, поднявшись съ мѣста, онъ быстрыми шагами вышелъ на улицу.

Пришедъ во дворецъ, султанъ до такой степени возмущился противъ любимаго визиря своего, что хотѣлъ приказать повѣсить его, но потомъ порѣшилъ изгнать изъ царства съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не осмѣлился возвратиться. Это послѣднее постановленіе буквально было выполнено на другой день. И бѣдный Калуфъ, оказавшій такъ много услугъ отечеству и царю, изгнанъ былъ изъ царства, благодаря нѣсколькимъ словамъ, сказаннымъ Далирою безъ всякаго желанія принести ему несчастье.

Очутившись вдали отъ тѣхъ, кто зналъ его, Калуфъ послѣ долговременной скитальнической жизни прибылъ въ Самарканъ въ лохмотьяхъ и остановился у дверей мечети, чтобы обратить на себя взоры какого-нибудь милостиваго мусульманина. Къ счастью къ нему въ тотъ же день подошелъ одинъ богато одѣтый мусульманинъ и ласково спросилъ, здѣшній ли онъ житель или чужестранецъ.

— Я только сегодня прибылъ сюда изъ далекихъ странъ—отвѣчалъ Калуфъ и то благодаря шайки разбойниковъ, которые отняли отъ меня мой караванъ и перебили всѣхъ слугъ. О, отецъ, пожалѣй меня и окажи хоть на первые дни твою помощь.

— Иди за мною, сынъ мой—сказалъ купецъ—я окажу тебѣ большую помощь на возвращеніе въ отечество твое, если ты и въ свою очередь не откажешь мнѣ въ маленькомъ одолженіи, которое навѣрно не покажется тебѣ противнымъ.

Пришедъ домой, купецъ Музафиръ, посадилъ Калуфа съ собою за столъ и когда онъ наѣлся обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Другъ мой, тебѣ вѣроятно извѣстно, что тѣ мужья, которые въ третій разъ разводятъ женъ своихъ даже изъ за пустой ссоры не иначе могутъ вновь сблизиться съ ними, какъ подчинившись извѣстнымъ требованіямъ нашего святаго закона, т. е. чтобы эта женщина хоть на одни сутки вышла за другаго человѣка замужъ. Къ несчастью я имѣю сына, который до безумія любитъ свою жену, но какъ только произойдетъ между ними разлада, онъ сейчасъ-же произноситъ слова: „иди вонъ, я не признаю тебя болѣе за свою жену“ а на другой день начинается скорбѣть и проситъ извиненія. Такимъ образомъ это случилось и теперь и приходится ради святости корана перевѣнчать ее съ другимъ, Я могъ бы найти за деньги тысячи охотниковъ въ нашемъ кварталѣ, но мнѣ не хочется, чтобы наши семейныя дѣла были извѣстны въ городѣ. Вотъ почему я предпочитаю тебя, который увезетъ эту тайну съ собою. Согласенъ ли ты, мой сынъ, посодѣйствовать этому доброму дѣлу за 50 червонцевъ?

— Очень хорошо—отвѣчалъ Калуфъ.

Услышавъ этогъ отвѣтъ, Музафиръ позвалъ приходскаго имама и поручилъ ему совершить всѣ формальности бракосочетанія.

— Ты знаешь—заговорилъ мулла—что завтра въ такое же время ты долженъ будешь развестись съ тою, съ которою я пере-

вѣнчаю сегодня тебя и кромѣ этого немедленно выѣхать изъ Самаркана?

— Знаю и обѣщаю исполнить договоръ—отвѣчалъ Калуфъ.

Этихъ словъ достаточно было духовнику, чтобы совершить уставленный обрядъ бракосочетанія.

— Еще одного требуетъ отъ тебя Танерь, сынъ Музафира—прибавилъ мулла—и именно, чтобы ты не видѣлъ лица той, съ которою перевѣнчаешься. Это для того конечно, чтобы совѣсть молодой женщины не тревожила ее впоследствии.

— И на это согласенъ—отвѣчалъ онъ.

По совершеніи брачнаго договора Калуфъ, одѣтый съ ногъ до головы въ приличный нарядъ, введенъ былъ въ темную комнату къ женѣ и оставленъ былъ подъ стражею съ цѣлью не допустить освѣщенія комнаты.

Очутившись около неизвѣстной женщины, Калуфъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Какъ жаль, что я не увижу лица той, которую мнѣ назначилъ въ жены на одни сутки Богъ.

— Твой голосъ мнѣ напоминаетъ одного знакомаго—сказала таинственная женщина—не можешь ли ты сказать настоящее имя свое?

— Меня зовутъ Калуфомъ.

— Да, я знала когда то одного Калуфа великаго министра въ моемъ отечественномъ городѣ.

— Я былъ министромъ и полководцемъ въ городѣ Каракороамъ.

— Въ такомъ случаѣ ты вѣроятно зналъ одну дѣвушку по имени Далиру?

— Этой красавицы я никогда не забывалъ, не смотря на то, что она была поводомъ моего изгнанія изъ царства и теперешнихъ бѣдствій.

— Какимъ это образомъ могло произойти? спросила женщина, стараясь измѣнить свой голосъ.

Калуфъ рассказалъ.

Не успѣлъ онъ окончить повѣствованія, какъ почувствовалъ на шеѣ своей двѣ нѣжныя руки и горькое рыданіе той самой Далиры, которая довела его до теперешняго состоянія.

— О, мой дорогой—говорила она—могла ли я думать, что сдѣлаешь твоею женою на одни сутки въ странѣ отдаленной, куда выдалъ меня замужъ отецъ мой за самаго злаго и безхарактернаго человѣка! Неужели ты завтра вновь покинешь меня на прежнія муки? Нѣтъ, это невозможно, чтобы разлучился со мною тотъ, къмъ я не переставала восхищаться и клясть себя за безразсудное поведеніе.

Измѣненный Калуфъ не вѣрилъ слуху своему. Счастіе его не имѣло границъ. Естественно, что людямъ, такъ неожиданно соединившимся и обязаннымъ вновь разлучиться съ разсвѣтомъ не приходилось заснуть.

— Нѣтъ—сказала Далира—твое обѣщаніе развестись со мною

не можетъ быть обязательно, потому что ты не предвидѣлъ встрѣчи со мною.

— Какъ же я долженъ поступить, чтобы не лишиться тебя, мое сокровище? Вѣдь я здѣсь чужой и безъ всякихъ средствъ къ жизни

— Все это вздоръ. Тебя никто не смѣетъ заставить разлучиться со мною. Будемъ же отстаивать наши права до крайности и надѣяться на Бога.

Калуфъ очень обрадовался такому рѣшенію жены и далъ слово ни за что не разводитъ ее.

Тѣмъ временемъ начало разсвѣтать и стражники потребовали, чтобы Калуфъ вышелъ изъ опочивальни.

— Сдѣлай имъ одолженіе выйди—сказала Далира.

Калуфъ вышелъ и предсталъ предъ Музафиромъ.

— Твое обязательство окончилось—сказалъ купецъ—изволь получить свои деньги и уѣзжай съ Богомъ.

— Въ своемъ ли ты умѣ мой отецъ? спросилъ Калифъ—Я дѣйствительно предполагалъ разлучиться съ Далирою, но такъ какъ она оказалась моею невѣстою, то въ настоящее время не можетъ быть рѣчи объ этомъ.

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія вещи или тебѣ неизвѣстно, что я первый богачъ въ Самарканѣ и могу заставить кадїа засадить тебя въ темницу.

— Я не стану говорить противъ твоей власти, но повторяю, что я ни за какія блага и мученія не разстанусь съ моею женою.

— Это мы увидимъ. Но можетъ быть, другъ мой, ты все это придумалъ изъ желанія получить отъ меня вдвое больше противъ договора?

— Я ничего не прошу кромѣ предоставить мнѣ и женѣ свободу.

— Ну, господинъ нищій, вамъ не видѣтъ Далиры, какъ затылка своего. Гей рабы—вскрикнулъ Музафиръ—возьмите этого негодяя и сведите его въ камеру кадїа, куда и я скоро приду.

Часъ спустя кадїй, выслушавши почтеннаго купца, грозно позвалъ Калуфа и началъ предлагать ему исполнить свое добровольное обязательство.

— Я не предвидѣлъ, эфенди, такую случайность.

— Это не касается до меня. Я требую, чтобы обязательство было выполнено въ точности, въ противномъ случаѣ мы должны будемъ приступить къ насильственнымъ мѣрамъ.

— Я не боюсь никакихъ мѣръ въ убѣжденіи, что человекъ не властенъ заставить меня отказаться отъ жены.

— И это ты осмѣливаешься говорить при мнѣ! вскрикнулъ судья—гей десятичники возьмите этого дерзкаго нищаго и отпустите ему на первый разъ 50 ударовъ въ пятки, а къ завтрашнему дню мы подготовимъ ему лучшіе подарки.

Несчастнаго Калуфа немедленно вывели изъ залы судилища и

подвергли наказанію. Возвратившись къ женѣ, онъ разсказалъ о вынесенномъ и предстоящемъ мученіи.

— Тебѣ ничего болѣе не остается, другъ мой, какъ назваться сыномъ первѣйшаго въ мірѣ купца изъ Моссула Хаира. Этого человѣка уважаетъ весь міръ и кадіи навѣрно не осмѣлятся издѣваться надъ тобою.

— Но это будетъ ужасная ложь, которая откроется и тогда меня повѣсятъ.

— Пока кадіи пошлетъ нарочнаго въ Моссуль и онъ возвратится, мы найдемъ возможность убѣжать—сказала Далира.

— Пусть будетъ по твоему.

На слѣдующій день стража, окружавшая домъ Калуфа, въ урочный часъ привела его къ кадію, который, начавъ съ ласокъ, снова перешелъ къ угрозамъ.

— Не угрожай меня, эфенди, по пустому, потому что я не изъ тѣхъ, которые боятся угрозъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, кадіи, что я единственный сынъ перваго въ мірѣ купца Хаира Моссульскаго, который навѣрно пріѣдетъ ко мнѣ на помощь и съумѣетъ найти порогъ великаго хана.

— Онъ вретъ, онъ вретъ! кричалъ Музафиръ — онъ нищій, взятый мною изъ подъ дверей мечети.

— Да, я дѣйствительно явился къ мечети, когда разбойники захватили меня въ расплохъ и лишили всѣхъ богатствъ.

Услышавъ эти слова, кадіи измѣнилъ свое обращеніе съ обвиняемымъ, но не желая оскорбить друга своего, рѣшилъ немедленно послать нарочнаго въ Моссуль для справки, а до того времени держать Калуфа съ женою подъ наблюденіемъ стражи.

— Я избавился сегодня отъ пытки — сказалъ Калуфъ, входя къ женѣ — но горе мнѣ, если мы не успѣемъ убѣжать раньше возвращенія курьера.

— Курьеръ не возвратится раньше мѣсяца—отвѣчала Далира. Неужели до того времени намъ не представится случай. Я совѣтовала бы тебѣ заблаговременно распродать мои цѣнныя украшенія, чтобы ежеминутно быть готовыми.

Съ этого дня къ дверямъ несчастныхъ мужа и жены начали приходять многіе сострадательные люди и выражать Калуфу сожалѣніе. Но случая бѣжать не могло представиться, потому что стража зорко слѣдила за выходомъ каждой личности изъ двора. Въ одно время въ числѣ другихъ пришелъ къ Калуфу какой-то почтенный съ вида человѣкъ и пожелалъ узнать, въ чемъ состоитъ ихъ бѣдствіе.

— О, отецъ мой, я многимъ уже разсказывалъ про мое несчастіе, но увя въ этомъ городѣ не нашлось ни единой доброй души, которая пожалѣла бы насъ. Впрочемъ войди и ты выпить съ нами чашку кофе.

Далира, подавая этому гостю кофе, самымъ подробнымъ образомъ разсказала, кто былъ Калуфъ, какъ отецъ ее отправилъ противъ воли въ Самарканъ, какъ варварски поступалъ съ нею

мужъ, трижды разводившій ее и какъ въ заключеніе Богъ прислалъ ей того, кого она любила отъ всей души. Въ заключеніе она созналась передъ гостемъ, что мужъ ея вынужденъ былъ обмануть кадія съ цѣлью охранить пыту.

Выслушавъ внимательно, гость покачалъ головою и посовѣтовалъ имъ вознести свои надежды къ Богу.

— Ахъ, Далира—сказалъ мужъ, когда выпроводилъ неизвѣстнаго посѣтителя,—напрасно ты созналась передъ нимъ въ моемъ обманѣ. Ну, что если онъ передастъ это кадію сегодня же, тогда какъ я восхищался прожить съ тобою по крайней мѣрѣ еще недѣлю.

Далира повисла на шеѣ мужа и залилась горькими слезами.— Будь, что будетъ—сказала она—но клянусь тебѣ, что и я умру около твоей могилы.

— О, если ты общаешь мнѣ это—отвѣчалъ Калуфъ—то я съ радостію буду ожидать дня смерти моей.

Наконецъ приблизился день, въ который долженъ былъ пріѣхать курьеръ. Музафиръ и Талебъ приготовили уже все необходимое для устройства висѣлицы и не спускали глазъ съ дороги на Моссуль. Далира тосковала и возмущалась, видя невозможность бѣгства. Какъ вдругъ въ дворъ ихъ вступилъ цѣлый караванъ, во главѣ котораго стоялъ самъ кадій.

Удивленный Калуфъ вышелъ узнать, не по ошибкѣ ли это произошло, но только что онъ подошелъ къ кадію, какъ судья, отвѣсивъ ему почтительный поклонъ, сказалъ во всеуслышаніе:

— Твой знаменитый отецъ, узнавъ о постигшемъ тебя несчастіи, послалъ этотъ караванъ на имя мое съ просьбою отыскать тебя и передать по принадлежности. Извини меня, мой сынъ, что я не такъ поступилъ съ тобою, какъ слѣдовало бы поступить съ наслѣдникомъ перваго богача земли. Отнынѣ ты свободенъ отъ моего суда и стража уйдетъ съ твоего двора. Сказавъ это, кадій вторично поклонился и сдѣлалъ знакъ стражникамъ слѣдовать за нимъ.

— Чтобы это означало? спросилъ Калуфъ у жены.

— Я полагаю, что все это случилось по ошибкѣ. Надо думать, что у Моссульскаго Хаира, къ которому прибылъ курьеръ съ твоимъ заявленіемъ, явилось предположеніе, что сынъ его подвергся несчастію и онъ поспѣшилъ выручить его. Но такъ какъ эта ошибка можетъ завтра же выясниться, то я полагаю, что намъ слѣдуетъ сегодня же ночью бѣжать изъ Самаркана.

Калуфъ согласился съ женою и немедленно отправился на рынокъ, чтобы купить двухъ верховыхъ лошадей, но на возвратномъ пути засталъ въ дворѣ своемъ посланныхъ отъ мѣстапаго хана, которые потребовали отъ него явиться съ ними къ повелителю страны.

Калуфъ затрепеталъ и послѣдовалъ за офицерами.

При входѣ во дворецъ его немедленно ввели въ комнату царя,

гдѣ онъ увидѣлъ того самаго сановника, который посѣтилъ его и предложилъ обратиться къ Богу.

— Очень радъ, сынъ мой—сказалъ онъ—что Богъ услышалъ твою молитву и избавилъ отъ вражды людской. Садись около меня и мы побесѣдуемъ потому что, узнавъ о тебѣ, я крайне нуждаюсь въ хорошемъ полководцѣ.

Сказавъ это, сановникъ сдѣлалъ знакъ выйти всѣмъ стороннимъ лицамъ изъ комнаты и оставить ихъ вдвоемъ. Ты, вѣроятно не узнаешь во мнѣ хана—продолжалъ сановникъ, обращаясь къ гостю, который сейчасъ же бросился къ его фалдѣ и приложилъ къ губамъ своимъ. Да я ханъ этой страны и лично заинтересовался твоею судьбою. Твоя жена отлично сдѣлала, что рассказала мнѣ всю правду и предоставила возможность спасти отъ висѣлицы. Я сумѣлъ отобрать отъ курьера то извѣстие, которое онъ везъ и замѣнить его другимъ съ присоединеніемъ каравана, который ты вѣроятно уже получилъ. Все это сдѣлано мною, чтобы возвратить тебя къ первобытному посту, сдѣлавшему твое имя бессмертнымъ. Переселись же сегодня съ женою твоею въ одинъ изъ дворцовъ моихъ, потому что я уже назначилъ тебя верховнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ моихъ.

Калуфъ невольно поднялъ руки къ небу и съ слезами началъ благодарить Бога за его великія милости.

— Такимъ образомъ—прибавила Халима—Аллахъ вознаградилъ достойнаго человѣка по заслугамъ его.

— Ты неподражаема, моя прекрасная жена—сказалъ Айдинъ въ изобрѣтательности твоего ума.

— Не превозноси меня, повелитель мой, иначе я захочу болѣе понравиться тебѣ и превзойду ту степень, которая соотвѣтствуетъ моему разсудку.

Въ послѣдующую ночь калифъ, по привычкѣ, снова обратился къ Халимѣ съ вопросомъ, не расскажетъ ли она и сегодня чего-нибудь.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Одинъ изъ ногайскихъ повелителей Димурта-ханъ слылъ за очень хорошаго и добраго царя; но сынъ его Алафъ, получившій высокое образованіе, обѣщалъ сдѣлаться величайшимъ повелителемъ въ мірѣ. Въ одно время къ нимъ прибыли съ сѣверныхъ странъ послы отъ султана Амура съ требованіемъ дани. Димурта-ханъ спросилъ у сына слѣдуетъ ли ему принимать такихъ посланниковъ.—Нѣтъ—отвѣчалъ Алафъ—мы не такъ безсильны въ настоящее время, чтобы отдавать свое достоинствѣ чужимъ людямъ. Эткихъ словъ было достаточно, чтобы удалить этихъ нахаловъ изъ ханства и заставить султана Амура послать 200 т. хорошо вооруженныхъ людей покорить своей власти Димурта-хана. Какъ только освѣдомился объ этомъ, Алафъ собралъ все свое войско и направился на встрѣчу врагу. При первомъ же столкновеніи съ непріателемъ полководцы Амура замѣтили, что имъ придется возвратиться назадъ съ громадными потерями, вслѣдствіе чего они рѣшились

подкупить главноначальствующаго Алафа, обѣщая ему часть всей добычи и намѣстничество, если онъ поможетъ имъ восторжествовать. Въ этомъ духѣ они оставили письмо и, приложивъ нѣсколько дорогихъ подарковъ, послали ихъ съ самымъ ловкимъ и надежнымъ человѣкомъ. Главнначальствующій Алафа соблазнился и обѣщала такъ повести дѣло, что они завтра же достигнутъ полной побѣды. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ въ точности. Алафъ, разбитый на голову, вынужденъ былъ бѣжать съ поля битвы, чтобы захватить родителей и избѣгнуть позорнаго плѣна. Пораженный этимъ извѣстіемъ, Димурта-ханъ немедленно созвалъ преданныхъ слугъ и, забравъ лучшія сокровища свои, выѣхалъ изъ столицы съ тѣмъ, чтобы искать покровительства у сосѣдняго хана, но двѣ недѣли спустя на нихъ напала громадная банда разбойниковъ и, перерубивъ всю прислугу, ограбила до—гола. Это вторичное несчастіе до такой степени оскорбило хана, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ самоубійству и началъ прощаться съ женою и Алафомъ.

— Отецъ, ты малодушествуешь—прервалъ его сынъ—неужели тебѣ кажется, что ты накажешь своею смертію Бога, желавшаго испытать тебя въ несчастіи. По моему такія мысли не могутъ быть приличны царямъ.

Слова эти показались Димурту совершенно справедливыми и онъ, успокоившись, пошелъ гншкомъ за членами семьи своей, собирая наравнѣ съ ними для питанія разные корни и травы. Вскорѣ они зашли въ такія мѣста, гдѣ и травъ не оказалось. Ханъ изнемогалъ отъ голода. Въ заключеніе несчастное семейство вступило въ лѣсъ, гдѣ долгое время кормилось лѣсными фруктами. Подкрѣпившись немного, Алафъ заявилъ отцу, что онъ видѣлъ вдали что-то похожее на городъ.

— Идемъ, сынъ мой, скорѣе—вскрикнулъ ханъ—довольно намъ скитаться подобно звѣрямъ, авось насъ пожалѣютъ добрые люди. Сказавъ это, старикъ поднялся и зашагалъ впередъ.

Нѣсколько часовъ спустя ханское семейство дѣйствительно очутилось предъ воротами обширнаго города, но взглянувъ на рублища свои, оно не рѣшилось показаться людямъ при дневномъ свѣтѣ.

— Подождемъ, пока стемнѣетъ—сказала царица, тяжело вздохнувъ.

Въ то время, когда эти несчастные люди присѣли, къ нимъ подъѣхалъ на мулѣ старичекъ и, воздавъ почтеніе, спросилъ, откуда они слѣдуютъ и съ какою цѣлью.

— Не спрашивай насъ объ этомъ теперь—отвѣтили Алафъ—мы изнеможены голодомъ и долговременною дорогою. Скажи лучше намъ, какъ называется этотъ городъ и кто здѣсь царствуетъ?

— Городъ именуется Ягу, а царствуетъ здѣсь Аленъ ханъ. Изъ этого вопроса я заключаю, что вы чужие.

— Да, мы чужие и никого здѣсь не знаемъ—сказалъ Димурта.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ къ себѣ, такъ какъ я одинокъ и не бѣденъ.

— Спасибо, добрый мусульманинъ, за состраданіе мы охотно примемъ твое приглашеніе.

— Пойдемте же я проведу васъ безлюдными улицами.

Часъ спустя царское семейство вошло въ небольшой, но хорошо убранный домъ и сейчасъ же расположилось за столомъ. Хозяинъ приказалъ принести ужинъ и послалъ въ ближайшую лавку шитыхъ вещей за готовыми одеждами. Одѣвши и накормивши гостей, онъ началъ забавлять ихъ разными рассказами, но никто не внималъ его словамъ.

— Господа—сказалъ въ заключеніе хозяинъ—я употребилъ всѣ мѣры, чтобы развеселить васъ, но вы такое повидимому придаете значеніе потерянному богатству, что мнѣ приходится испытать послѣднее средство, т. е. рассказать вамъ про свои бѣдствія. Да будетъ вамъ извѣстно, что я сынъ знаменитаго царя Минортока. По достиженіи совершеннолѣтія отецъ мой рѣшился женить меня на той, которая будетъ избрана мною. Съ этою цѣлью мнѣ безпрестанно показывали лучшихъ дѣвушекъ столицы, но ни одна изъ нихъ не понравилась настолько, чтобы согласиться прожить съ нею цѣлую жизнь. Узнавъ объ этомъ, отецъ предложилъ мнѣ проѣздить по міру. Эта мысль раньше посѣщала меня и я, конечно, принялъ ее съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ окруженный стражею съ большими запасами золота и провизіи мы пустились прежде всего въ Моссуль, гдѣ я пировалъ болѣе мѣсяца, но и тамъ не могъ выбрать достойной подруги. Изъ Моссула я направился въ Багдадъ. Много дней мы ѣхали спокойно и весело, но вдругъ на насъ наскочила шайка разбойниковъ. Въ первый день стычки съ ними мы одержали побѣду, но на другой день, когда къ негодяямъ явилась помощь, всѣ защитники мои были перебиты, а я захваченъ въ плѣнъ.

— Ну, ты отвѣтишь намъ твоими муками за всѣхъ—сказалъ атаманъ, приказывая связать мнѣ руки и вести за собою.

Пришедъ въ какіе-то гроты, прикрытые высокими деревьями, разбойники начали дѣлиться моими сокровищами. Послѣ чего одинъ изъ нихъ сказалъ съ улыбкою: „Этого надо казнить съ нѣкоторымъ торжествомъ за то, что онъ доставилъ намъ гораздо больше другихъ купцовъ. Сказавъ это, онъ обнажилъ двѣ сабли и, подошедъ ко мнѣ, объяснилъ что намѣренъ разрубить меня отъ плечъ на три куска.

— Постой, злодѣй—вскрикнулъ я—ты долженъ имѣть уваженіе къ царской крови, потому что я единственный сынъ знаменитаго султана Минортока!

— Какъ, ты сынъ Минортока? спросилъ атаманъ, подбѣгая ко мнѣ съ сжатыми кулаками, Минортока, который повѣсилъ двухъ братьевъ моихъ и самыхъ лучшихъ слугъ моихъ! О какъ я счастливъ наконецъ, что имѣю возможность отомстить этому немилосердному человѣку. Друзья мои—прибавилъ онъ, обращаясь къ товарищамъ—возьмите его и привяжите къ желѣзнымъ кольцамъ,

потому что завтра я самъ придумаю, какого рода казни слѣдуетъ придать этого принца.

Требованіе атамана было исполнено съ звѣрскимъ удовольствіемъ. Я началъ читать про себя молитвы въ полномъ убѣжденіи, что не минуя ужаснѣйшей казни. Прошло нѣсколько часовъ, вдругъ въ пещеру вбѣжала женщина съ крикомъ: „скорѣе, скорѣе бѣгите на дорогу, идетъ большой караванъ!“ Всѣ вскочили, схватили оружіе и бѣгомъ пустились въ лѣсъ. Въ эту минуту я тяжело вздохнулъ и обратилъ на себя вниманіе оставшейся у огня женщины.

— Ты кто такой и зачѣмъ здѣсь? спросила она, подошедъ ко мнѣ.

Я отвѣтилъ, что находился при разбитомъ вчера караванѣ въ качествѣ слуги и единственный сынъ слѣпой старушки.

— Съ какою же цѣлью они привязали тебя?

— Они хотятъ меня повѣсить за то, что я по обязанности ударилъ одного изъ слугъ атамана палкою.

— Ну, за такія мелочи не вѣсятъ людей—сказала она и, развязавъ меня, приказала бѣжать безъ оглядки.

Естественно, что я не пощадилъ силъ своихъ и на другой день, вышедъ на большую дорогу, присоединился къ первымъ идущимъ въ Багдадъ. Въ этомъ городѣ я не могъ найти никого, кто бы узналъ меня и проголодавши два дня подъ дверьми мечети, дошелъ до того положенія, что рѣшился попросить въ сосѣднемъ домѣ кусокъ хлѣба. Добрая старушка завала меня въ дворъ и приказала накормить до-сыта. Въ это время я увидѣлъ въ цвѣтницѣ молоденькую дѣвицу до-такой степени красивую, что у меня сдѣлалось какое-то помраченіе разсудка. Едва помня себя, я вышелъ на улицу и рѣшился идти на кладбище, чтобы умереть отъ страданій и любви къ очаровательной Изумрудѣ, дочери богатаго купца Муфа-эфендія.

Около полуночи я услышалъ за собою разговоръ нѣсколькихъ человѣкъ. Какъ только я поднялся, они приблизились ко мнѣ и начали допрашивать, кто я и зачѣмъ здѣсь? Назвавшись иностранцемъ безъ средствъ и занятій, я былъ приглашенъ ими въ ихъ кружокъ и признавшись, что промышляютъ воровствомъ, начали заманивать въ свою профессію. Въ эту минуту на насъ наскочила городская стража и всѣхъ отвела въ тюрьму. На слѣдующій день меня представили къ кадію, которому я рассказалъ самымъ подробнымъ образомъ, какъ выпросилъ пищу въ домѣ Муфа-эфендія, какое ужасное вліяніе произвела на меня его дочь и т. п. Кадій, выслушавъ меня съ полнымъ довѣріемъ, улыбнулся и приказалъ одному изъ слугъ своихъ привести меня къ нему домой.

— Я хочу оказать тебѣ, сынъ мой, особенную милость—сказалъ онъ. Передъ вечеромъ кадій потребовалъ меня снова и посадивъ у ногъ своихъ, сказалъ:

— Твоя любовь къ прелестной Изумрудѣ, которую отецъ мечтаетъ отдать замужъ за царевича до такой степени затронула меня, что я рѣшился сдѣлать тебя мужемъ этой красавицы; но

чтобы достигнуть этого, я выдамъ тебя за наслѣдника Сіамскаго престола и прикажу всѣмъ воздавать тебѣ царскія почести. Все остальное совершится само по себѣ. Отвѣчай мнѣ, согласенъ ли ты назваться сыномъ знаменитаго Минортока?

— Я на все согласенъ—отвѣчалъ я—лишь бы обладать этою красавицею.

Кадіи потеръ руки отъ удовольствія, приказалъ свести меня въ баню и одѣтъ въ драгоценныя одежды. Одновременно съ этимъ онъ послалъ пригласить на кофе Муфу-эфендія. Когда этотъ послѣдній явился, я находился въ сосѣдней комнатѣ и началъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— О, Муфа-эфенди — началъ кадіи — вотъ ужъ три года какъ между нами пробѣжала бѣшеная черная кошка и заставила насъ враждовать, но на все есть мѣра и время. Признаюсь тебѣ откровенно, что одно обстоятельство заставляетъ меня протянуть къ тебѣ объятія дружбы и обстоятельство чрезвычайно важное. Слышалъ ли ты о знаменитомъ Сіамскомъ султанѣ Минортокѣ и единственномъ его наслѣдникѣ Арефъ-султанѣ?

— Какъ не знать такихъ великихъ именъ вселенной! отвѣчалъ Муфа-эфенди.

— Такъ знай же, что этотъ Арефъ-султанъ пріѣхавъ ко мнѣ инкогнито, случайно въ щель твоихъ дверей, увидѣлъ дочь твою прекрасную Изумруду и до того увлекся ею, что хочетъ во что бы ни стало жениться на ней и просить меня быть посредникомъ въ этомъ. Принимая охотно на себя эту великую миссію, я по неволѣ обязанъ сдѣлаться твоимъ искреннимъ другомъ. Соболаговолити же протянуть ко мнѣ твои объятія и сдѣлаться моимъ пріателемъ.

— Ой, кадіи я ужасно боюсь, чтобы ты не сдѣлалъ надъ домомъ моимъ злой насмѣшки—отвѣчалъ Муфа. Твоя злость и хитрость хорошо мнѣ извѣстны.

— Ты и теперь сомнѣваешься—вскрикнулъ кадіи—ну какъ же мнѣ не быть злымъ и хитрымъ, когда вы не довѣряете мнѣ. Вѣдь я никогда не видѣлъ и не зналъ даже, что у тебя есть дочь. Но постой, безвѣрный, я лично представлю тебѣ жениха, какъ лучшее доказательство. Сказавъ это, онъ вошелъ въ мою комнату и громко сказалъ: „Блистательный царевичъ, отецъ той счастливицы, которую твое сердце избрало, самъ пришелъ выразить тебѣ свое почтение!“ При этомъ онъ шепнулъ мнѣ представлять видъ султана и сдѣлалъ знакъ слѣдовать за нимъ.

Очутившись передъ Муфа-эфендіемъ, я назвалъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ дѣйствительно, и получилъ его полное согласіе на бракосочетаніе.

Кадіи торжествовалъ отъ такой удачи и насъ на другой же день соединили брачными узами. Оставшись на-единѣ съ Изумрудою, я проснувшись предъ разсвѣтомъ рѣшилъ посвятить подругу мою во всѣ подробности моей жизни и предположеніе кадіи перевѣнчать ее въ насмѣшку за нищаго. Изумруда заскрежетала

зубами, но обрадованная тѣмъ, что Богъ предохранилъ добраго отца ея отъ позора, немедленно передала отцу о неудачѣ злаго кадія и въ свою очередь повлялась насмѣяться надъ нимъ. Два часа спустя къ нимъ пришелъ посланный отъ кадія съ узломъ, въ которомъ находилась моя старая изорванная одежда.—На возьми твои лохмотья нищій—сказалъ онъ съ дерзостью—и возврати занятія у господина моего одежды.“ Ничего не говоря, я возвратилъ дорожную одежду посланному и просилъ его передать кадію, что постараюсь доказать ему въ самомъ непродолжительномъ времени, что я дѣйствительно наслѣдникъ Сіамской имперіи. Слуга раскохотался и ушелъ. Въ тотъ же день я послалъ съ нарочнымъ письмо къ отцу моему, а озлобленная Изумруда, переодѣвшись въ одно изъ лучшихъ платьевъ и хорошо закрывшись въ чадру отправилась въ камеру кадія, обѣщая мнѣ опозорить этого человека передъ всѣмъ городомъ. Я хотѣлъ узнать, что она намѣрена сдѣлать, но она попросила меня отложить любопытство мое до слѣдующаго дня. Вообразите же, какую штуку она придумала: подошедъ къ судѣ, она заявила ему, что желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ. Кадіи сейчасъ же повелъ ее въ отдѣльную комнату и посадилъ около себя. Изумруда, чтобы сильнѣе повлѣять на него, спустила чадру.—О, красавица—вскрикнулъ онъ съ изумленіемъ—говори скорѣе, чѣмъ я могу заслужить твое расположеніе, кто ты и кто твои родители?

— Я дочь извѣстнаго ремесленника Омара, живущаго на углу базарной площади—отвѣчала жена моя—и пришла къ тебѣ, справедливый судья, съ просьбою оказать мнѣ милость. Вотъ ужъ три года какъ отецъ мой задумалъ запереть меня въ темный чуланъ и не допускать никакого сообщенія съ женщинами изъ боязни, чтобы не явились свахи. Если же кто спрашиваетъ у него имѣеть ли онъ дѣтей, онъ отвѣчаетъ, что имѣеть одну состарѣвшую дочь, горбатую, кривую, въ ранахъ и т. п. и все это дѣлаетъ съ цѣлью, чтобы не разлучиться со мною. Между тѣмъ ты видишь самъ, что я совсѣмъ не такая.—Ахъ онъ злодѣй, онъ тебя порочить передъ Богомъ и людьми! вскрикнулъ кадіи, приближаясь къ ней—да такихъ глазъ, щекъ и губъ мнѣ не приходилось видѣть никогда. О говори, говори я хочу слышать твой чудный голосъ.—Что же я могу еще сказать тебѣ, мудрый судья, развѣ то, что у меня не хватаетъ болѣе силъ переносить моихъ страданій и я должна умереть.—Нѣтъ, моя дорогая, я не допущу тебя до этого и самъ сдѣлаю предложеніе твоему отцу въ полномъ убѣжденіи, что онъ не осмѣлится отказать мнѣ.—Онъ не откажетъ, но убѣдить тебя, что я безобразна и ты повѣришь словамъ отца.—Ну, это, не такъ ему легко сдѣлать, послѣ того какъ я видѣлъ тебя своими глазами и лично говорилъ съ тобою. Ты расскажи только мнѣ, гдѣ вы живете и ожидай той минуты, когда сдѣлаешься моею женою. Сказавъ это, онъ сильно сжалъ въ объятіяхъ мою жену и выпроводилъ ее на улицу. Въ тотъ же день нетерпѣливый кадіи, разсорившись съ женою своею, раз-

велся съ нею и потребовалъ къ себѣ ремесленника Омара, у котораго дѣйствительно была дочь изуродованная различными недугами. Послѣ приличныхъ привѣтствій и угощеній судья объявилъ гостю, что желаетъ жениться на его дочери и просить его теперь же дать свое согласіе.—О, господинъ мой—отвѣчалъ Омаръ—тебѣ вѣрно неизвѣстно, что дочь моя калѣка и ужасно изуродована болѣзнію.—Это ничего не значитъ—сказалъ съ улыбкою кадій—я обладаю такими талисманами, которые возвратятъ ей первобытныя достоинства.—При этомъ я скажу тебѣ, что не имѣю средствъ приготовить приличнаго для тебя приданнаго.

— На тебѣ 1000 червонцевъ—сказалъ кадій. Надѣюсь, что этого будетъ достаточно на первый разъ. Имѣешь ли ты еще что-нибудь заявить?

— Я хотѣлъ бы заручиться вашею роспискою, чтобы впослѣдствіи вы не упрекали меня ни въ чемъ. Кадій въ ту же минуту написалъ нѣсколько строкъ и приложилъ свою печать.—Исполняю и послѣднее твое желаніе—сказалъ судья, подавая ему бумагу—иди же домой и приступи къ подготовкѣ. Я хочу, чтобы чрезъ мѣсяцъ твоя дочь вступила въ мой домъ полною хозяйкою. Раньше не могу, потому что мнѣ предстоитъ продолжительное путешествіе. Омаръ возвратился домой, а кадій выѣхалъ изъ Багдада. Мѣсяцъ спустя отецъ мой прислалъ за мною своего министра съ цѣлымъ караваномъ сокровища и письмомъ къ великому Калифу, незамедлившему лично навѣстить меня. Разказавъ ему все случившееся со мною въ его столицѣ, я не скрылъ и штуки сдѣланной моею женою съ злымъ кадіемъ, у котораго началась уже свадьба.

— Пойдемъ—сказалъ падишахъ и потребуемъ отъ этого кадія показать намъ свою жену.

— Возьми и меня—попросила Изумруда—пусть злой человѣкъ узнаетъ меня.

Калифъ разсмѣялся и мы всѣ отправились на свадьбу.

Кадій затрепеталъ, увидя меня около царя.

— Мы пришли поздравить тебя—сказалъ падишахъ и взглянуть на твою прелестную подругу.

Судья немедленно ввелъ насъ въ отдѣленіе, куда привезена была невѣста и сидѣла за ширмою. По приказанію его занавѣсъ былъ поднятъ и передъ нами показалась горбатая, кривоглазая и изуродованная старушка. При видѣ ея жена моя залилась смѣхомъ и, сбросивъ чадру съ головы, обратилась къ изумленному кадію.

— Видишь ли, какъ наказываютъ подлыхъ людей—сказала она.

Ты хотѣлъ перевѣнчать меня съ нищимъ, оказавшимся наслѣдникомъ Сіамской имперіи съ цѣлью отмстить отцу моему, но вмѣсто зла ты сдѣлалъ намъ благо, а самъ сдѣлался позоромъ всей столицы.

— Такихъ позорныхъ судей я лишаю всѣхъ должностей и приказу, чтобы тебя не вѣнчали съ другою женщиною въ продолженіи 5-ти лѣтъ.

Съ этими словами мы вышли и поселились во дворцѣ калифа. Нѣсколько времени спустя я выѣхалъ изъ Багдада и послѣ продолжительнаго путешествія возвратился въ отечественный городъ, но увы не засталъ уже родителей моихъ въ живыхъ. Принявъ наслѣдственный престолъ, я такъ былъ счастливъ съ моею ненаглядною и умною женою, что ежедневно молилъ Бога о сохраненіи ея жизни. Прошелъ годъ. Однажды сидя на балконѣ, я увидѣлъ на дворѣ моемъ молодаго дервиша, за которымъ слѣдовали мои служители и съ какимъ то благоговѣніемъ слушали его.— Это что за человѣкъ? спросилъ я.—О, султанъ—отвѣчали мнѣ— это такой умный дервишъ, котораго чѣмъ больше слушаешь, тѣмъ больше хочется слушать. Слова эти такъ заинтересовали меня, что я въ тотъ же вечеръ приказалъ привести его ко мнѣ и дѣйствительно изумился краснорѣчію и уму гостя своего. Вскорѣ онъ сдѣлался для меня необходимымъ собесѣдникомъ не только дома, но и на охотѣ, которой я нерѣдко посвящалъ свои досуги. Однажды мы забрели съ нимъ очень далеко въ лѣсъ и, убивъ дикую козу, сѣли подъ деревомъ. Слово за словомъ дервишъ началъ рассказывать мнѣ о своихъ походахъ и остановился на томъ, что обладаетъ секретомъ вселяться во всякое мертвое тѣло. Какимъ это образомъ? спросилъ я недоувѣрчиво.—Очень просто— вотъ видишь эту козу, я могу вселиться въ нее, сказавъ два таинственныхъ слова. Не подозрѣвая во всемъ этомъ никакой хитрости, я попросилъ его доказать мнѣ это на дѣлѣ. Дервишъ громко произнесъ: *Хальвиляха ке мохумъ!* причѣмъ онъ упалъ мертвымъ; а коза поднялась и начала лизать мнѣ руки. Нѣсколько минутъ спустя дервишъ принялъ свой первобытный образъ и такъ увлекъ меня удовольствіемъ метаморфозы, что и я пожелалъ испытать это чувство. Но лишь только я вселился въ козу, сопутникъ мой переселился въ мое тѣло и бросился на меня съ ножомъ въ рукахъ. Понявъ въ чемъ дѣло, я вмигъ скрылся отъ него и началъ прислушиваться къ приказаніямъ его немедленно окружить лѣсъ, чтобы перебить всѣхъ козъ. Къ счастью я встрѣтилъ издохшаго соловья и сейчасъ переселился въ него. Въ этомъ видѣ я полетѣлъ въ дворцовый садъ и расположился на деревѣ, растущемъ подъ окномъ моей спальни. О, еслибъ вы знали, какія я испытывалъ муки, когда я видѣлъ мою жену въ обществѣ дервиша, не подозрѣвавшую, что вмѣсто меня она ласкаетъ и служитъ ужасному человѣку! Убитый горемъ я въ безсиліи началъ пѣть насколько хватало у меня силъ. Видно мое пѣніе показалось Изумрудѣ отраднымъ, потому что она не отходила отъ окна и употребляла всѣ усилія, чтобы удовлетворять мои незатѣйливыя желанія. Въ заключеніе я дался ей въ руки и меня посадили въ золотую кльтку съ предоставленіемъ свободы летать по комнатамъ. По цѣлымъ днямъ я пѣлъ у нея на плечахъ и ласкался около шеи, стараясь высказать страданія мои. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Изумруда не могла болѣе жить безъ меня. Въ одинъ день я увидѣлъ, что любимая собаченка Изумруды закачалась и

издохла. Какъ не тяжело было мнѣ переселяться въ тѣло этого животнаго, но я рѣшился въ надеждѣ на будущую случайность. Часъ спустя Изумруда явилась въ комнату, гдѣ я обиталъ и начала звать меня, но лишь только замѣтила мое бездушное тѣлице на окнѣ, подняла такой крикъ и плачь, что сбѣжались всѣ слуги и вмѣстѣ съ ними ненавистный дервишъ. Всѣ утѣшенія оказались напрасными. Моя прелестная жена не переставала рыдать и рвать на головѣ волосы. Все, что она говорила, состояло изъ двухъ словъ: „дайте мнѣ моего соловья!“ Дервишъ не зная, что дѣлать и метался какъ шальной, потому что Изумруда никого не хотѣла видѣть, даже меня свою любимую собачку отгоняла отъ ложа своего. Въ концѣ концовъ она слегла въ постель. Последнее обстоятельство заставило мужа объявить ей, что онъ открылъ тайну оживлять соловья ежедневно на одинъ часъ и если она будетъ довольствоваться пѣніемъ его въ продолженіи этого времени и не станетъ любопытствовать, какъ это дѣлается, то она увидитъ и услышитъ снова свою любимую птичку. Изумруда вскочила отъ радости и начала цѣловать негоднаго человѣка. Понявъ въ чемъ дѣло, я немедленно пробрался въ ту комнату, гдѣ лежалъ соловей и спрятался между подушками. Минуту спустя явился туда же дервишъ и затворивъ на задвижку двери, произнесъ таинственные слова: *хальвиляха ке мохуль* и затѣмъ упалъ мертвымъ, а соловей вспорхнулъ и залился громкою пѣсней. Этого только я и ожидалъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ пропѣть, какъ я переселился въ мое первобытное тѣло и бросился на него. Злодѣй замолкъ и началъ метаться, но я не пощадилъ ничего изъ цѣнныхъ вещей до тѣхъ поръ, пока не убилъ его. Вслѣдъ затѣмъ я съ сіяющимъ отъ радости лицомъ бросился къ дорогой женѣ моей и рассказалъ ей со всѣми подробностями все, чего она не подозрѣвала даже.

— И такъ я измѣнила тебѣ, мой другъ! вскрикнула она, бросаясь ко мнѣ на шею. О этого я не вынесу и никогда не прощу себѣ.

Я началъ ее утѣшать и ласкать, но увы добрая женщина не могла перенести такого удара судьбы и три дня спустя умерла на моихъ рукахъ. Смерть ея такъ поразила меня, что я не въ силахъ былъ оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наслаждался жизнью и порѣшилъ оставить престолъ въ пользу племянника моего, а самъ удалился сюда, чтобы дожить мой вѣкъ въ качествѣ простаго человѣка. Вотъ какова моя судьба, но при всемъ томъ я ежедневно благословляю Бога и готовъ перенести всевозможныя горести.

Вслушавъ рассказъ хозяина съ тяжелыми вздохами, Димурта съ семействомъ переведены были въ отдѣльное помѣщеніе на ночлегъ. На слѣдующій день хозяинъ, принимая вновь гостей, объявилъ имъ, что являлись къ нему полицейскіе служители съ допросами, не знаетъ ли онъ, гдѣ скрываются ногайскій ханъ Димурта съ сыномъ своимъ Алафомъ и что ихъ разыскиваетъ завоеватель этой страны, чтобы предать казни.

— Чтоже ты отвѣтилъ? спросилъ Димурта, поблѣднѣвъ.

— Я отвѣтилъ, что не видѣлъ такихъ людей.

Тогда Димурта взлянулъ на сына и рѣшился открыться хозяину своему и просить его покровительства.

— Къ несчастію я ничего не могу сдѣлать для васъ— отвѣчалъ онъ—но могу предоставить въ ваше распоряженіе три хорошія лошади и кисеть золота съ предложеніемъ немедленно бѣжать отсюда и такими тропинками, по которымъ никто не ѣздитъ.

Дѣлать было нечего и ханская семья предварительно наступленія ночи пустилась въ бѣгство. Долго они ѣхали по необитаемымъ мѣстамъ и наконецъ очутились въ виду многочисленныхъ кибитокъ кочующихъ номадовъ, принадлежащихъ къ племени Берде-хана. Продавъ лошадей своихъ, они явились къ старшинѣ и начали просить принять ихъ, какъ разоренныхъ на дорогѣ разбойниками. Старшина приказалъ поселить ихъ въ палаткѣ, предназначенной для бѣдныхъ, но отказалъ въ пособіи. Мѣсяць спустя у Димурты сошла послѣдняя конейка и надо было подумать, чѣмъ и какъ прожить. Алафъ, видя отчаяніе отца, объявилъ, что онъ сдѣлается поденщикомъ. — Чтожъ дѣлать, сынъ мой— отвѣчалъ отецъ— и я буду помогать тебѣ. Молодой человѣкъ вышелъ изъ палатки и пошелъ предлагать встрѣчнымъ и поперечнымъ свои услуги, но вернулся домой безъ куска хлѣба. На другой день онъ вышелъ въ степь, чтобы собрать по крайней мѣрѣ какихъ-нибудь питательныхъ травъ для поддержанія жизни престарѣлыхъ родителей. Прошедъ около часа, Алафъ внезапно наскочилъ на сокола, который запутался въ камышахъ своею тончайшею золотою цѣпочкою. Молодой человѣкъ сейчасъ же понялъ, что птица эта принадлежала какому-нибудь знатному вельможѣ и взявъ ее возвратился домой; но лишь только онъ явился къ отцу, старикъ сказалъ, что сокола этого разыскиваютъ повсюду и что онъ принадлежитъ самому Берде-хану, который обѣщаетъ нашедшему его три любяя награды. Удостоверившись въ дѣйствительности сказаннаго отцомъ, Алафъ въ тотъ же день представилъ находку обращенному хану, который предложилъ ему исполнить три его желанія и приготовился выслушать ихъ.

— Прежде всего могущественный повелитель—сказалъ Алафъ— я попрошу, чтобы ты принялъ и обезпечилъ жизнь моихъ несчастныхъ родителей, которые, потерявъ свое богатство, нынѣ нуждаются въ дневномъ пропитаніи.

— Это будетъ въ точности исполнено—отвѣчалъ ханъ. Проси второе и третье.

— Затѣмъ я нуждаюсь въ хорошей лошади, деньгахъ, одеждѣ и боевыхъ доспѣхахъ. Если ты дашь мнѣ ихъ, то всѣ желанія мои будутъ удовлетворены сполна.

— Я прикажу и это предоставить тебѣ—сказалъ ханъ. Иди къ моему визирю и все получишь.

Алафъ немедленно перевелъ родителей своихъ во дворъ хана и затѣмъ, получивъ все остальное, объявилъ имъ о намѣреніи

своемъ посѣтить Китайскую имперію. Родители благословили его въ полной увѣренности, что онъ не забудетъ ихъ. Два дня спустя царевичъ уѣхалъ и послѣ многихъ дней и мѣсяцевъ, прибылъ въ знаменитый Пекинъ, остановился у одной старушки на квартирѣ и съ первыхъ дней сблизился съ нею настолько, что она посвящала его во всѣ городскія новости. Однажды Алафъ спросилъ у хозяйки своей: кто у нихъ теперь царствуетъ и счастливъ ли ихъ государь?

— Царь нашъ очень добрый и милостивый—отвѣчала она—но онъ очень горюетъ чрезъ дочь свою прекрасную Турандоде, которая заявила, что выйдетъ замужъ только за того, кто разрѣшитъ ея загадки. Надо тебѣ знать, что она многому училась и знаетъ больше всѣхъ мужчинъ. Загадки ея такія замысловатыя и разнообразныя, что до настоящаго времени никто не могъ разрѣшить ихъ; но не этимъ только кончается дѣло, а всѣ женихи лишаются головы. Такое варварство крайне не нравится ея доброму отцу и чрезвычайно оскорбляетъ его. Всѣмъ намъ извѣстно, что еще недавно Японскій императоръ сдѣлалъ отцу ея предложеніе, которое онъ принялъ съ удовольствіемъ и началъ просить дочь изъяснить согласіе, но Турандоде отвѣтила отцу, что она не намѣрена его слушать и пришла въ такое негодованіе, что отъ излишняго волненія заболѣла и поклялась умереть, если отецъ повторитъ ходатайство въ пользу сосѣда. При этомъ она заставила отца самымъ торжественнымъ образомъ опубликовать, что желающіе сдѣлать ей предложеніе должны лично явиться и подвергнуться испытанію и затѣмъ уже или умереть или овладѣть ею, какъ призомъ. Царь поневолѣ согласился сдѣлать это изъ боязни, чтобы единственное дитя его не наложило на себя руки; но онъ утѣшился тѣмъ, что врядъ ли кто согласится исвать ея на такихъ условіяхъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Турандоде совершенно выздоровѣла, но заявленіе ея отца никого не испугало и противъ ожиданія въ столицу начали пріѣзжать царевичи изъ отдаленныхъ государствъ и отдавать свою молодую жизнь ни за что, ни про что. Даже сегодня будутъ хоронить одного изъ этихъ глухихъ молодыхъ людей, которому отсѣкли вчера голову.

— Да это жестокая дѣвушка! вскрикнулъ Алафъ. Я совершенно не понимаю, какъ люди могутъ увлекаться такими ужасными женщинами.

— Надо полагать, что всѣ ослѣпляются ея необываю красотою и надѣются разрѣшить ея загадки.

Въ это время слышались звуки музыки, какъ предвѣстники похоронъ принца.

Алафъ, поразспросивъ, гдѣ будутъ совершаться похороны, пошелъ на кладбище. Здѣсь онъ встрѣтилъ слугу казеннаго царевича, горько рыдающаго надъ открытою могилою.

— О, жестокая дѣва—кричалъ онъ—какъ у тебя хватило духу посягнуть на такого юнаго и прекраснаго мужчину! Ты лишила меня того, кого я вынаничилъ и кѣмъ восхищался, какъ свѣти-

ломъ моихъ дней. О, да будетъ проклятъ тотъ, кто показаль твой портретъ моему питомцу! Сказавъ это, онъ съ негодованіемъ отбросилъ въ сторону что-то завернутое въ кускъ кисеи и пошелъ на встрѣчу къ процессіи.

Алафъ рѣшился поднять и посмотрѣть на то, что брошено было преданнымъ слугою. Въ кисеѣ оказался миниатюрный портретъ молодой женщины невыразимой красоты съ надписью: царевна Турандоде.

Царевичъ со страхомъ опустилъ его въ карманъ и, не желая возмущаться похоронами несчастнаго царевича, предпочелъ возвратиться домой.

На слѣдующій день онъ вновь взглянулъ на портретъ ужасной красавицы, но на этотъ разъ, забывъ всю ненависть, началъ восторгаться ею. На третій день Турандоде показалась ему самою добродѣтельною и благочестивою дѣвушкою, а затѣмъ онъ до того влюбился въ нее, что рѣшился или умереть или обладать красавицею. Задавшись этою мыслию, Алафъ нарядился въ лучший нарядъ свой и пришелъ къ царскому сералу.

— Чего тебѣ надо? спросили у него начальники стражи.

— Я сынъ царя ногайскаго и желалъ бы представиться царевнѣ Турандоде въ качествѣ жениха.

— Несчастный, вѣрно и тебѣ суждено сложить свои кости въ нашей странѣ — отвѣчали ему начальники. И что тебѣ за охота умирать на зарѣ жизни! Неужели ты не слышалъ, что всѣ явившіеся съ подобными желаніями лишились головъ.

— Все это я знаю, но видно сужденнаго нельзя избѣгнуть — отвѣчалъ Алафъ. Стража вынуждена была представить его къ визирю, который въ свою очередь старался отвлечь молодаго человѣка, но не достигнувъ желанія, представилъ его къ блистательному повелителю имперіи.

Выслушавъ царевича, Алтухъ-ханъ посадилъ его около себя и, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Смотрю и не насмотрюсь на твою прелестную осанку, но неужели и ты до такой степени разочаровался жизнію, что хочешь отдать ее въ честь красоты моей жестокой дочери. Помнишь несчастный и пощщи себѣ другой невѣсты. Повѣрь, что для меня невыносимо зрѣлище смерти и что я каждаго являвшагося ко мнѣ, въ качествѣ жениха, готовъ умолять на колѣнахъ отвернуться съ негодованіемъ отъ безпощадной Турандоде. Она измучила меня и не можетъ быть достойна ни чьей любви. Ради Бога брось эту пагубную мечту и оставайся у меня гостить до того времени, пока это будетъ тебѣ пріятно.

— Благодарю, государь, за доброжелательство твое — отвѣчалъ Алафъ, цѣлуя руку хану — но къ несчастію я такъ увлеченъ красотою твоей дочери, что предпочитаю смерть вѣчной скорби.

— О, несчастный — вскрикнулъ султанъ — и ты не хочешь послушать отца и тебѣ хочется нанести мнѣ рану и заставить пролить слезы надъ одинокою твоею могилкою! Подумай ты самъ,

что я скажу отцу твоему, если онъ вздумаетъ прїѣхать ко мнѣ и спросить, за что я посягнулъ на жизнь его безвиннаго сына? О, ради родителей своихъ возвратись домой и предай забвенію мою жестокою дочь.

Алтунъ-ханъ болѣе часа говорилъ въ такомъ родѣ, но увы, ни одно слово его не подѣйствовало на Алафа.

— Нечего дѣлать — рѣшилъ ханъ — приходи завтра ровно въ полдень. Къ этому времени соберутся по моему приказанію всѣ мудрецы и ученые, чтобы присутствовать въ качествѣ судей и свидѣтелей. Этимъ людямъ предоставляется право рѣшить вопросъ побѣды или погрома. Я увѣренъ, что всѣ они очень честны и набожны и подобно мнѣ просятъ Бога, чтобы поскорѣе нашелся человѣкъ, который восторжествовалъ бы надъ упорною и безжалостною дѣвченкою.

Алафъ поблагодарилъ Алтунъ-хана и ушелъ. На слѣдующій день въ назначенный часъ онъ введенъ былъ въ великолѣпную дворцовую залу, наполненную почетными судьями и учеными ассистентами, впереди которыхъ на тронахъ возсѣдали въ блистательныхъ мантияхъ Алтунъ-ханъ и Турандоде, закрытая густо кисею. Лишь только царевичъ совершилъ установленный поклонъ, султанъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Приступай, дочь моя, къ дѣлу, а я буду молиться про себя, чтобы этотъ прелестный юноша не сдѣлался твоею жертвою.

Богъ да будетъ мнѣ свидѣтелемъ — произнесла Турандоде — что я никогда не думала искать смерти ближняго. Но мнѣ сказали, что я должна непременно выйти замужъ, чего я не желаю. Тогда я постановила, что мужемъ моимъ будетъ только самый умнѣйшій изъ людей, а чтобы не обратиться въ игрушку дураковъ, обыкновенно считавшихъ себя умнѣе другихъ я вынуждена была установить казнь въ предположеніи, что всякій цѣнитъ жизнь свою и не станетъ подставлять головы своей подъ саблю моего палача. Но и эта угроза не испугала глупцовъ. Да будетъ же воля Божія надъ тѣми, которые желаютъ лишить меня свободы. Надѣюсь, царевичъ, что послѣ этихъ словъ ты не станешь обвинять меня въ жестокости, а будешь винить себя за необходимость. Теперь, когда ты понялъ меня прошу сказать мнѣ: какое изъ твореній вселенной есть другъ всему, но вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяетъ никому полюбоваться своими прелестями?

— Это солнце — отвѣчалъ, не подумавши Алафъ.

— Угадалъ. Теперь скажи мнѣ: кто та мать, которая, взростивши дочерей, цѣликомъ проглатываетъ ихъ?

— Это море, пожиравшее рѣки.

— Bravo, bravo! вскрикнулъ Алтунъ-ханъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

При этомъ возгласѣ Турандоде задрожала отъ неудовольствія и, чтобы озадачить бойкій умъ Алафа, сняла съ лица своего кисею и быстро произнесла:

— А у какого дерева листья съ одной стороны бѣлые, свѣтлые, а съ обратной черные съ блесками?

— Алафъ, изумленный красотою царицы, выпучилъ глаза и пожиралъ ее молча.

Всѣ пришли въ оцѣпенѣніе и начали думать, что молодой человекъ погибъ.

Но царевичъ къ счастью очнулся и отвѣтилъ.

— Это годъ, представляющій свѣтлые дни и темныя ночи.

Всѣ присутствующіе ударили въ ладоши и начали громко выражать свое удовольствіе. Когда пріутихли эти восторги, Алтунъханъ повернулся къ дочери и сказалъ:

— Наконецъ ты побѣждена, дочь моя! Слава пророку, сжалившемуся надъ царствомъ, остающимся безъ наслѣдника престола и слава побѣдившему тебя.

— Отецъ, ты спѣшишь привѣтствіями, потому что я намѣрена предложить еще нѣсколько вопросовъ моему противнику.

— Ты не вправѣ сдѣлать этого. Три вопроса должны рѣшить его и твою участь. Не такъ ли господа судьи?

— Правда, правда! отвѣчали ассистенты.

При этомъ заявленіи царица обратилась къ суженому и сказала:

— О, Алафъ, зачѣмъ ты явился сюда и что заставило тебя нарушить счастливый покой той, кто чуждался міра и тягостныхъ обязанностей его? Но, увы, я вижу, что не избѣгнуть мнѣ общаго назначенія и радуюсь уже одному, что въ лицѣ твоимъ найду друга, который умнѣе всѣхъ другихъ мужчинъ. Сказавъ эти слова, она сошла съ трона и, взявъ за руку гостя, удалилась изъ дивана.

Два дня спустя совершилось ихъ бракосочетаніе и началось всеобщее празднество. По окончаніи всѣхъ удовольствій, Алафъ послалъ нарочныхъ за родителями своими, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя выступилъ съ огромными силами противъ того, кто лишилъ ихъ власти и, сокрушивъ дерзкихъ враговъ, снова возвелъ отца своего на прадѣдовскій тронъ.

Такимъ образомъ Аллахъ вознаградилъ Димурту и возвеличилъ сына его предъ всѣми царями земными — прибавила Халима, пожелавъ покойной ночи.

Благодарю тебя, моя дорогая, — сказала Айдинъ — за лучшее удовольствіе, которое ты доставляешь мнѣ и прими отъ меня въ подарокъ самый лучшій алмазъ изъ моей сокровищницы.

Сказавъ это, султанъ поднесъ ей великолѣпный алмазъ величиною въ куриное яйцо.

Халима поцѣловала руку, подавшую ей этотъ безцѣнный подарокъ и въ знакъ благодарности на слѣдующій вечеръ начала такого рода повѣствованіе:

„У Дамасскаго царя Вердедана былъ министръ Талмузъ до такой степени умный, честный, преданный и любящій отечество свое, что всѣ благоговѣли передъ нимъ. Но замѣчательно, что

этотъ человѣкъ всегда былъ задумчивъ и печаленъ и никогда никто не видѣлъ на устахъ его улыбки. Однажды за царскимъ ужиномъ кто-то изъ гостей началъ разсказывать чрезвычайно комичныя событія, отъ которыхъ всѣ заливались смѣхомъ, за исключеніемъ Талмука. Это какъ-то невольно остановило вниманіе государя и онъ спросилъ у него, что служитъ причиною его вѣчной грусти.

— Ахъ, султанъ, ты напрасно предлагаешь мнѣ такой вопросъ, потому что у каждого человѣка есть свое горе. Одни умѣютъ это горе прикрывать улыбкою, другіе пирами, а нѣкоторые держатъ себя безъ всякаго лукавства.

— Отвѣтъ твой Талмукъ изумляетъ меня. Неужели ты недостаточно вознагражденъ мною?

— Нѣтъ, государь, я ни въ чемъ не нуждаюсь; но повторяю тебѣ, что нѣтъ въ мірѣ ни одного человѣка, который не томился бы какимъ-либо горемъ. Видно, это предопредѣлено каждому изъ насъ свыше. Вотъ напримѣръ ты: всѣ навѣрно предполагаютъ, что счастливѣе тебя не можетъ быть человѣка, но я полагаю, что ты найдешь въ душѣ твоей что-нибудь такое, которое беспокоитъ твое величіе и нарушаетъ покой.

— Очень понятно, потому что я не совсѣмъ вѣрю моимъ соседнимъ братьямъ и постоянно возмущаюсь злоупотребленіями нѣкоторыхъ изъ начальниковъ провинцій. Что же касается тебя, то ты знаешь только меня одного, а я кажется никогда не имѣлъ повода выразить тебѣ моего неудовольствія. Право твоя вѣчная грусть обижаетъ меня и я хотѣлъ бы, чтобы ты повѣдалъ мнѣ причины ея.

— Султанъ, я никогда ничего не скрывалъ отъ тебя и, если потребуешь, я охотно разскажу тебѣ вратцѣ мою жизнь.

— Я выслушаю ее съ большимъ удовольствіемъ, Талмукъ, чтобы лучше узнать твои достоинства.

— Изволь монархъ. Я сынъ богатаго багдадскаго ювелира Абдулы, который чрезвычайно любилъ и баловалъ меня, но при всемъ этомъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы я научился всѣмъ наукамъ, необходимымъ для правовѣрнаго. Достигнувъ совершеннолѣтія, я избаловался до такой степени, что не находилъ удовольствія оставаться дома. Бѣдный отецъ мой, старался исправить меня, но я не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Однажды отецъ мой сильно заболѣлъ и, почувствовавъ приближеніе смерти, сказалъ мнѣ: сынъ мой, я сдѣлалъ все, чтобы сдѣлать тебя хорошимъ человѣкомъ, но ты не послушалъ ни моихъ добрыхъ совѣтовъ, ни угрозъ, ни наказаній и остался при своемъ. Нынѣ я умираю и оставаю тебѣ большое состояніе, которое приобрѣлъ въ потѣ лица моего. Надѣюсь, что ты поймешь теперь необходимость измѣнить свой образъ жизни. Если же ты не образумишься и послѣ меня, то умоляю тебя, не оскверни моей славы испрашиваніемъ подаянія и когда промотаешь послѣдній червонецъ,

рѣшися повѣситься на главной вѣткѣ той шелковицы, подъ тѣнью которой я постоянно просиживаль.

Я вынужденъ былъ пообѣщать исполнить это странное желаніе.

Послѣ погребенія старика оказалось въ моемъ распоряженіи нѣсколько сундуковъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Такое богатство показалось мнѣ нескончаемымъ и я началъ безумно предаваться всевозможнымъ шалостямъ. Три года спустя я издержалъ послѣдній мой червонецъ и обратился къ нѣкоторымъ изъ друзей моихъ съ просьбою одолжить мнѣ на время кое-какія деньги, но всѣ они поклялись, что не могутъ сдѣлать этого по разнымъ причинамъ. Я ужаснулся и возвратился домой голоднымъ. День спустя я вновь направился къ тѣмъ, которымъ горстями давалъ золото, ласкаясь надеждою хоть поужинать у нихъ, но они приказали сказать слугамъ, что выѣхали изъ города. Тогда только я вспомнилъ наставленія покойнаго отца моего и, изнуренный голодомъ, рѣшился не запятнать его имени. Возвратившись домой, я взялъ веревку и положился повѣситься на указанномъ имъ деревѣ, но вообразите мое удивленіе, когда вѣтка эта отъ первой пробы переломилась и изъ нея посыпались крупные драгоценные камни. „О, отецъ мой—вскрикнулъ я—ты и въ послѣднюю минуту жизни моей явился ко мнѣ съ милостями!

Естественно, что я тогда же поклялся предъ Богомъ отнынѣ вести такую же добрую и честную жизнь, какую велъ мой благочестивый родитель. Этого мало, я рѣшился заниматься подобно ему покупкою и продажею драгоценностей.

Но такъ какъ я не зналъ хорошо отцовскаго занятія, то отыскалъ двухъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла и постановилъ ѣздить съ ними по тѣмъ городамъ, гдѣ требовались драгоценные камни и откуда можно было пріобрѣтать ихъ по дешевой цѣнѣ въ натуральномъ видѣ. Сѣвъ на судно, мы выступили въ море при благопріятной погодѣ. Однажды капитанъ заявилъ намъ, что мы къ завтрашнему утру бросимъ якорь и сойдемъ на берегъ. Понятно, что всѣ пассажиры обрадовались этой новости и начали осушивать свои мѣха съ виномъ, чтобы не выливать ихъ. Компаніоны мои также послѣдовали ихъ примѣру и, пользуясь моею слабостію къ этому напитку, до того напоили меня, что я совершенно потерялъ сознаніе и заснулъ непробуднымъ сномъ. Это положеніе вселило имъ злую мысль воспользоваться моимъ состояніемъ, цѣнность котораго превышала миллионъ червонцевъ и они, воспользовавшись удобною минутою выбросили меня въ море. Къ счастью я предварительно выѣзда въ море облекся по совѣту одного моряка въ пробковую кору и это спасло меня отъ преждевременной смерти и я на другой день кое-какъ выплылъ на неизвѣстную мнѣ землю.

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ изъ города Ормуса, прибывшихъ сюда для добыванія сердаликовъ и другихъ обыкновенныхъ камней, которымъ повѣдалъ мою несчастную судьбу.

Эти добрые труженники сжалились надо мною, накормили меня, а нѣсколько дней спустя привезли въ свой городъ. Здѣсь я случайно увидѣлъ моихъ компаніоновъ и бросился на нихъ, но негодяи показали видъ, что никогда не видѣли меня. Этого мало, они пожаловались кадю, который приказалъ посадить меня, какъ мошенника, въ тюрьму. Къ счастью моему, я увидѣлъ изъ окна, того самого шкипера, который возилъ насъ и при его ходатайствѣ, снова очутился на свободѣ, но тогда уже, когда грабители мои успѣли бѣжать изъ Ормуса. Что приходилось дѣлать мнѣ въ этомъ городѣ безъ знанія ремесла? Побродивши нѣсколько дней, я рѣшился перейти въ другое мѣсто и присоединился къ каравану, идущему въ Тавризъ, гдѣ царствовалъ въ то время Схатанъ. Пришедъ туда, я встрѣтился съ однимъ сановникомъ, который съ особеннымъ участіемъ началъ спрашивать, откуда я пріѣхалъ и чѣмъ думаю заниматься. Я рассказалъ ему про свое несчастіе и просилъ пристроить меня къ какому-нибудь мѣсту.— Хорошо, иди за мною. Я служу при царскомъ дворцѣ начальникомъ хапукалковъ и могу помѣстить тебя въ ихъ число. Въ тотъ же день меня одѣли и рассказали, въ чемъ состоитъ моя обязанность. Надо знать, что въ это время въ сералѣ установлено было правило, подъ угрозой смертной казни, чтобы послѣ захода солнца впредь до ночи не смѣли-бы мужчины показываться около садовой части дворца, куда выходили гулять женщины изъ царскаго гарема. Какъ-то случайно я забылъ это постановленіе и, заснувъ въ гаремномъ саду, проснулся въ то время, когда всѣ ворота были заперты на замки и садъ наполнился рѣзвыми женщинами. Не зная, какимъ образомъ поправить свою ошибку, я задумалъ спрятаться въ кустахъ, но, прежде чѣмъ успѣлъ это сдѣлать очутился передъ молодою дѣвушкой поразительной красоты, которая, смѣло окинувъ меня взглядомъ, спросила: какимъ образомъ я очутился здѣсь? Я простосердечно сознался и началъ умолять ее приказать выпустить меня на улицу, чтобы избѣгнуть заслуженнаго наказанія.

— Не бойся ничего—отвѣчала она—я сумѣю скрыть твой проступокъ, а тѣмъ временемъ ты поразскажешь намъ, что творится на мужской половинѣ дворца. Видишь-ли, я именуюсь Калинарою и состою при царевнѣ Челикѣ, которую любитъ султанъ больше всѣхъ дѣтей своихъ. Сказавъ это, она расположилась около меня и такъ сумѣла заинтересовать меня, что я, забывшись и вздумалъ поцѣловать ее, но прежде чѣмъ руки мои коснулись ея, изъ за кустовъ выскочило нѣсколько женщинъ съ громкимъ смѣхомъ. Нѣсколько минутъ спустя Калинара предложила мнѣ идти съ нею къ госпожѣ своей и увѣрила, что Челика останется довольна мною. Я хотѣлъ было вернуться, но мнѣ сказали, что если скроютъ отъ царевны мое присутствіе въ ея саду, то это послужитъ къ неминуемой моей гибели. Я невольно последовалъ за Калинарою, которая ввела меня въ роскошную комнату, а сама удалилась, чтобы доложить госпожѣ. Не прошло и получаса,

какъ вошла ко мнѣ бойкая дѣвушка, которую Калинара назвала царевною Челикою, посадила около себя и начала угощать сладостями и шербетами, затѣмъ, узнавъ мое имя, сказала: Талмукъ, я вижу, что ты сынъ хорошихъ родителей и достоинъ лучшей судьбы.

Скажи мнѣ откровенно, кого-бы изъ насъ ты предпочелъ въ жены: меня, богатую и знатную дочь великаго падишаха или бѣдную и ничтожную рабыню мою, Калинару?—О, султанша—отвѣчалъ я—съ твоего позволенія и безъ всякаго желанія оскорбить твое величіе я предпочелъ бы имѣть женою твою рабыню. Мнѣ не нужны ни богатства, ни пышность, ни знатность происхожденія. Ко всему этому скоро примотришься и начнешь тосковать безъ любви.

— Спасибо за откровенность—сказала Челика и приказала принести для угощенія меня различныя сладости и шербеты. Всю почти ночь мы провели въ дружеской бесѣдѣ, пѣсняхъ и играхъ. Предъ свѣтомъ предестная Калинара сама вывела меня съ гаремнаго двора на улицу и шеннула, что пригласитъ вторично, какъ только представится случай. Съ этого дня я ходилъ какъ безумный въ ожиданіи счастливаго дня. Недѣлю спустя меня поздравлялъ главный евнухъ и подаль маленькую записку отъ Челики, которая проѣхала, чтобы я вторично остался въ гаремномъ саду на томъ мѣстѣ, гдѣ и прежде она встрѣтила меня. На этотъ разъ я отпросился у начальника моего идти въ городъ, но вмѣсто того забрался въ садъ и спрятался въ густой рощѣ. Въ условное время подошла ко мнѣ Калинара и, сѣвъ около меня, ласково спросила:

— Любишь-ли ты меня, Талмукъ?—Да, я люблю тебя всею душою моею—отвѣчалъ я.—Напрасно ты дѣлаешь это, для тебя несравненно выгоднѣе любить нашу царевну, которая не прочь выйти за тебя замужъ и сдѣлать счастливымъ человѣкомъ. Что я могу значить въ сравненіи съ нею? Совѣтую тебѣ, другъ мой, подумать объ этомъ получше.—Нѣтъ, милая Калинара, для меня не нужно другаго счастья, я могъ бы быть счастливѣе всѣхъ съ тобою и клянусь, что не промѣнялъ бы тебя за всѣ троны земныхъ царей. Сказавъ это, я бросился къ ея рукѣ и прижалъ ее къ сердцу моему.

— Ну, теперь я убѣждена въ твердости твоей любви—сказала Калинара—и буду съ тобою откровенна. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я сама дочь царя Чилика, временно помѣнявшаяся именемъ съ преданною мнѣ Калинарой, съ единственною цѣлью убѣдиться, насколько занимаютъ тебя почести земныя. Отнынѣ ты будешь моимъ вѣчнымъ другомъ и скоро настанетъ время, когда мы сойдемся навсегда. Ты только не безпокойся ни о чемъ, потому что я придумаю способъ избавиться отъ привилегіи моей и, какъ только достигну цѣли, то пошлю за тобою нарочнаго. Мы уѣдемъ и перевѣнчаемся.

Пробывъ съ этою прелестною дѣвушкою до разсвѣта, я впол-

нѣ счастливый судьбою опять выпущенъ былъ на улицу и возвратился къ мѣсту службы моей. Прошла недѣля. Однажды, пробудившись раньше обыкновеннаго, я былъ изумленъ большимъ движеніемъ женщинъ на половинѣ царскаго гарема и спросилъ у перваго евнуха, что случилось? Мнѣ отвѣтили, что царевна Челика внезапно умерла. Вѣсть эта ошеломила меня до такой степени, что я слегъ въ постель, но какъ только узналъ, что совершился погребальный обрядъ, немедленно уволился отъ службы и вышелъ изъ города, гдѣ все могло напоминать мнѣ незабвенную невѣсту мою. Долго я шелъ безъ сознанія, куда иду, но наконецъ замѣтилъ передъ глазами большой городъ. У городскихъ воротъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ факировъ-нищихъ и подавъ пальмовую вѣтку, въ надеждѣ получить подаваніе.—Другъ мой,—сказалъ я,—у меня нѣтъ ничего, потому что я все истратилъ и не знаю, какъ прожить завтрашній день. Факиръ окинулъ меня взглядомъ и сдѣлалъ знакъ присѣсть около него.—Если ты дѣйствительно безъ денегъ и службы, сказалъ онъ,—то не пожелаешь-ли сдѣлаться нашимъ товарищемъ. Видишь-ли, мы нищие только днемъ, но ночью переодѣваемся въ хорошіе наряды и пируемъ несравненно лучше богачей. Наша профессія не трудна и очень выгодна. Ты очень блѣденъ и навѣрно возбудилъ участіе со стороны мягкосердечныхъ людей. Правѣ, послушай меня и пойдемъ со мною, чтобы своими глазами увидѣть то, что я говорилъ.

Такъ какъ у меня не было знакомыхъ и денежныхъ средствъ, то я по необходимости послѣдовалъ за факиромъ, пообщавъ ему подумать, въ состоянн-ли я буду исполнять ихъ занятіе. Пришедъ на квартиру факира и встрѣтивъ обширное и веселое общество молодыхъ людей, рассказывающихъ интересныя событія дня, я признаться увлекся ихъ жизнію и въ тотъ же вечеръ изъявилъ полное согласіе вступить въ ихъ кружокъ. Халиль—такъ звали того, кто меня привелъ, въ нѣсколькихъ словахъ ознакомилъ меня съ своимъ ремесломъ и я на слѣдующій же день выступилъ на практику и принесъ больше всѣхъ денегъ. Вскорѣ положеніе мое начало нравиться мнѣ и я менѣ грустилъ о прелестной Челикѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды Халиль, возвратившись домой въ мрачномъ духѣ, сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ перейти въ Кандахаръ, гдѣ люди болѣе благосклонно обращаются съ факирами.—Возьми и меня съ собою—предложилъ я.—Хорошо пойдемъ. На другой день мы ужъ были далеко отъ остальныхъ товарищей, а два мѣсяца спустя прибыли въ славный городъ, гдѣ съ первыхъ же дней обратили на себя доброе вниманіе гражданъ.

Въ одно время мнѣ сказали, что у мѣстнаго царя идетъ большой пиръ и обѣдъ для бѣдныхъ. Чтобы не уронить своей профессіи, я пошелъ во дворецъ и сталъ у воротъ. Вдругъ кто-то схватилъ меня за руку. Оглядываюсь: евнухъ моей незабвенной Челики.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? вскрикнулъ онъ—неужели смерть царевны нашей тебя загнала въ эту страну?

Вмѣсто отвѣта я зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Перестань ради Бога, чтобы насъ не увидѣли—сказалъ евнухъ—а приходи завтра вечеромъ ко мнѣ, я имѣю много кое-чего сообщить тебѣ. Я живу вонъ въ томъ крайнемъ домѣ, который виднѣется отсюда. Сказавъ это, онъ исчезъ въ толпѣ народа.

Въ назначенное время я былъ уже въ великолѣпномъ помѣщеніи евнуха. Принявъ меня съ распростертыми объятіями, этотъ добрый человекъ приказалъ немедленно свести меня въ баню и одѣть въ великолѣпное платье. Накормивъ меня лучшими кушаньями и плодами, евнухъ указалъ на отдѣльную комнату, гдѣ я буду ночевать, а самъ ушелъ по служебнымъ обязанностямъ. Оставшись въ одиночку, я какъ-то невольно предался воспоминаніямъ; вдругъ скрипнула дверь и передо мною предстала служанка Челики добрая Калинара.—Аллахъ! вскрикнулъ я въ полномъ убѣжденіи, что вижу призракъ.—Талмукъ, сказала она, бросаясь ко мнѣ въ объятія—наконецъ-то мы нашли тебя! гдѣ ты скитался и что заставило тебя повинуть дворцовую службу? Я сказалъ, что не могъ смотрѣть болѣе на гаремный садъ со времени смерти царевны.—Несчастный—ты не понялъ, вѣроятно, что Челика представилась умершею только для того, чтобы выйти изъ своего привилегированнаго положенія и сдѣлаться твоею женою.

— Какъ, развѣ Челика не умерла?! вскрикнулъ я, вскакивая съ мѣста.

— Нѣтъ, она не умерла и жаждетъ свидѣться съ тобою.

— Калинара, ты хочешь свести меня съ ума?

— Прежде всего выслушай меня, Талмукъ: послѣ послѣдней встрѣчи съ тобою царевна, не желая далѣе откладывать союза съ тобою, начала просить меня научить ее, какимъ образомъ достигнуть цѣли. Единственное средство, сказала я, умереть на двое сутокъ, когда же тебя предадутъ землѣ и всѣ разойдутся, я откопаю тебя, приведу къ пробужденію и мы скроемся въ отдаленной странѣ, но ты предварительно должна освободить изъ неволи всѣхъ необходимыхъ для тебя слугъ и такъ распределить свое состояніе, чтобы оно впослѣдствіи возвращено было тебѣ. Челика рѣшилась на все и, написавъ духовное, слегла въ постель. Царь пришелъ въ ужасъ и по цѣлымъ ночамъ просиживалъ у постели любимой дочери. Наконецъ Челика объявила, что чувствуетъ приближеніе смерти и прежде всего предоставила мнѣ и евнуху своему Гасану полную свободу со всѣми своими драгоценностями, которыя мы въ тотъ же вечеръ вывезли изъ дворца по ея же настоянію.

Послѣ чего я вручила Челикѣ ту траву, отъ которой слѣдуетъ летаргическій сонъ и она, вложивъ ее въ уши, сейчасъ же заснула. Надо было видѣть тебѣ всеобщій плачъ и рыданіе въ осиротѣвшемъ гаремѣ! но дѣлать было нечего. На слѣдующій день царевну похоронили въ назначенномъ ею мѣстѣ, а въ ту же ночь

я съ Гасаномъ открыли могилу и, вынувъ изъ ушей Челики симпатическое растеніе возвратили ее къ жизни. Пришедъ въ заранѣ нанятый мною домъ, Гасанъ сейчасъ же пошелъ во дворецъ, чтобы сообщить тебѣ объ этомъ, но возвратился съ ужаснымъ извѣстіемъ, что ты бросилъ службу и неизвѣстно куда ушелъ. Съ этого дня бѣдный евнухъ розыскивалъ тебя по всему городу, наконецъ ему сказали, что видѣли тебя, шедшимъ по дорогѣ въ Кандахаръ. Челика, которой также не приходилось оставаться въ городѣ отца, рѣшилась послѣдовать по твоимъ слѣдамъ, но представъ наше несчастіе: на 20-й день нашего пути на насъ напали разбойники и, плѣнивъ всѣхъ, перепродали въ рабство. Купецъ, забравшій насъ, привезъ въ Кандахаръ и представилъ Челику здѣшнему хану, который очаровался ею и естественно не пожалѣлъ никакихъ средствъ для приобрѣтенія. Съ нею вмѣстѣ куплены были и мы. Такимъ образомъ твоя милая Челика находится въ гаремѣ хана и постоянно плачетъ за тобою, но она къ счастью пользуется правомъ ежедневно посѣщать насъ и ты будешь видѣть ее, если поселишься съ нами.

Только что Калинара окончила рассказъ свой, сосѣднія двери распахнулись и ко мнѣ упала на грудь моя неподобная невѣста. Мы плакали и смѣялись и долго не могли придти въ себя. Только утромъ мы разстались. Переполненный счастья, я жаждалъ увидѣть товарища моего Халиля, чтобы рассказать ему о внезапной милости ко мнѣ пророка и объявить, что я отказываюсь отъ дальнѣйшаго хожденія съ нимъ по улицамъ. Факиръ показалъ мнѣ видъ, что радуется моему благу и началъ просить указать ему мою обстановку. Надѣясь на него, какъ за друга, я пригласилъ его къ себѣ и угостилъ всѣмъ, что было въ распоряженіи Калинары. Когда мы выпили по лишней кружкѣ крѣпкаго напитка и оба опьянѣли, Халиль началъ настаивать, чтобы я показалъ ему мою невѣсту. Долго я не соглашался, но наконецъ вынужденъ былъ пообѣщать, но съ тѣмъ конечно условіемъ, что испрошу позволеніе у Челики. Передъ вечеромъ пришла моя невѣста и начала сильно роптать, что я хочу показать ее товарищу моему, который можетъ проговориться. Въ заключеніе, не желая обидѣть меня, она позволила пригласить его къ нашему ужину. Халиль явился и сначала держалъ себя очень прилично, но лишь только выпилъ хмѣльнаго напитка пустился выражать свои страсти и дерзнулъ обнять Челику. Царевна ужасно оскорбилась и немедленно ушла изъ дома. На другой день я началъ упрекать факира въ его дерзостяхъ и, предложивъ ему кошелекъ червонцевъ, просилъ забыть меня и не ходить ко мнѣ болѣе. Халиль ушелъ повидимому крайне недовольнымъ. Калинара нашла, что я хорошо поступилъ съ негоднымъ другомъ своимъ и пошла утѣшить госпожу.

Вечеромъ я вышелъ подъ навѣсъ въ ожиданіи прихода царевны, но каково было мое изумленіе, когда во дворъ ворвалось нѣ-

сколько полицейскихъ и потребовали, чтобы я немедленно слѣдовалъ за ними.

— Куда вы меня ведете? спросилъ я на улицѣ.

— Тебя требуетъ нашъ великій ханъ—отвѣчали мнѣ.

При этомъ словѣ у меня забилось сердце. Не проговорилась ли Калинара—думалъ я? Не проболтался ли евнухъ?

Меня ввели въ комнату и представили къ царю, около котораго стоялъ товарищъ мой Халиль.

— Ты ли тотъ негодяй, который сманулъ мою одалычку? вскрикнулъ ханъ.

— Султанымъ, я былъ женихомъ Челики и собирался жениться на ней въ то время, когда на нее напали разбойники и продали въ рабство.

— Ты лжешь; передо мною стоитъ человекъ, съ которымъ ты собиралъ милостыню.

Въ этотъ моментъ въ комнату ворвалась Челика и упала въ ноги къ повелителю своему.

— Прочь измѣнница—сказалъ ханъ. Эй, возьмите ее и обезглавьте!

— Султанымъ—отвѣчалъ я хладнокровно—ты, какъ царь, долженъ имѣть уваженіе къ царской крови. Челика есть дочь одного изъ могущественныхъ государей, который не пощадитъ никакихъ силъ, чтобы отмстить за кровь единственнаго дитяти.

— Какъ развѣ она царевна?

— О, Талмукъ—возразила Челика—зачѣмъ ты открылъ мое происхожденіе, которое я скрывала и должна была скрывать? Не вѣрь, не вѣрь ему ханъ и прикажи, чтобы меня казнили.

— Я не могу не вѣрить жениху твоему, потому что и самъ подмѣчалъ въ тебѣ достоинства, свойственныя царскимъ дочерямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ты покинула домъ отца твоего съ какою-то цѣлю.

— Съ цѣлю выйти замужъ за этого человека—отвѣчала Челика, указывая на меня, но видно судьбѣ моей не угодно предоставить мнѣ этого счастья, потому что я въ третій разъ встрѣтила препятствіе, которое не въ силахъ преодолѣть. Не лучше ли если ты прикажешь прекратить мои мученія однимъ взмахомъ сабли.

— И такъ ты любишь его! спросилъ ханъ.

— Еслибъ я не любила его до безумія, то не рѣшилась бы умереть, чтобы достигнуть свободы.

— О, въ такомъ случаѣ я не считаю себя вправѣ винить васъ—сказалъ ханъ по выслушаніи полного признанія Челики. Богъ съ вами, идите, куда хотите и наслаждайтесь, какъ знаете. Но этого мерзавца доносчика, котораго ты принялъ и накормилъ и который за спасибо искалъ вашей смерти, я не прощу и прикажу повѣсить, чтобы избавить отъ осужденія другихъ.

Такимъ образомъ мы не только избавились отъ смерти, но и получили значительное пособіе. Очутившись на свободѣ, Челика

сейчасъ же захотѣла выѣхать куда-нибудь подальше и мы выѣхали въ Багдадъ. Здѣсь я повстрѣчалъ обобрававшихъ меня ювелировъ и, посадивъ ихъ въ темницу, отобралъ все мое имущество. Сдѣлавшись опять богатымъ человѣкомъ, я блаженствовалъ въ полномъ смыслѣ слова. Прошло полгода. Однажды я засидѣлся въ кофейнѣ до полуночи и разумѣется снѣшилъ возвратиться домой. Прихожу и начинаю стучать, но никто не выходитъ. Чтобы это значило? Выламываю калитку, вбѣгаю въ комнату и нахожу всю мою прислугу убитою, а Челики и всѣхъ богатствъ моихъ не оказалось. Всѣ мѣры приняты мною и начальствомъ не привели ни къ чему. Проболевъ очень долго съ грусти и въ заключеніе видя необходимость снова зарабатывать насущное пропитаніе, я поступилъ на государственную службу и какъ только приобрѣталъ лишнюю копѣйку, переѣзжалъ въ другой городъ въ надеждѣ услышать что-нибудь о моей женѣ. Такимъ образомъ я попалъ и къ тебѣ, мой добрый повелитель. Подумай ты самъ могу ли я послѣ всего перенесеннаго быть веселымъ? могутъ ли эти губы улыбаться, когда они постоянно произносятъ имя Челики, пропавшей безслѣдно и можетъ быть изнемогающей гдѣ-нибудь въ рабствѣ?

— Теперь я знаю твою жизнь и не удивляюсь причинѣ твоего вѣчнаго унынія, мой дорогой Талмукъ,—сказалъ царь Ведреданъ. Но это все таки не доказываетъ, что всѣ люди несчастны. Мнѣ кажется, что должны быть и вполне счастливые, а вотъ напримѣръ, усыновленный мною Сеифъ. Онъ навѣрно не испыталъ никакого горя и живетъ подъ кровомъ моимъ, какъ птица небесная.

— Не думаю, султанымъ. Навѣрно и у него есть какое-нибудь горе.

— Мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ—отвѣчалъ султанъ, отдавъ приказаніе привести Сеифа.

Молодой человѣкъ не замедлил явиться съ сіяющимъ лицомъ.

— Сеифъ—заговорилъ султанъ—мы споримъ съ Талмукомъ о томъ, что не всѣ люди живутъ съ горемъ и я для доказательства пригласилъ тебя. Расскажи мнѣ, другъ мой, самымъ подробнымъ образомъ твою жизнь, чтобы имѣть основаніе вывести точное заключеніе о настроеніи твоей души.

— Изволь отецъ: тебѣ уже извѣстно, что я былъ сыномъ египетскаго падипшаха. Достигнувши 22-хъ лѣтняго возраста я какъ-то случайно забрелъ въ комнату, куда отецъ мой складывалъ свои сокровища и вскрылъ небольшой ящикъ, показавшійся мнѣ очень древнимъ. Въ этомъ небольшомъ ларчикѣ я нашелъ перстень съ какими-то странными знаками и около него портретъ дѣвушки такой красоты, которую не въ силахъ человѣкъ описать словами. Эти двѣ вещи такъ понравились мнѣ, что я завладѣлъ ими и минутно разсматривалъ ихъ. Кончилось тѣмъ, что я до безумія влюбился въ неизвѣстную дѣвушку, и сообщилъ объ этомъ одному изъ лучшихъ друзей моихъ Сафу.

— А, ну покажи мнѣ этотъ чудесный ликъ—сказалъ онъ—и,

внимательно пересматривая медальонъ, прочиталъ слѣдующую надпись: „царевна Алгемаль изъ царства Кавчаль.“

— Теперь я по крайней мѣрѣ знаю, гдѣ находится и какъ зовутъ эту красавицу—сказалъ я.

Съ этого дня мы съ другомъ моимъ спрашивали у всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, гдѣ находится царство Кавчаль, но увы никто не могъ указать намъ такой земли. Между тѣмъ я все болѣе и болѣе впадалъ въ меланхолію и рѣшилъ испросить у отца позволенія проѣздить по міру съ другомъ моимъ Сафу. Отецъ охотно согласился удовлетворить мою просьбу и, предоставивъ въ распоряженіе мое большія средства, отпустилъ насъ. Одѣвъ на руку таинственный перстень, а на шею образъ милой царевны, мы направились въ Багдадъ въ надеждѣ отыскать тамъ такихъ купцовъ, которымъ извѣстно царство Кавчаль. Проживъ въ Багдадѣ два мѣсяца, мы должны были переѣхать въ Басру, потому что и здѣсь не оказалось никого, знающаго Кавчаль. Въ Басрѣ мнѣ сказалъ одинъ 120 лѣтній старикъ, что царство Кавчаль находится на одномъ изъ острововъ Индѣйскаго океана. Рѣшившись отыскать эту землю, я нанялъ большой корабль и пустился въ океанъ. Сначала мы плыли хорошо, но потомъ начали подвергаться ужаснымъ волненіямъ и такъ измучились, что въ одно утро, увидѣвъ землю, пожелали отдохнуть на ней. Вышедъ на берегъ, показавшійся намъ необитаемымъ, мы безъ разсужденія предались крѣпчайшему сну, но каково было изумленіе наше, когда, открывъ глаза, замѣтили около себя сотни диварей, которые перевязавъ намъ руки, начали гнать насъ внутрь страны. Сопротивленіе было немислимо. Нѣсколько часовъ спустя насъ привели къ огромнаго роста арабу, который заговорилъ съ нами на своемъ языкѣ и далъ понять, что у нихъ существуетъ обычай приносить въ жертву всѣхъ иностранцевъ, которые окажутся на ихъ землѣ. Послѣ чего приказалъ отвести насъ въ тюрьму и по одиночкѣ разъ въ недѣлѣ предавать заключенію. Въ то время, когда мы спускались въ подземелье, ко мнѣ подошла ужасно безобразная женщина и, похлопавъ по плечу, сказала: „ну я такого молодца не допущу до смерти.“ Послѣ этого она обратилась къ рабамъ съ какимъ-то приказаніемъ, котораго мы не поняли, но впоследствии узнали. Приказаніе заключалось, чтобы сберечь насъ до послѣдней возможности. На третій день явился къ намъ жрецъ и взялъ самаго рослаго мотроса, котораго и закололъ своеручно на жертвенникѣ. Эти приходы продолжались до того времени, пока я остался одинъ съ другомъ моимъ Сафу. Въ заключеніе вывели и насъ на свѣтъ Божій, но вмѣсто того, чтобы привести къ жертвеннику, представили къ той безобразной женщинѣ, которая обѣщала сохранить мою жизнь.

— Садись около меня, мой дорогой гость—сказала она, взявши меня за руку. Видно твой богъ очень любитъ тебя, что вселилъ въ душу мою сильную любовь и совѣтуетъ сдѣлаться твоею же-

ною. Я уже рѣшилась на это, не смотря, что единственная дочь великаго царя и должна бы имѣть царственнаго жениха.

При этихъ словахъ я съ ужасомъ взглянулъ на ея зеленые глаза, желтые зубы и ужасный цвѣтъ лица,

— Вижу, вижу другъ мой, что красота моя заковала твои уста и ты не въ состояніи отвѣтить. Радуйся же, потому что я немедленно сообщу отцу моему о рѣшеніи моемъ и заставлю его перевѣнчать насъ сегодня же, а чтобы не разлучать тебя съ другомъ, я женю его на одной изъ лучшихъ компаньенокъ моихъ. Иди же теперь на воздухъ, а я сбѣгаю къ отцу.

Я вышелъ и невольно бросился въ объятія Сафу, чтобы сказать ему, какою цѣною мы можемъ сохранить нашу жизнь.

— Нѣтъ—отвѣчалъ онъ— я не позволю себѣ такого униженія, но ты, какъ наслѣдникъ престола, обязанъ сохранить жизнь свою.

— Ни за что! вскрикнулъ я и положился самымъ грубымъ образомъ отказаться отъ великой чести и, конечно, сдержалъ мое обѣщаніе.

Арабка возмутилась и, чтобы отмстить намъ, приказала заставить насъ безъ отдыха день и ночь молотить просо. Жестокіе слуги вытолкали насъ изъ обители царевны своей и засадали за ужасную работу, но къ счастью имъ скоро надобно слѣдить за нами и мы имѣли иногда достаточно времени, чтобы заснуть. Прошло нѣсколько недѣль. Разъ на островѣ произошло какое-то событіе, заставившее царя и всѣхъ подданныхъ его удалиться. Пользуясь этою минутою, мы убѣжали въ противоположное направленіе и, здѣсь нашедъ длинную, легкую лодку, пустились по океану. Благодаря сильному теченію пирога наша летѣла съ быстротою птицы и около полуночи наскочила на берегъ прелестнаго острова, покрытаго громадными растеніями. Оказалось, что островъ этотъ не обитаемъ. Обстоятельство это заставило Сафу сказать, что не напрасно необитаема такая благодатная страна и что вѣроятно здѣсь обитаютъ злобные духи. Наѣвшись плодовъ, мы легли спать, но увы я проснулся только одинъ. Бѣднаго моего товарища нигдѣ не оказалось. Я бѣгалъ, кричалъ и рвалъ на себѣ волосы, наконецъ пошелъ въ густой лѣсъ въ предположеніи отыскать какіе-нибудь остатки отъ его одежды, но не нашелъ и этого рѣшился спуститься на зеленую поляну, гдѣ виднѣлось что-то подобное зданію. Часъ спустя я очутился около большаго дома, который былъ замкнутъ и около дверей висѣлъ ключъ. Естественно, что я отперъ двери и вошелъ. Прошедъ нѣсколько великолѣпно убранныхъ отдѣленій, я въ заключеніе вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ увидѣлъ молодую чрезвычайно красивую дѣвушку, спящую крѣпкимъ сномъ. Полюбовавшись ею, я началъ каплять и стучать въ желаніи пробудить ее, но она ничего не слышала. Тогда я обратилъ вниманіе на мраморную плиту съ гіероглифическими знаками, стоящую у ея изголовья, и перевернулъ ее. Дѣвушка сейчасъ же проснулась и съ изумленіемъ начала всматриваться въ меня.

— Ты какимъ образомъ могъ проникнуть въ недоступное для людей зданіе? спросила она.

Разсказавъ ей подробно все случившееся со мною, я въ свою очередь попросилъ ее объяснить мнѣ, кто она такая и чего ради обитаетъ здѣсь въ одиночку?

— Я единственная дочь великаго индійскаго султана Серендефа—сказала она, тяжело вздохнувъ, и считалась невѣстою со-сѣднаго короля, котораго очень любила. Въ одно время купаясь въ мраморномъ бассейнѣ, я была поднята на воздухъ какою-то необыкновенною силою и доставлена сюда къ какому-то таинственному человѣку, который началъ умолять меня полюбить его и быть его женою. Но я отвѣчала ему горькими слезами.

— А, ты влюблена въ другаго и не можешь забыть его, ну это еще ничего не значитъ, время излечить твою рану, а до того я буду терпѣливо доставлять тебѣ всѣ мірскія удовольствія и ожидать твоей любви. И дѣйствительно онъ дѣлалъ для меня въ продолженіи цѣлаго года все, что только властенъ сдѣлать повелѣвающимъ всею землею. Потомъ снова началъ испытывать мое сердце, но когда я наотрѣзъ отвѣчала, что никогда не полюблю его, онъ озлобился и сказалъ: отнынѣ я наведу на тебя такой продолжительный сонъ, что ты забудешь всѣхъ, кого прежде знала. Затѣмъ онъ поставилъ у изголовья моего эту плиту съ надписью. Мнѣ помнится только, что глаза мои закрылись и вотъ съ того времени я, кажется, не пробуждалась.

Только что произнесены были эти слова, какъ въ переднихъ комнатахъ послышались чьи-то тяжелые шаги.

— Боже мой, тиранъ идетъ! вскрикнула царевна. Какъ жаль, что ты погибнешь преждевременно.

Я отступилъ къ стѣнѣ и приготовился къ смерти. Но каково было мое изумленіе, когда злой духъ, принявшій человѣческій образъ, взглянувъ на меня, упалъ на колѣни и вскрикнулъ: великій обладатель перстня царя и пророка Соломона пощади меня, а я готовъ во всемъ повиноваться тебѣ.

— Хорошо сказалъ я, понявъ какимъ оружіемъ владѣю противъ шейтановъ, я не сдѣлаю тебѣ ничего дурнаго, если ты объяснишь мнѣ, гдѣ дѣвался мой товарищъ Сафъ и гдѣ обитаетъ великая красавица Алгемаль, та самая, которая изображена на этомъ портретѣ?

— Твоего друга съѣлъ ночью тигръ, что касается Алгемаль, бывшей наложницы царя Соломона, то ея костей давнымъ давно не существуетъ.

„Какой же я дуракъ—мелькнуло въ умѣ моемъ—отчего я не спросилъ предварительно выѣзда у стца, кому принадлежалъ этотъ портретъ. Бѣдный Сафъ, какими глазами я буду смотрѣть теперь на отца и братьевъ твоихъ! Подумавай нѣсколько минутъ, я потребовалъ отъ духа, чтобы немедленно доставилъ меня и царевну въ тотъ городъ, откуда похитилъ ее.

— Слушаю. Закройте глаза ваши и возьмитесь за руки.

Часъ спустя мы очутились тамъ, гдѣ желали. Оставивъ царевну на постояломъ дворѣ, я пошелъ къ отцу ея во дворецъ и привелъ старика въ такой восторгъ, что онъ предложилъ мнѣ жениться на спасенной и принять отъ него тронъ, но я не соглашался, потому что продолжалъ любить всею душою портретъ Алгемаль. Послѣ цѣлаго ряда праздниковъ я возвратился въ Египетъ, но увы отецъ мой не былъ уже въ живыхъ, а меньшій братъ наслѣдовалъ государствомъ. Увидѣвъ меня, онъ прежде всего отобралъ перстень и драгоцѣнный портретъ, котораго не оказалось по описи, а затѣмъ, чтобы избавиться отъ наслѣдника, приказалъ заключить меня въ темницу. Къ счастью одинъ изъ старыхъ служакъ отца узналъ меня и предоставилъ возможность убѣжать и найти у тебя все то, чего я лишился со смертію родителей. Конечно, все это прошло и я сравнительно очень счастливъ, но душа моя не успокоится до того времени, пока не встрѣчу женщины, похожей на Алгемаль.

— Видишь ли, султанъ и этотъ счастливѣйшій съ вида молодой человекъ имѣеть своего рода горе—сказалъ министръ—но я увѣренъ, что другіе болѣе несчастны.

— Увѣряю тебя Талмукъ, что ты ошибаешься. Я положительно убѣжденъ, что должны быть люди, вполне довольные собою.

— Прикажи, государь, отыскать хоть одного и тогда я не осмѣюсь болѣе возражать.

— Сеифъ, ты знаешь всѣхъ въ нашемъ городѣ—сказалъ падишахъ, обращаясь къ усыновленному царевичу, не можешь ли ты привести къ намъ хоть одного, который считалъ бы себя счастливымъ?

— Попробую поискать, государь.

Нѣсколько часовъ спустя Сеифъ возвратился въ сопровожденіи человека среднихъ лѣтъ, у котораго никогда не сходила улыбка съ лица.

— Судя потому, что этотъ человекъ вѣчно смѣется—сказалъ царевичъ—надо полагать, что онъ счастливѣе всѣхъ въ нашемъ царствѣ.

— Ужъ не наоборотъ ли ты угадалъ? сказалъ бѣднякъ съ прежнею улыбкою. Охъ, еслибъ ты зналъ, сколько я испыталъ и какое гнететь мою душу горе!

— Ну, что напримѣръ? спросилъ царь.

— Султанъ, для этого я долженъ долго говорить и утомлять твой слухъ.

— Говори, говори я буду слушать тебя съ полнымъ вниманіемъ.

— Да благословить и продлить Аллахъ твое царствованіе до скончанія міра! Я былъ однимъ сыномъ у извѣстнаго купца Сурать-бая. Вскорѣ послѣ смерти отца моего я не зналъ, куда дѣвать время и чѣмъ заняться. Однажды собралось ко мнѣ много молодыхъ купцовъ и начали восторгаться путешествіями, но въ тоже время жаловаться на непріятныя и чрезвычайно опасныя приключенія, которыя неминуемо постигаютъ путешественниковъ.

О, еслибъ было возможно избѣгнуть этихъ опасностей—сказаль я—то я сейчасъ же пустился бы по міру. Слова мои какъ то странно подѣйствовали на одного изъ гостей моихъ, который не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Когда всѣ товарищи мои разошлись, этотъ молчаливый человекъ пересѣлъ ко мнѣ ближе и сказаль, хочешь ли, Малекъ, путешествовать такъ, чтобы не подвергнуться никакимъ значительнымъ расходамъ и быть независимымъ отъ людей? Видишь ли, я избрѣлъ ящикъ, въ которомъ можно летать по воздуху, гдѣ не представляется никакихъ ужасныхъ звѣрей и разбойниковъ.

— Да развѣ это возможно? спросилъ я съ изумленіемъ. — Ты это самъ увидишь, если пожертвуешь нѣсколькими десятками червонцевъ. Не смотря на то, что въ это время я уже успѣлъ промотать все состояніе отца, я рѣшился отдать ему послѣднія деньги мои и дѣйствительно два мѣсяца спустя имѣлъ удовольствіе совершить довольно продолжительное путешествіе по воздуху, причемъ онъ научилъ меня какъ управлять воздушнымъ суденцомъ, какъ заставлять его опускаться на землю и вновь подыматься.

— Ну, думаю при такомъ способѣ дѣйствительно очень удобно путешествовать и въ одно прекрасное утро, чтобы избѣгнуть тюремнаго заключенія за долги, я сѣлъ въ мой ящикъ и поднялся на воздухъ. Весь тотъ день и ночь я не останавливался. Когда же начало разсвѣтать, я замѣтилъ впереди громаднй городъ и на концѣ его въ роскошномъ саду чрезвычайно высокую башню, оберегаемую нѣсколькими сотнями вооруженныхъ людей. Кого это такъ оберегаютъ—, подумаль я и рѣшился опуститься въ лѣсъ и, спрятавъ здѣсь мой ковчегъ, отправился въ городъ сдѣлать покупки и удовлетворить любознательности.

Въ первой же харчевнѣ, гдѣ я потребоваль обѣдъ, мнѣ рассказали, что въ загородной башнѣ царь Вахминъ содержитъ взаперти свою прекрасную дочь, которой астрологи предсказали неминуемое безчестіе раньше выхода замужъ и что царевну эту зовутъ Схериной. По возвращеніи въ лѣсъ я началъ размышлять о томъ, могутъ ли люди знать будущую судьбу подобныхъ себѣ существъ, а въ заключеніе у меня явилось желаніе самому попытаться воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, такъ какъ Схерина навѣрно не знаетъ того, что ей предсказывали. Мысль эта разыгралась у меня до того, что какъ только стемнѣло, я сѣлъ въ мой ящикъ и привелъ его въ движеніе. Очутившись на кровлѣ башни, я началъ всматриваться въ мѣры, принятія царемъ Вахминомъ, чтобы не допустить дочь до обмана. Впервыхъ башня окружена была двумя рвами, напущенными водою и вокругъ ихъ по обоимъ берегамъ стояла стража съ копьями и саблями, дальше выступали часовые, а впереди прыгали на серебрянныхъ цѣпяхъ собаки, львы и тигры. Насмѣявшись надъ всѣми этими мѣрами человекъ, рѣшившагося противостать предопредѣленію, я тихими шагами спустился къ окну Схерины и, открывъ его, очу-

тился въ комнатѣ. Царевна въ это время спала. „Ну, что если она подыметъ крикъ?“ подумалъ я и рѣшился назваться пророкомъ Магометомъ. Прильнувъ къ ея рукѣ, я для большей вѣры началъ перечислять всѣ священные имена Аллаха. Схерина открыла глаза.—Ты кто и какимъ образомъ явился сюда? спросила она, вскакивая и отодвигаясь отъ меня.—„Не бойся ничего, прелестная Схерина—отвѣчалъ я нѣжнымъ голосомъ. Я есмь твой и всего мусульманскаго міра посредникъ между Богомъ, я есмь тотъ, котораго ты и родители твои называютъ пророкомъ Магометомъ. Я спустился прямо съ неба, чтобы сдѣлать тебя моею женою и спасти отъ предстоящаго безчестія, которое предопредѣлено было въ часъ твоего рожденія. И такъ ты выйдешь изъ твоей тюрьмы и будешь повелительницею всѣхъ послѣдователей моего ученія. Отвѣчай же: согласна ли ты принять мое предложеніе или нѣтъ? Если нѣтъ я оставляю тебя на твою жалкую судьбу и вознесу обратно на небо. Сказавъ это, я продолжалъ славословить Аллаха. Схерина долго слѣдила за устами моими и въ заключеніе обняла меня, какъ спасителя своего. Такимъ образомъ я пробылъ у невѣсты до той минуты, пока не пробуждалась стража и пока не сбылось пророчество астрологовъ. На слѣдующую ночь я вновь посѣтилъ мою невѣсту и по прежнему восхитилъ обѣщаніями наслаждаться всѣми благами въ общей жизни.

— Вѣрю, вѣрю тебѣ—отвѣчала она, прильнувъ устами къ моей рукѣ—но скажи мнѣ, отчего ты имѣешь такую молодую наружность, тогда какъ пророкъ нашъ переселился въ рай въ пожилыхъ лѣтахъ?

— О, прелестная Схерина, всѣ правовѣрные, заслужившіе любовь Аллаха, при переселеніи въ рай получаютъ лучшій возрастъ жизни и остаются такими навсегда. Въ противномъ случаѣ мы не могли бы пользоваться тѣми наградами, которыя предоставлены намъ за наши богоугодныя дѣйствія.

Недѣлю спустя одна изъ служанокъ Схерины открыла мои посѣщенія, но и ее мнѣ не трудно было заставить раболѣпствовать предо мною. Однако эта женщина изъ боязни лишиться жизни созналась передъ царемъ, что великій пророкъ навѣщаетъ по ночамъ его дочь. Царь осмотрѣлъ всѣ караулы, допросилъ каждаго стражника, но никто ничего не сказалъ ему. Чтобы убѣдиться окончательно, онъ призвалъ къ себѣ Схерину и она не сочла нужнымъ скрыть отъ него истины. Вахминъ ужаснулся и рѣшился самъ поймать меня. Не подозрѣвая ничего этого, я въ условленное время прилетѣлъ на кровлю башни и забравшись на горище началъ душиться розовымъ масломъ, которое любилъ нашъ пророкъ и затѣмъ вошелъ къ Схеринѣ. Въ эту самую минуту поднялась такая ужасная буря, что вся стража разбѣжалась, а нѣкоторыя пристройки къ башнѣ развалились. Испуганный этимъ царь Вахминъ, вообразивъ, что все это совершается по моему приказанію, чтобы наказать его за неблаговидный поступокъ противъ меня, бросился къ ногамъ моимъ и началъ умолять остано-

вить бурю. Узнавъ его, я понялъ сейчасъ же его цѣль и подымая старика, сказалъ:— Не бойся, царь, я здѣсь около тебя. Ты былъ однимъ изъ лучшихъ служителей Ислама, но подъ конецъ усумнился въ вѣрѣ своей и хотѣлъ сдѣлаться послѣдователемъ злаго духа; но я навелъ бурю, чтобы заставить тебя опомниться. Видишь ли, я зналъ, что Схерина должна погибнуть и долго просилъ Бога смилиться надъ нею. Аллахъ согласился исполнить мою просьбу, но не иначе, чтобы я лично вступилъ въ бракосочетаніе съ твоею дочерью. Пожалѣвъ тебя, я рѣшился и на это. Къ счастью моему въ это время буря утихла и въ воздухѣ возстановилась прежняя тишина. Вахминъ, изумленный этимъ, началъ подымать руки къ небу и благодарить Бога за великія милости Его. На другой день царь собралъ всѣхъ улемовъ и заявилъ имъ о великомъ событіи. Всѣ повѣрили его словамъ, за исключеніемъ одного мудреца, который рѣшился самъ поговорить со мною, но и тутъ судьба помогла мнѣ. Этотъ разумный человѣкъ сѣлъ на наровистую лошадь, которая сбросила его по дорогѣ къ крѣпости и онъ сломалъ себѣ руку и ногу, что приписано было духовенствомъ и царемъ наказанію за безвѣріе ко мнѣ. Узнавъ объ этомъ въ городѣ, я въ тотъ же вечеръ сказалъ Схеринѣ.

— Хотѣлось мнѣ наказатъ сегодня одного дерзкаго слугу твоего отца за высказанное публично противъ меня недовѣріе, но вспомнивъ, что онъ очень долго служилъ Вахмину, я ограничился тѣмъ, чтобы онъ сломалъ себѣ руку и ногу. Нѣсколько дней спустя у меня сошла послѣдняя копейка, а надо было ѣсть, потому что я въ домѣ невѣсты никогда не принималъ никакой пищи, увѣряя ее, что она очень невкусна, послѣ райскихъ кушаній. Долго я думалъ, какъ бы удобнѣе вымануть денегъ у Схерины и придумалъ потребовать приданое, чтобы имѣть передъ Богомъ доказательство вступленія моего въ бракосочетаніе. Царевна не замедлила открытъ предо мною всѣ сокровища свои и я взялъ столько алмазовъ и червонцевъ, сколько помѣстилось въ оба кармана моихъ штановъ.

Тѣмъ временемъ явились посланники отъ одного изъ могущественныхъ сосѣднихъ царей съ предложеніемъ, что повелитель ихъ желаетъ жениться на Схеринѣ. Вахминъ принялъ ихъ въ тронной залѣ и отвѣчалъ, что дочь его вышла уже замужъ за самого пророка Магомета. Посланники, принявъ это заявленіе за простое нежеланіе Вахмина сродниться съ ихъ царемъ, сейчасъ же выѣхали и сдумѣли настолько озлобить монарха своего, что онъ приказалъ собрать громадную армію и сдѣлать внезапное нападеніе на Вахмина. Когда дошло объ этомъ свѣдѣніе до тестя моего, онъ немедленно направилъ свою армію противъ непріятеля, но, потерявъ первое сраженіе, со страхомъ обратился къ Схеринѣ, прося умилюствить меня.

— Знаю, знаю, моя благочестивая жена, что армія отца твоего разбита—отвѣчалъ я—это сдѣлано было мною во первыхъ, чтобы согнать съ лица земли негодныхъ людей и наконецъ для того,

чтобы доказать отцу твоему, что я одинъ способенъ управлять дѣйствіями моихъ послѣдователей. Объяви же отцу твоему, что я прикажу изгнать изъ царства его злодѣевъ, пославъ на головы ихъ каменный дождь.

На слѣдующую ночь, я набралъ полное судно мое камней и, поднявшись на воздухъ, налетѣлъ на палатку, въ которой пировалъ враждебный намъ царь со всѣми командирами войскъ и началъ сбрасывать на нихъ большія тяжести. Первый камень убилъ главнокомандующаго арміею, второй сильно ранилъ царя, а остальными я перебилъ всѣхъ командировъ.

Часть спустя я явился съ новымъ грузомъ камней и металл ихъ во всѣ стороны. Повторивъ это нѣсколько разъ, я навелъ такой панической страхъ на все войско, что оно разбѣжалось, не дождавшись свѣта.

Около полуночи я возвратился къ женѣ моей и просилъ передать отцу, что разогналъ его неприятелей. Лишь только убѣдился въ этомъ Вахминъ и жители столицы, повсюду начались праздники и жертвоприношенія. Тестъ вновь поцѣловалъ мнѣ руку и предложилъ начать свадебный пиръ для глазъ народа.

— Дѣлай, какъ знаешь—отвѣчалъ я—всѣ ваши пиры для меня ничтожны, но будь увѣренъ, что если вторично нападутъ на тебя злодѣи, то я истреблю ихъ огнемъ.

Первый праздникъ начался въ честь Аллаха и его посланника. Желая показать народу, что Богъ и я сочувствуемъ этой жертвѣ, я приготовилъ очень много ракетъ и разнаго рода хлопושекъ, чтобы спустить ихъ на землю съ значительной высоты и заставить народъ видѣть въ этомъ чудеса. Задуманное мною, такъ вилкольно удалось, что я оставивъ въ лѣсу мой ящикъ, захотѣлъ послушать, что говорятъ люди и вмѣшался въ ихъ кружки. Всѣ были убѣждены, что огненные явленія на небѣ выражали участіе ангеловъ въ народномъ торжествѣ. „Ну, думаю отнынѣ не найдется никого въ этомъ царствѣ, который станетъ сомнѣваться въ моемъ божественномъ величій!“ Счастливы всѣми этими удачами, я направился обратно въ лѣсъ, чтобы летѣть къ женѣ, но представьте мое отчаяніе; мой дорогой ящикъ, въ которомъ оставались кое-какіе горючіе матеріалы воспламенился и отъ него оставались только однѣ дотлѣвающія доски! Ни одна мать не рыдала такъ надъ могилою первороднаго сына своего, какъ я надъ моимъ погибшимъ сундукомъ. Что мнѣ приходилось дѣлать, какъ не бѣжать отъ той, которую я полюбилъ всею душою и которую до настоящаго дня люблю больше, чѣмъ весь міръ, чѣмъ самого себя. Спрашивается, могу ли я назваться счастливымъ человѣкомъ?

— Да; ты не можешь имъ быть—рѣшилъ султанъ, отпуская вѣчно улыбающагося человѣка.

— Теперь я увѣренъ царь, что ты не станешь вѣрить въ земное счастье—сказалъ Талмукъ.

— Нѣтъ, другъ мой, я докажу тебѣ, что есть люди вполне

счастливые, если не въ моемъ царствѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и для этого я рѣшился совершить поѣздку съ тобою. Мы не возвратимся до тѣхъ поръ, пока не убѣдимся въ этомъ окончательно.

— Я согласенъ на все, государь, но мнѣ кажется, что твои труды пропадутъ напрасно.

— Это еще вопросъ. А ты лучше подготовься къ продолжительному путешествію.

Нѣсколько дней спустя султанъ Ведрединъ приказалъ министру своему переодѣться ювелиромъ и ѣхать съ нимъ въ отдаленное путешествіе.

— Я возьму съ собою всѣ лучшіе алмазы—сказалъ онъ— и назовусь твоимъ товарищемъ. Ёдемъ же завтра.

На слѣдующій день, падишахъ съ Талмукомъ выѣхали и на третій день прибыли въ большой торговый городъ, на площади котораго кричалъ философъ: „О правовѣрные, чего вы трудитесь собирать богатства. Неужели вы не знаете, что у васъ за плечами стоитъ смерть! Посмотрите на меня я почти безъ одежды, а между тѣмъ счастливые всѣхъ другихъ.“

Слова эти остановили Ведредина.—Слышишь Талмукъ—сказалъ султанъ—вотъ тебѣ доказательство моего убѣжденія и намъ, кажется, придется возвратиться домой.

— О султанъ, не вѣрь тѣмъ людямъ, которые громко проповѣдуютъ истину, извѣстную всѣмъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ поговорить съ нимъ наединѣ и онъ навѣрно станетъ проклинать свою судьбу.

Ведрединъ выждалъ той минуты, когда философъ возвратился домой.

Прослѣдивъ за нимъ, царь вступилъ въ его убогую хижину и пожививъ передъ нимъ кошелекъ съ золотомъ, сказалъ:

— Мудрый человѣкъ, я сегодня слушалъ тебя и невольно заспорилъ съ другомъ моимъ, что ты самый счастливый въ мірѣ человѣкъ. Прими отъ меня этотъ ничтожный даръ, но съ тѣмъ, что, ты положи руку на сердце, скажешь мнѣ сущую правду.

Философъ, спрятавъ деньги въ карманъ, отвѣчалъ: дорогой гость, ты напрасно судишь людей по ихъ словамъ. Все, что я говорилъ противъ богатства—это сказано было съ цѣлью, чтобы богатые люди не жалѣли его для такихъ бѣдниковъ, какъ я. Если же ты желаешь знать, счастливъ ли я, то я откровенно сознаюсь, что никто такъ не томится своими нуждами, и неудачами, какъ я. Такихъ страданій я не пожелалъ бы даже врагамъ моимъ.

Ведрединъ не захотѣлъ больше слушать философа и вышелъ къ Талмуку съ недовольнымъ видомъ.

Въ тотъ же вечеръ султанъ, сидя въ кофейнѣ, услышалъ, что нѣсколько стариковъ заговорили объ Астраханскомъ падишахѣ и и по ихъ убѣжденію выходило, что этотъ повелитель былъ самый счастливѣйшій человѣкъ.

— Поѣдемъ въ Астрахань—сказалъ на другой день Ведрединъ. Талмукъ улынулся, но не противорѣчилъ.

Мѣсяцъ спустя, они прибыли въ Астрахань и чрезвычайно изумились всеобщему счастливому настроенію обитателей столицы. Вездѣ слышались пѣсни, вездѣ чувствовалось изобиліе, радость и довольство.

— Ну, Талмукъ—сказалъ Ведрединъ—теперь я навѣрно представлю тебѣ сотню счастливыхъ людей. Полюбуйся самъ, какая здѣсь благодать.

Министръ не отвѣчалъ ни слова. Въ тотъ же вечеръ въ кофейнѣ многіе говорили, что царь ихъ Ормузь есть самый благополучный изъ царей земныхъ. Слова эти пришлись по сердцу Ведредина, который не замедлилъ обратить на нихъ вниманіе Талмука.

— Охъ, государь—отвѣчалъ онъ—людямъ мало извѣстно чужое горе и въ особенности царское.

Я желалъ бы очень, чтобы ты самъ поговорилъ съ царемъ Ормусомъ и если онъ дѣйствительно признаетъ себя счастливымъ, тогда, конечно, я признаю себя неправымъ.

— Очень хорошо Талмукъ. Мы завтра проберемся во дворецъ въ качествѣ купцовъ съ драгоценными камнями и я постараюсь лично поговорить съ Ормусомъ.

На другой день султанъ съ министромъ явились въ сераль и представлены были къ падишаху. Ормузь изумленъ былъ величиною и цѣнностію алмазовъ, но еще болѣе изумился, когда ему поднесенъ былъ Ведрединомъ въ даръ самый крупный изъ алмазовъ. Обрадованный государь приказалъ отвести купцамъ помѣщеніе въ своемъ дворѣ и заботиться объ ихъ удовольствіи. Испробавши всѣ средства заговорить о счастіи, Ведрединъ не могъ заставить царя высказать свой взглядъ на этотъ предметъ; тогда онъ рѣшился открыться ему и повѣдать настоящія причины своего пріѣзда въ Астрахань. Ормузь очень обрадовался такому гостю и чрезвычайно радушно принялъ Ведредина съ министромъ въ своемъ дворцѣ.

Два дня спустя, Ормузь спросилъ у Ведредина: На какомъ основаніи Талмукъ увѣряетъ тебя, что нѣтъ на землѣ счастливыхъ людей?

— На томъ основаніи, что онъ не встрѣчалъ ни одного счастливица, а мнѣ не удалось доказать ему этого живымъ примѣромъ: всѣ кого, я не спрашивалъ, жаловались на горе. Въ концѣ концовъ намъ указали на тебя, какъ единственнаго вполне счастливаго человѣка. Такимъ образомъ только ты можешь рѣшить нашъ споръ.

— О, Ведрединъ—отвѣчалъ Ормузь съ горькою улыбкою—я только кажусь людямъ благоденствующимъ на землѣ, но еслибы ты зналъ, какія жестокія страданія я переносу въ душѣ, ты невольно бы призналъ меня за самаго несчастнѣйшаго человѣка. Не желаешь ли ты теперь же убѣдиться въ сказанномъ мною:

потрудишься последовать за мной! Сказавъ эти слова, Ормусъ взявъ за руку гостя своего и привелъ къ раствореннымъ дверямъ спальни, гдѣ сидѣла на софѣ величественной красоты женщина. Видишь ли ты эту красавицу? спросилъ онъ—это жена моя, которую я люблю всѣми силами души, но не смѣю пользоваться ея ласками. Теперь она сидитъ и улыбается мнѣ издалека, но полюбуйтеся, что будетъ съ нею, когда я подойду къ ней.

Ормусъ подошелъ къ женѣ, но въ это время она пошатнулась и упала мертвою.

По мѣрѣ же удаленія, она начала оживать и, вновь улыбаясь, протягивать къ нему объятія.

— Такъ это продолжается два года. Теперь ты, Ведрединъ можешь составить себѣ понятіе о моемъ счастьи.

— Но я ровно ничего не понимаю. Объясни мнѣ, отчего происходитъ это явленіе?

Ормусъ, тяжело вздохнувши, началъ свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

Въ отроческомъ возрастѣ я до того любилъ путешествовать, что какъ только достигъ совершеннолѣтія, упросилъ отца отпустить меня съ надежными людьми погулять по міру. Отецъ предоставилъ мнѣ выбрать, кого я желаю изъ придворныхъ и приказалъ казначею снабдить меня золотомъ и драгоценными камнями въ такой мѣрѣ, сколько потребуется. Прежде всего я пригласилъ въ свою компанію преданнаго мнѣ друга Хасана и затѣмъ уже поручилъ ему сдѣлать все остальное. Въ нѣсколько дней мы были готовы и, не теряя дорогого времени, выѣхали, куда глаза глядѣли. Проѣхавъ цѣлый мѣсяцъ, я началъ чувствовать усталость отъ почестей, воздаваемыхъ мнѣ и пожелалъ переодѣться, чтобы скрыть свое происхожденіе. Другъ мой одобрилъ мое желаніе и мы, переодѣвшись кущами, порѣшили возвратить всю прислугу домой и остаться только вдвоемъ.

Вскорѣ послѣ этого мы выѣхали въ большой столичный городъ Карезмъ, гдѣ царствовалъ добрый царь Арселанъ. Однажды прогуливаясь за городскими стѣнами, мы подошли къ громадному зданію, наполненному сотнями умалишенныхъ.

— Гдѣ это ты набралъ такое число однородныхъ больныхъ? спросилъ я у сторожа.

— Это все тѣ любопытные, которымъ хотѣлось полюбоваться красотой Реджіи, дочери нашего султана—отвѣчалъ старикъ.

— Неужели она такъ хороша, что отъ одного взгляда на нее люди лишаются разсудка?

— О, она неизъяснимо хороша, и въ особенности, когда играетъ въ нашу любимую игру реджитъ! Не хорошо дѣлаетъ нашъ царь, что позволяетъ ей выѣзжать съ открытымъ лицомъ, точно его радуютъ вѣсти о вліяніи красоты дочери!

Рассказъ этотъ показался мнѣ неправдоподобнымъ. Тѣмъ временемъ до слуха нашего дошелъ крикъ глашатая, что скоро царевна начнетъ свою игру и чтобы люди съ пламеннымъ сердцемъ

не показывались бы на площадь дворца. Это такъ заинтересовало меня, что я пошелъ взглянуть на баснословную красавицу и, не смотря на всѣ предостереженія почтенныхъ стариковъ, выдвинулся впередъ; но къ сожалѣнiю моему Реджія ни разу не открыла лица. На другой день я также не могъ увидѣть ее, а затѣмъ она прекратила свои выѣзды. Заинтересованный этимъ и желая во чтобы ни стало увидѣть ее, я рѣшился обратиться къ одному изъ евнуховъ, завѣдывающему гаремнымъ садомъ, и посредствомъ подкупа достигъ того, что онъ принялъ меня въ качествѣ простаго работника, но не иначе, какъ съ требую на головѣ, чтобы казаться и плѣшивымъ и безобразнымъ. Въ такомъ нарядѣ я вступилъ въ дворъ, гдѣ обитала чудесная красавица и дѣятельно принялся за работу, не обращая вниманія на насмѣшки проходящихъ мимо меня женщинъ и дѣвушекъ. Въ одинъ вечеръ евнухъ принесъ свою бандуру и расположился около меня съ цѣлю повеселиться. Поигравъ немного, онъ передалъ мнѣ свой инструментъ и началъ просить сыграть ему что-нибудь и спѣть. Лишь только я ударилъ по струнамъ и запѣлъ, какъ за спиною моею очутился главный евнухъ. Я замолкъ и хотѣлъ уйти, но онъ умолялъ меня продолжать. Часъ спустя мнѣ сказали, что самъ султанъ желаетъ послушать мое пѣніе въ саду. Я удовлетворилъ и его желанію. Вслѣдъ за царемъ пришла къ евнуху служанка Реджіи съ требованіемъ отъ госпожи, чтобы мною присланъ былъ ей букетъ цвѣтовъ. Евнухъ приказалъ мнѣ немедленно исполнить и это приказаніе. При первомъ взглядѣ на царевну я до того забылся, что дѣйствительно почувствовалъ колебаніе мозга. Мой нарядъ возбудилъ всеобщій смѣхъ, но Реджія молча подала мнѣ бандуру и сдѣлала знакъ, что желаетъ послушать меня. Я запѣлъ съ такимъ чувствомъ, какъ никогда.

— О, какое несчастіе, что онъ плѣшивый! сказала она, когда я окончилъ пѣніе и выходилъ.

Съ того времени Реджія не выходила у меня изъ головы и я проклиналъ свой безобразный нарядъ. Между тѣмъ пѣніе мое не на шутку понравилось царевнѣ, потому что меня черезъ день требовали къ ней. Въ одно время я до такой степени небрежно обошелся съ бандурою, что съ головы моей слетѣла требуха и всѣ узнали, что я не плѣшивый. Объ этомъ немедленно донесли падишаху, который ужасно разгнѣвался и, догадавшись, что я прикрылся съ цѣлю, приказалъ привязать меня къ хвосту молодой лошади, чтобы она разбила меня на куски. Меня бросили въ тюрьму, но добрый Хасанъ въ ту же ночь освободилъ меня и я поспѣшилъ выѣхать обратно домой. Прибывъ въ Астрахань, я не засталъ родителей моихъ въ живыхъ и вынужденъ былъ принять верховную власть. Народъ съ первыхъ дней полюбилъ меня за то благоденствіе, которое я принесъ ему. Это первоначально очень радовало меня, но при всемъ томъ я не могъ жить счастливо безъ Реджіи и въ заключеніе рѣшился послать друга моего въ качествѣ свата. Но Хасанъ возвратился безъ успѣха, потому

что прелестная царевна была уже засватана. Это такъ оскорбило меня, что я началъ болѣть. Недѣлю спустя мнѣ доложили, что за столицей моею внезапно выстроились обширныя бани какимъ-то чудеснымъ образомъ. Я не повѣрилъ, но лично убѣдился въ справедливости. Представьте мнѣ строителя этого заведенія—приказалъ я. Въ тотъ же день явился ко мнѣ мущина лѣтъ 50 и назвалъ себя тѣмъ, за которымъ я посылалъ.

— Какимъ это образомъ ты въ одну ночь выстроилъ такое громадное зданіе за мою столицей? спросилъ я.

— Государь—отвѣчалъ онъ—я имѣю 40 рабовъ, которые исполняютъ всѣ мои приказанія въ тотъ срокъ, который назначаю имъ. Всѣ они нѣмые, но умѣютъ понимать меня. Не пожелаешь ли ты воспользоваться ихъ услугами, чтобы удостовѣриться въ моихъ словахъ.

— Пожалуй; прикажи имъ, чтобы они въ два часа воздвигнули мнѣ фарфоровую башню въ дворѣ моемъ

Неизвѣстный человѣкъ ушелъ. На другой день прежде чѣмъ я проснулся, мнѣ сказали, что башня готова. И дѣйствительно на краю моего сада возносилось высоко къ небу прелестное зданіе въ китайскомъ вкусѣ.

— Нравится ли тебѣ, государь, моя работа? спросилъ меня таинственный человѣкъ.

Вмѣсто отвѣта я взялъ его за руку и, посадивъ около себя, началъ расспрашивать, кто онъ такой и какимъ образомъ достигъ такой неестественной мудрости? Вотъ, что онъ рассказалъ мнѣ: „я родился въ Авинанѣ—и съ дѣтскаго возраста имѣлъ особенную охоту узнать всѣ тайны мудрецовъ, вслѣдствіе чего учился грамотѣ съ большимъ усердіемъ и охотою. Достигнувъ 20 лѣтняго возраста, я настолько прославился уже своими познаніями, что, когда прибылъ въ Самарканъ, одинъ изъ умнѣйшихъ министровъ приблизилъ меня къ царскому дивану и подготовилъ къ занятію своей должности. Не смотря на служебныя занятія я имѣлъ много времени заниматься химіею и магіею съ извѣстнымъ въ городѣ этомъ чернокнижникомъ и мудрецомъ Ваджеломъ. Въ одно время насъ обоихъ потребовалъ ханъ и объявилъ, что мы должны ѣхать къ другу его сосѣднему царю, у котораго боленъ единственный сынъ падучею болѣзнію.—Поѣзжайте и излечите этого молодого человѣка—прибавилъ онъ—и докажите, что въ моемъ распоряженіи есть настоящіе мудрецы.“ Естественно, что мы охотно приняли это приказаніе и чтобы выказать себя особенными людьми предъ тѣми, которые пріѣхали за нами, порѣшили съ Ваджеломъ не принимать никакой пищи во все время дороги и ѣхать безъ всякихъ запасовъ. Ваджелъ предложилъ мнѣ это безъ сомнѣнія въ предположеніи, что я не найду возможности перенести голода и откажусь отъ славы, но я очень хорошо зналъ, что наставникъ мой владѣлъ секретомъ готовить маленькія пилюли и что каждая изъ нихъ имѣла свойство насыщать человѣка на цѣлыя сутки и что онъ вѣроятно запасется ими. Между тѣмъ я изоб-

рѣлъ такой пластырь, приложивъ который къ животу, никогда не чувствовалъ позыва къ ѣдѣ. Такимъ образомъ мы выѣхали изъ Самаркана и двѣ недѣли ѣхали, не принимая пищи. Какъ вдругъ я началъ замѣчать, что Ваджелъ началъ терять свои силы и измѣняться, а въ заключеніе умеръ. Тогда только я открылъ, что несчастный мой учитель потерялъ свои пилюли и, чтобы не уронить себя, предпочелъ голодную смерть. Это обстоятельство до того оскорбило меня, что я отказался отъ дальнѣйшаго слѣдованія и направился въ ближайшій многолюдный городъ въ надеждѣ и тамъ найти пищу для любознательности моей. Городъ этотъ назывался Ускундомъ. Въ ту минуту, когда я пришелъ на городскую площадь, глашатай возвѣщалъ народу, что завтра съ разсвѣтомъ откроется пещера мудрыхъ книгъ и чтобы желающіе постигнуть тайны природы поспѣшили застѣсь рукописями. Извѣщеніе это такъ обрадовало меня, что я приблизился къ глашатаю и, положивъ ему въ руку золотую монету, попросилъ объяснить мнѣ подробности дѣла. Оказалось, что у нихъ былъ гротъ за городомъ, наполненный рукописями какого-то древняго мудреца, который по особенной тайнѣ открывался на $\frac{1}{2}$ часа однажды въ годъ и всѣ желающіе могли брать изъ него книги подъ условіемъ возвратитъ, если не боятся моментальной смерти. Узнавъ, гдѣ именно находится эта пещера, я не замедлил направиться къ ней съ вечера и занять удобное мѣсто, чтобы попасть первымъ. На другой день лишь только послышался гулъ и открылись тяжелыя желѣзныя двери, я прежде другихъ вскочилъ въ громадную комнату и бросился къ полкамъ съ рукописями. Всѣ, которыя я бралъ въ руки, были новы для меня и до того интересны, что я увлекся и пропустилъ время для выхода изъ подземелья и очнулся только тогда, когда захлопнулись за мною двери. Оставшись въ мракѣ, я, благодаря моимъ прежнимъ познаніямъ, вызвалъ духовъ и приказалъ имъ освѣтить гротъ и доставлять мнѣ все необходимое для моихъ потребностей. Обезпечивъ себя, я предался занятіямъ и въ теченіи года изучилъ все, интересующее меня. Когда вновь открылись двери грота и я выбѣжалъ на свѣтъ Божій, мой ужасный видъ съ громадною бородою до того поразилъ народъ, что всѣ начали голосить: „великій Маунъ воскресъ, горе намъ!“ При этихъ крикахъ подбѣжало ко мнѣ нѣсколько вооруженныхъ солдатъ и безцеремонно повлекли за собою. Не понимая, въ чемъ состоитъ моя вина, я началъ спрашивать ихъ и узналъ, что въ пещерѣ этой жилъ какой-то великій магъ, который дѣлалъ много неприятностей и царю и народу, но котораго не могли наказать никакими средствами и что народъ узналъ во мнѣ этого мага. Когда меня привели въ царскій дворецъ и поставили передъ падишахомъ, я началъ увѣрять, что я не Маунъ, а чужестранецъ, случайно зашедшій въ пещеру и оставшійся въ ней, но мнѣ отвѣчали, что я лгу и что если я не самъ Маунъ, то навѣрно его наслѣдникъ, и въ концѣ концовъ приговорили сжечь на костре. „Ну, думаю,

это имъ не удастся. Боясь откладывать приговоръ, султанъ приказалъ немедленно принести хворосту и привязать меня къ позорному столбу. Я не сопротивлялся, но въ тотъ моментъ, когда все было готово и уже принесенъ былъ огонь, я громогласно объявилъ султану и присутствующимъ, что они ошиблись, признавъ меня за Мауна, а такъ какъ невинные всегда находятъ покровителей на небесахъ, то и мѣры, принятыя ими, не могутъ принести мнѣ вреда. Сказавъ это, я прошепталъ одно изъ заклинаній, извѣстныхъ мнѣ, и въ виду всѣхъ поднялся на небо. Послѣ этого я началъ странствовать по міру и искать, гдѣ живутъ люди добрые и честные, чтобы поселиться около нихъ и устроить даровыя бани для ихъ наслажденій. Прибывъ въ твою столицу, я открылъ въ людяхъ всѣ тѣ качества, которыя искалъ. Тогда обративъ 40 деревъ въ мастеровъ, я выстроилъ обѣщанную баню и готовъ сдѣлать еще много другихъ благъ, если мнѣ понравится дальнѣйшее пребываніе въ Астрахани.

— Теперь я понимаю, въ чемъ заключается твое могущество—сказалъ я— о, великій Авекена, не можешь-ли ты оказать мнѣ другой услуги и я рассказалъ про свою безумную любовь къ Реджіи.

— Ты просишь сдѣлать такія ничтожныя услуги—отвѣчалъ Авекена, что я исполню ихъ въ четверть часа. Затѣмъ онъ подовзалъ одного изъ слугъ своихъ и сдѣлалъ ему какіе-то знаки.

Въ сказанное время предо мною очутилась въ полной красотѣ своей Реджія и съ изумленіемъ начала допрашивать, гдѣ она находится и кто я такой. Я назвалъ себя и рассказалъ про минувшіе дни службы въ ея гаремѣ и причину, вынудившую меня похитить ее изъ отцовскаго дома.

— Я могла-бы не простить тебѣ такого насилія—отвѣчала она—еслибъ только ты не понравился мнѣ и еслибъ я не ненавидѣла моего жениха.

Слова эти оживили меня и я немедленно объявилъ о бракосочетаніи съ Реджіею, чтобы доставить поданнымъ моимъ новый случай веселья. Счастье мое не имѣло границъ. Между тѣмъ отецъ моей жены и бывший ея женихъ, узнавъ, что дочь ихъ похищена мною, собрали огромныя силы и двинулись на мои владѣнія съ цѣлью отомстить мнѣ и отобрать Реджію. Когда я сообщилъ объ этомъ Авекенѣ, онъ пообѣщалъ мнѣ заставить обѣ арміи перебить другъ друга, а самого Арселана привести въ качествѣ плѣнника. И дѣйствительно обѣщанное онъ исполнилъ буквально и обрадовалъ жену мою встрѣчею съ отцомъ, который долженъ былъ смряться предо мною и войти въ дружественное отношеніе. Послѣднее еще больше увеличило мое удовольствіе. Но увы, тотъ самый Авекена, который предоставилъ мнѣ всѣ эти блага и котораго я въ знакъ глубокой благодарности приблизилъ къ себѣ, въ заключеніе сдѣлалъ меня несчастнымъ человекомъ. Надо знать, что мудрецъ этотъ, входя свободно въ комнаты жены моей и бесѣдуя съ нею, до того влюбился въ нее, что на-

чалъ выманывать ея сочувствіе къ его преступнымъ желаніямъ. Реджія сначала употребляла всевозможныя дружественныя мѣры, чтобы образумить старика, но затѣмъ невытерпѣла и запретила ему показываться къ ней на глаза.

— Такъ ты любишь своего мужа и только ему хочешь принадлежать—отвѣчалъ онъ съ улыбкою—ну, нѣтъ я съумѣю сдѣлать такъ, что отнынѣ вы не будете болѣе наслаждаться счастьемъ. Сказавъ это, онъ дунулъ въ лицо моей жены и скрылся.

Съ этого дня начались ея замиранія и мои ужасныя страданія. Ханъ окончилъ разсказъ и поникъ головою. О, Ведрединъ, — сказалъ онъ минутою спустя—ты въ миллионъ разъ счастливѣе меня, потому что вѣроятно не любилъ такъ женщины, какъ я люблю Реджію.

— Напрасно, Ормусъ, ты такъ думаешь обо мнѣ—отвѣчалъ Ведрединъ—и я имѣлъ подобное горе много лѣтъ на сердцѣ, но къ счастью оно въ настоящее время улеглось.

— Ты облегчилъ-бы меня немного, еслибъ разсказалъ причины и послѣдствія его. Старики говорятъ, что наше горе менѣе мучитъ насъ, когда мы слушаемъ чужія бѣдствія.

— Дѣло начинается слѣдующимъ образомъ: въ столицѣ моей жилъ одинъ богатый старикъ ходжа, у котораго была молоденькая прелестная жена по имени Арауя. Ходжа этотъ былъ крайне добръ, вслѣдствіе чего размоталъ все состояніе свое и вдобавокъ заболѣлъ. Нуждаясь въ средствахъ онъ вспомнилъ, что одинъ господинъ занялъ у него 1000 червонцевъ и просилъ жену потребовать эти деньги. Арауя пошла къ должнику и начала умолять его сжалиться надъ ихъ критическимъ положеніемъ. Должникъ, увидѣвши передъ собою такую прелестную женщину, охотно изъявилъ согласіе расплатиться съ мужемъ ея, но съ условіемъ, если она не откажетъ ему въ ласкѣ. Обиженная женщина вынуждена была возвратиться къ мужу съ слезами и прибѣгнуть къ жалобой къ кадію. Кадій, выслушавъ ее, въ свою очередь плѣнился красавицею, обѣщалъ ей взыскать съ должника и еще столько-же прибавить изъ своихъ средствъ, если она не откажется принимать его въ своемъ домѣ тайно отъ мужа. Такая дерзость судьбы принудила Араую обратиться къ министру, но и этотъ воспыалъ къ ней любовью и обѣщалъ золотыя горы на такихъ-же условіяхъ, какъ и кадій. Возвратившись домой, эта честная женщина до того возмутилась безчестнымъ отношеніемъ властей къ своимъ обязанностямъ, что рѣшилась отомстить имъ собственными средствами, для достиженія чего приобрѣла три гардеропныхъ шкафа съ крѣпкими замками и снова отправилась къ должнику своему. — Ну, эфенди — сказала она — я рѣшилась покориться твоимъ желаніямъ. Приходи сегодня вечеромъ ко мнѣ въ 9-ть часовъ и принеси твой долгъ. Мы попируемъ и разстанемся друзьями. Сказавъ это, она быстро вышла и направилась къ кадію, которому сдѣлала такое-же предложеніе, но съ тѣмъ чтобы онъ пожаловалъ къ ней часомъ позже, а въ заклю-

ченіе представились министру, прося его явиться въ 11 часовъ ночи, когда мужъ ея будетъ спать. Затѣмъ, возвратившись домой, она посвятила мужа и служанку въ тайное намѣреніе свое и начала приготовляться къ приему почетныхъ гостей. Въ условленный часъ явился должникъ и, вручивъ Арауѣ долгъ свой съ процентами, началъ ласкаться и прыгать отъ радости. Среди восторговъ этихъ вошла внезапно въ комнату служанка и громко сообщила, что хозяинъ собирается прийти къ нимъ. — О, спрячь меня поскорѣй—вскрикнулъ гость—потому что это большое безчестіе для такихъ людей, какъ я. Арауя взяла его за руку и ввела въ одинъ изъ приготовленныхъ шкаповъ, который замкнула и ключъ вложила въ карманъ. Въ слѣдъ за этимъ явился каді съ цѣнными подарками и естественно такимъ-же образомъ попалъ въ замкнутый шкафъ. Такая-же исторія случилась и съ министромъ. На слѣдующій день эта отважная красавица явилась ко мнѣ и, ставъ на колѣно, сказала: великій и справедливый султанъ, я пришла сказать тебѣ, что въ царствѣ твоемъ нѣтъ ни единого правосуднаго судьи и что бѣднымъ людямъ ничего болѣе не остается, какъ искать твоего личнаго покровительства. Послѣ этихъ словъ она рассказала мнѣ подробно все случившееся съ нею и просила послать за свидѣтелями. Я возмущенъ и приказалъ, чтобы посланы были за нею десять стражей. Два часа спустя мнѣ доложили, что свидѣтели прибыли и Арауя ожидаетъ моего рѣшенія. Я вышелъ на балконъ и увидѣлъ 3 большихъ шкапа.—Это что означаетъ? спросилъ я.—Въ этихъ шкапахъ, государь, замкнуты самые достовѣрные свидѣтели—отвѣчала она, подавая мнѣ ключи. Я приказалъ отомкнуть ихъ и вообразите мое изумленіе, когда оттуда выступили всѣ три обвиняемыхъ Арауею личности. Лучшихъ доказательствъ едва-ли возможно было представить. Удивившись такой находчивости со стороны молодой женщины, я невольно захотѣлъ посмотрѣть на ея лицо и призвавъ ее въ комнату, приказалъ открыться. Когда Арауя сбросила съ головы чадру, я вскрикнулъ: Нѣтъ, нѣтъ, мои слуги не должны быть обвинены, потому что такая красота ослѣпляетъ самого честнѣйшаго четовѣка! И, дѣйствительно, это была такая красавица, какой я никогда не видалъ и не могъ предположить умственно. Подобно должнику и чиновникамъ мнѣ я началъ улыбаться ей и употреблять всѣ мѣры расположить ее къ себѣ, но она, поблагодаривъ меня за ласку, не замедлила уйти. Однако я началъ томиться тоскою и видѣть передъ глазами только одну Араую. Дошло дѣло до того, что я рѣшился потребовать мужа ея и началъ предлагать ему почести, богатства и лучшихъ дѣвушекъ изъ моего гарема съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ мнѣ жену свою.—Всѣ твои почести и богатства въ глазахъ моихъ не представляютъ никакого значенія—отвѣтилъ мнѣ старикъ—Арауя дороже для меня всего міра. Но я не прочь развестись съ нею, если она сама потребуетъ этого.

Въ предположеніи воспользоваться послѣднимъ я началъ под-

сылать къ ней многихъ вліятельныхъ женщинъ, но она ни за какія блага не соглашалась разставаться съ мужемъ. Тогда я положился насильно овладѣть Арауею, но и это не удалось мнѣ, потому что мужъ съ женою внезапно исчезли изъ государства моего, оставивъ меня въ отчаяніи и состояніи близкомъ къ сумасшествію.

Проживъ еще нѣсколько дней въ Астрахани, Ведрединъ съ Талмукомъ пустились въ обратный путь. Долго они ѣхали, не встрѣчая ничего достопримѣчательнаго, но потомъ подъѣхали къ нѣсколькимъ палаткамъ, между которыми одна отличалась богатымъ убранствомъ и красотою. Ведрединъ, чувствуя усталость, спросилъ, кому принадлежитъ этотъ шатеръ и можно ли будетъ отдохнуть въ немъ.

— Нашъ господинъ очень добрый и гостепріимный человекъ— отвѣчали ему—иди къ нему, онъ будетъ радъ повѣдать тебѣ кое-какія приключенія изъ жизни, которыми переполнена жизнь этого неутомимаго путешественника.

Ведрединъ охотно послѣдовалъ этому предложенію и остался очень довольнымъ знакомствомъ Амбовари. Въ тотъ же вечеръ султанъ, бесѣдуя съ знаменитымъ путешественникомъ, попросилъ его рассказать въ краткихъ словахъ свою біографію.

Амбовари съ свойственною ему любезностію началъ свой рассказъ такимъ образомъ: я сынъ одного хорошаго моряка. Достигнувъ 12 лѣтняго возраста, я былъ взятъ моимъ отцомъ, чтобы ознакомиться съ различными странами свѣта, и послѣ многолѣтняго путешествія отецъ оставилъ меня въ Индіи въ г. Серендимѣ у друга своего Авини. Однажды я на базарной площади встрѣтилъ молодую женщину очаровательной наружности и громко началъ восхищаться ею. Три часа спустя я замѣтилъ вновь эту женщину, но уже въ сопровожденіи служанки. Эта послѣдняя отдѣлилась отъ госпожи своей и, подошедъ ко мнѣ, предложила слѣдовать за нею.—Это для чего? спросилъ я.—Послѣ узнаешь и надѣюсь, не пожалѣешь. Я пошелъ и вскорѣ вступилъ въ великолѣпный домъ, гдѣ меня приняла та самая молодая женщина, которою я только что восхищался.—Если ты нашелъ меня такою красавицею, какъ говорилъ—сказала она—то и я не скрою, что при первомъ взглядѣ на тебя почувствовала особенную расположенность. Оставайся же гостить у меня, пока мы узнаемъ другъ друга и пока я увѣрюсь въ твоей любви. Я изъявилъ полное согласіе и послалъ другу отца записку, чтобы онъ не беспокоился, если я не скоро возвращусь домой. Вслѣдъ затѣмъ мнѣ отвели роскошную комнату и мы ежедневно пиروвали съ прекрасною Мальвіею. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Мальвія, вполнѣ удивившись, что я увлекся ею до высшей степени, въ одинъ вечеръ объявила мнѣ, что рѣшается сдѣлаться моею женою, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы я принималъ вѣру идолопоклонниковъ.—Нѣтъ другъ мой—отвѣчала я—какъ бы ни была сильна моя любовь, я пожертвую ею во имя религіи. Отвѣтъ мой изумилъ ее,

но сколько она не плакала, я остался при своемъ. На другой день Мальвія начала упрекать меня, а потомъ прибѣгла къ угрозамъ и назначила срокъ, чтобы я одумался; но я ни на минуту не измѣнялъ своихъ религіозныхъ направленій и твердо отвѣчалъ, что предпочитаю исламъ всѣмъ земнымъ страданіямъ. Мальвія вспыхнула и ушла, но вслѣдъ за нею вышли ко мнѣ 8 сильныхъ индѣйцевъ и пригласили слѣдовать за собою. — Куда вы ведете меня? спросилъ я. — Ты узнаешь объ этомъ послѣ—отвѣчали они. Часъ спустя меня посадили на шлюпку и сдали на корабль, который немедленно тронулся въ путь. Оказалось, что я былъ проданъ шкиперу въ качествѣ раба и мнѣ предложили извѣстнаго рода работы. Дѣлать было нечего, я рѣшился покориться своей судьбѣ и въ самое непродолжительное время приобрѣлъ полное довѣріе хозяина. Когда мы вступили въ Бенгальскій заливъ, благопріятныя погоды измѣнились и поднялась такая ужасная буря, что капитанъ растерялся и отдался произволу теченій. 12-ть дней мы ежеминутно ожидали смерти, но на 13-й волненіе океана стихло и въ тотъ моментъ, когда мы блаженствовали, передъ нашимъ судномъ показался на обломѣ корабля человѣкъ, просящій спасти его. Капитанъ сжалился надъ нимъ и приказалъ принять на судно. Но лишь только онъ появился въ нашей средѣ, какъ началъ командовать всѣми и требовать пищи. Въ предположеніи, что онъ страдаетъ отъ голода, ему принесли извѣстное количество мяса и хлѣба, но онъ сказалъ, чтобы удесятирили эту порцію. Его послушали, но пожравъ все это въ нѣсколько минутъ, онъ потребовалъ еще столько же. Это нахальство ожесточило одного изъ матросовъ и онъ ударилъ негодня палькою. Гость нашъ отвѣтилъ ему тѣмъ, что разорвалъ его на четыре части и выбросилъ за бортъ. Пораженные такою дерзостью, мы всѣ набросились на него, чтобы сбросить съ судна, но увы онъ оказался такимъ силачемъ, что еслибъ даже насъ было вдвое больше, то ничего бы не сдѣлали. Тогда по-неволѣ рѣшились подчиниться требованію его и принесли столько ѣды, сколько онъ потребовалъ. Часъ спустя богатырь опять проголодался и опять мы вынуждены были отдать ему часть нашей провизіи.

— Ну, друзья мои—сказалъ намъ капитанъ—если этотъ чудовищный человѣкъ прогоститъ у насъ недѣлю, то мы вынуждены будемъ умереть съ голода. Намъ ничего болѣе не остается, какъ выбросить его за бортъ судна, когда онъ заснетъ.

Средство это показалось намъ единственнымъ, но на дѣлѣ оказалось непримѣнимымъ, потому что чудовище это ни на одну минуту не сомкнуло глазъ и черезъ каждый часъ требовало пищи.

Къ неожиданному счастью нашему на слѣдующій день на судно наше налетѣла хищная птица неестественной величины и подняла тирана нашего на воздухъ. Мы съ ужасомъ смотрѣли на отчаянную борьбу этихъ великановъ на воздухъ и чрезвычайно утѣшились, когда оба они въ предсмертныхъ судорогахъ упали въ океанъ и исчезли съ нашихъ глазъ. Возблагодаривъ Бога за

такую милость, мы недѣлю спустя благополучно прибыли въ Холконду, гдѣ я былъ перепроданъ въ другія руки. Новый хозяинъ мой оказался несравненно добрѣ перваго и съ первыхъ же дней сдѣлалъ меня членомъ своей семьи, а мѣсяцъ спустя изъявилъ желаніе повѣнчать съ дочерью своею, къ которой я вовсе не былъ расположенъ и которая въ свою очередь заинтересована была другимъ человѣкомъ. Выслушавъ это непріятное сообщеніе, я испросилъ у господина моего три дня сроку съ намѣреніемъ переговорить съ дочерью его. Хорошая дѣвушка очень обрадованная тѣмъ, что я не намѣренъ насиловать ея воли, посоветовала мнѣ не возражать отцу, но женившись сейчасъ же дать мнѣ разводъ.— Отецъ мой, конечно, и послѣ этого постарается соединить насъ— отвѣчала она—но такъ какъ для этого, по нашимъ законамъ, я должна хоть на одни сутки соединиться бракомъ съ другимъ мужчиною; то я выйду замужъ за любимаго человѣка, который не пожелаетъ развестись со мною. Такимъ образомъ ты сдѣлаешь удобное и отцу моему и мнѣ. Я нашель совѣтъ этотъ разумнымъ и буквально исполнилъ его. Разводъ, конечно, я далъ по настоящему требованію жены. Когда молодая хозяйка моя достигла тайной цѣли, я представился страшно оскорбленнымъ и возбудилъ такое сожалѣніе въ хозяинѣ, что онъ рѣшился наградить меня золотомъ и предоставить право возвратиться на родину. Наконецъ я достигъ и своего желанія. Не теряя времени, я на другой же день сѣлъ на судно и послѣ долговременнаго путешествія прибылъ въ Суратъ. Здѣсь мнѣ предстояло выждать случая возвратиться на родину, а если можно, то и заработать что-нибудь. Въ такихъ мечтахъ я однажды сидѣлъ на пристани. Какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ пожилой человѣкъ и спрашиваетъ, не пріѣзжій ли я и какъ давно нахожусь въ Суратѣ? Я отвѣчалъ, что прибылъ только вчера, и хотѣлъ бы заняться какимъ-нибудь дѣломъ впредь до возвращенія на родину. Слово за словомъ—и я повѣдалъ этому доброму и набожному съ вида человѣку всю печальную исторію моей жизни.—Бѣдный молодой человѣкъ—отвѣчалъ онъ со вздохомъ—твое страданія напоминаютъ мнѣ мои неудачи и заставляютъ смотрѣть на тебя, какъ на роднаго сына. Зная ли, я очень богатъ, одинокъ и давно ищу кого-нибудь, чтобы принять къ себѣ въ качествѣ законнаго наслѣдника. Не хочешь ли ты принять на себя это званіе? мы будемъ трудиться вмѣстѣ.

Все это говорилось такимъ отцовскимъ тономъ, такъ сладко, что я обнялъ старика и поклялся замѣнить ему десять родныхъ сыновей.

— Спасибо, мой другъ—отвѣчалъ со слезами на глазахъ старикъ и, взявъ меня за руку, повелъ къ себѣ домой, гдѣ, показавъ несмѣтные богатства, приказалъ одѣть меня въ роскошный купеческій нарядъ и величать своимъ сыномъ.

Очутившись въ такой счастливой обстановкѣ, я такъ полюбилъ моего благодѣтеля, что слѣдилъ за каждымъ шагомъ его и ста-

рался предупредить малѣйшее неудовольствіе его. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды вечеромъ Изумъ, мой нарѣченный отецъ, сказалъ мнѣ, что завтра собирается ѣхать на какой-то островъ, въ колодцахъ котораго находится безсчетное множество драгоценныхъ камней, которые охраняются змѣями въ теченіи дня, но если кто явится ночью съ фонаремъ, то гады эти убѣгаютъ и не препятствуютъ пользоваться сокровищами.—Эту тайну пока я одинъ узналъ и однажды въ годъ пользуюсь ею. Правда мнѣ не легко будетъ теперь спускаться самому въ колодезь, но я все таки, пока живу, не пожелаю довѣриться стороннему человеку.

— Зачѣмъ же ты взялъ меня за сына—возразилъ я—какъ не для того, чтобы я былъ твоимъ постояннымъ помощникомъ!

— О, другъ мой, я такъ полюбилъ тебя, что не желалъ бы утруждать. Ты, чего добраго, подумаешь, что я пригласилъ тебя съ дурнымъ умысломъ пользоваться твоими трудами.

Вмѣсто отвѣта, я началъ цѣловать руки благодѣтеля моего и просить его обращаться со мною, какъ съ роднымъ сыномъ.

На слѣдующій день, мы сѣли на свое судно и поплыли въ океанъ. Недѣлю спустя, передъ нами показался небольшой пустынный островъ, у берега котораго мы остановились. Изумъ высадился со мною, поручивъ матросамъ приѣхать за нами къ вечеру.

— Ну, сынъ мой — сказалъ старикъ — нагрузимся мѣшками и пойдемъ на добычу. Я не желаю никого кромѣ тебя одного посвящать въ свою тайну.

Нагрузившись мѣшками, я послѣдовалъ за Изумомъ и мы пошли къ глубокому колодцу.

— Вотъ здѣсь тѣ сокровища, которыя обогатили меня — сказалъ старикъ — и которыя отнынѣ будутъ принадлежать тебѣ.

— Какимъ же образомъ мы достанемъ ихъ? спросилъ я.

— Надо спускаться въ колодезь при помощи каната. Право, сынъ мой, мнѣ не особенно хотѣлось бы, чтобы ты дѣйствовалъ вмѣсто меня.

— Ты опять начинаешь нѣжничать со мною — сказалъ я — и началъ спускаться въ мрачную трущобу.

Старикъ не замедлил опустить веревку, къ краю которой прирѣпленъ былъ зажженный фонарь и заботливо указывать мнѣ каждое мѣсто для ноги. Когда я очутился на днѣ въ грудѣ драгоценныхъ камней, Изумъ опустилъ ко мнѣ пустые мѣшки, которые по мѣрѣ наполненія онъ вытаскивалъ.

Такимъ образомъ мы проработали до захода солнца. Изумъ, вытянувъ послѣдній мѣшокъ, не опустилъ болѣе каната.

— Отецъ — закричалъ я — дѣло мое окончено, помоги теперь мнѣ выбраться.

— Какой я тебѣ отецъ — раздался надо мною хохотъ Изума. Эхъ ты дуракъ, ты не понялъ того, что мнѣ нужна была твоя услуга и твоя смерть, чтобы сохранить въ тайнѣ отъ міра мой

владѣ. Въ этой труппѣ, ты найдешь много костей подобныхъ тебѣ мусульманъ. Собери ихъ и позови на помощь твоего великаго пророка, авось онъ не дозволитъ тебѣ умереть съ голода на алмазахъ! Изумъ вторично захотѣлъ и исчезъ.

— О, проклятый идолопоклонникъ! завопилъ я, подымая руки къ небу—да погибнешь ты раньше меня, болѣе ужасною смертію!

Нѣсколько минутъ я оставался въ безсознательномъ положеніи, но затѣмъ опомнившись, взялъ одну изъ костей и началъ отбрасывать драгоценности отъ окраинъ пещеры. Къ счастью я началъ на выемъ и послѣ непродолжительныхъ усилій открылъ выходъ въ подземелье. Съ фонаремъ въ рукахъ мнѣ не трудно было вступить въ оное и очень скоро выйти къ большой расщелинѣ на берегу моря. Все это сдѣлано было прежде, чѣмъ Изумъ отплылъ съ добытыми мною богатствами. Боясь, чтобы онъ не заставилъ убить меня, я предпочелъ скрыться отъ него и ожидать болѣе надежнаго спасенія. А чтобы не терять напрасно дорогаго времени и фонарнаго свѣта, я снялъ съ себя верхнюю одежду и началъ выносить для себя лучшіе драгоценныя камни и складывать ихъ у самаго отверстія. Наконецъ ужасный Изумъ отплылъ и когда исчезъ изъ вида, я взобрался на скалу и привязалъ къ шесту мой красный сарыкъ, а самъ сталъ на молитву. Видно аллахъ смиловался надо мною, потому что на другой день нечаянно остановилось около меня большое судно и сошла на берегъ шлюпка. Представьте-же мою радость, когда въ шкиперѣ я узналъ друга моего отца, а въ матросахъ моихъ 'соообщественниковъ! Послѣ разказа о всѣхъ несчастіяхъ, перенесенныхъ мною и послѣ того какъ мнѣ сообщили о здоровьи моихъ родныхъ, я не замедлилъ открыть землякамъ моимъ о драгоценностяхъ пещеры и мы вынесли ихъ всѣ и перевезли на судно. Богатство это такъ было велико, что каждому матросу приходилось получить не меньше, чѣмъ на милліонъ червонцевъ. Счастливые надеждами провести всю нашу будущую жизнь въ радостяхъ мы горѣли нетерпѣніемъ скорѣе возвратиться домой. Но, увы не вдругъ мнѣ суждено было наслаждаться покоемъ радости. На океанѣ начались бури и насъ повлекло въ противоположныя стороны и притянуло къ магнитному острову. — Ну, теперь мы останемся навсегда здѣсь и умремъ съ голода съ нашими богатствами—сказалъ капитанъ. Весь экипажъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ. Дѣлать было нечего сошли на берегъ и начали изыскивать средства къ избѣжанію опасности, но не могли найти.

Въ заключеніе мы взопли на высокую гору и подъ огромнымъ камнемъ замѣтили висящіе бубны на золотой пѣни и около нихъ молотъ, а нѣсколько дальше надпись „кто ударитъ разъ въ эти бубны, притянутые корабли отодвинутся отъ острова; при второмъ ударѣ они поплывутъ, а при третьемъ исчезнутъ за небосклономъ; но это не иначе, когда ударившій рѣшится остаться на этомъ островѣ и покориться своему предопредѣленію.“ Про-

читавъ эти отрадныя и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныя слова, капитанъ созвалъ всѣхъ насъ и началъ вызывать охотника для спасенія судна и экипажа, но такого не явилось. Тогда рѣшено было бросить жребій. Представьте, насколько я былъ несчастливъ, когда мнѣ выпало назначеніе оставаться. Капитанъ обѣщалъ мнѣ доставить мои богатства родителямъ и молиться за мое благополучіе. Простившись со всѣми дорогими сердцу моему людьми, я выждалъ минуты, когда они вошли на судно и ударилъ въ бубны. Корабль нашъ дѣйствительно отскочилъ отъ берега. Послѣ втораго удара онъ поплылъ, а за третьимъ исчезъ за горизонтомъ. Оставшись одинокимъ, я началъ молиться Богу и просить пророка не покидать меня. Затѣмъ я направился, куда смотрѣли глаза. Островъ оказался громаднымъ. Прошедъ до поздняго вечера, я отдохнулъ, на другой день продолжалъ путь мой до полудня. Какъ вдругъ передо мною показался старикъ, которому съ вида было около 120 лѣтъ. Онъ былъ согнутъ дугою, безъ одинаго зуба, съ померкшими глазами и вдобавокъ дрожалъ. Воздавъ ему почтеніе и рассказавъ, какимъ образомъ очутился я на этомъ островѣ, я невольно спросилъ: кто повѣсилъ на скалѣ эти волшебныя бубны и какое они имѣютъ вліяніе на суда?— Я не могу рассказать тебѣ этого—отвѣчалъ онъ—но если ты обратишься къ старшему моему брату, котораго ты встрѣтиши впереди, то быть можетъ онъ удовлетворитъ твоему любопытству. На другой день я, дѣйствительно, повстрѣчался съ пожилымъ, но очень бодрымъ человѣкомъ, но онъ посоветовалъ мнѣ обратиться къ старшему брату своему, который живетъ впереди. Этотъ послѣдній показался еще моложе. Такое необыкновенное явленіе изумило меня и я невольно началъ спрашивать, что послужило поводомъ тому, что онъ намногое кажется моложе младшихъ братьевъ.

— Это происходитъ оттого, что самый младшій братъ мой былъ женатъ на красавицѣ, а второй вѣчно тоскуетъ отъ немимніа дѣтей, а если я сохранился лучше ихъ до 100 лѣтъ, то благодаря тому, что не былъ женатъ.

Послѣ этого онъ рассказалъ мнѣ, что бубны эти устроены были однимъ благодѣтельнымъ мусульманиномъ съ цѣлью побѣждать враждебныхъ духовъ, притягивающихъ корабли, и что остающійся обязанъ непременно совершить три молитвы за душу благодѣтеля и только тогда можетъ свободно выѣхать изъ этого острова.

Понятно, что послѣ этихъ словъ я не замедлилъ стать на молитву и просить пророка оказать всѣ милости добродѣтельному человѣку.

По мѣрѣ движенія моего вперёдъ я началъ встрѣчать кое-гдѣ небольшія рощи фруктовыхъ деревьевъ, а потомъ и поселенія. Въ заключеніе я вошелъ въ большой приморскій городъ и неожиданно встрѣтился съ другомъ отца моего, Авиною, который, не зная, куда я дѣвался въ бытность въ городѣ Серендимѣ,

ужасно беспокоился объ исчезновеніи моемъ. Мы обнялись со слезами радости. Естественно, что онъ ужаснулся, когда я посвятилъ его въ тѣ событія, которыя я пережилъ по волѣ рока. Другъ семьи нашей повелъ меня за собою, а нѣсколько дней спустя, мы вновь возвратились въ Серендимъ, гдѣ обитала коварная Мальвія, которую къ несчастію я не переставалъ любить и простилъ ей поступокъ противъ меня. По прибытіи въ Серендимъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ слугъ Мальвіи и началъ привѣтствовать поклонами. Узнавъ его, я спросилъ, что стало съ Мальвіею. — Она бѣдняжка по приказанію нашего царя должна была выйти замужъ за ненавистнаго человѣка. А жаль, что ты не женился на ней, потому что она безумно любила тебя и очень долго болѣла. Да и теперь она день и ночь вспоминаетъ тебя.

— Если все это правда—отвѣчалъ я—то ты можешь сказать ей, что я люблю ее по прежнему и готовъ все простить за одинъ дружественный взглядъ и пріятельское расположеніе.

— Я непременно передамъ ей твои слова и увѣренъ, что она воскреснетъ изъ мертвыхъ. А какъ долго ты пробудешь здѣсь?

— Я полагаю, что не больше двухъ или трехъ мѣсяцевъ.

Прошло послѣ этого три недѣли. Однажды я встрѣтилъ на улицѣ богатую процессію похоронъ. Не видя никогда, какъ индѣйцы хоронятъ своихъ покойниковъ, я послѣдовалъ за нею на кладбище и узналъ, что вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ должна быть сожжена и молодая его жена. Лишь только тѣло поставили на костеръ, къ нему подвели женщину, которая, раздавъ приближеннымъ всѣ богатства свои, сбросила съ головы чадру и взяла въ руки пылающій факелъ. Женщина эта была Мальвія. Вскрикнувъ не своимъ голосомъ, я съ ужасомъ бѣжалъ, чтобы не видѣть своими глазами мученій этого прекраснаго существа. Пришедъ домой, я заперся и началъ рыдать. На третій день не будучи въ состояніи переносить тоски, я объявилъ Авинѣ, что рѣшился возвратиться къ родителямъ и пошелъ къ пристани, чтобы пріискать судно. Здѣсь я вновь встрѣтилъ слугу Мальвіи и началъ выражать передъ нимъ скорбь свою.

— Не тужи о ней—отвѣчалъ онъ—я нашелъ для тебя хорошую невѣсту.

— Нѣтъ, другъ мой, Мальвіи никто не замѣнитъ въ моемъ сердцѣ. Прощай, я завтра навсегда покидаю этотъ несчастный городъ.

Но старый слуга присталъ ко мнѣ и началъ умолять навѣстить его жилище. Я, не желая оскорбить его, послѣдовалъ за нимъ. Но представте мое изумленіе, что въ тотъ моментъ, когда я за чашкою кофе оплакивалъ въ душѣ Мальвію, вдругъ открывается боковая дверь и передо мною во всей красѣ предстала эта восхитительная женщина. Я окаменѣлъ отъ радости и бросился въ ея объятія.

— Но вѣдь ты была осуждена на смерть? сказалъ я.

— Да, и навѣрно погибла бы, еслибъ не знала, что ты вновь возвратился изъ неволи, въ которую я отдала тебя отъ безумія и отчаянія. О, прости меня, мой милый, ненаглядный и сдѣлай меня своею рабынею въ наказаніе, которое я вполне заслужила. Я не пощадила половины моего состоянія, чтобы избавиться отъ востра и искупить передъ тобою мою вину. Теперь я сдѣлаюсь мусульманкою и всѣмъ, чего ты потребуешь отъ меня.

Эти слова вознесли меня на седьмое небо и я, конечно, не теряя дорогаго времени, вступилъ въ бракосочетаніе съ Мальвиею и сейчасъ же пустился съ нею въ отечественный городъ, гдѣ ожидали меня большія богатства. Отецъ мой принялъ насъ съ восторгомъ, но, увы, бѣдняга не долго наслаждался нашимъ счастіемъ. Похоронивъ его, какъ прилично было богатѣйшему наслѣднику, я рѣшился отдать брату моему все принадлежавшее отцу и выйти изъ наслѣдственного дома. Получивъ большое состояніе, братъ мой сдѣлался купцомъ, но потерявъ все, снова возвратился ко мнѣ. Я снова отдѣлилъ ему часть имущества моего и снова предложилъ испытать счастье въ отдаленныхъ странахъ, но пробѣдивъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возвратился опять нищимъ и остался при мнѣ. Прошло еще нѣсколько времени и мнѣ дураку, пользующемуся безграничнымъ счастіемъ, вздумалось еще разъ съѣздить въ нѣкоторые города Индіи, которыхъ я раньше не могъ видѣть. Жена моя опечалилась и начала просить взять ее съ собою, но я не могъ согласиться на это. При отъѣздѣ я пригласилъ брата и, поручивъ ему охранять отъ всѣхъ непріятностей Мальвию и удовлетворять всякому ея требованію, выѣхалъ въ качествѣ купца съ цѣнными товарами. Долго мы плыли счастливо, но вдругъ наскочили на какую-то скалу и корабль нашъ разбило въ дребезги. Я съ однимъ изъ матросовъ какъ-то случайно очутился въ шлюпкѣ, которую сильно отбросило впередъ и затѣмъ увлекло теченіемъ. Два дня мы плыли по направленію къ виднѣющейся землѣ, но прежде чѣмъ попали въ русло рѣки, товарищъ мой поглощенъ былъ крокодиломъ. Оставшись одинокимъ, я вышелъ на берегъ и подобно животному началъ грызть траву. Подкрѣпившись силами, я рѣшился идти дальше и въ заключеніе очутился въ великолѣпномъ пальмовомъ лѣсу, гдѣ замѣтилъ роскошную палатку, оберегаемую крылатымъ змѣемъ. Притаившись въ древесной чащѣ, я не зналъ, на что рѣшиться и хотѣлъ было регироваться назадъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что змѣй захопалъ крыльями и, поднявшись къ небу, исчезъ за горизонтомъ. Ну—думаю—теперь нечего бояться и смѣло вошелъ въ палатку. Вижу, лежитъ мертвымъ старикъ, а у изголовья его дощечка съ надписью: „я сынъ Мархіи, министра, который былъ правою рукою въ дѣлахъ великаго царя Соломона. Когда приблизился день моей смерти, я для избѣжанія мірской суеты удалился на этотъ пустынный островъ и, своеручно воздвигнувъ эту палатку, остался въ ней до послѣдняго вздоха. Да будетъ извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые случайно попадутъ на этотъ островъ,

что единственный выходъ изъ него находится въ мрачной пещерѣ, которою пожалуй немногіе рѣшатся пройти. Пещера эта находится на югъ отъ моей правой руки и отстоитъ въ тысячи шагахъ.“ Поцѣловавъ эту спасительную надпись и помолившись за душу покойника, я сейчасъ же принялъ указанное направленіе и дѣйствительно подошелъ къ мрачному гроту, протяженіе котораго терялось въ тьмѣ. Подкрѣпившись вновь плодами, я вознесъ глаза къ небу и, испросивъ благословеніе пророка, двинулся впередъ. Судя потому, что я на другой день около полудня увидѣлъ свѣтъ Божій, я шелъ болѣе 15-ти часовъ. Изнеможенный до крайности, я заснулъ мертвецкимъ сномъ. Проспавъ до слѣдующаго утра, я не успѣлъ еще прийти въ себя, какъ меня окружило 12 чудовищъ съ человѣческими головами, однорогихъ съ собачьими туловищами.

— Сынъ Адама, какимъ ты образомъ попалъ сюда? спросили они. Когда я рассказалъ имъ про несчастный случай и надпись, прочитанную надъ головою умершаго, они переглянулись и предложили мнѣ слѣдовать за ними, потому что подняли меня на воздухъ и послѣ нѣсколькихъ часовъ опустили въ глубокое подземелье, составляющее ихъ жилище. Здѣсь я пробылъ цѣлый годъ, питаясь плодами деревъ, потому что господа мои не употребляли другой пищи, кромѣ костей. Не привыкшій къ такой пищѣ, я быстро началъ тощать и измѣнился отъ скорби и тоски до такой степени, что едва передвигалъ ногами. Однажды, сидя на скалѣ въ глубокой задумчивости, я увидѣлъ на воздухѣ страшную битву какихъ-то чудовищъ съ добрыми духами, воспѣвавшими славу Божію. Пронявъ, въ чемъ дѣло, я поднялъ руки къ небу и началъ призывать пророка на помощь къ праведнымъ. Когда послѣдніе одержали побѣду, одинъ изъ нихъ спустился ко мнѣ и, разузнавъ, кто я и какимъ образомъ попалъ къ нечестивымъ духамъ, поднялъ меня на воздухъ и представилъ меня къ начальнику своему, который, нашедъ меня отлично знающимъ святой коранъ и всѣ правила религіи, сдѣлалъ порученіе наблюдать за мечетью. Однажды, когда я заснулъ у дверей храма, мнѣ приснилось, что я видѣлъ жену на могилѣ пророка, которая съ страшными воплями просила его возвратить къ ней меня, чтобы оградить отъ предстоящаго страданія. Проснувшись, я какъ-то невольно зарыдалъ.

— О чемъ ты тоскуешь? спросилъ меня начальникъ мой.

Я рассказалъ ему сонъ мой и тоску по женѣ.

— Нѣтъ сомнѣнія, что жена твоя находится въ отчаянномъ положеніи, но знаешь ли, что васъ раздѣляетъ пространство въ 701 т. верстъ. Впрочемъ, я найду такого духа, который перенесетъ тебя въ нѣсколько часовъ, но помни, что это чудовище ужасно хитро и коварно и можетъ сдѣлать тебѣ большую неприятность, если ты перестанешь хоть на минуту твердить ту молитву, которой я тебя научу.

Послѣ чего онъ поднялъ меня на воздухъ и началъ учить свя-

тымъ словамъ. Нѣсколько минутъ спустя мы опустились въ мрачное подземелье и подошли къ крылатому духу, которому начальникъ мой пообѣщалъ свободу, если онъ доставитъ меня въ домъ мой къ женѣ.

— Я исполню твое повелѣніе сейчасъ же—отвѣчалъ духъ, подставляя плечи, чтобы я осѣдлалъ его.

Простившись съ благодѣтелемъ моимъ, я моментально поднятъ былъ на воздухъ, но лишь только мы очутились вдаль отъ земли, коварный служитель началъ кувыряться и дѣлать различные скачки съ цѣлью сбросить меня. Но я, зажмуривъ глаза, не переставалъ твердить молитву. Вдругъ надъ головою моею раздались вопіющіе крики и удары оружія. Это заставило меня поднять глаза и увидѣть отчаянный бой какихъ-то чудовищъ. Естественно, что я на минуту забылъ про молитву, а между тѣмъ этого достаточно было, чтобы чудовище сбросило меня съ плечъ своихъ и исчезло съ громкими криками.

Я полетѣлъ въ пучину морскую, но къ счастью очутился не вдаль отъ земли, на которую сейчасъ же выплылъ. Не успѣлъ я оглянуться, какъ къ устамъ моимъ подлетѣла райская птичка и, всунувъ въ мой ротъ какое-то ароматное зерно, сказала:

— Не бойся, другъ мой, ничего, ты нигдѣ не погибнешь. Я птичка, любимица Божія Исаака, который приказалъ мнѣ накормить тебя на 40 дней и указать тотъ путь, которымъ ты долженъ слѣдовать. Закрой глаза!

Я повиновался. Какъ долго мы шли или летѣли, я не знаю, но въ концѣ концовъ я очутился предъ великолѣпнымъ небольшимъ домомъ, куда и дерзнулъ войти. Передо мною явилось такое ужасное чудовище, какого я еще ни разу не видѣлъ.

— Ты кто такой и кто твой пророкъ? спросилъ меня страшный человѣкъ.

Чтобы убѣдить его, я прочиталъ мой символъ вѣры.

— Тѣмъ лучше, что ты правовѣрный — сказалъ онъ. Но вотъ въ чемъ дѣло. Ты обязанъ прослужить мнѣ сегодняшній день вѣрою и правдою, если желаешь пользоваться свободою, но если ты измѣнишь, то я не пощажу ни тебя, ни дѣтей твоихъ. Слышишь?

— Въ чемъ же будетъ состоять моя служба? спросилъ я.

— Я долженъ во чтобы ни стало достать сегодня одинъ перстень съ руки мертвеца, котораго оберегаетъ духъ гораздо сильнѣе меня, но достигнуть этого безъ пособія сторонняго человѣка невозможно. Духъ этотъ можетъ превращать въ онѣмѣніе всѣ члены мои и я останусь надолго безъ движенія, если стороннее лицо не ударитъ меня одною изъ волшебныхъ пуль, которыя я избобрѣлъ. Вотъ эти пули ты возьмешь и, какъ только я упаду, станешь по мѣрѣ надобности бросать въ меня.

— Хорошо, я готовъ исполнять твои приказанія.

Чудовище сейчасъ же вручило мнѣ нѣсколько десятковъ этихъ пуль и приказало слѣдовать за собою.

— Если ты не доведешь меня до гибели—сказало оно дорогою,

то я предоставлю тебѣ несмѣтныя богатства и сдѣлаю царемъ самаго лучшаго государства.

Мы подошли къ громадному зданію, у воротъ котораго увидѣли двухъ странныхъ львовъ, приготовившихся растерзать насъ, но господинъ мой пустилъ въ каждого изъ нихъ по одной пулѣ и поразилъ ихъ на смерть. Ворота онъ повалилъ также ударомъ пули. Послѣ чего на насъ набросились двѣ чудовищныя птицы съ ужасными клювами, но они погибли отъ пули. Въ заключеніе мы вступили въ серебряную комнату и остановились предъ катафалкомъ, на которомъ лежалъ мертвецъ съ множествомъ колець на пальцахъ, но между ними одно, на которомъ написано было огненными буквами имя Божіе, до того было очаровательно, что я не спускалъ съ него моихъ глазъ. Чудовище съ жадностію бросилось къ рукѣ мертвеца, но вдругъ откинуто было съ такою силою, что лишилось сознанія. Я сейчасъ же ударилъ его пулкою и вновь поставилъ на ноги. При вторичномъ набѣгѣ совершилось тоже самое; я опять оживилъ его. Чудовище бросилось въ третій разъ и опять упало мертвымъ. Но на этотъ разъ прежде чѣмъ я вынулъ изъ кармана пульку раздался голосъ: „о, правдивѣйшій, останови твою руку! Предъ тобою лежатъ останки великаго пророка и царя Соломона. Это чудовище при твоей помощи стремится завладѣть его печатью, чтобы потомъ господствовать надъ міромъ. Ты будешь проклятъ пророкомъ, если сейчасъ же не удалишься и не раскаешься въ своемъ невѣдѣніи.“

Слова эти поразили меня и я немедленно вышелъ изъ серебряной комнаты и началъ бѣжать, чтобы найти поскорѣе источникъ воды для совершенія молитвы. У перваго же ручья я началъ омовеніе рукъ и увидѣлъ случайно у гранитной скалы привожденнаго гиганта, который какъ только силится сорваться съ цѣпей, получалъ жестокіе удары по головѣ отъ двухъ почтенныхъ стариковъ въ зеленыхъ кафтанахъ.

— Чѣмъ онъ провинился передъ Богомъ, что вы такъ жестоко поступаете съ нимъ? спросилъ я.

— Это антихристъ — отвѣчали мнѣ старики — и онъ силится сорваться преждевременно съ цѣпи.

Взглянувъ и на этого ужаснаго духа, я вскорѣ послѣ этого подошелъ къ зданію, выстроенному изъ драгоценныхъ камней съ надписью: „Это зданіе открываетъ двери словами: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и пророкъ его магометъ.“ Я немедленно произнесъ эти священныя слова и золотыя двери отворились предо мною. Вступивши въ этотъ храмъ богатствъ, мой умъ пришелъ въ такое волненіе отъ всевозможныхъ прелестей, что я вынужденъ былъ надолго прикрыть глаза, чтобы не ослѣпнуть или не сойти съ ума. Здѣсь были яхонтовыя, сапфирныя, бирюзовыя и алмазныя комнаты съ неувыдаемыми цвѣтами, на которыхъ порхали тысячи маленькихъ сладкозвучныхъ птичекъ, здѣсь блили фонтаны изъ стѣнъ и порою долетали нѣжные голоса ангеловъ, поющихъ гдѣ-то въ отдаленіи священныя гимны; но всего отраднѣе дѣйство-

вало на меня усыпительное благовоніе, котораго я никогда не слышалъ на землѣ. Прощедъ всѣ эти отдѣленія нерукотворныхъ чудесъ, я очутился предъ какимъ-то святымъ человѣкомъ, стоявшимъ у алтаря съ тою же надписью, которая была и на дверяхъ этого дома.

— Съ приходомъ тебя поздравляю — произнесъ святой человѣкъ — вижу, что ты любимецъ нашего пророка, потому что сюда попадаютъ только такіе. Садись и отдохни, а потомъ я покажу тебѣ всѣ подробности нашего благополучія. Послѣ чего онъ началъ спрашивать, гдѣ я родился, гдѣ жилъ и какихъ мнѣній о суетахъ земнаго міра? Когда я излилъ передъ нимъ всю душу свою и вполнѣ отдохнулъ, онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ и привелъ къ тремъ рѣкамъ: Молочной, Медовой и Масляной, за которыми на цвѣточныхъ лугахъ порхали точно бабочки прелестныя гуріи.

— Смотри и радуйся заблаговременно предстоящимъ тебѣ наградамъ — сказалъ святой человѣкъ.

— Вижу и благодарю моего пророка за счастье быть послѣдователемъ его божественнаго ученія. Но позволь мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю радость бесѣдовать?

— Я пророкъ Илья и желалъ бы, чтобы ты остался на нѣкоторое время у меня.

— Изволь, пророкъ, я съ удовольствіемъ приму твое желаніе и буду служить тебѣ, какъ простой работникъ.

Съ этого блаженнаго дня я постоянно имѣлъ предъ глазами рай со всѣми его благами, но, конечно, какъ смертный человѣкъ, не могъ постигнуть многихъ его удовольствій и началъ вновь тосковать по женѣ моей. Тоску эту подмѣтилъ повелитель мой и началъ допрашивать причины. Я рассказалъ.

— Отчего же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? спросилъ пророкъ — и сейчасъ же, обратившись къ первому пролетающему облаку, спросилъ, куда оно идетъ и зачѣмъ?

— Я иду въ Китай съ бурей и грозой — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Ну такихъ мнѣ не нужно, иди своею дорогою.

Нѣсколько минутъ спустя показалось другое облако, идущее въ Персію для орошенія полей.

— Ну это подходящее для тебя — сказалъ пророкъ и приказалъ ему снести меня къ женѣ.

Облако немедленно сгустилось и легло къ ногамъ моимъ.

Принявъ благословеніе отъ святаго человѣка и поблагодаривъ его за всѣ милости, оказанныя мнѣ, я поднялся на воздухъ и въ тотъ же день около полуночи очутился предъ дверьми моего дома. Не вѣря счастью моему, я принялся стучать ногами и руками въ калитку.

— Кто тамъ? послышался голосъ слуги.

— Я господинъ этого дома и мужъ Мальвіи — отвѣчалъ я — отворяй поскорѣе!

Но слуга вмѣсто того, чтобы немедленно исполнить мое прика-

заніе, возвратился обратно и вывелъ изъ дома цѣлую толпу людей, въ числѣ которыхъ была и жена моя. Когда отворились двери и я бросился въ объятія Мальвіи, то она откинулась въ сторону и начала кричать, увѣряя, что никогда не была замужемъ за мною, что кромѣ теперешняго мужа она хотя и была замужемъ за другимъ, но тотъ давнымъ-давно умеръ. Призванъ былъ братъ мой, но и онъ выразилъ полное сомнѣніе. Тогда я началъ рассказывать со всѣми подробностями все мое путешествіе, но когда я окончилъ, слушатели расхохотались и сочли меня сумасшедшимъ. Это возмутило меня и я обратился къ кадю, который, выслушавъ доказательства мои, не могъ не признать меня хозяиномъ и мужемъ Мальвіи, но не желая давать полнаго довѣрія приключеніямъ, повліявшимъ на измѣненіе моей наружности, приказалъ всѣмъ, заинтересованнымъ этимъ дѣломъ, немедленно ѣхать къ калифу Омару и спросить его совѣта. Дѣлать было нечего, мы поѣхали и представились къ великому повелителю мусульманъ, который, выслушавъ меня, отправилъ всѣхъ насъ на судъ Алія, зятя божественнаго нашего пророка. Когда мы прибыли туда, Али, провѣдавъ, въ чемъ состоитъ наше дѣло, поднялъ руки къ небу и погрузился въ усыпленіе. Часъ спустя онъ сказалъ мнѣ: все сказанное тобою совершенно справедливо. Я спрашивалъ пророка Илью и онъ подтвердилъ мнѣ твои слова. Тоже самое мнѣ сказали и другіе богоугодные люди, которымъ извѣстно все, что дѣлается въ мірѣ. Затѣмъ, обратившись къ Мальвіи, онъ призналъ второй бракъ ея богопротивнымъ и приказалъ безотлагательно соединиться со мною. Мальвія безотговорно подчинилась приговору и послѣдовала за мною. Вслѣдъ затѣмъ я вторично поѣхалъ на островъ драгоцѣнныхъ камней и привезъ ихъ такое множество, что считаю себя самымъ богатѣйшимъ въ мірѣ человекомъ.

— О, наконецъ я нашелъ счастливецъ! вскрикнулъ султанъ.

— Извини меня, почтенный гость мой, ты очень ошибаешься, если считаешь меня счастливымъ. Все мое счастье заключалось въ преданности Мальвіи, но увы, эта женщина продолжаетъ любить своего втораго мужа и имѣетъ съ нимъ тайное свиданіе. Это до такой степени сокрушаетъ меня, что я рѣшился бросить ее на произволъ судьбы и предпринять отдаленное путешествіе.

— Ну, Талмукъ—сказалъ въ тотъ же вечеръ Ведрединъ я теперь окончательно убѣдился, что счастливыхъ людей нѣтъ на землѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрился, что очень многіе изъ нихъ гораздо несчастнѣе меня. Возвратимся же домой и будемъ радоваться своему сравнительному счастью.

И они возвратились довольные своимъ путешествіемъ.

Халима окончила рассказъ.

— Спасибо—сказалъ Айдинъ.—Ты совершенную правду сказала, что на землѣ нѣтъ счастья и что тѣ должны считать себя счастливыми, у которыхъ горе не слишкомъ велико. Отнынѣ твои слова навсегда останутся въ моей памяти.

На слѣдующій день Айдинъ опять началъ просить подругу свою занять его какимъ-нибудь разговоромъ.

— Изволь, мой дорогой повелитель. Въ Мессопотаміи, невдале отъ одного города жила бѣдная вдова съ двумя очень красивыми молодыми дочерьми, изъ которыхъ старшую звали Фатьме и меньшую Катиге. Всѣ онѣ занимались стиркою чужаго бѣлья и этимъ кое-какъ проводили свои невеселые дни. Однажды старуха была ужалена ядовитою змѣею и, пролежавъ нѣсколько дней въ жестокихъ страданіяхъ, прекратила свою горемычную жизнь. Предъ смертью она посовѣтовала дочерямъ жить честно и никогда не разлучаться безъ крайней надобности. Послѣ похоронъ старухи, дѣвушкамъ пришлось на другой-же день снести бѣлье въ городъ, чтобы отдать его по принадлежности, и просить не оставлять ихъ безъ работы и на будущее время. Только что сестры вышли изъ хатки своей, какъ къ нимъ вышелъ на встрѣчу безобразный старикъ съ кривыми ногами и, спросивъ, куда онѣ направляются, началъ идти за ними слѣдомъ и, когда ознакомился съ ихъ горемычнымъ положеніемъ, предложилъ себя въ женихи Катиге, обѣщая имъ всѣ блага и спокойную жизнь. Фатьме очень понравилось это доброе участіе старика и она предложила сестрѣ воспользоваться случайнымъ счастьемъ, чтобы избавиться отъ неизвѣстной и ничего не обѣщающей будущности.

— Нѣтъ, сестра, я не желаю быть женою старика, если-же ты боишься будущности, то отчего ты не предложишь ему себя въ невѣсты?

— О, вскрикнулъ старикъ—до какой печальной участи дожилъ я, что и несчастныя сироты отказываются отъ моей любви! Сказавъ это, онъ зарыдалъ горькими слезами.

— Не плачь добрый человѣкъ — утѣшала его Фатьме — моя сестра очень молода и не можетъ сразу сообразить нашихъ общихъ выгодъ. Но потомъ она станетъ благодарить тебя.

— Ни за что я не соглашусь, Фатьме, на твое увѣреніе, пойдемъ лучше по нашему дѣлу.

— Я не желаю, чтобы ты оставила нашего гостя одного, я сама снесу бѣлье и сейчасъ возвращусь.

Катиге начала возражать, но въ концѣ концовъ согласилась съ старшею сестрою и, возвратившись съ странникомъ къ лачугѣ, предложила ему чашку кофе.

Дряхлый старикъ во все это время обращался съ Катиге чрезвычайно вѣжливо и рассказывалъ про свое богатство и спокойную жизнь. Тѣмъ временемъ наступила ночь, а Фатьме не возвращалась. Прошелъ еще часъ. Катиге начала беспокоиться и заявлять свой страхъ.

— Дѣйствительно, это странно—отвѣтилъ старикъ—не попала ли твоя добрая сестра въ какую-нибудь ловушку? Пойдемъ къ ней на встрѣчу, а при надобности и поможемъ.

Катиге поблагодарила заботливаго старца и пошла съ нимъ; но

увы, гдѣ только они ни искали Фатьме, нигдѣ ея не оказалось. Возвратившись утромъ домой, Катиге начала плакать, не зная, куда дѣваться и чѣмъ кормиться.

— Не крушись, дорогая моя—сказаль старіеъ—иди за мною въ мой домъ и будь хозяйкою моего состоянія. Я ни однимъ словомъ не оскорблю тебя. Если-же ты привыкнешь переносить мое присутствіе, то тогда я надѣюсь быть твоимъ мужемъ.

Катиге вынуждена была согласиться и чрезъ нѣсколько дней вступила въ роскошный домъ старика благодѣтеля, который приказаль одѣть ее въ шелки и парчу и предоставить всѣ удовольствія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды Аталинь вошелъ къ Катиге въ намѣреніи поговорить съ нею серьезно, но встрѣтивъ ее въ слезахъ, началъ спрашивать о причинахъ скорби.

— Я видѣла сегодня во снѣ одного молодого человѣка, который, назвавшись женихомъ моимъ, упрекнулъ меня, что я не думаю отыскать Фатьме, которая будто находится въ настоящее время на островѣ Суматрѣ.

— Я не прочь свезти тебя туда, если это доставить тебѣ покой—отвѣчалъ Аталинь.

— Я сама собиралась просить тебя объ этомъ, но признаться не надѣялась на такое снисхожденіе.

— О, Катиге, видно тебя болѣе интересуетъ женихъ, чѣмъ Фатьме. Я тебѣ не могу кажется понравиться по виду моему, но еслибъ ты знала, что я хорошъ и что мнѣ только 27 лѣтъ отъ роду, ты навѣрно не стала-бы думать о стороннихъ людяхъ. Да будетъ проклятъ тотъ часъ, который довелъ меня до преступленія и заслуженной кары, которая исчезла-бы сейчасъ, еслибъ мы обвѣнчались, но ты не можешь повѣрить мнѣ, что чары, превратившія меня въ старца, спадутъ съ женитьбою.

— Конечно, этому никто не повѣритъ—отвѣчала Катиге.

— Ты права, потому что я до настоящаго времени не говорилъ тебѣ, какъ все это случилось, но теперь когда мы пустимся въ отдаленный край и кто знаетъ, можетъ быть будемъ разлучены навсегда, я тебѣ расскажу, что послужило виною превращенія меня въ дряхлаго и безобразнаго старика. Насъ было два брата. Меньшаго звали Адилемъ. Оба мы были чрезвычайной красивыми молодыми людьми и пользовались особеннымъ братскимъ расположеніемъ къ намъ своего султана, который до безумія любилъ свою наложницу Армазану и позволялъ ей смотрѣть на насъ, какъ на своихъ братьевъ. Армазана, дѣйствительно, нѣкоторое время обращалась съ нами такимъ образомъ, но потомъ ее соблазнилъ злой духъ и она начала такъ дѣйствовать съ нами, что мы увлеклись и забыли свои обязанности къ монарху. Впрочемъ все это оставалось въ глубокой тайнѣ до того времени, пока арапъ Боргутъ, служившій жокеемъ при Армазанѣ, не влюбился въ нее и началъ слѣдить за нею, какъ тѣнь. Естественно, что при такихъ условіяхъ наши отношенія къ одалычкѣ

выяснились передъ нимъ во всей наготѣ. Хитрый слуга, безъ сомнѣнія, обрадовался этому и при первомъ удачномъ случаѣ началъ навязывать ей свою любовь. Армазана ужасно разгнѣвалась и не зная, что это чудовище владѣть напею общею тайною, пожаловалась повелителю своему. Призванный Боргутъ умѣлъ отговориться на томъ основаніи, что одалычка хотѣла подвести его къ висѣлицѣ, изъ желанія освободиться отъ человѣка, знающаго ея позорное поведеніе. Причемъ онъ разсказалъ все, видѣнное собственными глазами. Царь Брахманъ нахмурилъ брови и рѣшилъ лично убѣдиться въ доносѣ—и, конечно, въ самомъ непродолжительномъ времени ему удалось убѣдиться въ справедливости заявленія Боргута. Армазана начала умолять о пощадѣ, по падишахъ, не обращая на слезы ея ни малѣйшаго вниманія, приказалъ намъ выйти на дворъ и, прошептавъ какія-то таинственныя слова, превратилъ насъ обоихъ въ безобразныя старцевъ. Послѣ этого онъ, хотя и убѣдился, что мы были соблазнены Армазаною, но помочь бѣдѣ не было въ его власти.

— Жаль мнѣ васъ—добавилъ онъ—но я ничего не могу сдѣлать вамъ, кромѣ обезпечить васъ хорошимъ состояніемъ и предложить выѣхать изъ царства моего. Но да будетъ вамъ извѣстно, что видъ старости и безобразія вашего исчезнетъ въ тотъ день, когда вывступите въ бракъ съ молоденькими хорошенькими дѣвками.

Намъ выдали по 50 т. червонцевъ и выпроводили за границу царства. Здѣсь мы обнялись съ братомъ и разошлись въ различныя стороны въ надеждѣ отыскать невѣсть, чтобы принять свой первобытный видъ. Но, увы, всѣ дѣвушки, къ которымъ я лично, или черезъ посредство свахъ, обращался, съ хохотомъ отказывались. Тогда я рѣшилъ путешествовать и отыскалъ тебя случайно. Остальное тебѣ самой извѣстно. Такимъ образомъ знай, милая Катиге, что предъ тобою стоитъ молодой человѣкъ въ образѣ старика и образъ этотъ исчезнетъ, какъ только мы перевѣнчаемся.

— Вѣрю, вѣрю, Аталинь, твоему разсказу, но я не рѣшусь ни на что, пока не найду сестры моей Фатьме.

Въ такомъ случаѣ мы немедленно поѣдемъ вмѣстѣ на островъ Суматру.

И, дѣйствительно, Аталинь приказалъ нанять судно, на которое въ тотъ же день взошелъ съ Катиге и пустился въ океанъ. Долго они ѣхали спокойно, но лишь только начались сильныя бури, трусливый шкиперъ рѣшилъ войти въ бухту какого-то неизвѣстнаго ему острова. Какъ только мы спустили якорь и вздумали отдохнуть, съ берега двинулось къ намъ нѣсколько десятковъ лодокъ, нагруженныхъ странными людьми. Вскочивъ на судно, они безотлагательно плѣнили всѣхъ молодыхъ людей и показывали къ намъ какое-то отвращеніе, но когда увидѣли Аталину, испещреннаго глубокими морщинами, и старую слугу Катиге, то пали передъ ними на колѣна и начали цѣловать руки и ноги ихъ

и удивляться ихъ безподобной красотѣ. Вслѣдъ за ними прибывшій царь тоже самое выразилъ передъ Аталиномъ, а старуху служанку назвалъ первую красавицею міра и изъявилъ согласіе на вступленіе съ нею въ бракъ. Когда же подвели къ нему красавицу Катиге, онъ началъ плевать, изумляться ея безобразію и приказалъ раздѣть ее до гола и обратить въ свинопастеу.

— Не будь такимъ жестокимъ — сказалъ Аталинъ — моя дочь не выдержитъ такой жизни и умереть.

— Въ такомъ случаѣ мы ради твоей богоподобной красоты прикажемъ ей удалиться какъ можно дальше отъ глазъ нашихъ, чтобы не чувствовать позыва къ рвотамъ. Иди же ты за мною сейчасъ, потому что я хочу удивить тобою мою старшую жену.

Часъ спустя Аталинъ введенъ былъ во дворецъ и представленъ отвратительной съ вида старухѣ.

— Неужели само солнце спустилось къ намъ на землю? вскрикнула она, бросаясь къ нему на шею. О великолѣпнѣйшій изъ смертныхъ, о ни съ кѣмъ не сравненный красавецъ! и она начала душить бѣднаго Аталина. Затѣмъ она потянула его въ свою спальню и начала изъясняться въ безумномъ увлеченіи и просить его симпатіи.

Аталинъ отскочилъ отъ нея съ громкимъ смѣхомъ.

— Ты, вѣроятно, потеряла свой рассудокъ — сказалъ онъ — могу ли я чувствовать къ тебѣ что-нибудь сердечное при твоёмъ безобразіи.

— Ахъ, ты дерзкій и ты смѣешь сказать это царицѣ и первой красавицѣ въ мірѣ? О это не стерпимо и я, не смотря на мою безпредѣльную любовь, должна наказать тебя. Эй слуги! — крикнула она — возьмите этого дерзкаго и бросьте въ туже тюрьму, въ которую ввержень былъ на прошлой недѣлѣ подобный ему красавецъ! Сказавъ это, она зарыдала и начала проклинать тотъ несчастный часъ, въ которой родилась на Божій свѣтъ.

Аталина повлекли въ темницу, но каково было изумленіе его, когда онъ встрѣтилъ здѣсь брата своего Адиля.

Горемычные братья бросились другъ къ другу въ объятія и начали рассказывать о всемъ совершившемся съ ними со времени разлуки. Оказалось, что и Адиль такъ точно, какъ и братъ его случайно повстрѣчался съ одною хорошенькою дѣвицею, которую принялъ въ свой домъ и служилъ ей отъ всего сердца въ надеждѣ снискать ея благорасположенность, но и ей вдругъ приснился сонъ, что она найдетъ сестру свою на островѣ Суматрѣ и тамъ ей Богъ укажетъ на того, кто долженъ быть ея мужемъ.

— Не желая отказать ей въ просьбѣ, я привезъ ее сюда, но мы были захвачены въ плѣнъ и свезены на берегъ. Что стало затѣмъ съ моею невѣстою, я не знаю, но отъ меня царица этого острова начала требовать любви, а когда я высказалъ свое неудовольствіе, то свели въ тюрьму.

Братья начали утѣшать другъ друга и молиться Богу, чтобы онъ смилостивился надъ ними. Такъ прошло нѣсколько дней. Однаж-

ды, когда они стояли на молитвѣ, двери тюрьмы открылись и ихъ пригласили слѣдовать на дворъ. Братья очутились на эстрадѣ и увидѣли, что имъ начали воздавать божескія почести. Но лишь только окончились эти церемоніи и запѣли священныя гимны, Адиль и Аталинь внезапно возвратились въ первобытное состояніе, т. е. превратились въ прекрасныхъ молодыхъ людей. Всѣ присутствующіе бросились бѣжать, а на сценѣ появились Катиге и Фатьме. Увидѣвъ другъ друга, сестры съ криками радости бросились другъ къ другу на шею, не понимая, какими судьбами очутились вмѣстѣ въ отдаленной странѣ. Но несравненно больше были поражены, когда тутъ же замѣтили тѣхъ молодыхъ людей, которые имъ снились въ качествѣ жениховъ.

— Ну, Катиге—сказаль тѣмъ временемъ подошедшій Аталинь, посмотри на меня, похожъ ли я на того старика, которымъ былъ нѣсколько часовъ тому назадъ?

— Какъ неужели это ты былъ? О въ такомъ случаѣ ты былъ моимъ суженымъ другомъ и милостивому пророку хотѣлось обрадовать меня возвращеніемъ тебя въ первообразъ твой—и она прижалась къ груди его.

Тоже сказалъ и Адиль обожаемой Фатьме.

Когда миновали первые восторги, братья, не видя никого на островѣ, направилсь къ своему судну, которое по прежнему стояло въ бухтѣ. Радость ихъ не имѣла предѣловъ, когда они встрѣтили на берегу всѣхъ почти матросовъ и капитана, возившихся около лодки. Часъ спустя счастливы подняли паруса и при крикахъ алахъ! отплыли обратно въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ преданные слуги.

Халима прекратила рассказъ свой не потому, что не могла продолжать его еще на нѣсколько часовъ, но потому что Айдинъ былъ утомленъ сегодня и ему необходимо было заснуть.

На слѣдующій вечеръ султанъ вновь изъявилъ желаніе послушать свою милую подругу.

— О, повелитель мой, я ужасно боюсь надоѣсть тебѣ—отвѣчала Халима, но если ты непременно желаешь этого, я раболѣпно исполню твою волю.

— Сегодня я желаю больше, чѣмъ когда-либо слышать твой голосъ. Если же тебѣ самой наскучило забавлять меня, то я даю тебѣ слово долго не тревожить тебя послѣ сегодняшняго рассказа.

— Султанъ, напрасно ты оскорбляешь меня твоими ласковыми словами, потому что для тебя я не устану вѣчно говорить. Слушай же: одинъ купецъ въ городѣ Бастрѣ, по имени Нухимъ, нашедъ свое состояніе въ достаточномъ количествѣ, рѣшился прекратить торговлю свою и переѣхать въ маленькій уютный домикъ, чтобы предаться молитвѣ и добрымъ дѣламъ. У него была единственная дочь Респина, которая вполне гармонировала стремленіямъ отца и положила не мечтать о замужствѣ, пока будетъ жить ея покровитель. Къ несчастію ей недолго пришлось наслаждаться тихою жизнію, потому что со смертію отца пришлось по

необходимости выходить замужъ. Респина избрала въ мужья чрезвычайно добраго и очень богатаго сосѣда своего Тамина, который занимался также торговлею, вслѣдствіе чего довольно часто отлучался въ отдаленныя страны за товарами. Вышедъ за него замужъ, она скоро забыла свои прежнія излюбленныя мечты и до того предалась мужу, что не могла насытиться своимъ удовольствіемъ. Черезъ годъ Таминъ сказалъ женѣ, что время ему ѣхать въ Индію за товарами.

— А развѣ этого ты не можешь поручить твоимъ прикащикамъ? спросила Респина съ скорбію.

— Нѣтъ, дорогая, никто изъ нихъ не сдумѣетъ сдѣлать для меня такъ, какъ я желаю.

— Въ такомъ случаѣ и я послѣдую за тобою.

— Это немислимо, потому что поѣздка верхомъ длится болѣе мѣсяца и крайне утомительна даже для мужчинъ.

— Съ кѣмъ же я останусь? Кто будетъ смотрѣть за твоимъ имуществомъ?

— Я попрошу брата моего Равана замѣстить меня. Онъ очень добрый и надѣюсь, что будетъ служить тебѣ отъ всей души.

Респина проплакала всю ночь, но видя невозможность сдѣлать по своему желанію, подчинилась необходимости и Таминъ, напугуемый благословеніями жены, уѣхалъ.

Раванъ, сдѣлавшись хозяиномъ въ домѣ и бесѣдуя постоянно съ прелестною невѣсткою своею, началъ чувствовать къ ней симпатію, которая вскорѣ перешла въ безумную любовь. Респина, замѣтивъ это, просила его не забывать заповѣдей Божьихъ и побольше молиться. Раванъ воздержался еще нѣкоторое время, но потомъ началъ требовать отъ молодой женщины взаимной любви. Респина возмутилась такою дерзостію и грозила пожаловаться кадію. Раванъ ужаснулся и вполне увѣренный, что она не скроетъ его поступковъ отъ мужа, порѣшилъ предупредить скандалъ изгнаніемъ Респины изъ дома и довести его до гибели. Для достиженія преступной цѣли онъ подговорилъ одного изъ знакомыхъ своихъ назвать себя любовникомъ Респины, а для большей вѣры вести его тайно въ опочивальню брата и захватить въ присутствіи четырехъ свидѣтелей.

Респина, не подозрѣвая ничего подобнаго, по прежнему постоянно молилась Богу, прося Его поскорѣ возвратить къ ней дорогаго мужа. Но однажды, когда она по обыкновенію пробудилась предъ свѣтомъ и положила передъ собою святую книгу, въ комнату ея ворвался Раванъ съ нѣсколькими сторонними лицами и началъ допрашивать, гдѣ она скрыла возлюбленнаго? Не ограничиваясь этимъ дерзкимъ вопросомъ, онъ началъ открывать сундуки и переходить въ сосѣднія комнаты, а въ заключеніе вытаскилъ изъ подъ софы молодаго краснаго мушкетера, котораго съ громкимъ смѣхомъ увелъ за собою. Всю эту комедію Респина поняла только на другой день, когда ее вызвалъ кадій и, обвинивъ въ развратѣ, присудилъ закопать по горло въ землю.

Несчастливая женщина клялась всеми святостями въ невинности своей, но ее никто не хотѣлъ слушать. Такимъ образомъ рѣшеніе кадія приведено было въ исполненіе; Респину увезли въ лѣсъ и закопали. Къ счастью ея въ это время проѣзжалъ одинъ изъ враждебныхъ правительству Арабовъ и, узнавъ, за что она предана такимъ страданіямъ, выкопалъ ее и, посадивъ за сѣдло, привезъ въ палатку свою и сдалъ женѣ. Эта послѣдняя, вполне убѣдившись въ благочестіи Респины, приняла ее съ большимъ участіемъ и, поселивъ въ отдѣльной палаткѣ, дѣлилась съ нею всѣмъ, что имѣла лучшаго въ распоряженіи своемъ. Словомъ эти двѣ женщины жили между собою, какъ сестры и радовались случайной встрѣчѣ. Тѣмъ временемъ одинъ изъ слугъ шейха, по имени Карибъ, влюбился въ Респину и началъ дѣлать ей неприличные предложенія. Молодая женщина ограничивалась однимъ презрѣніемъ и всегда выгоняла его изъ палатки своей, когда онъ дерзалъ войти къ ней. Это ужасно возмутило Карибу и онъ рѣшился наказать непокорную красавицу. Подумавъ немного, онъ рѣшилъ убить маленькаго сына своего господина и обвинить въ убійствѣ несчастную Респину, которая постоянно любила возиться съ этимъ мальчикомъ. Воспользовавшись однажды отсутствіемъ хозяевъ, онъ закололъ малютку и окровавленный ножъ подложилъ подъ постель Респины. Понятно, что этимъ способомъ ему не трудно было обвинить невинную женщину. Респина клялась, что никогда не думала отплатить благодѣтелямъ своимъ такимъ ужаснымъ образомъ и что это навѣрно сдѣлано однимъ изъ враговъ ея съ цѣлью обвинить ее. Шейхъ, выслушавши гостью свою, сказалъ ей.

— Да будетъ Аллахъ твоимъ судьей, если ты посягнула на кровь невиннаго ребенка, но я не могу больше держать тебя въ своемъ дворѣ, чтобы не растравлять раны душевной. Тебѣ жена дастъ на дорогу денегъ, а я попрошу оставить насъ навсегда.

— Не стану возражать тебѣ, шейхъ, но еще разъ клянусь землею и насущнымъ пропитаніемъ моимъ, что я любила твоего сына, какъ мать, и скорблю о немъ не меньше тебя самого. Моя рука никогда не лишала жизни даже козявки. Повторяю, Богъ великъ и Онъ рано или поздно укажетъ тебѣ настоящаго убійцу твоего милаго сына! Прошай! да хранить васъ Аллахъ на многія лѣта—и, зарыдавъ горькими слезами, Респина пошла по первой тропинкѣ, попавшейся ей на глаза.

Нѣсколько дней спустя горемычная женщина вошла въ какой-то городъ и попросила у первой встрѣченной старухи ночлега. На слѣдующій день она вышла на улицу и начала думать, куда ей слѣдуетъ идти, чтобы встрѣтиться съ мужемъ. Въ это время полицейскіе служители вели какого-то молодаго человѣка на висѣлицу.

— За что онъ осужденъ на смерть въ такія молодыя лѣта? спросила Респина.

— Онъ долженъ 20 червонцевъ одному почтенному хаджи и не можетъ заплатить, а у насъ принято жестоко наказывать всѣхъ тѣхъ, которые занимаютъ деньги съ цѣлю воспользоваться ими или проще мы не щадимъ тѣхъ, которые плутовски грабятъ ближнихъ и такимъ образомъ лишаютъ довѣрія, крайне необходимаго въ средѣ народа.

— Законы ваши мудры—отвѣчала Респина, но мнѣ все таки жаль этого человѣка и я не прочь выкупить его въ славу пророка.

— Вотъ человѣкъ, которому онъ долженъ—сказала полицейскій, заплати ему 20 червонцевъ и мы отпустимъ негодяя.

Респина вынула изъ кармана послѣднія деньги свои и, отдавъ ихъ, кому слѣдовало, быстро направилась въ одинъ изъ проулковъ, чтобы избѣгнуть народной оваціи и благодарностей со стороны спасеннаго, но какъ только она очутилась въ степи, спасенный ею человѣкъ нагналъ ее и началъ цѣловать руки и ноги.

— О, я буду твоимъ рабомъ—кричалъ онъ—до того времени, пока не возвращу дома моего.

Респина просила его не придавать никакого значенія ея поступку и забыть его. Въ это время молодой человѣкъ взглянувши на ея красивое лицо и прелестный станъ, вообразилъ, что онъ былъ выкупленъ Респиною съ другою цѣлю, и началъ ласкаться около нея и превозносить ея красоту, а въ заключеніе объясняться въ любви.

Молодая женщина вновь начала просить его возвратиться домой и оставить ее въ покоѣ.

— Ни за что я не отойду отъ моей спасительницы! вскринулъ онъ. Ты спасла меня отъ смерти и должна быть до конца милостива.

— О дерзкій и неблагодарный человѣкъ—отвѣчала Респина—неужели ты желаешь, чтобы я пожалѣла о томъ добромъ дѣлѣ, которое мнѣ пришлось сдѣлать случайно?

— Я ничего не думаю теперь, потому что ты приковала мое сердце и заставишь лишиться ума, если не сдѣлаешься моею женою.

— Замолчишь ли ты, негодяй! возразила Респина и, плюнувъ въ лице нахалу, быстро запагала къ морской пристани, гдѣ надѣялась сѣсть на корабль, чтобы направиться къ берегамъ Индіи.

Такое обращеніе женщины оскорбило ловеласа Канура и онъ рѣшился отомстить своей спасительницѣ. Прибѣжавъ раньше ея на пристань, онъ обратился къ одному изъ шкиперовъ съ предложеніемъ купить у него въ неволю жену, которая задумала отъказаться отъ него и бѣжать въ чужія страны, чтобы вести свободную жизнь.

— Гдѣ же она? можно будетъ предварительно посмотрѣть?

— Вонъ она идетъ.

Шкиперъ съ перваго взгляда плѣнился Респиною и безъ торга заплатилъ Кануру 50 червонцевъ съ тѣмъ, что онъ самъ овладѣетъ ею.

Бездѣльникъ, чтобы доказать шкиперу свои права на молодую женщину, подошелъ къ ней и вновь началъ умолять ее не покидать его. Потомъ предалъ проклятію и громогласно заявилъ, что продать ее, какъ негодную жену въ невольницы и отнынѣ будетъ считать себя счастливымъ, что избавился отъ чудовища.

Только что онъ окончилъ эти слова, шкиперъ съ матросами своими набросился на Респину и, не слушая объясненій ея, увлекъ на судно, которое сейчасъ же снялось съ якоря. Естественно, что шкиперъ, считая Респину своею собственностію, съ перваго же дня возмечталъ сдѣлать ее своею одалычкою, но встрѣтивъ со стороны ея геройское сопротивление, началъ обращаться ласково и предупредительно. Когда же и эта хитрость не привела ни къ чему, онъ перешелъ къ угрозамъ, а въ заключение къ насилію.

— Даю тебѣ срокъ только до завтра—сказалъ ей шкиперъ въ ожесточеніи, а затѣмъ я прибѣгну къ такимъ мѣрамъ, которыя докажутъ тебѣ, что каждый пользуется своею собственностію по личному желанію.

— Дѣлай, какъ знаешь—отвѣчала Респина, заливаясь слезами, но да будетъ тебѣ извѣстно, что я никогда не отдамся тебѣ добровольно и скорѣе соглашусь умереть съ честью, чѣмъ остаться жить порочною.

Пока шкиперъ готовилъ всѣ средства къ достиженію преступной мечты, на океанѣ поднялась буря и постепенно дошла до такихъ размѣровъ, что всѣ начали трепетать за жизнь свою. Шкиперъ ужасно сердился, но не могъ оставить ни на минуту своихъ обязанностей. Волненіе океана, между тѣмъ все болѣе усиливалось и кончилось все тѣмъ, что однажды ночью судно ихъ ударилось объ что-то твердое и разлетѣлось въ щепки. Что стало съ людьми—неизвѣстно, но Респина по какой-то странной случайности очутилась на землѣ, усаженной превосходными растеніями. На слѣдующій день ее обступили нѣсколько человѣкъ и начали допрашивать, кто она и какимъ образомъ попала сюда. Потомъ представили ее къ высшимъ властямъ, а въ концѣ концовъ къ царицѣ всей этой благодатной земли. Респина съ первой же минуты понравилась государынѣ, которая, приблизивъ ее къ особѣ своей, скорѣе сдѣлала своимъ первымъ министромъ и призвала наслѣдницею своею.

Благочестивой женщинѣ, очутившейся на такой высотѣ, не трудно было увѣрить народъ въ своихъ высочайшихъ качествахъ и заставить всѣхъ благоговѣть передъ нею. Три мѣсяца спустя царица умерла и по единогласному желанію гражданъ столицы возведена была на престолъ Респина. Когда покончились всѣ праздники и королева уединилась, ей невольно пришелъ на память мужъ, котораго она не переставала любить, и затѣмъ все испытанное въ минувшемъ. Воспоминанія эти вызвали у ней горькія слезы.

Въ эту минуту вошла къ ней одна изъ старыхъ болѣе предан-

ныхъ фрейлягъ, по имени Эбана, и заботливо спросила о причинѣхъ грусти. Респина не сочла нужнымъ скрыть отъ ней истины и начала просить посовѣтовать, какъ поступить, чтобы хоть разъ встрѣтиться со всѣми этими людьми.

— Этого не трудно достигнуть—отвѣчала Эбана. Видишь ли, я знаю одно лекарство, которое окончательно излечиваетъ всѣ болѣзни. Если же ты пошлешь нарочныхъ въ твое отечество съ заявленіемъ, что всѣхъ будешь лечить бесплатно, то нѣтъ сомнѣнія, что многіе пріѣдутъ оттуда и мы легко узнаемъ и о твоёмъ мужѣ, и о братѣ его, и другихъ.

— Твоя мысль прекрасная—сказала Респина и въ тотъ же день сдѣлала такъ, какъ посовѣтовала ей Эбана.

Прошло нѣсколько недѣль и къ Респинѣ начали появляться хромые, слѣпые и другаго рода люди съ неизлечимыми недугами, которымъ она съ помощію Эбаны возвращала полное здоровье; но увы никто изъ этихъ людей не слыхалъ ни о Таминѣ, ни объ остальныхъ извѣстныхъ ей лицахъ.

Въ одно время царица сидѣла на балконѣ и рассматривала входящихъ въ дворъ ея больныхъ. Вдругъ она увидѣла мужа своего, ведущаго за руку жестокаго Равана, а вслѣдъ за ними шеиха, сопровождавшаго съ нѣсколькими слугами Кариба и Канура.

— Наконецъ-то смиловался надо мною аллахъ! вскрикнула она и, съ сердечнымъ біеніемъ набросивъ на голову чадру, вышла къ больнымъ и, посадивъ ихъ всѣхъ, начала расспрашивать болѣзни и причины явленія ея.

Первымъ отвѣчалъ Таминъ.

— Это родной братъ мой Раванъ, которому я при отъѣздѣ въ Индію поручилъ мой домъ и жену, но послѣдняя за позорное поведеніе была осуждена на казнь. Несчастный братъ мой, зная, какъ я любилъ мою Респину, до того началъ плакать и томиться этимъ событіемъ, что ослѣпъ. Вотъ съ нимъ-то я и прибылъ, чувствуя себя обязаннымъ позаботиться о немъ.

— И ты убѣжденъ, что жена твоя была виновна? спросила Респина.

— Нѣтъ, мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы благочестивая женщина, рожденная отъ благочестивыхъ родителей, могла быть способна на такіа грязности, но показанію свидѣтелей я не вправѣ не вѣрять.

— Твой братъ будетъ завтра же видѣтъ, но ты скажи ему предварительно, что исцѣленіе его зависитъ отъ чистосердечной и полнѣйшей исповѣди передо мною. Если же онъ въ чемъ-либо солжетъ, то я не дамъ ему моего лекарства и онъ возвратится такимъ, какимъ прибылъ сюда. Ты приведешь его завтра ровно въ полдень.

Респина обратилась къ шеиху.

— А тебѣ что надобно? спросила она.

— Я привелъ къ тебѣ моего вѣрнѣйшаго и преданнаго слугу, который до безумія любилъ моего маленькаго сына, неизвѣстно

къмъ убитаго около шатра моего. Эта смерть до того повліяла на него, что онъ еженедѣльно впадаетъ въ бѣшенство и старается убить себя.

— Приведи его завтра въ полдень, я излечу его, но, конечно, съ тѣмъ условіемъ, что онъ откровенно расскажетъ мнѣ все, что ему извѣстно по этому печальному событію.—А этотъ молодой человѣкъ чѣмъ страдаетъ? спросила царица, посмотрѣвъ на Канура.

— Онъ оглохъ на оба уха и умоляетъ всѣхъ, чтобы сжалиться надъ нимъ.

— Передайте и ему, что я изцѣлю его, если онъ расскажетъ, послѣ чего почувствовалъ болѣзнь и что по его мнѣнію послужило поводомъ къ этому.

Когда всѣ эти люди вышли со двора, Респина бросилась въ объятія Эбаны и, назвавъ ей поименно каждого изъ наказанныхъ Богомъ злыхъ людей, благодарила ее за удачный совѣтъ, представившій ей случай оправдаться не только передъ мужемъ, но и передъ сторонними лицами, подозрѣвавшими ее въ неблагоуверности.

— Эбана—прибавила она—я желаю принять всѣхъ этихъ людей въ моей тронной залѣ, при самой роскошной обстановкѣ съ цѣлю доказать злодѣямъ, что Господь ничего не щадитъ для праведныхъ или не провинившихся предъ Нимъ и что всѣ людскія насилія и несправедливости только временно могутъ приносить намъ обиды. Я также докажу мужу моему, что ни въ горести, ни въ счастіи не забывала его ни на минуту и не забуду до тѣхъ поръ, пока это зависитъ отъ меня.

Эбана одобрила желаніе повелительницы своей и приготовила все, какъ ей угодно было.

На слѣдующій день въ блистающую золотомъ и драгоценными камнями тронную залу введены были Таминъ съ Раваномъ, шеихъ съ рабомъ и Кануръ.

— Тебя, кажется, зовутъ Кануромъ? спросила изъ подъ густой вуали царица, вызвавъ послѣдняго къ ступенямъ трона. Расскажи мнѣ причину твоей глухоты.

— О, великая царица, я продалъ въ неволю одну женщину, которая выкупила меня изъ рукъ палачей. Этотъ поступокъ заставилъ меня постоянно бить себя по головѣ до того времени, пока я оглохъ.

— Ты сказалъ совершенную правду и получишь исцѣленіе сейчасъ, а завтра увидишь передъ собою и ту женщину, которую хотѣлъ погубить за то, что она не хотѣла измѣнить своему мужу. Сказавъ это, она приказала оруженосцу своему отвести Канура къ Эбанѣ для исцѣленія.—Ну, а ты Карибъ въ чемъ повиненъ, что Аллахъ наказалъ тебя твоимъ недугомъ?

— О, великая царица—вскрикнулъ арабъ—я имѣлъ неосторожность влюбиться въ одну молодую женщину, но не встрѣтивъ

съ ея стороны сочувствія, рѣшился погубить ее и за это, вѣроятно, наказаль меня пророкъ.

— Какимъ же это образомъ ты достигъ своего злаго умысла?

Карибъ повернулся съ трепетомъ къ стоящему около него шейху.

— Говори, иначе я сама расскажу всѣ подробности твоего поступка! сказала Респина.

Арабъ вынужденъ былъ признаться.

— О, злодѣй! завопилъ шейхъ—а ты между тѣмъ доказывалъ мнѣ, что сына моего убила благочестивая Респина.

— Прости, господинъ, моему безумію. Респина получила мой разсудокъ и я сдѣлалъ поступокъ, за который достаточно наказанъ.

— Лжешь, злодѣй! для тебя надобна смерть и я поражу тебя тѣмъ-же самымъ кинжаломъ.

— Шейхъ—остановила его Респина—ты за зло хочешь вознаградить себя грѣхомъ, который лишаетъ тебя рая. Совѣтую тебѣ подумать объ этомъ получше и вспомнить, что милостивые только пользуются благами будущей жизни. Но объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить и послѣ. Сдѣлавъ знакъ отвести Кариба къ Эбанѣ для уврачеванія, царица вызвала къ трону Равана и приказала ему самымъ подробнымъ образомъ разсказать, какимъ образомъ онъ обращался съ Респиною и какъ она измѣнила своему мужу.

— Я готовъ все открыть передъ тобою, великая царица, но съ тѣмъ, чтобы ты удалила отсюда брата моего.

— Видно ты обмануль его, что боишься его присутствія. Но если ты станешь упорствовать, то я сама расскажу всю правду и тогда ты останешься навсегда слѣпымъ.

Раванъ началъ мяться, но въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ чистосердечно сознаться во всемъ.

— О варваръ! замычалъ Таминъ—вмѣсто того, чтобы тебя закопать живымъ около жены моей, я привезъ тебя съ цѣлью излечить отъ слѣпоты. Ради Бога, повелительница, не давай ему помощи, такъ какъ онъ достойно наказанъ за поступокъ свой.

При этихъ словахъ царица прослезилась и отвѣтила:

— Грѣшно родному брату желать страданія своей крови. Повѣрь, что Богъ знаетъ лучше насъ, что дѣлать и, безъ сомнѣнія, вознаградить тебя за потерю доброй жены. Чтобы доказать это, я первая предлагаю тебѣ лучшую изъ дѣвицъ моего царства и обѣщаю самое высокое положеніе. Отвѣчай мнѣ, готовы ли ты уврачевать рану души твоей этимъ средствомъ?

— Нѣтъ, государыня, послѣ моей Респины всѣ женщины покажутся мнѣ странными и малоумными. Извини мнѣ за это выраженіе, но я не скрываю отъ тебя моихъ чувствъ. Нѣтъ, я предпочитаю жить одними воспоминаніями моего былого счастья и проклинать тотъ часъ, когда разстался съ нею. Авось пророкъ соединитъ меня съ нею въ будущей жизни.

— Скажи мнѣ, Таминъ, былъ-ли бы ты счастливъ, еслибъ увидѣлъ Респину твою живою?

— Ты говоришь, повелительница, невозможныя вещи.

— То, что невозможно для людей, то ничтожно для Бога, а чтобы доказать тебѣ это, посмотри на меня—сказавъ это, она откинула вуаль.

Таминъ ахнулъ и упалъ къ ногамъ ея.

Респина спустилась съ трона и, поднявъ его, своеручно повела за собою въ свои комнаты и радостямъ ихъ не было предѣла.

На слѣдующій день царица щедро одарила шеиха, который далъ ей пріютъ въ своей палаткѣ и спасъ отъ смерти, а всѣмъ остальнымъ приказала праздновать по столицѣ радость возвращенія мужа ея и оказать пособія всѣмъ бѣднымъ.

Айдинъ, выслушавъ жену, началъ благодарить ее.

— Кромѣ моей благодарности — сказалъ онъ — тебѣ должны кланяться всѣ матери и взрослые дѣвушки моего царства за то, что первымъ ты спасла дѣтей, а вторымъ жизнь. Я же съ своей стороны отблагодарю тебя тѣмъ, что прикажу чтить тебя, царицей и благодѣтельницей женщинъ, непощадившей своей жизни для спасенія другихъ.

Халима прильнула къ рукѣ султана и, вытирая слезу радости, отвѣчала, что она достаточно вознаграждена имъ и ничего болѣе не желаетъ, какъ любви своего монарха.

К О Н Е Ц Ъ .

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY PAIR>

32101 025938810

